

364

Государственный археологический музей-заповедник "Костенки"

Рогачевские чтения: музей, археология, история

Выпуск 1

96
335

Департамент культуры Воронежской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Государственный археологический музей-заповедник «Костенки»

РОГАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

МУЗЕЙ, АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции,
приуроченной к 30-летию
музея-заповедника «Костенки»
(г. Воронеж; Воронежская область,
с. Костенки, 26-27 августа 2021 г.)

Воронеж
Полиграфический центр
«Пресс-Бургер»
2021

УДК 908 (470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)
Р59

Редакционная коллегия:
Толстых Д.С., Пустовалов А.Ю.,
Кондаурова Т.В., Шершень И.В.

Р59 **Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки»**
/ под ред. Д.С. Толстых; «Государственный археологический музей-
заповедник «Костенки». – Вып. 1. – Воронеж : Полиграфический центр
«Пресс-Бургер», 2021. – 296 с.
ISBN 978-9059-2836-9

В сборнике опубликованы труды международной научно-практической кон-
ференции «Рогачевские чтения: музей, археология, история», приуроченной к
тридцатилетию музея-заповедника. В состав сборника вошли статьи по музейному
делу, археологии и истории. Для археологов, историков, специалистов по музей-
ному делу, а также всех интересующихся.

Материалы публикуются в соответствии с файлами-оригиналами, представ-
ленными авторами.

УДК 908 (470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)

*На 1-й странице обложки – Процесс раскопок первого (музейного)
комплекса Ia слоя стоянки Костенки 11 в 1969 году.
Научный архив ИИМК РАН;
Обложка - Чертеж первого (музейного) комплекса Ia слоя
стоянки Костенки 11. Личный архив В.В. Попова*

© «Государственный археологический
музей-заповедник «Костенки», 2021

© Изд. оформление.
Полиграфический центр
«Пресс-Бургер», 2021

ISBN 978-9059-2836-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ, ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	
Бакина Н.Е. Египетские древности в Воронежском областном художественном музее им. И.Н. Крамского. История коллекции	10
Захарова Е.Ю., Такмаков В.И. Археологический музей ВГУ: прошлое, настоящее, будущее.....	17
Котлярова И.В. Создание музея-заповедника в Костенках: от идеи до воплощения.....	22
Ле Вьет Ха, Чан Нгуен Вьет Ань Повышение деятельности музея в развитии туризма во Вьетнаме.....	29
Палий А.А. Опыт 3D-моделирования предметов археологии из коллекции художественного музея	38
Сарапулкина Т.В. К вопросу об интерпретации и показе археологических памятников при их музеефикации	43
Смородинов Н.В. Эстетические проблемы археологических экспозиций	50
Сухопарова Е.Н. Музей-заповедник «Палеолит»: история музеефикации верхнепалеолитической стоянки Юдиново	54
Чекменев Ю.А. Из опыта реализации имитации жилища и производственного комплекса срубной культуры в археологическом парке «Аргамач»	62
Шалахов Е.Г. Юринская стоянка: к проблеме музеефикации памятника	65
Шершень И.В. Основные направления развития археологического музея-заповедника «Костенки» в контексте современных музейных парадигм	68

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Байбородина М.А., Ермаков А.В. Иркутский период в научной биографии и археологических исследованиях И.С. Полякова	82
Мамац-ипа Р.У. Вклад Л.Н. Соловьева в изучение палеолита Абхазии	91
Пахомов Р.В. Изучение стоянки Костенки 1/верхний слой в начале XX в.	98
Платонова Н.И. Александр Николаевич Рогачев: ранние этапы биографии	103
Чубур А.А., Курлович П.С. Создатель археологических химер: карьера Владимира Будько	116
Щавелев С.П. А.Н. Рогачев об этике археолога	125

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Ахметгалеева Н.Б. «Примитивные» технологии расщепления и обработки кости в палеолите или немного о пересмотре старых музейных коллекций	132
Данильченко А.Ю., Ревина Е.И. Новые следы палеолита в Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону	140
Желтова М.Н., Лисицын С.Н., Степанова К.Н. Технология производства шлифованных каменных орудий в граветте Костенковско-Борщевского района	147
Иванов Я.Д. Решение вопроса о гомогенности нижнего культуросодержащего горизонта Хотылево I по данным технико-типологического анализа	158
Кузьминова Ю.В. Опыт планиграфического анализа стоянки Каменная балка I	163
Куприянова М.Д., Сеницын А.А. Особенности первичной обработки бивня в раннем верхнем палеолите: Костенки 14 слой IVb	174
Лада А.Р., Бессуднов А.А., Диннис Р., Сеницын А.А. Технология получения микропластин в индустриях ранней поры верхнего палеолита Костенок	182
Михиенко В.А. Особенности верхнепалеолитической индустрии из южной галереи Денисовой пещеры	188
Моисеев Н.Б. Находки останков мегафауны верхнего плейстоцена на Тамбовской равнине	194

Родионов А.М., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю. Технологии производства бифасов в начале верхнего палеолита Южной Сибири и Русской равнины, сырьевой аспект	208
---	-----

Федорченко А.Ю. К проблеме культурной и хронологической атрибуции украшений и костяного инвентаря начала верхнего палеолита Алтая	216
--	-----

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Арсенова Н.Е. Новые исследования городища «Михайловский кордон» на северной окраине г. Воронежа	226
Гурьянов В.Н. Следы жилищ роменской культуры на поселении Курово 6	230
Жданова Т.В. Вороножские поселения после Батыева нашествия: к вопросу заселения Дикого поля во второй половине XIII – XIV веках.	239
Мокшин Г.Н. Археологические поиски летописного Воронежа XII в.: история и современность	247
Стародубцев Г.Ю. Кистени гочевского курганного могильника	253
Цыбин М.В. Юго-восточное порубежье славянского мира в IX–XVII вв. (некоторые закономерности формирования)	259
Шинаков Е.А., Чубур А.А. О юго-восточной границе Северянско – Вятчско – Радимичского предгосударственного образования в середине – второй половине X в.	269
Яблоков А.Г., Тимошинова Е.О. Изучение керамической серии из раскопок 2020 года древнерусского поселения Ромашки 1 на р. Воронеж	276

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

Мишуков И.А. Служилое население Ольшанска, Сокольска, Доброго и их уездов в конце 70-х – 80-х гг. XVII в. (По данным годовых смет)	284
Список сокращений	289
Сведения об авторах	291

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2021 году исполнилось 30 лет с момента учреждения музея-заповедника «Костенки» - одного из самых известных и любимых посетителями учреждений культуры Воронежской области. Он сформировался на базе филиала Воронежского областного краеведческого музея в 1991 году, в создании которого огромную роль сыграл известный археолог, исследователь палеолита, сотрудник ЛОИА АН СССР Александр Николаевич Рогачев. Это была его идея создать над раскопанной и музеефицированной стоянкой Костенки 11 музей, который мог быть доступен для широких слоев населения. Воплощение этой идеи в жизнь оказалось делом сложным, потребовавшим от А.Н. Рогачева и его единомышленников невероятного терпения и настойчивости. Им приходилось преодолевать не только бюрократические препоны, неизбежные во всяком важном деле, но и откровенное неверие окружающих в необходимости создания такого необычного музея. В одном из писем 1969 года Александр Николаевич Рогачев написал пророческие слова: «Я убежден, что костенковский филиал музея будет важнейшим центром культурной жизни Воронежа, и горе тем, кто этого не понимает».

В память о выдающемся ученом и в юбилейный год 30-летия музея-заповедника было решено открыть цикл научно-практических конференций под названием «Рогачевские чтения: музей, археология, история». Впервые тематика музейной конференции выходит за рамки исследований только верхнего палеолита и предлагает к обсуждению гораздо более широкие темы, такие как история создания археологических музеев, проблемы музеефикации археологических памятников, юго-восточное порубежье славянского мира по данным археологии, комплексные исследования Белгородской защитной черты. Связано это с двумя обстоятельствами. Во-первых, музей «взрослеет», ему есть что сказать о своей деятельности и обменяться идеями с профессиональным музейным сообществом. Во-вторых, территория, на которой располагаются известные на весь мир верхнепалеолитические стоянки, обладает серьезным историко-культурным потенциалом, который требует научного осмысления и введения в культурный оборот. Здесь речь идет о знаменитых славянских памятниках роменско-боршевской археологической культуры VIII-X вв., находящихся в селе Борщево, а также о защитных сооружениях Белгородской черты XVII века, одним из которых был городок Костенск. Актуальность обращения к данной проблематике и детальной ее проработке обуславливается

разработкой проекта по созданию историко-культурного кластера «Костенки-Борщево-Архангельское» на территории, в том числе, и музея-заповедника «Костенки». Инициирование научной разработки данных тем со стороны музея представляется вполне серьезным и ответственным шагом, который должен способствовать решению практических задач в соответствии с традицией тактичного и бережного отношения к наследию.

Традиционно обширным и разноплановым выглядит раздел сборника, посвященный археологии верхнего палеолита. Это и неудивительно, ведь именно методы исследования верхнего палеолита в Костенках стали классикой русско-советско-российской археологии, а открытия, сделанные здесь учеными, навсегда вошли в базу знаний о древнейшем прошлом человечества. Одно из таких открытий в далеком 1960-м году и подтолкнуло к мысли А.Н. Рогачева о сохранении бесценного археологического наследия, изучения его и представления широкой публике.

Сотрудники музея благодарят всех участников конференции и всех авторов сборника «Рогачевские чтения: музей, археология, история» за отклик и надеются, что данный сборник будет полезен, как профессиональному сообществу, так и всем интересующимся.

**МУЗЕЕВЕДЕНИЕ:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ,
ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ
И РЕКОНСТРУКЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ**

*Первый (музейный) комплекс Ia слоя стоянки Костенки 11. 2021 год
Фото Д. Толстых*

Н.Е. Бакина

Воронежский областной художественный музей
им. И.Н. Крамского, Воронеж, РФ

ЕГИПЕТСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОМ ОБЛАСТНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИМ. И.Н. КРАМСКОГО. ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИИ

Собрание Воронежского художественного музея им. И.Н. Крамского складывалась задолго до его учреждения. Одной из старейших частей этого собрания является коллекция египетских древностей, собранная О.Ф. фон Рихтером в 1815 году. Возникнув на заре египтологии, она стала первой коллекцией древнеегипетских предметов в Российской империи. Небольшая в количественном отношении, изначально – около 130 предметов, она объединила предметы высокой художественно-исторической ценности. Рихтер предпринял свое путешествие в тот период, когда возможно было относительно свободно купить памятники высочайшего уровня. В коллекции представлены основные формы египетского искусства, главные боги египетского пантеона.

Фигура Отто Фридриха фон Рихтера (1791–1816) была предметом исследований эстонского египтолога С.А. Стадникова (1956–2015). Будущий путешественник родился «6 августа 1791 года в местечке Вастсе-Куусте, которое в то время носило также немецкое название Neu-Kusthof, в семье лифляндского земского советника О.М. фон Рихтера» [Стадников, 2003. С. 27]. Его домашним учителем был Густав Эверс, который позже, в 1818–1830 гг., стал ректором Дерптского Императорского университета. Свое образование Рихтер продолжил в Москве, Гейдельберге и Вене, где испытал влияние теоретика немецкого раннего романтизма Фридриха фон Шлегеля. Возможно, именно тогда у него возникла идея путешествия на Восток, чтобы воочию познакомиться с древнейшими культурами.

Путешествие, в котором его сопровождал лютеранский шведский проповедник Свен Фредрик Лидман, продолжалось около четырех месяцев (апрель – август 1815 года). К сожалению, разразившаяся межплеменная война помешала им дойти до территории древней Нубии, самой дальней точкой их путешествия стал город Каср Ибрим. Тем не менее, за короткое время исследователям удалось осмотреть древних памятников и сделать многочисленные

зарисовки. Необходимо отметить, что Рихтер и Либман были в числе первых европейцев, побывавших в этой области.

К сожалению, полностью записи Рихтера до сих пор полностью не изданы. Записи С. Лидмана, по сведениям, приводимым С.А. Стадниковым, хранятся потомками и не были изданы. Трудно переоценить значимость этих документов, будь они опубликованы.

По завершении экспедиции в августе 1815 года путешественники погрузили на корабль добытые артефакты и отправились в Яффу. Коллекция древностей была доставлена в Швецию, а уже оттуда прибыла в Дерпт. Рихтер, между тем, продолжил свое путешествие, побывав в Дамаске, Тире, Иерусалиме, Пальмире. Однако 13 августа 1816 года он скончался в Смирне (совр. Измир) по пути в русскую дипломатическую миссию, где его ждала почетная должность.

После смерти путешественника его отец, Отто Магнус фон Рихтер, в память о сыне подарил его библиотеку и коллекцию древностей Императорскому Дерптскому университету. «Опись ориентальных коллекций Отто Фридриха фон Рихтера, отданных по случаю смерти его Дерптскому университету» [РГИА. Ф. 733. Оп. 56, ед. хр. 242], составленная в 1819 году, является самым ранним списком этой коллекции. Опись охватывает и книжную часть коллекции Рихтера, ценимую в то время более, чем предметы древности. Судя по этому описанию, составленному слишком обобщенно и затрудняющему идентификацию предметов, коллекцию Рихтера составили порядка 130 предметов, не считая книг, рукописей, монет и резных камней.

Важным пополнением университетского собрания древностей стали памятники, поступившие из т.н. «дара хедива». В 1894 году в дар русскому правительству хедивом Египта Аббасом Хильми-пашой были переданы предметы из тайного захоронения фиванских жрецов и жриц времени XXI династии (ок. 1070–945 гг. до н. э.), в Баб эль-Газусе, обнаруженного в 1891 году. Переданные хедивом в дар Российской империи египетские древности (лот № 6) были распределены между университетскими музейными собраниями в Москве, Киеве, Казани, Одессе, Харькове, Варшаве, Юрьеве (Тарту), Гельсингфорсе (Хельсинки), а также Общества поощрения художеств (Санкт-Петербург) и Центрального училища технического рисования барона Штиглица (Санкт-Петербург). Коллекция египетских древностей Юрьевского университета обогатилась 1 мумийной крышкой (2 ДВ) и 9 ушебти [Тарасенко. 2020. С. 230].

Состав Юрьевской (Дерптской) коллекции и описание наиболее значительных памятников выполнил и опубликовал основоположник российской египтологии Б.А. Тураев (1868–1920) [Тураев. 1899. С. 154 - 163]. Благодаря этой описи мы хорошо представляем состав коллекции египетских древностей с учетом предметов, переданных в Юрьев из дара хедива. Б.А. Тураев отмечает их в списке*, таковых насчитывается 8 единиц: мумийная крышка (Тураев ее определяет как крышку деревянного саркофага, желтого типа, [Тураев. 1899.

С. 159] и семь фигурок ушебти. Всего в публикации фигурируют 124 предмета, при этом в списке отсутствуют мумии, сандалии из пальмовых листьев, сейчас хранящиеся в музее Тартуского университета, упомянутые в списке 1819 года, а так же четыре глиняных бардака и поддельные предметы из Воронежского музея. На основе описания Б.А. Тураева была составлена в 1915 г. перед эвакуацией университетских ценностей шнуровая опись.

В 1918 г., когда музейное собрание вместе с другим имуществом университета оказалось в Воронеже, встала проблема сохранения и размещения музейных коллекций, а в обстановке гражданской войны эта задача требовала особых усилий. Невозможно переоценить труд музейных сотрудников, которые в этих непростых условиях обеспечивали учет и хранение бесценных памятников. Инвентарные книги музея древностей и изящных искусств Воронежского университета содержат сведения о 171 предмете египетской коллекции, включая слепки и имитации. Некоторые предметы (детские мумии, мумии собаки, ибисов, сандалии из пальмовых листьев) не были эвакуированы в 1915 – 1918 годах и ныне хранятся в Художественном музее Тартуского университета. Необходимо учитывать, что характер этих записей, выполненных не специалистами-египтологами, не всегда позволяет точное сопоставление с описаниями предшественников [ВОХМ. Оп. 1, ед. хр. ИК 4, 5, 6]. Тем не менее, наиболее ценные предметы хорошо прослеживаются по этим описаниям. Более того, записи содержат сведения о топографии коллекции и на их основе можно сделать вывод о том, что значительная часть предметов коллекции входила в постоянную музейную экспозицию. Изучение этих инвентарных книг позволяет сделать вывод о том, что первая эвакуация музейных предметов (1915 – 1918) прошла без потерь. Все предметы, вывезенные из Юрьева прибыли в Воронеж.

Интерес представляет судьба каменной плиты с рельефными изображениями и надписями из коллекции О.Ф. фон Рихтера. Впервые она упоминается в списке предметов, переданных в дар Магнусом фон Рихтером Императорскому Дерптскому университету. В этом списке под номером 17 упоминается «Большая каменная доска с барельефом Египетской работы» [РГИА. Ф. 733. Оп. 56, ед. хр. 242. Л. 3]. Более подробное описание плиты было сделано видным немецким египтологом А. Видеманом [Wiedemann. 1894. P. 153 – 154]. В статье Видеман дал краткое описание плиты, отметив, что она, сильно пострадала при изъятии ее из стены гробницы, а также опубликовал сохранившиеся иероглифические надписи. Он не указал физические размеры плиты и не описал образительный мотив на ее лицевой стороне, о котором известно из описания Б.А. Тураева. Под номером 124, со ссылкой на статью А. Видемана, он упоминает «Известковую четырехугольную плиту – обломок из гробницы, с изображением покойного с жезлом *hgr*» в руках и за ним – его жены» [Б.А. Тураев. 1899. С. 163]. Далее приведены переводы надписей на вертикальной и горизонтальной частях. Плита в числе прочих предметов прибыла в Воронеж в 1918 году

и экспонировалась в Музее древностей и изящных искусств музея ВГУ, о чем имеется запись в инвентарной книге № 5 музея под номером 597 [ВОХМ. Оп. 1, ед. хр. 14]. Запись об этой плите встречается и в инвентарной книге коллекции древневосточных предметов за 1938 год под номером 14 [ВОХМ. Оп. 1 ИК, ед. хр. 39]. Затем ее следы теряются, поскольку в инвентарной книге, фиксирующей послевоенный состав музейной коллекции, она отсутствует, но и в числе потерь, понесенных во время Великой Отечественной войны, не встречается. Еще одно упоминание об этой плите приводится под № 18 в IV главе важнейшего и авторитетнейшего каталога, подготовленного О.Д. Берлевым, С.И. Ходжаш [Берлев, Ходжаш. 1998. P. 51 – 52]. Однако сведения о ней приводятся на основе данных А. Видемана и Б.А. Тураева, информация о месте нахождения этой плиты ограничивается упоминанием Дерпта и Юрьева.

Музейное собрание египетских древностей, в основе которой лежит коллекция О.Ф. фон Рихтера, была существенно дополнена предметами из «дара хедива», окончательно она сложилась после поступления в 1938 г. 17 предметов в числе целой группы других предметов археологии, живописи, античного искусства т.н. группы «Б» из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, [ВОХМ. Ф. 2288. Оп. 1Н, ед. хр. 17, л. 49]. Среди них преобладают предметы мелкой пластики (украшения, статуэтка Осириса). В настоящий момент в постоянную экспозицию музея входят два предмета из этой группы поступлений: ожерелье «усех» (ДВ 126) и статуэтка мужчины (ДВ 83).

В музейной истории есть и трагические страницы, связанные с утратами во время Великой Отечественной войны. Потери музейного фонда были огромны – более 1300 предметов. При этом потери восточных древностей не столь велики: утраты составили 35 предметов, среди которых мелкая недатированная пластика (3 ушебти, амулеты, бусина, 20 скарабеев), кроме этого, 30 гипсовых слепков египетских капителей с изображениями разных божеств [Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. 2003. С. 36 – 38].

Коллекция древнеегипетских предметов, практически на протяжении всего своего существования активно экспонировалась. Сохранились фотографии экспозиции музея Императорского университета в Юрьеве, сделанные в 1898 году, на которых хорошо различимы многие современные экспонаты Воронежского музея. Экспозиционная история коллекции продолжилась и в Воронеже, о чем свидетельствуют топографические пометки в инвентарных книгах музея ВГУ, а так же статья Н.М. Беззубцева [Беззубцев. 1924. С. 44 – 48] с подробным описанием музейной экспозиции. К 200-летию коллекции, в 2015 году, экспозиция египетских древностей была значительно обновлена, количество экспонатов увеличилось с 30 до 75. Сегодня, этот раздел музейной экспозиции является одним из самых популярных, здесь проводятся тематические экскурсии и занятия.

При монтаже новой экспозиции в 2015 г. состоялся еще один эпизод пополнения коллекции. При переносе в новую витрину саркофага из ящика саркофага выпала находившаяся в нем более века небольшая афиша выступления популярного в начале XX века цирка братьев Труцци. Это выступление состоялось в сентябре 1907 года в Юрьеве. Сейчас этот артефакт вошел в музейное собрание и экспонировался в 2015 г. на выставке, посвященной путешествию Рихтера.

Коллекция египетских древностей на протяжении своей истории неоднократно оказывалась в сфере внимания ученых-египтологов. Всего через несколько лет после путешествия Рихтера и передачи собранных им древностей и библиотеки, были изданы фрагменты его путевых дневников с выполненными им зарисовками, издание сопровождалось комментариями Г. Эверса, ставшего к тому моменту ректором университета [Richter. 1822]. В издании приводится описание коллекции Рихтера, выполненное К. Моргенштерном. Сейчас научного значения это описание не имеет, однако, только в нем упоминается, что, по крайней мере, одна стела (ДВ 157), из хранящихся сейчас в музее, была раскрашена [Богословский 1972. С. 62-92]. Отдельные, наиболее ценные памятники не раз становились объектом изучения египтологов [Богословский. 1972. С. 62-63]. Альфред Видеман опубликовал описание и транскрипцию надписей обеих стел из собрания Дерптского университета, пирамидиона, гири из серпентина, а также рельефной плиты, ныне утраченной. Большое значение имеет труд Б.А. Тураева по описанию музейной коллекции. Его публикация – основа для понимания ее состава, в том числе, он выделил предметы, пополнившие ее в 1894 году из дара хедива. Это общее описание дает основание для изучения изменения ее состава, идентификации отдельных предметов, изучения их происхождения и дальнейшей истории. Основательное исследование памятников, происходящих из поселка ремесленников Дэйр эль-Медина осуществил Е.С. Богословский. В 1972 – 1973 годах на страницах Вестника древней истории им опубликован ряд статей под общим названием «Памятники и документы из Дэйр эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР». В своей публикации он описывает стелы (ДВ 156 и ДВ 157), саркофаг (ДВ 1). В статье, посвященной саркофагу, приводятся транскрипции и переводы надписей на нем, а также подробно описывает состояние сохранности после не вполне профессиональной реставрации, произведенной Л.М. Афанасьевым в конце 1960-х. Саркофаг давно нуждался в реставрации, это хорошо прослеживается на фотографии 1898 года, где видны утраты самого корпуса, левкасного и красочного слоев. В последующие десятилетия реставрация не производилась, поэтому к 60-м годам состояние памятника стало критическим. Однако, Л.М. Афанасьев, не будучи профессиональным реставратором, совершил немало ошибок, в результате чего многие надписи перестали быть читаемыми, а на поверхности саркофага появились новые трещины красочного слоя, цвет росписи в настоящее время

сильно искажился, поскольку поверхность была покрыта красноватым лаком. К огромному сожалению, ситуация с тех пор не изменилась и остается только надеяться, что в обозримом будущем профессиональная реставрация этого интереснейшего памятника будет осуществлена. Реставрация не только позволит стабилизировать его состояние, восстановить надписи, открыть крышку и исследовать росписи внутри саркофага, но и осуществить его исследование на том уровне, который ранее, за более, чем двести лет его нахождения в музейных собраниях, был невозможен.

Древнеегипетская коллекция из Воронежского музея нашла широкое представление в знаменитом каталоге, составленном российскими египтологами О.Д. Берлевым и С.И. Ходжаш. В 1991 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина состоялась выставка египетских древностей из 50 музеев СССР. Как результат и продолжение этой выставки в 1998 году во Фрайбурге был издан каталог, в который вошли сведения о древнеегипетских памятниках, хранящихся в музеях бывшего Советского Союза.

Изучение отдельных предметов и истории коллекции в целом по-прежнему остается актуальным. В сфере внимания украинского египтолога Н.А. Тарасенко находятся различные аспекты истории т.н. «дара хедива». «Воронежская» мумийная крышка (ДВ 2) атрибутируется как часть погребального комплекса фиванской жрицы XXI династии Неситауджатахет, рассеянного по музейным собраниям разных стран [Тарасенко. 2019. С. 730-753].

К 200-летию коллекции О.Ф. фон Рихтера Воронежский областной художественный музей осуществил масштабный просветительский проект, который привлек к ней внимание широкой публики.

История коллекции египетских древностей из Воронежского музея уникальна. В основе она сложилась очень быстро и довольно рано, в дальнейшем удалось сохранить ее состав довольно стабильным. Эвакуации, войны и революции не нанесли ей значительного ущерба. На сегодняшний момент она остается одной из лучших в российских музейных собраниях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- РГИА. Ф. 733. Оп. 56, ед. хр. 242
 ВОХМ им. И.Н. Крамского. Оп. 1, ед. хр. ИК 4, 5, 6
 РГИА. Ф. 733, Оп. 56, ед. хр. 242. Л. 3
 ВОХМ им. И.Н. Крамского. Оп. 1, ед. хр.14
 ВОХМ им. И.Н. Крамского. Оп. 1 ИК, ед. хр. 39
 ВОХМ им. И.Н. Крамского. Ф. 2288. Оп. 1Н, ед. хр. 17
 Беззубцев Н.М. Музей древностей и изящных искусств Воронежского государственного университета // Воронежский краеведческий сборник. Воронеж, 1924. – Вып. 1. – С. 44-48
 Берлев О.Д., Ходжаш С.И. Каталог египетских памятников из музеев Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии и Прибалтики. Orbis Biblicus et Orientalis, Series Archaeologica, 17. Friburg – Göttingen. 1998.

- Богословский Е.С. Памятники и документы из Дэйр эль - Медина, хранящиеся в музеях СССР. Вып. 2. Стелы №№ 156 и 157 Воронежского областного музея изобразительных искусств. // Вестник Древней истории. 1972, № 2. – С. 62 – 92.
- Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Т. 10. Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского. / Сос. В.Л. Бунеев, Е.Г. Новичихин, В.Ю. Устинов, Е.И. Пшеницына и др. - М., 2003.
- Стадников С.А. В стране пирамид. Жизнь и труды Отто Фридриха Фон Рихтера // Вышгород, № 1-2. Таллинн, 2003. - С. 27-39.
- Тураев Б.А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 11. Санкт-Петербург, 1899. - С. 154 – 163
- Тарасенко Н.А. Погребальный инвентарь египетской жрицы Неситауджатахет. Вестник древней истории. 2019. Т. 79 (№ 3). - С. 730 – 753.
- Тарасенко Н.А. Новые сведения о распределении египетских древностей из «дара хедива», 1894 – 1895 гг. (по документам из РГИА). Восток (Oriens) 2020. №6. С. 223 – 241.
- A. Wiedemann, Egyptian Monuments at Dorpat. PSBA. XVI. P. 153 – 154
- O.F. von Richter. Wallfahrten im Morgenland. Aus seinen Tagebuchern und Briefen dargestellt von J.P.G. Ewers, B., 1822

Е.Ю. Захарова, В.И. Такмаков

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ВГУ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Вузовский музей всегда был и остается обязательным элементом в университетском образовании. Это обстоятельство определяет специфику данного типа музейных учреждений. Их коллекции и экспозиции формируются учеными, что предполагает научный подход в выявлении, изучении и сохранении объектов культурного наследия. Вузовские музеи являются центрами целенаправленной передачи знаний, формирования мировоззрения, нравственного и эстетического воспитания студентов. В структуре Воронежского государственного университета в настоящее время функционируют 11 музеев, в числе которых и Археологический [Музеи ВГУ, 2021].

20 июля 1981 г. министром высшего и среднего специального образования РСФСР И.Ф. Образцовым был подписан приказ «Об образовании археологического музея в Воронежском университете» (№ 430). В исполнение этого документа 16 марта 1983 г. ректор ВГУ Н.А. Плаксенко издал приказ № 104, согласно которому в университете начал работу «музей археологии на базе фондов кафедры истории древнего мира и археологии исторического факультета, с 2-мя штатными единицами: заведующего музеем и лаборанта». Этому событию предшествовал более чем тридцатилетний период развития университетской археологии, одной из составляющих которого является и предыстория создания Археологического музея. Был у него и достойнейший предшественник – Музей древностей и изящных искусств.

Напомним, что к моменту эвакуации в Воронеж в Юрьевском университете уже сложилась устойчивая академическая традиция чтения курсов для гуманитариев с использованием обширных собраний собственных музеев изящных искусств и отечественных древностей. По свидетельству профессора Г.А. Замятина, в середине октября 1918 г. наряду с другим оборудованием прибыли в Воронеж «9 мест Музея древних коллекций и 65 мест Музея изящных искусств», удалось вывезти и сохранить практически все подлинники из указанных собраний [Хайкин, Немировский, 1975. С. 113-114; Котлярова, 2008. С. 71-73].

В 1920 г. открылся Музей древностей и изящных искусств Воронежского университета. Подробное описание первых лет его существования содержится в публикации старшего хранителя Н.М. Беззубцева, согласно которой экспонируемая коллекция была очень разноплановой и включала артефакты эпох неолита и бронзы, древнеегипетские раритеты, богатейшее собрание античности, русской иконописи и живописи, предметов декоративно-прикладного искусства [Беззубцев, 1924. С. 44-48].

Поначалу музею со стороны ученой коллегии университета уделялось много внимания, сказывалось и то, что им очень дорожил ректор В.Э. Регель. Будучи свидетелем пресечения высшего гуманитарного образования, с которым концептуально связывался музей, он видел путь к его спасению в реформировании по подобию Румянцевского музея в общедоступный. Предполагалось объединить фонды университетской и публичной воронежской

библиотек и разместить в этом же здании коллекции университетского музея [Котлярова, 2008. С. 73-74]. Пост директора музея на короткое время (1925–1926 гг.) стал для ученого почетной должностью после смещения с поста ректора, но повлиять на дальнейший ход развития событий он уже не мог.

С середины 1920-х годов в своем традиционном виде музей переставал быть нужным университету; его богатейшие коллекции оказались не востребованы ни в научном, ни в широком просветительском плане. Под угрозой Наркомпроса вывезти материал из музея за пределы ЦЧО, по решению Президиума облисполкома в 1933 г. они были переданы во вновь образованный Областной художественный музей [Хайкин, Немировский, 1975. С. 120].

Предыстория Археологического музея ВГУ уже достаточно подробно опубликована [Пряхин, 2003. С. 15-20], поэтому ограничимся лишь указанием на основные вехи этого процесса. Обретение и пополнение археологических коллекций является закономерным результатом ежегодных полевых исследований экспедиции ВГУ, начавшихся в конце 1940-х гг. и непрерывно продолжающихся вплоть до настоящего времени. Поначалу формировались археологические фонды кафедры истории СССР досоветского периода, где работали археологи во главе с А.Н. Москаленко. В 1960 г. для их хранения выделяется отдельное помещение, а для научной обработки – ставка лаборанта (ее разделили между двумя студентами – членами археологического кружка: В.И. Чесноковым (впоследствии декан истфака, заведующий одной из кафедр) и А.Д. Пряхиным. В ВГУ появляется кабинет археологии. Он становится центром притяжения всех студентов, увлекавшихся археологией и объединенных в научно-студенческий кружок [Москаленко, 1969]. Уже на этом этапе реализуются основные виды музейной деятельности (фондовая, экспозиционная/выставочная). Обрабатываемые коллекции служат и иллюстративным материалом для университетских курсов, и источниковой базой для докладов, курсовых и дипломных работ студентов, а затем и первых диссертационных исследований по археологии.

С середины 1970-х гг. археологическая деятельность сосредотачивается на кафедре истории древнего мира и археологии, в ведение которой поступают и археологические коллекции. Этот процесс регламентируется «Положением об организации археологических фондов кафедры истории древнего мира и археологии Воронежского университета и порядке научной работы с археологическими коллекциями», утвержденным ректором Н.А. Плаксенко. Продолжаются интенсивное пополнение археологических фондов, работы по инвентаризации коллекций и их систематизации, использование при выполнении научно-исследовательских тем и в ходе учебного процесса, прежде всего в системе специализации «археология». По мнению А.Д. Пряхина, «уже тогда имевшиеся при кафедре археологические фонды – это одно из крупнейших, если не самое крупное собрание археологических коллекций университетов страны. С ними работают сотрудники кафедры, ее аспиранты и соискатели, ученые, представляющие другие вузы, академические структуры, музеи» [Пряхин, 2003. С. 19-20].

Изменение статуса кабинета археологии в первой половине 1980-х гг. – образование Археологического музея ВГУ – стало логичным продолжением активной целенаправленной работы университетского сообщества ученых и студентов с археологическими коллекциями. Деятельность музея регламентировалась утвержденным ректором университета в мае 1983 г. «Положением о музее археологии Воронежского государственного университета». Согласно этому документу основными целями и задачами музея являлись следующие: обеспечение необходимого уровня хранения коллекций и активное их использование в научных и учебных целях; способствование общему совершенствованию учебного процесса, включая участие в обеспечении системы специализации «археология»; проведение исследований в русле экспозиционной и выставочной деятельности университетского музея; организация и проведение целевых полевых исследований с целью пополнения фондов музея; культурно-образовательная деятельность в области археологии, охраны памятников истории и культуры.

Таким образом, структура университета обогатилась новым музеем. Все годы он работает под руководством профессиональных археологов, которые, вместе с тем, прекрасно осознают и реализуют в своей деятельности специфику музейного дела: В.И. Беседин (1983–1985), Ю.Д. Разуваев (1986–2000), В.Н. Ковалевский (2000–2013), В.И. Такмаков (2013 – по н.в.).

В 2003 г. Археологический музей переехал в новый учебный университетский корпус № 8 (Московский проспект, 88), где получил значительные площади: экспозиционный зал 104 кв. м, который одновременно является учебной аудиторией, помещения под фонды и рабочую лабораторию, кабинет для сотрудников. 22 сентября 2005 г. состоялось торжественное открытие новой экспозиции музея.

В настоящее время работа музея регламентируется «Положением об археологическом музее исторического факультета Воронежского государственного университета» от 28 января 2008 г. и ведется по нескольким направлениям: обеспечение необходимого уровня хранения коллекций; использование коллекций в научных, культурно-просветительских и учебных целях; проведение исследовательской работы (полевая, фондовая). Расширился штат сотрудников музея, которые сегодня реализуют все эти задачи (помимо заведующего это главный хранитель, ведущий инженер, старший лаборант и лаборант). Не будем здесь перечислять все достижения последних лет, поскольку к юбилеям факультета приурочивается своего рода подведение итогов деятельности музея и отражается в печати [Разуваев, 2000; Ковалевский, 2005; Ковалевский, Пряхин, 2010]. Отметим лишь в этой связи, что еще предстоит большая работа по совершенствованию действующего сайта Археологического музея ВГУ (<http://www.hist.vsu.ru/archmus/>) для актуализации имеющейся там информации. Здесь же обратим внимание на наиболее значимые события современного этапа в развитии музея.

В 2013 г. музей поставлен на специальный учет в Российской Государственной пробирной палате, что дало ему возможность иметь в фондах артефакты из драгоценных металлов и камней. В 2015 г. он включен в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, что означает выход Археологического музея ВГУ на качественно новый уровень – уровень государственного музея. С этого времени музейные предметы регистрируются в Государственном каталоге Музейного фонда РФ (на данный момент зарегистрировано 2019 предметов основного фонда). Всего же в основном фонде музея – 2407 предметов, в научно-вспомогательном – 37 335. Продолжает расширяться архив письменных источников: полевая документация, научные отчеты (к настоящему времени 366 ед. хр.). С каждым годом увеличивается библиотека, в которой сейчас более 2260 экз. научной литературы по археологии и смежным дисциплинам.

Музей, как и прежде, остается обязательным компонентом учебного процесса и сосредоточением студенческой учебно-исследовательской деятельности: продолжает работу археологический кружок, вместе с сотрудниками музея студенты выезжают в экспедиции, результаты обработки коллекций находят отражение в курсовых и выпускных квалификационных работах [Ковалевский, Савицкий, 2005].

Музей проводит как самостоятельные археологические исследования, так и совместно с академическими и музейными учреждениями (ИА РАН, ГИМ). Плодотворность такого сотрудничества отмечена соответствующими благодарственными письмами на имя ректора ВГУ. В экспедициях принимают участие не только студенты, но и школьники – потенциальные абитуриенты. Таким образом, музей включился и в профориентационную деятельность ВГУ.

Музей активно внедряет и различные формы просветительской работы (экскурсии, тематические выставки и т.п.). В этой области одна из востребованных форм сотрудничества – организация совместных выставок несколькими музейными учреждениями. К числу постоянных партнеров Археологического музея ВГУ относятся Воронежский областной краеведческий музей, музеи-заповедники «Костенки» и «Дивногорье», Острогожский, Борисоглебский и Аннинский районные краеведческие музеи.

В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что Археологический музей ВГУ состоялся как научный, учебный, просветительский центр. В будущем роль университетских музеев в целом и Археологического, в частности, в повышении уровня образованности и культуры молодежи будет только возрастать, учитывая их возможности воздействия на аудиторию. Но современные проекты обеспечения деятельности музея высокотехнологичны и дорогостоящи, поэтому актуальной остается задача достойного финансирования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Беззубцев Н.М. Музей древностей и изящных искусств ВГУ // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. – Вып. 1. – Воронеж: Тип. губсоюза, 1924. – С. 44-48.
- Ковалевский В.Н. Музей археологии Воронежского государственного университета // Исторический факультет Воронежского государственного университета. 2-е изд., испр. и доп./ Отв. ред. А.З. Винников. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 116-123.
- Ковалевский В.Н., Пряхин А.Д. Археологический музей Воронежского государственного университета: вчера и сегодня // Исторический факультет Воронежского государственного университета: К 70-летию юбилею. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 197-207.
- Ковалевский В.Н., Савицкий Н.М. Археологический музей Воронежского государственного университета и образовательный процесс // Музеи и музейная педагогика: формы и методы деятельности в свете современной образовательной парадигмы: тез. науч.-метод. конф. Воронеж, 12-13 дек. 2005 г. – Воронеж, 2005. – С. 35-36.
- Котлярова И.В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Воронеж: ВГУ, 2008. 163 с.
- Москаленко А.Н. Студенческий археологический кружок ВГУ // Из истории Воронежского края. – Вып. 3. – Воронеж: ВГУ, 1969. – С. 169-176.
- Музеи ВГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsu.ru/university/structure/museums/> (дата обращения 02.07.2021).
- Пряхин А.Д. Музей археологии (из истории) // Музеи Воронежского государственного университета. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 14-22.
- Разуваев Ю.Д. Археологический музей Воронежского государственного университета // Исторический факультет Воронежского государственного университета. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 107-111.
- Хайкин С.Р., Немировский А.И. Из истории Воронежского музея изобразительных искусств // Из истории Воронежского края. – Вып. 5. – Воронеж: ВГУ, 1975. – С. 110-124.

И.В. Котлярова

ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж, РФ

СОЗДАНИЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА В КОСТЕНКАХ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ

В 2021 году исполнилось 30 лет со дня создания музея-заповедника «Костенки». На сегодняшний день его фонды составляют чуть более 42 000 единиц хранения, а его территория 5,4 гектара. За прошедшие годы он сумел заявить о себе как о ярком просветительском учреждении, где серьезные научные открытия конвертируются в общедоступные смыслы, где выработан особый язык разговора с посетителем, который ясен, прост, лаконичен и доступен каждому. Поэтому неудивительно, что сейчас музей-заповедник «Костенки» - это одно из самых известных учреждений культуры Воронежского региона, якорный объект формирующегося туристического кластера вокруг Костенок.

Музей-заповедник «Костенки», как институция, замыслился и создавался во второй половине 80-х годов XX века. Эти годы характеризовались завершением сложения обширной музейной сети в СССР, внутри которой по доминантному типу хранимых музеем памятников выделялись коллекционные и ансамблевые музеи. [О.Е. Черкаева, И.В. Чувилова, 2005. С. 197]. Конец XX века в музейном строительстве характеризовался большим количеством ансамблевых музеев и музеев-заповедников, поскольку именно в этой музейной форме гораздо более органично и продуктивно сохранять и представлять различные памятники материальной культуры. Последние существуют в двух видах:

1. как открытая система, связанная с функционированием выявленных, изученных и включенных в туристический и экспозиционный показ;
2. как закрытая система, развивающаяся на микро- и макроуровне (в данном случае речь, как правило, идет о невыявленных историко-культурных объектах или же о классифицированных, но не поставленных на охрану и не включенных в научный оборот и просветительскую деятельность). [Шулепова Э.А., 2005. С. 377].

Первая категория памятников была представлена во второй половине 80-х гг. XX века в Костенках музеефицированным верхним слоем стоянки Костенки 11. Вторая категория памятников - это огромный пласт археологического

наследия, представленный уникальным комплексом из 25 стоянок каменного века, открытых, частично исследованных, но не включенных в просветительскую деятельность. И эти открытые и частично исследованные стоянки постоянно находились в зоне риска, поскольку располагались на территории сел Костенки и Борщево на месте личных усадеб колхозников. Создание в Костенках археологического музея-заповедника, который включал бы в свою территорию музеефицированную (стоянка Костенки 11) и все остальные стоянки Костенковско-Борщевского верхнепалеолитического района виделся на тот период времени единственно возможным способом решения этой проблемы. В данной статье будет изложена краткая история процесса создания музея-заповедника от зарождения идеи до воплощения ее в жизнь

Впервые вопрос о необходимости национализации земли в Костенках, на которой находится археологический памятник, возникла в отношении усадьбы Аносова, где была расположена стоянка Костенки 1. Это вопрос был поднят археологами ГАИМК еще до Великой Отечественной войны. Стоянка Костенки 1 была открыта в 1879 году И.С. Поляковым, в 1923 году здесь была обнаружена первая женская статуэтка из бивня мамонта. Важность изучения и сохранения памятника были неоспоримы. Поэтому в 1931 году в письме Воронежскому музею Государственная академия истории материальной культуры просит рассмотреть возможность национализации этой усадьбы, ввиду исключительного значения палеолитических остатков, находящихся на ней. [Научный архив ИИМК РАН, Ф.2, ОП.1, 1931, д. №775. Л.8] Дело в том, что владелец усадьбы препятствовал сносу дворовых построек, из-за которых исследование всего комплекса стоянки Костенки 1 было невозможным. Тогда усадьба перешла к другому владельцу, который позволил снести постройки, мешавшие археологическим работам.

В послевоенное время в начале 50-х годов в Костенках уже было открыто 22 верхнепалеолитических поселения, открыты четыре погребения верхнего палеолита. Становилось ясно, что Костенки – это выдающийся памятник древнейшей истории человечества не только в СССР, но и во всем мире, значение которого не ограничивается только лишь одной стоянкой Костенки 1.

С каждым новым открытым здесь верхнепалеолитическим памятником все болезненнее воспринималась ситуация нахождения бесценного археологического наследия на территории земельных участков колхозников, повседневные нужды которых очень часто расходились с целями охраны этих выявленных древних стоянок. Особенно остро этот вопрос встал в послевоенное время, когда возросла механизация сельскохозяйственного труда, в связи с чем, резко повысилась опасность повреждения или даже уничтожения хрупкого археологического ресурса. И если в 30-е годы вопрос охраны для ГАИМК был сосредоточен, главным образом, на стоянке Костенки 1, то в 50-е годы становится ясно, что практически все древние памятники совпадают с зоной современной

сельской застройки и постоянно подвергаются возможности вероятного разрушения со стороны их владельцев.

В 1954 году А.Н. Рогачев - знаменитый исследователь палеолита КБР - в одной из своих статей записал: «многочисленные места поселений людей древнекаменного века в районе Костенок с хорошо сохранившимися остатками жилищ и погребений... являются единственным наиболее полным источником для познания истории культуры нашей страны и представляют, поэтому, величайшие научные и культурно-исторические сокровища нашего народа. Ценность их является не меньшей, чем любых актов и древних вещей, хранящихся в государственных архивах и музеях. Однако система охраны этих находящихся в земле сокровищ науки и культуры менее совершенна: она незаконно оправдывается часто хозяйственной необходимостью, продолжается частичное разрушение этих памятников древности, отличающихся от памятников других мест хорошей сохранностью» [Рогачев А.Н., 1954, С.6]. В этой же записке Рогачев говорит о необходимости для Управления культуры Воронежской области, научных учреждений и общественности разъяснить гражданам постановление Совета Министров СССР 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры», сыгравшее колоссальную роль при восстановлении разрушенного войной культурного наследия страны.

Надо сказать, что это общесоюзное постановление позитивно сказалось на постановке вопроса охраны стоянок в Костенках. Воронежский облисполком отреагировал на него двумя решениями: «О мерах улучшения охраны памятников истории и культуры» (7 января 1949 года) и «Об итогах паспортизации исторических и археологических памятников и об утверждении списка памятников». В 1950 году в Воронежской области прошла проверка старшего инспектора Управления охраны памятников А.В. Копыловой, которая выявила очень запущенное положение дел с паспортизацией археологических объектов в Воронежской области: ни на один археологический памятник в области не было составлено ни одного охранного обязательства и ни одного акта технического осмотра. [ГАВО. Ф.2954. Оп.1. Д.20. Л.7]. Однако уже после столичной проверки в Костенках в 1952 году Воронежское управление по охране памятников подтвердило получение 12 охранных обязательств на костенковские археологические памятники и копии акта от 19 сентября 1951 года об установлении охранных зон на 13 археологических памятниках. [ГАВО, Ф2825. Оп.5.Д.201. Л.1]. Также в этом документе говорилось о необходимости оформить охранные зоны этих памятников в органах землепользования областного управления сельского хозяйства. Но, несмотря на выделение таких зон, земли колхозников, на которых они попадали, продолжали оставаться в их личной собственности. Колхозы отказывались выделять им другие свободные участки земли взамен участков, на которых были обозначены охранные зоны и где находились их личные хозяйства. И, все же, первые шаги по законодательному

закреплению зон охраны археологических памятников в селе Костенки были сделаны именно тогда.

А.Н. Рогачев, который остро чувствовал свою ответственность за все, что происходило в Костенках в деле изучения и сохранения археологического наследия, впервые в 1954 году выдвигает мысль о необходимости создания в Костенках заповедника. В своей записке «Об изучении поселений и погребений древнекаменного века у с. Костенки на Дону» он раскрывает значение палеолита Костенок для мировой науки и проводит мысль о создании специальной станции или заповедника с выделением двух-трех штатных единиц для охраны и изучения памятников Костенковской группы. Но вряд ли он позиционировал его как культурную организацию, речь шла о создании, своего рода, форпоста Академии наук в Костенках, основной целью которого было бы комплексное исследование археологических памятников [Рогачев А.Н., 1954, С.6]. В отношении охраны памятников Костенок именно А.Н. Рогачевым уделялось в 50-60 годы наибольшее внимание. Им был составлен список костенковских усадеб и их владельцев, которые приходились охранные зоны памятников, большинство из которых были обозначены реперами и опознавательными знаками на местности.

В те годы мы видим и первые шаги в направлении музеефикации археологических стоянок Костенок. Так, в 1957 году при раскопках стоянки Костенки 19 Павлом Иосифовичем Борисковским была проведена частичная музеефикация культурного слоя: верхнепалеолитический очаг был аккуратно расчищен, обшит со всех сторон досками и в таком специально сооруженном коробе был монолитом отправлен в фонды Воронежского краеведческого музея. Тогда же музею исследователем была передана и коллекция каменных орудий стоянки Костенки 19 [Котлярова И.В., 2010, С.323].

Большое значение для охраны наследия в стране имело постановление Совета министров РСФСР №1327 от 30.08.1960 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР». Одним из самых важных пунктов этого постановления стало положение о возможности снятия памятников государственного значения с охраны вследствие необходимости их сноса, застройки или переделки, вызываемых исключительными обстоятельствами, только с разрешения Совета Министров РСФСР. Также это постановление определяло комплекс верхнепалеолитических стоянок в Костенках и Борщеве, а также Большое и Малое Боршевские городища VIII-X вв. как памятников государственного значения. Это было огромным шагом вперед, костенковские памятники были признаны на государственном уровне, и это признание гарантировало им гораздо большее внимание со стороны государства. Чуть позже в 1966 году были приняты еще два постановления Совета Министров РСФСР от 24 мая №478 и от 18 июня №541 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР». Эти постановления обязывали согласовывать все действия, которые могли привести к разрушению памятников

истории и культуры, находящиеся на госохране с Министерством культуры РСФСР и Центральным Советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Такая последовательная политика государства в этом направлении, а также интенсивная деятельность в Костенках по разработке охранных зон памятников со стороны экспедиции и постоянная разъяснительная работа со стороны начальника экспедиции А.Н. Рогачева о важности их сохранения привели к судьбоносному решению Воронежского Облисполкома №4 от 4 января 1967 года «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в области». Огромное внимание в этом документе было уделено палеолитическим стоянкам КБР в отдельном приложении к данному документу под номером 2.

В нем был обозначен план мероприятий по подготовке к широкому показу советским и иностранным туристам археологических памятников села Костенки Хохольского района. В центре этих мер было строительство здания музея над стоянкой Костенки 11, дороги, ведущей к нему, а также гостиницы на 12 мест. Начало строительства павильона-музея намечено на 1967-68 гг., строительство гостиницы в 1968 году, а строительство дороги в 1967-1968 гг. [ГАВО, Ф.1440, ОП.88 «а», Д.189, Л.63].

Из этих проектов вовремя было реализовано только строительство дороги, строительство музея затянулось на долгие 12 лет, а к созданию гостиницы так и не приступили. Однако в приложении №2 к эпохальному документу 1967 года был намечен целый комплекс мер на пути к созданию особой охраняемой территории в селе Костенки.

Областному отделу по делам строительства и архитектуры было поручено изготовить в 1967 году проект планировки и застройки с. Костенки Хохольского района.

Областному управлению культуры, отделу землепользования и землеустройства, Хохольскому райисполкому, правлению колхоза «Костенки» было поручено до 1 мая 1967 года в установленном порядке решить вопросы об изъятии из землепользования граждан участков земли, которые входят в охранные зоны археологических памятников с компенсацией. В других местах обозначить памятники мемориальными надписями и зелеными насаждениями.

Ставилась задача приведения в надлежащий вид жилых домов граждан, расположенных в непосредственной близости к памятникам, для чего Облплану и Облпотребсоюзу совместно с Хохольским райисполкомом было вменено рассмотреть вопрос о продаже в 1967 году населению кровли и других строительных материалов.

Таким образом, в 1967 году было принято решение, выполнение всех пунктов которого привело бы, по сути, уже в те годы к созданию реальных заповедных объектов на территории села. Но эти пункты решения тогда выполнены не были.

В 70-е годы в Костенках продолжалось затяжное строительство музейного здания, которое было достроено к празднованию 100-летия палеолита в Костенках в 1979 году. Через некоторое время музей начал принимать посетителей, и следующее десятилетие проработал в статусе действующего филиала Воронежского областного краеведческого музея, основной задачей которого было обеспечение бесперебойного приема посетителей с мая по ноябрь. В конце 70-х годов Управление культуры Воронежской области обращается в Воронежский облисполком с просьбой об отводе земельных участков воронежскому областному управлению культуры под охранные зоны памятников археологии из земель колхозов «Костенки» и «Путь к коммунизму». Как видим, в этой просьбе нет ничего нового. Но следующее предложение уже касается создания археологического заказника на базе установленных охранных зон памятников и филиала областного краеведческого музея «Костенки». Иными словами, современное представление об археологическом музее-заповеднике Костенках было сформулировано уже в конце 70-х годов.

Вновь поднят этот вопрос был уже в перестроечное время, когда многие отложенные в долгий ящик проекты находили свое воплощение. Так произошло и с музеем в Костенках. На очередном витке своей истории он незаметно превратился в музей-заповедник. И связано это превращение с именем тогдашнего заведующего филиалом «Костенки» Дмитрия Анатольевича Волкова. Немаловажную роль в его создании сыграла также и заведующая еще одним музейным филиалом Воронежского музея «Дивногорье» Марина Ивановна Лылова. Оба руководителя были обеспокоены узостью возможностей своих организаций в представлении и использовании таких серьезных ресурсов, как Костенки и Дивногорье. Именно они стали генераторами процесса превращения двух филиалов Воронежского областного краеведческого музея в самостоятельные музеи-заповедники.

Ключевая роль в создании двух музеев-заповедников принадлежит тогдашнему начальнику Управления культуры Воронежской области Юрию Сергеевичу Соловьеву (1989-1997гг.) – инициативному и деятельному чиновнику, небезразличному человеку. Он живо откликнулся на просьбу М.И. Лыловой и Д.А. Волкова о создании самостоятельных музеев. Процесс был запущен практически сразу с приходом его в кресло руководителя Управления культуры и завершился 9 июля 1991 года решением Воронежского облисполкома о создании на базе филиала «Костенки» Государственного археологического музея-заповедника «Костенки» и Природного архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье».

Заповедной территорией в Костенках объявлялись земельные участки общей площадью 9,1 га. Целями создания заповедника полагались охрана и изучение археологических памятников КБР, концентрация в фондах музея-заповедника археологических коллекций со всех исследуемых стоянок Костенок

и Боршево, создание новой экспозиции музея и развитие туризма в регионе. Наряду с открывшимися перспективами, исходившими из нового статуса, музей в полной мере взял на себя груз проблем предыдущей эпохи, многие из которых не решены до сего дня. Но, в целом, создание музея-заповедника «Костенки», как самостоятельного учреждения, было следующим серьезным шагом на пути охраны всемирно-известного археологического наследия КБР и его популяризации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акт проверки состояния работы по охране исторических и археологических памятников Воронежской области // ГАВО. Ф.2954. Оп.1. Д.20. Л.6-7
- Заведующему областным отделом культпросветработы тов. Бойкову В.В. // ГАВО, Ф2825. Оп.5.Д.201. Л.1
- Котлярова И.В. Предыстория создания музея в Костенках (50-е годы XX века) // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный ежегодник. Выпуск 8. – Воронеж: «Фортуна», 2010. – С.317-324.
- Котлярова И.В. Опыт сохранения и использования археологического наследия (на примере стоянки Костенки 11 в 60-70-е гг. XX века // Естественно-научные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 15-17 сентября 2016 г.) – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – С. 221-228.
- О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в области // ГАВО, Ф.1440, ОП.88 «а», Д.189, Л.58-63.
- Письмо Воронежскому музею // Научный архив ИИМК РАН Научный архив ИИМК РАН, Ф.2, ОП.1, 1931, д. №775. Л.8-8 об.
- Рогачев А.Н. Сокровища древней культуры в Гремяченском районе // Архив ВОКМ.
- Рогачев А.Н. Об изучении поселений и погребений древнекаменного века у с. Костенки на Дону // Архив ВОКМ. 1954.
- Черкаева О.Е., Чувилова И.В. Музейный мир России: XX век // Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. –М.: Едиториал УРСС, 2005. – С.184-223.
- Шулепова Э.А. Музей и памятники // Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. –М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 368-391.

Ле Вьет Ха, Чан Нгуен Вьет Ань

Ханойский университет культуры, Ханой, Вьетнам

ПОВЫШЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА ВО ВЬЕТНАМЕ

Музей стал местом для сохранения материального и духовного наследия истории национального строительства и обороны каждой страны, информационным центром, школой и культурным адресом для общественности. Музей - это место, где собирают, хранят и демонстрируют коллекции артефактов; служить защите и продвижению ценностей культурного наследия; деятельность по продвижению ценности культурного наследия в интересах общества и посетителей.

Музейный туризм считается кратчайшим способом познать культуру и историю каждой страны и каждого народа. Музеи в каждой стране не только помогают сохранить давние культурные ценности нации, квинтэссенцию человечества, но и создают материальные ценности для экономики.

Сегодня во Вьетнаме ряд музеев стал привлекательным местом для местных и иностранных туристов, что напрямую способствует развитию туризма. Некоторые музеи были перечислены некоторыми известными веб-сайтами мира как самые привлекательные музеи в Азии. Тем не менее, музейная деятельность во Вьетнаме в целом все еще имеет некоторые недостатки и несоответствия, такие как: содержание экспозиции не получило должного внимания и инвестиционного внимания; многие коллекции артефактов, представляющих историческую, культурную и научную ценность, еще предстоит использовать и продвигать в массы; многие музеи все еще пусты... Очевидно, эффективность доходов от музеев в экономике все еще очень мала.

Продвижение ценностей музея для удовлетворения потребностей туристов и людей является предметом интереса для Министерства культуры, спорта и туризма Вьетнама и общества.

Текущее состояние музейной системы во Вьетнаме

Вьетнам имеет довольно разнообразную музейную систему, разделенную на множество отделений и областей, распределенных по всем провинциям и городам.

В настоящее время во Вьетнаме 162 музея, в том числе 126 государственных и 36 негосударственных. Эти специальные культурные учреждения сохраняют и продвигают ценность более 3 миллионов артефактов, которые всесторонне отражают страну и народ Вьетнама в долгий исторический период, в том числе 101 артефакт и группы артефактов. Особенно редких и признанных национальным достоянием Премьер-министр (из 142 национальных сокровищ).

Статистика Вьетнама показывает, что в 2017 году общее количество посетителей музеев Вьетнама составило около 16,5 миллионов (включая посетителей тематических выставок и передвижных выставок). Такие достопримечательности, как музей Хо Ши Мина, ежегодно посещают более 1 миллиона человек. Национальный исторический музей, Вьетнамский военно-исторический музей, Вьетнамский музей этнической культуры, Музей скульптуры чамов в городе Дананг, Музей Даклак и многие специализированные музеи и музеи. Провинциальный уровень стал постоянным местом в туристических маршрутах многих туристов.

На международном уровне, последовательно в 2013, 2014 годах три музея во Вьетнаме, включая Музей пережитков войны, Вьетнамский музей этнологии, Вьетнамский женский музей, были признаны авторитетными веб-сайтами Travel Trip Advisor, которые вошли в 25 самых привлекательных музеев Азии.

В 2018 году Музей пережитков войны вошел в десятку лучших музеев мира, признанных лучшими посетителями мира, и является единственным представителем Азии.

Отчет IBIS World о музейной индустрии в США показывает, что доход музеев в 2019 году оценивается примерно в 13 миллиардов долларов, темп роста в период с 2014 по 2019 год составляет 3,4%. Количество сотрудников, работающих в отрасли, составляет около 109 000 человек, и в этой сфере участвует более 10 000 предприятий.

Во Вьетнаме, согласно предварительному исследованию Центра туристической информации, в 2018 году, собранному в 51 провинции и городе, была собрана информация из 51 музея (что составляет почти треть от общего числа музеев). статистические данные Министерства культуры, спорта и туризма за февраль 2018 г.) получены следующие цифры:

В 2018 году среди опрошенных музеев количество музеев с более чем 500.000 посетителей составило 5,88%; в котором количество музеев насчитывает более 1 миллиона посетителей: 1 музей, что составляет 1,96%. В среднем музей принимает 122,4 тысячи посетителей в год. Общее количество посетителей этих 51 музея: в 2016 году: 5,86 миллиона посетителей; 2017: 6,35 млн посетителей (+ 8,5%). В 2018 году: около 6,24 миллиона посетителей (-1,8%).

Общее количество посетителей в 2018 году не равно количеству посетителей Метрополитен-музея в Нью-Йорке, США (7,4 миллиона посетителей),

или всего около 61,2% от количества посетителей музея Лувр, Франция (с 10,2 миллионами посетителей).) по очереди). Кроме того, музей Великобритании привлекает около 5,9 миллиона посетителей, некоторые другие музеи, такие как Эрмитаж (Россия), Прадо (Испания), - около 3 миллионов посетителей.

Хотя статистика неполная, приведенные выше цифры показывают, что количество посетителей музеев во Вьетнаме слишком мало по сравнению со многими музеями мира и с количеством иностранных и внутренних туристов. Ежегодно в нашей стране (в 2018 году: Вьетнам приветствовал почти 15,5 миллионов иностранных посетителей, 80 миллионов внутренних туристов).

Количество посетителей невелико, а стоимость билетов невысока, поэтому результаты от платы за вход (билет) в музеи Вьетнама, как правило, очень низкие. Из музеев, собирающих информацию, почти в 51% музеев есть сборы (билеты) для посещения, остальные бесплатны для посетителей.

На количество музеев с входными билетами (билетами) более 3 миллиардов донгов в 2018 году пришлось 26,9% сборов музеев. В среднем выручка музея среди музеев с взносами (билетами) оценивается в 2,32 миллиарда донгов в 2016 году, 2,68 миллиарда донгов в 2017 году, 4,19 миллиарда донгов в 2018 году (уровень) Увеличение в 2018 году в основном произошло за счет корректировки входа. сборы).

Билеты на посещение музеев в нашей стране для государственных музеев обычно стоят от 40 000 донгов (примерно 2 доллара США) / взрослый, кроме того, для некоторых посетителей действует скидка 50% или бесплатные билеты. Некоторые частные музеи имеют более высокие билеты, такие как Музей восковых фигур (Ба На Хилл) около 100 000 донгов (около 4,5 долларов США) или Музей традиционной вьетнамской медицины (Хошимин) около 120 000 донгов. Dd (около 5,5 долларов США). ... Цена такого билета по сравнению со многими музеями мира довольно низкая. Зная, что цена билета зависит от размера и стоимости выставленных артефактов, но, например, в некоторых музеях Бангкока цена билета составляет от 150 000 донгов (около 7 долларов США) до более 600 000 донгов (26 долларов США), музеи в Малайзии (около 140 000 донгов или 6 долларов США), в Сингапуре (от более 200 000 донгов до более 300 000 донгов (9-13 долларов США); билеты в известные музеи России, такие как Музей кремлевского оружия, стоят около 11 долларов США, музей Эрмитаж - около 8 долларов США; В Лувре билеты около 20 долларов.

Что касается человеческих ресурсов для работы в музеях, их не так много, количество гидов в точках во вьетнамских музеях все еще невелико. В среднем в платном музее всего около 6 гидов / рассказчиков. Если посчитать средний коэффициент гидов на 10 000 гостей, то этот коэффициент составляет всего 0,29.

Реальность решений Вьетнама по обновлению музеев для развития туризма

Понимая потенциал от продвижения ценности музеев в создании туристических продуктов для обслуживания гостей, Министерство культуры, спорта и туризма Вьетнама направило ассоциацию на разработку туристических продуктов, развитие между двумя отраслями. В последнее время между музеем и индустрией туризма были проведены определенные мероприятия по объединению продуктов для обслуживания и привлечения туристов, такие как: организация пробного тематического тура, объединяющего продукты музея, музей, театр с туризмом; тематический тур «История Вьетнама - Открытие с земли» и «История Вьетнама - Рассвет на реках», «Вьетнамское изобразительное искусство - сокровища в сердце Ханоя» и «Вьетнамские деревни - перспектива»; курсы повышения квалификации для выездных инструкторов; Мастер-класс «Культура с развитием и продвижением туризма», ...

В декабре 2018 года Министерство культуры, спорта и туризма одобрило Проект «Инновации, повышение качества и эффективности музейной деятельности, связанной с развитием туризма» Постановлением № 4788 / QD-BVHTTDL, в котором только определены ключевые задачи для общественный музейный блок.

В Стратегии развития индустрии культуры во Вьетнаме до 2020 года с перспективой до 2030 года культурный туризм должен превратиться в один из важных секторов экономики услуг с четким развитием с точки зрения качества и количества, что положительно влияет на экономический рост и создание рабочих мест. Соответственно, задачи и решения, которые ставятся перед развитием культурного туризма, связаны с музеями.

Были реализованы взаимосвязи между индустрией туризма и музеем, изначально привлекавшие внимание и интерес туристов, менеджеров музеев и средств массовой информации.

Ассоциация туризма с музеями также заинтересована в развитии со стороны управляющих агентств. С 2018 года Национальное управление туризма Вьетнама и музеи Министерства культуры, спорта и туризма проводят пилотные туры, такие как: «История Вьетнама - Открытие с земли», «История Вьетнама - «Рассвет на реках» объединяет национальные Исторический музей, посещение старого города и уличная еда; тур «Вьетнамское изобразительное искусство - сокровища в сердце Ханоя» и «Вьетнамская деревня - перспектива» с маршрутом посещения Вьетнамского музея изобразительных искусств - шоу «Душа вьетнамской деревни» в музее Хо Ши Мина Хошимин, Вьетнамский театр кукол Тур

В последние годы ряд национальных музеев, специализированных музеев и провинциальных музеев постепенно модернизировали свои экспозиции в направлении улучшения оригинальных артефактов, а также применения на-

учных и технических средств (таких как сенсорный экран, 3D-технологии...) для обогащения и привлекательности отображать контент; В то же время усилить деятельность, программы опыта и просвещения в области культурного наследия в новом подходе для увеличения привлекательности для общественности, в котором студенты рассматриваются как один из основных объектов этой деятельности.

Музеи, которые находятся в авангарде этой тенденции, могут быть такими, как Национальный исторический музей, Вьетнамский музей этнологии, Вьетнамский женский музей, Музей вьетнамских этнических культур и т.д. культурные учреждения страны.

Вьетнамский женский музей изменил свой подход с простого восхваления выставленных тем на внимание современников, интересующихся социальными проблемами и текущими делами. От того, где Музей проводит только «одностороннее историческое» исследование, до точки, где Музей занимается социальной критикой». Вместо того, чтобы думать о музее как о просто месте, где можно заново представить исторический процесс, культурную культуру... пассивно и просто с слушанием, видением, изучением информации через повествование, стремление создать динамичный музей с использованием передовых технологий и разнообразия форм восприятия реальности для посетителей, вероятно, является неизбежным направлением, и Музей культур этнических групп является ярким примером.

Отличие от многих других музеев центральной части города, Музей культур этнических групп Вьетнама, один из пяти национальных музеев, является единственным, расположенным далеко от столицы. Это географическое положение также сильно влияет на количество ежедневных посетителей. Поэтому проблема привлечения посетителей - большая проблема для музея. Для того, чтобы привлечь посетителей, предварительное условие состоит в том, чтобы создать привлекательность с помощью способа демонстрации, как позволить гостям погрузиться в культурные районы, которые они посещают.

Таким образом, с 5/2010 Музей культур этнических групп Вьетнама ввел в эксплуатацию открытое пространство и занимается организацией специальных занятий по передаче народного искусства, таких как: Kho dance. Me, пятитональная музыка, фан-танец, водный кукольный театр ...; организует более 100 местных и международных локальных и мобильных выставок, таких как Малайзия, Швеция, Филиппины, Австралия, Камбоджа, Швеция ... Каждый год Музей культур этнических групп Вьетнама организует множество мероприятий. молодые туристы, такие как: «Фонарь милосердия», «Плут и фермер», «Ткацкие станки прошлого и настоящего», «70 лет по стопам армии дяди Хо», «Я практикую фермерство», «Ремесленник». », «Фестиваль чая» ... По статистике, количество посетителей и знакомств с культурой в музее заметно увеличилось по сравнению с периодом 2005-2009 гг. Каждый год привлекает около 180 000 посетителей.

В 2018 году Вьетнамский музей изобразительных искусств принял 58 990 посетителей, из которых 80% были иностранными посетителями, более 10 000 гостей были студентами. Кроме того, в этом мероприятии приняли участие около 20 000 посетителей, которые посетили тематические выставки в музее и других местах, увеличение числа внутренних посетителей по сравнению с предыдущим годом способствовало улучшению имиджа и положения туристов. Вьетнамский календарь в целом, и в то же время способствовать распространению художественных ценностей среди населения в стране и за рубежом.

Фактически, в прошлом некоторые музеи вводили новшества как в содержании, так и в форме и в архитектурном дизайне и добились определенных успехов, когда число посетителей значительно увеличилось, например, музей Куангнинь, Музей вьетнамских женщин и т. Д. Мужской...

Хотя он начал привлекать внимание местных и иностранных туристов, в целом музеи Вьетнама не продвигают своих ценностей и не привлекают много посетителей. В частности, с 2020 года по настоящее время из-за эпидемии Covid количество посетителей музея, особенно иностранных, заметно сократилось.

В развитии культурного туризма необходимо иметь более привлекательные музеи, способствующие увеличению продолжительности пребывания и расходов туристов.

В проекте Министерства культуры, спорта и туризма определены конкретные задачи и решения, а также определены обязанности соответствующих подразделений по реализации проекта. Каждый музей со своими характеристиками вскоре должен иметь конкретный план реализации, подходящий для данного подразделения.

Решения по повышению эффективности музеев в развитии туризма

Чтобы музей в ближайшем будущем привлекал посетителей и стал туристическим направлением, Вьетнаму необходимы следующие решения:

- Обновление содержания и формы отображения; диверсификация деятельности, уделение внимания выставкам; организовывать специальные выставки, способствовать взаимодействию с общественностью.
- Организовывать сервисные и развлекательные мероприятия в Музее.
- Применение современных технологий, таких как: цифровой музей, виртуальный музей, технология виртуальной реальности ... для оптимизации опыта посетителей. Во Вьетнаме некоторые музеи, такие как Национальный исторический музей, также применяют современные технологии, такие как виртуальные музеи и автоматические объяснения, чтобы улучшить впечатления посетителей.
- Применение информационных технологий повысило привлекательность музея и увеличило количество впечатлений для посетителей,

помогая решить проблему нехватки гидов на сайте, особенно с точки зрения языковых проблем. Все посетители музея хотят узнать больше, у них есть потребность узнать культурные, исторические, художественные ценности и т. Д. Им нужен контент из коллекций и артефактов. Музеям необходимо оцифровать истории, связанные с артефактами, благодаря поддержке технологий (виртуальная реальность, дополненная реальность, приложения (приложения), автоматическое повествование ...), которые могут легко передаваться на многих языках нужным клиентам и повысить привлекательность и интерес представленных экспонатов.

- Обновлять контент, новые изображения артефактов для кодирования QR-кода, отсканированного на смартфонах, в то же время исследовать и разнообразить формы передачи отображаемого контента, такие как интеграция аудиогидов в мобильное приложение, чтобы иметь возможность одновременно слушать и просматривать артефакты, многоязычная озвучка с помощью QR-кода путем перевода и записи дополнительных языков на английском, французском ..., что упрощает доступ посетителей к полному информационному содержанию. Все артефакты выставлены на постоянной основе музея.
- Сосредоточьтесь на продвижении и пропаганде деятельности музея для привлечения посетителей. В зависимости от их конкретных целей и условий они должны иметь соответствующую маркетинговую стратегию в различных формах, таких как каталоги, брошюры, панно, плакаты и другие средства массовой информации.
- общению нужно уделять больше внимания; подключаться и активно предоставлять информацию информационным агентствам и клубам туристических журналистов.
- музею следует уделять внимание вложению средств в дополнительные услуги: сувенирные магазины, вкладывать средства в креативный дизайн и производство сувенирной продукции, связанной с характеристиками музея; фуд-корт, кофе...
- Активно укреплять связи со школами и учебными заведениями. С существующими артефактами и изображениями музей наверняка предоставит студентам живую и интересную информацию;
- Создавайте уникальные и характерные изображения и значки, которые станут «контрольными точками» для туристов, особенно молодежи.
- Потому что уровень билета не обязательно является решающим фактором при выборе посещения музея туристами. Следовательно, необходимо собирать сборы (билеты) за посещение музея на разумном уровне, чтобы получить больше доходов для дополнения инвестиций, сбора,

демонстрации и сохранения ценных артефактов, повышения привлекательности музея.

- Необходимо изменить образ мышления в управлении музеями; обучение человеческих ресурсов, работающих в области музеев, привлечение местных гидов.
- Тесно сотрудничать с туристическими агентствами и организациями по размещению, чтобы продвигать их имидж в больших масштабах дома и за рубежом.
- Определите рынок посетителей: улучшение качества и работы музея для привлечения посетителей означает, что он должен быть связан с рынком посетителей. Музеи должны выявлять непосредственных и постоянных посетителей, чтобы иметь соответствующие инвестиционные решения. Есть музеи, которые изначально должны быть ориентированы на привлечение студентов-студентов; создать ступеньку для привлечения туристов.
- Туристы или общественность - главная забота музеев, и музейная деятельность направлена на то, чтобы служить публике наилучшим образом. Таким образом, увязка музейной деятельности с туризмом - одно из лучших решений для максимизации ценности сохраненного культурного наследия.

На самом деле туристы часто приезжают во Вьетнам через туристические агентства. Таким образом, независимо от того, привлекает ли музей посетителей и является ли их остановкой в пути, помимо того, что музею нужно прилагать усилия, пытаться внедрять инновации и развивать свою деятельность и услуги, сама туристическая компания Travel также вносит важный вклад в посетителей музея. Таким образом, чтобы повысить качество и эффективность деятельности по обслуживанию туристов и в то же время действительно раскрыть весь потенциал и стать излюбленным и знакомым местом для туристов, необходимо усилить координацию между музеями, реликвиями и индустрией туризма. повышен.

Помимо создания механизма координации между управляющими агентствами и туристическим бизнесом и музеями, необходимо также связать музейную деятельность с туристическим бизнесом на основе прозрачного выполнения ответственности, ответственности и интересов музеев и бизнеса для общего развития дело защиты и продвижения ценности культурного наследия и развития туризма.

Заключение

Музей - это место для хранения бесценного культурного наследия, он играет важную роль и является богатым ресурсом для развития туризма, особенно культурного туризма. Если он будет известен, инвестирован, эксплуатирует-

ся и продвигается, музей будет создавать разнообразные и привлекательные культурные туристические продукты, привлекая все больше и больше посетителей, тем самым принося определенный эффект. Вносить свой вклад в экономику в целом, в индустрию туризма, в музей в конкретный.

Развитие культурных и творческих индустрий - тренд мировой экономики в целом и Вьетнама в частности. 17 ноября 2015 года Генеральная Ассамблея ЮНЕСКО выпустила Рекомендации по охране и популяризации музеев и коллекций и роли музеев и коллекций в обществе, в которых утверждается: «Сохранение, изучение и распространение культурного и природного наследия, материального и нематериального. наследие в динамических и статических условиях и музей является наиболее важным видом деятельности для всех обществ, для всего межкультурного диалога между народами, для сплочения в целях устойчивого развития, содействия продвижению прав человека, поощрения творчества и создания новых возможностей для индустрии культуры и экономики туризма». Для развивающихся стран, таких как Вьетнам, крайне необходимы инновационные мероприятия по защите и продвижению ценности культурного наследия, в том числе в области музеев в соответствии с вышеуказанной тенденцией.

Музей - это место для наиболее полного сохранения культурных и исторических ценностей страны в периоды становления и развития В то же время это место для сохранения и демонстрации товаров. драгоценные артефакты были собраны с древних времен, отражая традиционную культурную квинт-эссенцию нации.

Чтобы музей стал туристическим центром для привлечения посетителей - одна из насущных требований Вьетнама.

Надеемся, что после того, как эпидемия Covid будет подавлена, международные и внутренние туристы скоро восстановятся, а это означает, что больше иностранных и внутренних посетителей узнают и посетят Вьетнамский музей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Нгуен Тхинь.* Музей реликтовой химии, Строительное издательство, Ханой, 2015 г.
- Вьетнамское национальное управление туризма. Non Nuoc Vietnam, Издательство культуры, Ханой, 2010 г.
- <https://bvhttdl.gov.vn/gan-bao-tang-voi-phat-trien-du-lich-huong-di-tat-yeu-20190208153545597.htm>
- <https://www.ninhthuan.gov.vn/chinhquyen/sovhttdl/Pages/Giai-phap-dua-Bao-tang-tro-thanhdien-den-du-lich-trong-thoi-gian-toi.aspx>
- <https://nhandan.vn/dien-dan-dulich/gan-ket-hoat-dong-bao-tang-voi-phat-trien-du-lich-364017>
- <https://travelmag.vn/du-lich-va-bao-tang-can-tim-tieng-noi-chung-de-quang-ba-van-hoa-d11502.html>
- <https://vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/30297>

А.А. Палий

Воронежский областной художественный музей
им. И.Н. Крамского, Воронеж, РФ

ОПЫТ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ АРХЕОЛОГИИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Воронежский областной художественный музей располагает значительной коллекцией подлинных произведений древнегреческих мастеров вазописи. Эти экспонаты вместе со многими музейными ценностями попали в Воронеж после подписания Брестского мира из Музея изящных искусств при бывшем Императорском Юрьевском университете (ныне – Тартуский университет).

Основа античного собрания была заложена в первой половине XIX в. Карлом Моргенштерном - первым директором музея. Приобретение произведений античного искусства он считал необходимым прежде всего с позиций преподавания истории искусства. Поэтому предпочтение отдавалось изделиям, выдающимся с точки зрения их художественной ценности. Коллекция сопровождала учебный процесс студентов и с самого начала создавалась с расчетом на ее постоянное активное использование. Свой вклад в расширение музейного собрания внесли и последующие директора Музея изящных искусств. [Воронежский областной музей изобразительных искусств: Альбом, 1984. С. 17]

Наиболее ценной частью античного собрания музея является коллекция ваз, в которой представлены основные типы сосудов - амфоры, кратеры, ойнохойи, килики и другие; а также примеры типов их росписи VIII-IV в. до н.э. - геометрический и ковровый стили, чернофигурная и краснофигурная керамика. На данный момент отдел античных древностей включает более 500 предметов, многие из которых находятся в постоянной экспозиции.

Последний раз зал, в котором они расположены, реконструировался в 1980-х годах и сегодня, спустя почти 40 лет, существующая экспозиция не отвечает запросам посетителей. По сути, экспонаты предъясняются только в созерцательном ключе и с односторонне - установленные в прошлом веке витрины невозможно обойти, чтобы рассмотреть рисунок вазы. Данную проблему

возможно решить масштабной реэкспозицией зала Античности, но это небыстрый и крайне дорогостоящий процесс.

Поэтому сотрудниками музея было принято решение создать пять 3D-моделей сосудов из коллекции античных древностей, представляющих наиболее распространенные типы ваз и росписи.

Как известно, в последнее десятилетие многие зарубежные и некоторые российские музеи начали представлять части своих коллекций для публичного показа в формате объемных цифровых копий на платформах визуализации моделей. Замечательные коллекции на «Sketchfab» для домашнего осмотра, к примеру, представлены The British Museum (271 экспонат), Harvard Museum of the Ancient Near East (1126 экспонатов), Archaeology University of North Carolina at Chapel Hill (1134 экспоната). The Archaeological Museum of Varna, заключив соглашение с одной из торговых площадок 3D-моделей, выставляет сканы некоторых экспонатов в открытую продажу, а The British Museum на основе цифровых копий изготавливает собственную сувенирную продукцию.

В России также практикуют создание цифровых моделей знаковых предметов коллекций и загрузку последних на «Sketchfab». Здесь можно найти Государственный Дарвиновский музей (256 экспонатов), ГМИИ им. А.С. Пушкина (16 экспонатов), музей Стерлитамакского филиала БашГУ (226 экспонатов), Тульский музей оружия (15 экспонатов), Музей-панораму «Бородинская битва» (30 экспонатов) и многие другие музеи.

Стоит отметить, что использование 3D-моделей не ограничивается только публичным показом. Вышеупомянутый «Sketchfab» предоставляет пользователям приложения возможность поместить любую модель в дополненную реальность. По схожему принципу работают российская платформа «Артефакт», а также площадки «Google Arts&Culture» и, конечно, «Instagram» (возможность добавить свою модель в раздел «Маски»). Сейчас, по нашим наблюдениям, эта функция не имеет большой популярности среди российских пользователей мобильных устройств.

Основная цель создания цифровых моделей в Воронежском областном художественном музее - более доступная демонстрация коллекции в формате виртуальной выставки. Были отобраны 5 экспонатов разного времени создания, приобретенные в 1870-80-е гг. директорами Музея изящных искусств при бывшем Императорском Юрьевском университете (Рис. 1). Среди них:

1. Кратер геометрического стиля. VIII в. до н.э. Фивы. Приобретен Георгом Лешке в 1880-е гг.
2. Амфора геометрического стиля. Конец VII - начало VI в. до н.э. Кипр. Приобретена Георгом Лешке в 1880-е гг.
3. Арибалл чернофигурный. Первая четверть VI в. до н.э. Черветери. Приобретен Людвигом Швабе в 1870-е гг.

4. Пелика краснофигурная. Мастер Виллы Джулия. После 460 г. до н.э. Приобретена Людвигом Швабе в 1870-е гг.

5. Ойнохоя чернофигурная. Мастер Эуфилета. Последняя четверть VI в. до н.э. Приобретена в 1870-е гг. [Дерпт - Юрьев - Тарту и Воронеж: История Университетской Коллекции: Каталог, 2006. С. 110-147]

Процесс создания моделей можно разделить на два этапа:

6. Фотограмметрия предметов - определение по снимкам исследуемого объекта его формы, размеров, площади, объема и др. В процессе фотограмметрии была использована цифровая камера (размер фотографий 3024x4032, dpi - 72). Было создано от 150 до 200 снимков с трех ракурсов.

7. Обработка полученного материала, размещение готовых моделей на платформе «Sketchfab» и сайте музея.

Обработка совершалась в программах «Adobe Photoshop CC», «RealityCapture 1.1», «SculptGL» и «Adobe After Effects». Далее следовало размещение готового материала на платформе визуализации и загрузке моделей «Sketchfab». Здесь стоит отметить, что размещение на платформе платное (для частного использования), и качество загружаемой модели напрямую зависит от статуса аккаунта. Но для учреждений культуры возможно получить бесплатную подписку «Pro», позволяющую загружать модели «весом» до 200 mb. Тем не менее, параллельно был подготовлен видеоролик, который продемонстрировал модели без снижения разрешения.

Небольшая выставка моделей античной коллекции «Обратная сторона керамики» в видеоформате впервые была показана на акции «Ночь музеев», проходившей 15 мая 2021 года (Рис. 2). После этого выставка была добавлена на сайт музея. Однако это лишь частично решило вопрос ограниченности демонстрации коллекции. 3D-модель никогда не сможет заменить реальное произведение искусства. Модель – всего лишь цифровой образ артефакта, не обладающий уникальными свойствами подлинника. Но для человека цифровой эпохи знакомство с подобными моделями может стать началом его знакомства с миром искусства.

Стоит отметить, что полученные в процессе работы над выставкой 3D-модели более полно отвечают задачам, поставленным полтора века назад создателями Музея изящных искусств при Юрьевском университете: детально рассмотреть особенности формы, рисунка, сохранности, и на этой основе научиться определять принадлежность артефакта к эпохе и стилю.

Таким образом, сегодня, в 2021 году, любому музею мира уже недостаточно просто хранить и приумножать культурные ценности. Важно предоставить возможность пользователю из любого уголка мира ознакомиться с коллекцией музея, оставаясь дома. Создание 3D-моделей экспонатов видится в этом очень перспективным направлением.

Рис. 1. Некоторые 3D-модели выставки «Обратная сторона керамики»

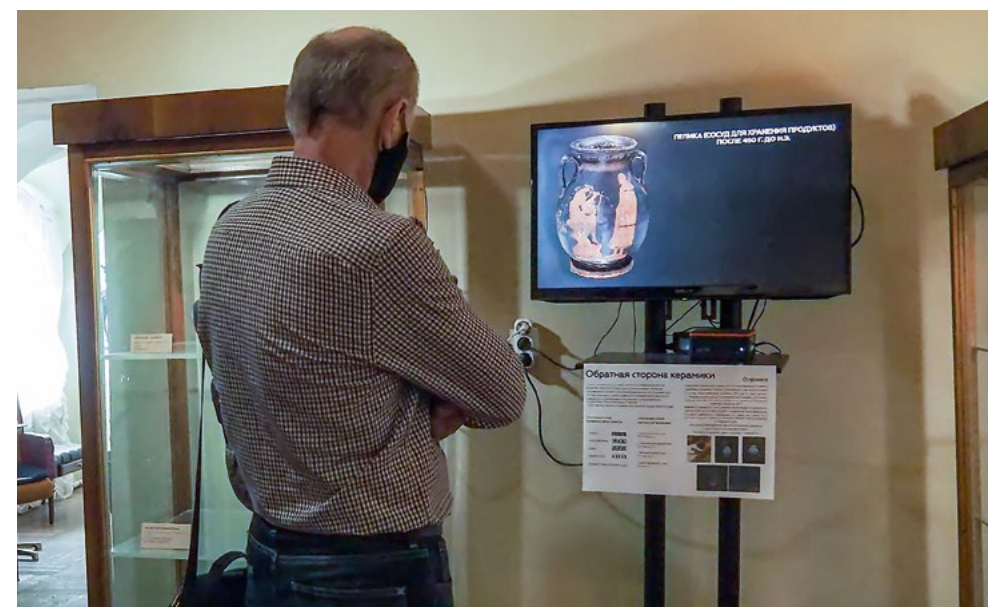

Рис. 2. На акции «Ночь музеев-2021» в зале искусства Античности

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Воронежский областной музей изобразительных искусств: Альбом / Авт.-сост.: Е. А. Резникова, М. И. Лунева, М. А. Хайдарова. – М.: Изобраз. искусство, 1984. – 216 с., ил.
Дерпт - Юрьев - Тарту и Воронеж: История Университетской Коллекции: Каталог / Е. Пшеницына, А. Вилков, А. Хиндикайнен, И. Кукк. – Тарту: Птамаа, 2006. – 507 с.

Т.В. Сарапулкина

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОКАЗЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИ ИХ МУЗЕЕФИКАЦИИ

Традиционно считается, что одной из важнейших задач современного общества является сохранение природного и историко-культурного наследия. Особое место среди памятников истории и культуры занимают объекты археологического наследия.

Причинами к этому послужили: невозможность восстановить памятники археологии; наибольшая подверженность их разрушению, как по природным, так и по антропологическим причинам; узкоспецифичность и «непонятность» археологических объектов общей массе населения; значительная площадь археологических памятников, ограничения в ее использовании; большая вариативность реконструкций археологических объектов; потребность в специфических формах музейной деятельности.

В настоящее время усилилось направление популяризации археологии среди обывателей. Приходится продолжать объяснять ценность археологических раскопок для местного населения, туристов, чиновников, в том числе с целью доказать, что «нетронутая/неразрушенная археология» может принести и экономическую выгоду для конкретного района.

По мнению научного и экспертного сообщества на сегодняшний день процесс музеефикации и представления археологических объектов далек от идеала [Гусев, Загоруйко, 2014. С.30-31; Гусев, Загоруйко, Минеева, Ожерелов, 2010. С. 5-6; Дробышев, 2011. С. 3; Ефремова, 2014]. Однако подавляющей точкой зрения является то, что наибольшие гарантии для сохранения памятников археологии может дать их включение в состав музеев-заповедников.

Тенденция на создание археологических музеев-заповедников приобретает общемировой характер. В РФ с начала 2000-х гг. большую работу по исследованию проблематики археологических музеев-заповедников вели Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия

им. Д.С. Лихачева и Томский государственный университет. По теме музеефикации археологического наследия пишутся и магистерские, и кандидатские диссертации.

В настоящее время на первый план выходит туристический потенциал археологического наследия [Дробышев, С. 111].

В «Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ» обозначается, что в целом туристский потенциал памятников археологии использован недостаточно, несмотря на определенный интерес российских граждан и зарубежных туристов к древнейшему и средневековому наследию народов России. И предлагается - «Представляется целесообразным создание в России научно-методического центра по музеефикации памятников археологии, разработка принципов менеджмента для такой категории объектов, подготовка и принятие специальной программы использования археологического наследия в музейных и туристских целях».

Главной же на наш взгляд идеей «Государственной стратегии...» является следующее предложение «Однако необходимо принять своевременные превентивные шаги по резервированию наиболее ценных территорий и предотвращению угрозы несанкционированной хозяйственной деятельности, жилищного и дачного строительства, распашки земельных участков, других действий по искажению и разрушению культурных ландшафтов. Такое резервирование должно быть осуществлено путем объявления ценных территорий с расположенными на них объектами наследия историко-культурными заповедниками».

Однако разработка Стратегии датируется 2008 годом, но научно-методический центр не создан, резервация земель не проведена.

Да, в Российской Федерации существует несколько музеев-заповедников, основой или составляющей частью которых являются объекты археологического наследия. Но музеев подобного рода десятки, а памятников археологии сотни тысяч. Понято, что не все археологические памятники можно и нужно музеефицировать, но существующих музеев-заповедников явно недостаточно.

Следует отметить и разницу в отечественной и зарубежной традиции в применении термина «музей под открытым небом». В российском понимании – это законсервированные раскопы либо археологический ландшафт. Во всем мире это сотни «археологических парков», т.е. комплексы воплощенных в натуре реконструкций археологических объектов.

Археологические музеи под открытым небом объединяет открытая площадка с реконструированными зданиями, декорациями или, так сказать, сценой для их деятельности. В большинстве случаев объект посвящен доисторическим временам, римской эпохе или средневековым сценам [Paardekooper, 2012].

В 2008 году EXARC определил, что такое археологический музей под открытым небом. Археологический музей под открытым небом – это некоммерческое постоянное учреждение с наружными, масштабными архитектурными реконструкциями, основанными в основном на археологических источниках. Он содержит коллекции нематериальных ресурсов наследия и дает интерпретацию того, как люди жили и действовали в прошлом. Это достигается в соответствии с надежными научными методами в целях обучения, изучения и удовольствия своих посетителей. [Paardekooper, R., 2020].

Музеи на основе археологических раскопок не так хорошо распространены во всем мире, но и они есть почти повсюду.

Здесь мы как раз вплотную подходим к проблеме показа археологических памятников, которые за небольшим исключением, представляют из себя обычные поля, холмы, берега рек, и многие из них даже после проведения археологических раскопок выглядят как скопления непонятных ям различной формы.

Современные археологические музеи-заповедники можно разделить на две категории: с руинированными остатками и чисто ландшафтные.

В связи с этим способы экспонирования археологического наследия можно разделить на следующие группы:

- экспонирование археологических предметов и локальных реконструкций в музейных зданиях,
- экспонирование законсервированных раскопов и археологических объектов *in situ* в различного вида павильонах,
- экспонирование законсервированных археологических объектов и раскопов под открытым небом,
- экспонирование реконструкций археологических объектов под открытым небом.

На практике большинство музеев-заповедников использует несколько вышеперечисленных способов.

В последнее время явно усилилась тенденция «поднять» аттрактивность археологического наследия, сделать его ближе и понятней основной массе населения. Основным методом сейчас в реализации этого направления являются мультимедийные эффекты [Гусев, Загоруйко, 2014. С. 33]. Однако считаем, что только продуманное сочетание реального осмотра памятника или объекта на месте с последующим знакомством с его бытованием или использованием через дополненную реальность может позволить посетителю полноценное представление о явлении/историческом событии без скучных лекций. Посещение музея – это только первый шаг для появления интереса либо возможность получить первое представление о чем-либо в зависимости от специфики самого музея.

Представляется, что мы сейчас уходим от поиска приемов интересного показа археологических памятников «вживую». Считается, раскопанные и законсервированные руины археологических объектов привлекают больше посетителей своей подлинностью и первозданностью, однако широкая публика и особенно молодое поколение все настойчивее требуют внедрения новых технологий в музейный показ. Возможно, выработка и внедрение дополненной реальности в музейную сферу достигнут своего определенного пика и настанет черед особой ценности подлинного предмета древности.

Мультимедийность и дополненная реальность не должны рассматриваться как противоположность традиционному музейному показу, а как дополнительный привлекательный ресурс.

За рубежом сейчас очень распространено смешивание подлинных материалов и цифровых технологий, проектов на стыке музейной интерпретации, академических исследований и экспериментальной археологии. Современное общество в своей основе является аудиовизуальным, и растет ожидание того, что сложная информация станет доступной в аудиовизуальных форматах. Нужно понимать, что VR или AR не решат всех проблем и не станут автоматически захватывающими.

Также неоднозначна оценка, особенно научным сообществом, и археологических парков или парков археологических реконструкций. Здесь хотелось бы привести одну цитату «Туризм - это уже катастрофа. Но мы должны признать, что без туризма не было бы общественного интереса, и без этого не было бы денег на нашу работу» [Butcher, J., 2005. С. 118]. Таким образом, должен соблюдаться баланс между экономической выгодой и нагрузкой, который туристы оказывают на объект. Здесь как раз и помогут археологические парки научных реконструкций, взявшие на себя часть туристического потока даже в рамках одного музея-заповедника. Конечно, реконструкции предполагают некую долю условности, но обязательным требованием должно быть привлечение узких специалистов или использование уже имеющихся научных реконструкций.

Специалистами отмечается, что «появление большого количества произвольных интерпретаций археологического наследия, начинающих преобладать над научно обоснованными интерпретациями, свидетельствует о пониженном доверии к официальной науке, к институту музея и в целом об обесценивании исторической грамотности человека, приводящем к «конструированию» множеств субъективно-индивидуальных образов исторического прошлого [Андреев, 2014. С. 197].

На наш взгляд, основной ценностью памятника археологии является его ценность как исторического источника, все остальное вторично. Но все мы понимаем, что обеспечить сохранность и изучение такого большого по количеству круга источников даже государству не под силу.

Памятники археологии неразрывно связаны с землей, а земельный вопрос сейчас один из наиболее сложных. Потому растущая тенденция: на понимание объектов культурного наследия, и как их часть, объектов археологического наследия, как имущества; на вовлечение памятников археологии в туристические проекты, на поиск экономического эффекта от археологического наследия является вполне закономерной в современном обществе. Если результаты этих поисков позволят сохранить археологические памятники, позволят финансировать их изучение, то сама тенденция имеет право на жизнь. Если же этот экономический эффект используется исключительно для получения прибыли, а сами памятники разрушаются и не исследуются, тогда это преступление мирового масштаба.

Наилучшей защитой на данный момент для памятника археологии является его включение в состав музея-заповедника. Музеи-заповедники являются комплексными по своим функциям учреждениями, они призваны сохранять в неприкосновенности не только архитектурные, археологические или мемориальные памятники, но и собственно историческую территорию, в том числе уникальные культурные и природные ландшафты, исторические городские и сельские поселения, уклад жизни проживающего на исторических территориях населения [Государственная стратегия...].

Но музей, это музей, и современное общество требует от музея не только сохранять, но даже в первую очередь презентовать культурное наследие. В тоже время археологический ландшафт сам по себе непонятен и неинтересен основной массе посетителей, и, если он дополнительно не содержит памятников природы, малопривлекателен.

Если раньше задачей экскурсии было просвещать посетителей, предоставлять им новые знания, то в ситуации, когда экскурсии стали товаром, вынесенным на рынок, основной их задачей стало развлекать посетителей. Любые рассуждения об объединении научной и развлекательной составляющих экскурсионной деятельности лишены оснований, поскольку они имеют различные механизмы восприятия [Белолипецкая, 2010. С. 70-71].

Археологическое наследие воспринимается зачастую опосредованно через форму его презентации с точки зрения ученого в научной публикации, автора в художественном произведении, экспозиционера в музейном продукте. У различных социальных субъектов формируются свои определенные образы исторического процесса даже на основе одной музейной экспозиции [Андреев, 2014. С. 196].

К сожалению, многие музеи, оказавшись в ситуации выбора способа объяснения археологического материала в музейной экспозиции, были к этому не готовы

Не смотря на многочисленные примеры популяризации, археологическое знание в настоящий момент пока не имеет выхода на уровень широкого мас-

сового восприятия и носит обособленный, узко дисциплинарный характер. Именно поэтому музейный показ археологических памятников требует особого подхода.

Медведь в своей работе задает два вопроса: «Что показывать?» и «Как показывать?». И считает, что ответы на эти вопросы можно получить, рассмотрев критерии отбора археологических памятников (объектов) для музеефикации (историческая значимость; сохранность памятника (объекта); информативность; доступность; современное значение), формы использования памятников археологии в музейной деятельности (уникальная историко-культурная территория (или экомузей), археологический музей-заповедник, археологический парк, «живой памятник») и способы показа памятников (открытый, полудоткрытый, закрытый, павильонный) [Медведь, 2004. С. 50].

Вопрос непосредственно способа показа археологического наследия в музейных учреждениях освещен в исследованиях С.Ю. Каменского [Каменский, 2009], Гринько, Лагутина, Гончарова [Гринько, Лагутин, Гончаров, 2020], и в ряде статей Трудов ГИМ за 2000 год [Современные концепции...].

В литературе фиксируются следующие методы и подходы к созданию музейных экспозиций на основе археологического материала: традиционный коллекционный/типологический метод построения экспозиции; социоархеологический подход – применение экспозиций нескольких типов [Жукова, 2000], метод контрастной сопоставительной презентации смыслов научной и обыденной интерпретации наследия [Андреев, 2014].

Зачастую созданием археологических экспозиций занимаются действующие археологи, работающие в музеях и, как следствие, экспозиции и выставки получают ориентированными на научное сообщество, на коллег.

По мнению ряда исследователей сложившийся стереотип, что археологические коллекции являются одними из самых привлекательных музейных материалов, является профессиональным мифом [Гринько, Лагутин, Гончаров, 2020].

К примеру, по мнению Н.А. Белолипецкой, привлекательность Аркаима для посетителей заключается не столько в его имидже как научного учреждения, сколько в сопутствующих факторах – возможности отдохнуть, выехать на природу, дать волю собственной фантазии, выйти за пределы повседневной рутины [Белолипецкая, 2010. С. 70].

Сегодня музейный сектор во всем мире сталкивается с множеством проблем, но самая большая из них – это цель. Для чего мы? Без решения данного вопроса в том числе нет возможности и определиться с методами музейного показа археологического наследия. Сейчас традиционно верным способом считается консервация руинированных памятников либо лаконичная расчистка ландшафтных памятников с предоставлением возможности посетителям, прослушав экскурсию или прочитав сопровождающую

информацию, самим мысленно сконструировать исторический объект или событие. Но также уже традиционно считается, что такие музеи скучны и в современном обществе неактуальны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ // <https://culture.gov.ru/documents/gosudarstvennaya-strategiya-formirovaniya-sistemy-dostoprimechatelnykh-mest-istoriko-kulturnykh-zapo/>
- Гринько И.А. Лагутин А.Б., Гончаров А.А. Археологический музей: конфликт интересов и новые форматы // РА. – 2020/ - № 2. - С. 111-119.
- Гусев С., Загорулко А. Археологические музеи-заповедники в России // Музей. - 2014. - № 8. - С.30-34
- Дробышев А.Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: автореферат дис. ... кандидата культурологии. - Кемерово, 2011. - 24 с.
- Ефремова Е.В. Консервация и реставрация памятников археологии в процессе их музеефикации // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - № 384. - С. 95-101.
- Жукова А.В. Возможности применения социоархеологического подхода в музейной экспозиции // Современные концепции первобытной истории: Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. Труды ГИМ, 2000. - Вып. 113. - С. 46-49.
- Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: диссертация кандидата культурологии. - М., 2009. - 175 с.
- Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – М.: Издательство «ГНОМ и Д», 2004. – 80 с.
- Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. Труды ГИМ. - Вып. 113. - М., 2000.
- Butcher J. The Moralisation of Tourism: Sun, Sand... and Saving the World? - Routledge, 2005.
- Paardekooper R. The value of an archaeological Open-Air Museum is in its use. Understanding Archaeological Open-Air Museums and their visitors. Leiden: Sidestone, 2012.
- Paardekooper, R., 2020. The Use and Relevance of Archaeological Open-Air Museums // EXARC Journal Issue 2020/1.

Н.В. Смородинов

Воронежское художественное училище (техникум), Воронеж, РФ

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПОЗИЦИЙ

Я хочу поделиться своими мыслями по поводу археологических экспозиций в музеях. Археологические экспозиции присутствуют в Воронежском областном краеведческом музее, в археологическом музее-заповеднике «Костенки», учебные археологические экспозиции в музее археологии Воронежского государственного университета и в археологическом музее им. А.Т. Синюка в Воронежском государственном педагогическом университете.

Археологическая экспозиция ВОКМ начала формироваться Зверевым еще в конце 19 века [История здания]. Музей того времени представлял собрание уникальных образцов природы, быта и истории рассказывающих о родном крае. Эта традиция продолжается и в идеологии современного музея. Новая археологическая экспозиция была сформирована как выставочный проект «Праистория Воронежского края: начало эры металлов» [Праистория Воронежского края: начало эры металлов].

Основу экспозиции составляют редкие экспонаты из музейных фондов. Экспозиция построена на концепции формационного подхода к истории первобытного строя. Она отражает техническое развитие человеческой деятельности, от каменных орудий труда к металлическим, с чем связываются изменения в социальной структуре общества и в идеологии (религиозных верованиях). Экспозиция завершается демонстрацией «уникумов» из двух кладов, найденных в Воронежской области [Праистория Воронежского края: начало эры металлов].

Стремление показать максимально большое количество экспонатов – уникальных, приводит к перегруженности витрин. Многие интересные вещи просто пропадают среди других. Возможно, нужно уменьшить количество экспонируемых однотипных вещей – каменных топоров, металлических ножей, каменных стрел и т.п.

Археологический музей-заповедник «Костенки» создан благодаря усилиям руководителя археологических раскопок стоянки Костенки 11 Александру Николаевичу Рогачеву и директору Воронежского областного краеведческого

музея Андрея Петровича Соловьева [История музея]. Здание задумывалось как павильон над остатками из костей мамонта жилища эпохи палеолита. С 1991 года музей отделяется от ВОКМ и становится самостоятельной организацией. Постепенно меняется и расширяется экспозиция.

Представленный в начале экспозиции макет местности с расположенными стоянками позволяет увидеть выявленные и охраняемые палеолитические стоянки на территории музея-заповедника [Здание музея и экспозиция]. В экспозиции представлены антропологические материалы, но без схем и более наглядных разъяснений. Это приводит посетителей к ложным выводам, так как их представление о современных расах и нациях переносится на палеолитическое время.

Небольшая панорама показывающая жизнь палеолитической семьи, как и большая часть подобных реконструкций скорее выступает, как детская иллюстрация. Выставленные орудийные наборы остаются непонятными посетителями не археологами. Раздел экспозиции, посвященный вымершим представителям четвертичной фауны, привлекает посетителей и стал своеобразной визитной карточкой музея [Здание музея и экспозиция].

В эстетическом плане экспозиция распадается на отдельные витрины и стенды. Стремление показать быт людей палеолита уводит в научно-популярную сторону. Скорее экспозицию нужно строить исходя из значения Верхнего палеолита в истории человечества (самого протяженного периода): создание искусственной среды обитания – орудия, жилище, огонь, одежда, религия, искусство и др., что мы используем и сегодня.

Археологический музей Воронежского государственного университета формировался на базе коллекций археологических материалов полученных в ходе исследований экспедиций ВГУ [Археологический музей]. Его задачами являлись научно-исследовательская и просветительская деятельности реализуемые в процессе подготовки специалистов историков.

Выставленные в витринах коллекции сопровождается фризом из картин Якова Петровича Мулкиджаняна (историка, археолога, журналиста, писателя и художника), являющиеся художественной реконструкцией полученных археологически реалий прошлого. В витринах выставлен материал максимально полно раскрывающей типичное материальное наполнение конкретной археологической культуры [Археологический музей ВГУ]. Материалы, которые невозможно представить в экспозиции присутствуют в форме фотографий, прорисовок и т.п.

Помещение музея совмещенно с учебной аудиторией и выполняет в первую очередь образовательные задачи. Экспозиция выглядит эклектично, что связано с отдельным восприятием картин фриза и витрин с экспонируемыми материалами, выставленными с научной точки зрения, а не с эстетической.

Как и музей археологии ВГУ Археологический музей им. А.Т. Синюка Воронежского государственного педагогического университета, его экспози-

цию можно отнести к учебным [Археологический музей имени профессора А.Т. Синюка].

В основе проекта экспозиции заложена предложенная А.Т. Синюком мировоззренческая концепция развития археологических культур лесостепного мира. Исходя из экологической емкости лесостепного мира сочетавшего различные ландшафты пригодные для ведения различных хозяйственных укладов, А.Т. Синюк обосновывал одновременное сосуществование различных археологических культур на территории Среднего Дона [Археологический музей ВГПУ].

Это нашло отражение в расположении материалов в витринах, которое должно было демонстрировать не только сосуществование в процессе хронологического развития каждой из культур, но и степень взаимовлияния. Наличие культурно – экономического разнообразия приводит к появлению на территории Донской Лесостепи в бронзовом веке социально клановую структуру общества – жнецов, вождей-колесничих, металлургов литейщиков и кузнецов. Эта специфика лесостепной зоны как территории культурного синтеза сохраняется и в более поздние эпохи

Экспозиция подчинена единому научному, образовательному и эстетическому плану, разработанному профессором Арсеном Тиграновичем Синюком. Именно поэтому археологический музей ВГПУ носит его имя.

Приходя в музей, зритель ходит в тишине мимо подсвеченных витрин, проходит мимо экспонатов являющимися артефактами для ученых, но не для него. Не является историком он видит перед собой очередной старый глиняный сосуд или ржавый наконечник стрелы или просто камень. Бесспорно экскурсовод, аудиогид или просто описание на этикетке немного помогут понять смысл выставленного предмета и его историческую роль. Но понимание, как данный предмет реконструирует прошлое, скорее всего не наступит.

Что хочет увидеть зритель?

Не просто экспонат, зрителю интересен артефакт с отголосками дальних времен. Экспозиция должна строиться по единому плану позволяющую человеку постепенно погрузиться в прошлое. Не только увидеть, но и услышать отголоски древности - шум голосов, музыку инструментов, названия которых многие уже позабыли, шум инструментов.

Нельзя перегружать зрителя. Стремление показать максимально большое количество экспонатов – уникалов, приводит к перегруженности витрин. Многие интересные вещи просто пропадают среди других. Возможно нужно уменьшить количество экспонируемых однотипных вещей – каменных топоров, металлических ножей, каменных стрел и т.п. Стоит сконцентрировать внимание зрителя на особо значимых предметах. Еще не экспонировалось.

Традиционные, расположенные вдоль стен витрины отделяют зрителя от предмета, ограничивают возможности обзора, археологические находки на

специальных подиумах позволят обойти их со всех сторон и детально рассмотреть. Можно использовать систему зеркал для обзора предмета в обычной витрине. Особо ценные или легко разрушаемые уникалы возможно выставлять в виде голографических изображений.

Применение проецируемых изображений с помощью эпидиаскопа, проектора может помочь оживить макет или витринную экспозицию. К визуализации можно добавить спецэффекты - особая подсветка, звук. Наука и искусство должны совместно решать проблемы построения современной музейной экспозиции.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- История музея / археологический музей – заповедник Костенки [Электронный ресурс]. <http://kostenki-museum.ru/muzej/istoriya-sozdania/>
- Здание музея и экспозиция / археологический музей – заповедник Костенки [Электронный ресурс]. <http://kostenki-museum.ru/muzej/zdanie-muzeya/>
- История здания / Воронежский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]. http://museum-vrn.ru/muzej/osnovnoe_zdanie/istoriya-osnovnoe-zdanie/
- Праистория Воронежского края: начало эры металлов / Выставки и мероприятия / Воронежский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]. http://museum-vrn.ru/vystavki_i_meropriyatiya/praistoriya-voronezhskogo-kрая-nachalo-ery-metallov-6/
- Воронежский государственный университет / Музей ВГУ / Археологический музей [Электронный ресурс]. <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/museums/#arche>
- Археологический музей ВГУ / Вантит. Воронежский эколого-исторический сайт [Электронный ресурс]. <http://vantit.ru/component/k2/item/161-archeologic>
- Археологический музей имени профессора А.Т. Синюка / Воронежский государственный педагогический университет [Электронный ресурс]. http://www.vspu.ac.ru/univer/arch_museum.html
- Археологический музей ВГПУ / Вантит. Воронежский эколого-исторический сайт [Электронный ресурс]. <http://vantit.ru/go/872-archmuseum-vgpu.html>

Е.Н. Сухопарова

Историко-археологический музей в с. Юдиново – филиал ГБУК «БГКМ»

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ПАЛЕОЛИТ»: ИСТОРИЯ МУЗЕЕФИКАЦИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЮДИНОВО

Юдиновская верхнепалеолитическая стоянка (15-12 тыс. л.н.) один из значимых памятников первобытной эпохи на Русской равнине. Она находится на юго-западной окраине села Юдиново Погарского района Брянской области, на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Судости, притока р. Десны. На территории стоянки над участком культурного слоя совместными силами ленинградских (петербургских) ученых и местных энтузиастов был создан музеефицированный комплекс. История его создания связана с историей исследования памятника.

Верхнепалеолитическая стоянка была открыта в 1934 году. В начале сентября 1934 г., при рытье на колхозном дворе котлована для картофелехранилища колхозником И.С. Юдиновым на глубине около двух метров были обнаружены большие кости. Находки и место их обнаружения внимательно изучил учитель местной школы В.Д. Зайцев. Он собрал здесь кости, кремни и сообщил об этом в райцентр Погар, откуда известили в областном центре Смоленский отдел народного образования. Вскоре, 8 октября 1934 г. в газете «Правда» была опубликована заметка о находке костей мамонта на территории с. Юдиново Погарского района Западной области. Место находки вскоре было осмотрено по поручению Смоленского пединститута студенткой-геологом В.Д. Соколовой. Она предложила яму «зарыть без нарушения фактического расположения костей, сохранив для дальнейших исследований», и увезла в Смоленск 2 зуба мамонта и 15 кремневых изделий [Чубур, 2009. С.66; Гурьянов, Чубур, 2019 С. 18, 20].

Заметка привлекла и внимание известного белорусского археолога К.М. Поликарповича (1889–1963). Во второй половине октября 1934 г. он приехал с командировкой в Юдиново [Поликарпович, 1968. С.140; Гришин, 1978. С.2]. 17-18 октября археологом были осмотрены как сам котлован, так и все доступные в его радиусе ямы и погребка. В непосредственной близости от места

обнаружения был заложен шурф размером 2 кв. м. В результате удалось подтвердить наличие верхнепалеолитического культурного слоя, приблизительно очертить его протяженность и собрать небольшую археологическую коллекцию. После первого обследования в 1934 г. местонахождение долгое время оставалось неисследованным [Попова, 2014. С. 135, Поликарпович, 1968. С. 142]. Первые раскопки Юдиновской стоянки планировались в 1941 г., однако их организации помешали поначалу отсутствие финансирования, а затем война [Гурьянов, Чубур, 2019].

В исследовании Юдиновской стоянки выделяют три основных этапа: 1) раскопки 1947 г.; 2) полевые исследования 1960-х гг.; 3) полевые исследования 1980–2000-х гг. [Хлопачев, 2019. С. 97]

Первые раскопки памятника начались спустя 13 лет после открытия, в июле 1947 г., экспедицией под руководством К.М. Поликарповича. В них принимали участие: В.П. Левенок, Л.А. Михайловский, Ф.М. Заверняев. За один полевой сезон была вскрыта обширная площадь — около 300 кв. м. Следуя методике, разработанной в Костенках, Константин Михайлович основное внимание уделил планиграфическому анализу исследуемых участков. Им внимательно изучались скопления костей мамонтов. По меньшей мере, в двух скоплениях археолог наблюдал определенные закономерности в расположении черепов и костей. (Поликарпович, 1968. С.142; Попова, 2014. С. 335). Работы были начаты в яме от старого колхозного погреба (раскоп 1), но культурный слой в нем оказался сильно разрушенным и раскопки не продолжались. Основное внимание было сосредоточено на котловане от картофелехранилища (раскоп 2). Здесь было обнаружено скопление костей мамонта, образующее неправильный овал по длинной оси с северо-запада на юго-восток 9,46 м и с наибольшей шириной 8,93 м с ограждением, особенно выраженным на северном и западном участках. Внутренняя часть ограждения включала черепа мамонта, поставленные альвеолами вниз и лобной костью внутрь сооружения. В лопатках, половинах тазовых, трубчатых костях прослежены намеренно пробитые отверстия. В западной части скопления находилось очажное пятно диаметром 2 м. [Абрамова, 1995. С. 10]. Все это позволило К.М. Поликарповичу определить скопление как развалины жилища — одну «из первых весьма полно выраженных древнейших архитектурных форм» [Поликарпович, 1968. С. 153]. Таким образом, первые раскопки выявили останки двух жилищ (№ 1 и №2), одно из них было полностью раскопано (№1). Константин Михайлович отмечал: «Юдиновская стоянка — одна из самых значительных по размерам и научному значению поселений верхнего палеолита Восточной Европы. Добытые в ходе раскопок материалы дают довольно полное представление о жизни людей палеолита на одной из первых ступеней ранне-родовой общины, позволили определить уровень материальной культуры обитателей стоянки». [Поликарпович, 1968. С.174].

После продолжительного перерыва, в 1961 г. К.М. Поликарпович совместно со своим учеником В.Д. Будько продолжил исследование стоянки, но из-за тяжелой болезни раскопки были прекращены. Это был его последний полевой сезон, через полтора года археолога не стало. В дальнейшем работы на Юдиновском поселении проводились его учеником В.Д. Будько (1961, 1962, 1964, 1966, 1967 гг.). Он завершил исследование жилища № 2, открыл и раскопал значительную часть жилища № 5, изучил обширную площадь межжилищного пространства в восточной части поселения [Абрамова, 1995. С. 11; Хлопачев, 2018. С.97].

Именно в середине 1960-х гг. с подачи В.Д. Будько имеет место первая попытка музеефикации уникального памятника. Все кости из конструкции второго жилища были пронумерованы и вывезены им 1 сентября 1964 в Минск, в Государственный Исторический музей БССР. Планировалось смонтировать из них палеолитическое жилище в зале музея. Однако, по каким-то причинам монтаж так и не состоялся [Чубур, 2006. С. 228].

Позже остатки жилой конструкции были воссозданы в реставрационной мастерской на основании плана и фотографий. Кости мамонта, образовавшие основание и цоколь «жилища» № 2, были размещены на девяти специально изготовленных металлических подставках в соответствии с тем положением, в котором они находились на момент обнаружения. Такое техническое решение позволяло достаточно легко перевозить и монтировать данный «натуральный макет» на различных музейных площадках. В настоящее время «жилище» № 2 находится в краеведческом музее в средней школе с. Юровичи (Гомельская обл., Республика Беларусь) [Хлопачев, 2014. С. 194].

Следующий этап масштабных археологических раскопок связан с именами ленинградских (петербургских) археологов – З.А. Абрамовой, Г.В. Григорьевой и Г.А. Хлопачева. Именно на этом этапе был осуществлен план по созданию археологического заповедника на территории стоянки эпохи верхнего палеолита.

С 1980 г. по предложению известного археолога из Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР Н.Д. Праслова и в связи с регулярными обращениями в АН СССР юдиновского энтузиаста-краеведа Л.И. Гришина, раскопки в Юдиново после многолетнего перерыва были возобновлены Брянской палеолитической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством д.и.н. З.А. Абрамовой. Исследование стоянки проводилось комплексно. Участвовал в работе Государственный Исторический музей в лице к. и. н. Л.В. Греховой. Изучение геологических условий залегания и палеогеографии памятника проводил отряд Института географии АН СССР под руководством докт. геогр. наук А.А. Величко. Кости мамонта в полевых условиях изучал кандидат биологических наук В.Е. Гаррут, остальные остатки фауны определены палеонтологом И.Е. Кузьминой (оба – Зоологический институт РАН). [Абрамова, 1995. С.5].

Раскопки 1980 г. носили разведочный характер, наиболее важным оказалось изучить культурный слой, установить глубину его залегания, стратиграфию и основные характеристики. [Абрамова, 1995. С. 13]. В результате раскопок выполненных в 1981–1983 гг. были обнаружены и вскрыты остатки костных конструкций двух жилищ (№3 и №4).

В этот же период под руководством местного краеведа Л.И. Гришина шла работа по созданию музея в селе Юдиново, экспонаты для которого собирались учащимися школы с 1972 г. В 1980 г. Леонид Иванович обращался с письмом к В.Д. Будько, в котором вел разговор о возможности передачи юдиновскому музею, вывезенного в Белоруссию в 1964 г. жилища. Археолог пообещал «если в ближайшие годы не будет выделена соответствующая площадь для его экспозиции, то можно будет поднять вопрос о передаче Вашему музею» [ЮКМ 4]. Намерение так и осталось нереализованным. Большие надежды были связаны с работой ленинградской экспедиции археологов: открытие новых конструкций, их детальное исследование, последующее извлечение и реконструкция в сельском музее.

Председатель колхоза «Победа», на территории которого велись раскопки, Герой Социалистического труда М.С. Баранок и Л.И. Гришин отказались от первоначальной идеи переноса расчищаемых жилищ для монтажа в музей. Решили прямо на месте накрыть павильоном. Идею поддержал секретарь Погарского райкома КПСС М.Д. Серый. Археологи также одобрили такой подход. Если в первые годы площадь раскопа по окончании полевого сезона закапывалась и на следующий год открывалась заново, то постройка павильона позволяла создать обширную экспозицию и продолжить исследования под крышей. «Задача облегчалась тем, что остатки двух вскрытых жилищ и мощного зольника по счастливой случайности оказались в непосредственной близости и могли быть сохранены под крышей музейного павильона» [Абрамова, 1995. С.4].

В 1984 г. на средства колхоза «Победа» над археологическим раскопом был построен павильон «Палеолит». Открытие музея-заповедника состоялось 9 мая 1985 г. Он стал третьим музеем в СССР на месте палеолитической стоянки. Первый был создан в селе Добраничевка (Киевская обл.), второй в с. Костенки (Воронежская обл.). Это первый и до сих пор единственный опыт музеефикации палеолита на территории верхнего Поднепровья [Чубур, 2006. С. 230].

Над раскопом площадью в 109 м² было создано защищающее от непогоды перекрытие. Его основанием стали шесть вертикальных глубоко вкопанных труб, на которых закрепили металлоконструкции поддерживающие крышу из листового железа. Между трубами были сооружены кирпично-стеклоблочные стены павильона слабо углубленные в землю с юга и востока и на метр удаленные от края раскопа и до пола с севера и запада. Трубы также были обложены кирпичом, эти контрфорсы соединяют между собою участки стен.

Над северным и западным краями раскопа была построена на высоте два метра от уровня культурного слоя смотровая площадка для посетителей. На ней был предусмотрен люк с лестницей и возможностью спуска непосредственно в раскоп. Две стенки раскопа укреплены кирпичной кладкой, две другие оставили в естественном состоянии для наглядной демонстрации стратиграфических условий залегания культурного слоя.

С высоты смотровой площадки вниманию посетителей представлены оставленные на земляных останцах кости мамонтов, образующие два ярко выраженных скопления – остатки двух жилищ. Одно из них представлено полностью, другое – частично: две ниши в западной стенке раскопа указывают на его продолжение за пределами раскопа. Первое жилище имеет округлую форму диаметром 5-6 м при толщине стены до 1 м. Внутренняя часть углублена на 50–60 см в грунт. Стены сложены в основном из черепов мамонтов, вкопанных альвеолами в землю. Черепа размещены группами по три, реже по четыре и закреплены лопатками и тазовыми костями. Южная, более массивная часть ограждения состоит из восьми переплетенных бивней, обращенных дугами вверх и опирающихся на черепа и другие кости. Западное ограждение представлено черепами, лопатками с отверстиями, трубчатыми костями и ребрами. В северной половине внутри жилища под большим завалом костей обнаружена яма-кладовая для хранения костяного сырья. Дно ямы имеет овальную форму и размеры 50×60 см. Второе жилище расположено на 1-2 м западнее. Изучено не полностью, поскольку западная стена «уходит» под стену музейного павильона. Предположительно оно имело округлую форму и диаметр 5 м. Отличительная особенность его – наличие «входа» длиной около 2 м и шириной внутри до 70 см, ограниченного с одной стороны тремя, с другой – четырьмя черепами мамонтов, рядом лежали лопатки и тазовые кости. [Абрамова, 1995; Жермонпре и др., 2008. С. 92-93]. «Следует отметить, что довольно эффективно на экспонируемом пространстве смотрятся кости мамонта, сохранившиеся в анатомическом порядке. Это семь позвонков грудного отдела, лежащие вертикально. Они являются составной частью ограждения одного из «жилых комплексов». Их присутствие как бы показательно оттеняет искусственность взаимного размещения других костей» [Попова, 2014. С. 338]. Кости мамонтов в этих конструкциях залегают *in situ*. Помимо остатков жилищ экспозиция включает участок с зольником и разнообразные следы деятельности человека.

Сразу после постройки павильона встала проблема длительного сохранения культурного слоя. Температура в здании всегда соответствовала температуре наружного воздуха, только крыша укрывала раскоп от осадков. Описанного опыта хранения костей в таких условиях не было. Сразу пришлось устанавливать наблюдение за состоянием редкого археологического памятника. Уже первые два года наблюдений позволили сделать некоторые выводы. Внешне вся экспозиция выглядела относительно благополучно. По-

сетителей ничто не отвлекало от главного. В летние месяцы повышенная влажность приводила к быстрому развитию микрофлоры, грунт в раскопе начал зеленеть. Особенно волновало то, что «зелень» начала «залезать» на кости. Зимой грунт выглядел сухим, но в оттепели наблюдалось появление влаги на костях и попадание ее в микротрещины. Последующее замерзание воды увеличивало трещины. Налицо было отрицательное влияние низких температур на сохранность костей.

В 1986 году в связи с Чернобыльской катастрофой археологические работы на стоянке в Юдиново не производились. Заведующий музеем Л.И. Гришин о своих наблюдениях письмом поставил в известность З.А. Абрамову. В полевой сезон 1987 года экспедиция З.А. Абрамовой прибыла для продолжения археологических исследований. В составе экспедиции приехали из Ленинграда старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, кандидат химических наук Е.П. Мельникова и биолог И.В. Мамонова. Они разработали уникальную методику консервации костей гидрофобными соединениями с применением полимерного биоцида-катапола. Методика разрабатывалась с учетом опыта такой работы в Костенках. Все костные конструкции музейной экспозиции были покрыты этим составом. «Зелень» на костях больше не появлялась. Однако грунт и останцы под костями по-прежнему в летний период покрывались «зеленым ковром». Е.П. Мельникова посоветовала попробовать обработать раскоп путем опрыскивания раствором формалина и аккуратно зачищать поверхность раскопа. Ряд лет обработку грунта производили катамином. Процедуру обработок грунта повторяли дважды в год.

Мониторинг сохранности отдельных элементов жилищ показал, что разрушению от внешнего воздействия разные части скелета подвергаются не в одинаковой степени. Хуже всего сохраняются бивни. Они быстро приобретают трещины, расслаиваются, и даже от легкого прикосновения могут распадаться на мелкие кусочки. Грунтовые останцы также подвержены разрушительному действию окружающей среды. Смена влаги сухостью и наоборот провоцирует осыпание частичек грунта, что ведет к их истончению и далее к разрушению.

В феврале 1990 г. рухнула южная естественная стенка и засыпала, частично разрушив, прилежащие к ней кости зольника. Возникла опасность разрушения павильона, поэтому заведующий музеем Л.И. Гришин был вынужден сложить кирпичную кладку по двум неукрепленным изначально стенкам раскопа.

По-прежнему остро стоял вопрос создания надлежащего температурно-влажностного режима, который бы гарантировал долгосрочное сохранение экспозиции. Для борьбы с влажностью была создана система принудительного вентилирования. Изготовили и установили короб из кровельного железа высотой от грунта до конька крыши. Приспособили к нему вытяжной венти-

лятор. В 2003 г. после многократных обращений директора Юдиновского музея Л.И. Гришина и археологов из Брянского университета Е.А. Шинакова и А.А. Чубура, Администрацией Брянской области были выделены средства на строительство пристройки к павильону с помещением для зрителя и входным коридором, установку подвесного потолка и установку внутри павильона инфракрасных излучателей. После консультаций с З.А. Абрамовой были приобретены и установлены внутри павильона потолочные отопители «ЭкоЛайн» для создания стабильного микроклимата. Это положительно сказалось на состоянии музеефицированного археологического объекта.

В 2012 г. было уделено внимание художественной стороне – на всю стену раскопа напротив смотровой площадки был установлено баннерное панно, иллюстрирующее жизнь на стоянке.

«В целом усилия, вложенные в музеефикацию поселения, впечатляют. Раскопки, постройка павильона, создание экспозиции, принятые меры по консервации в совокупности заложили серьезную основу для эффективного и полноценного существования музея» [Попова, 2014. С 338].

В настоящее время музеефикация Юдиновской стоянки еще не завершена и требует поступательного развития, чтобы сохранить уникальный памятник и сделать его привлекательным для посетителей. В павильоне по-прежнему важно обеспечить возможность поддержания необходимого для сохранности культурного слоя температурного и влажностного режима. Необходимо присутствие специалистов для оценки состояния костей, останков и проведения требующихся работ по консервации и реставрации.

Улучшить наглядность экспозиции поможет продуманное привлечение возможностей современных мультимедийных технологий, размещение информационных стендов, объемных макетов, моделей жилищ и мамонта. Экспонаты археологической экспозиции краеведческого музея (при наличии места в павильоне) усилили бы информационную нагрузку экспозиции музея-заповедника. Кроме того, возможно экспонирование некоторого числа характерных подлинных изделий из культурного слоя Юдиново, находящихся в фондах Брянского краеведческого музея, и потому не требующих сложных и полных противоречий межведомственных коммуникаций: речь о типичных кремневых изделиях и молотках из оленьего рога, переданных в Брянск еще В.Д. Будько [Чубур, Наумова, Макурина, 2019].

В 2019 г. наметились перспективы реконструкции здания. Проектирование осуществляется таким образом, чтобы границы нового здания и объекты благоустройства минимально затрагивали ранее не обследованные археологами территории. Проект предполагает возведение современного функционального здания с возможностью поддержания необходимого микроклимата, что обеспечит сохранение экспозиции в долгосрочной перспективе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб.: ИИМК РАН, 1995. Вып. 1. 130 с.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997. 149 с
- Григорьева Г.В. Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 32 с.
- Гришин Л.И. От палеолита до наших дней. Брянск, 2013.
- Гришин Л.И. Село моих надежд // Вперед (Погар). 1978. № 111. С. 2.
- Гурьянов В.В., Чубур А.А. Несостоявшаяся экспедиция. Планы изучения Деснянского палеолита, перечеркнутые войной // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2 (40). С. 17-26.
- Жермонпре М., Саблин М.В., Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу гипотезы охоты на мамонта // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. Вып.1. СПб., 2008. С. 91–112.
- Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
- Попова М.Н. Музеефикация верхнепалеолитического поселения Юдиново в Брянской области (к проблеме сохранения) // Проблемы археологии эпохи камня : [сб. научных статей] / СПб. гос. ун-т, Ин-т истории, Каф. археологии. - Санкт-Петербург: Изд. СПбГУ, 2014. С. 335-340.
- Фонды историко-археологического музея с. Юдиново. НВФ. П.2. ЮКМ 4 (Письмо археолога В.Д. Будько Л.И. Гришину по вопросу создания музея в Юдиново. 09.04.1980 г.)
- Хлопачев Г.А. Юдиновская верхнепалеолитическая стоянка и ее значение для изучения поздней поры верхнего палеолита бассейна р. Десны // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015. (Замятинский сб.; вып. 4). С. 128– 149
- Хлопачев Г.А. Опыт реконструкции плана и некоторые особенности структуры юдиновского верхнепалеолитического поселения. //Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 17. С. 97-106.
- Хлопачев Г.А., Саблин М.В. Жилище № 2 палеолитической стоянки Юдиново: набор костей и конструктивные особенности выкладки// Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. С. 191-200.
- Чубур А.А. История музеефикации Юдиновского палеолита // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 24-27 октября 2006 г. - Рязань: РИАМЗ, 2008. С. 225-234.
- Чубур А.А. Константин Михайлович Поликарпович. Жизнь, открытия, ученики. Минск: Белорусская наука, 2009. (Люди белорусской науки). 216 с.
- Чубур А.А., Наумова Н.И., Макурина А.В. Материалы раскопок стоянки Юдиново (1962, 1964 гг.) в фондах Брянского государственного краеведческого музея // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 3 (41). С.80-87.

Ю.А. Чекменев

Воронежское художественное училище (техникум), Воронеж, РФ

ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ ИМИТАЦИИ ЖИЛИЩА И ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ПАРКЕ «АРГАМАЧ»

В 2016 году была предпринята попытка имитации жилища и производственного комплекса срубной археологической культуры в археологическом парке «Аргамач» в Елецком районе Липецкой области, для создания исторической экспозиции. В работе под руководством автора, принимали участие А.С. Саврасов, А.Е. Тамбовский, Н.В. Смородинов и др [Тамбовский А.Е., 2017].

Для донской лесостепной срубной культуры реконструкция построек на археологическом материале достаточно разработана воронежскими археологами в 70–90-е годы. Издание А.Д. Пряхиним материалов исследования поселенческих памятников долины р. Песчановки заложило основы изучению построек поздней бронзы [Пряхин А.Д., 1973]. Интенсивное и разностороннее изучение построек Мосоловского поселения позволило выявить их хозяйственное назначение, выделить жилые и производственные помещения, что нашло отражение в публикациях [Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1989; Пряхин А.Д., 1993].

Особо следует отметить статью А.С. Гетманского о реконструкции построек 7 и 42 Мосоловского поселения, в которой делается тщательный анализ археологических данных, которые могут позволить восстановить утраченные архитектурные элементы данных построек [Гетманский С. А., 1986, с.111, рис.4]. Этот положительный опыт не нашел продолжения, хотя к настоящему времени исследованы и опубликованы 42 постройки и еще более 10 остались не опубликованными [Пряхин А.Д., 1973; Пряхин А.Д., Старцева Т.С., 1981; Екимов Ю.Г., 1981; Пряхин А.А., 1983; Пряхин А.Д., 1993].

Перед участниками эксперимента были поставлены задачи:

1. Практическое выявление оптимальной высоты каркасно-столбовой конструкции;
2. Способы укрепления стен;
3. Возможные конструкции - настилы, нары, палаты;

4. Оформление входа;

5. Обеспечение камеры жилища очажным отоплением.

Имитация была выбрана из-за специфики условий работы в археологическом парке:

1. Площадь будущей реконструкции была исследована раскопками (поселение 16 – 17 веков);
2. Для возведения конструкций постройки использовались бревна из горелой сосны стандартных размеров и толщины;
3. Использование современного инструмента за-за отсутствия инструментов аналогичных срубным;
4. Обеспечение безопасности для посетителей.

Все это не позволяет считать выполнение данных работ реконструкцией.

В целях реализации проекта зимой 2017 года был заготовлен рогаз, до начала работ проведены раскопки, заготовлен инструмент и бревна.

В подготовленный котлован были вертикально вкопаны на глубину не менее метра бревна, в пять линий параллельно длинной стороне котлована. Высота четырех основных под конек, опорных столбов расположенных по центральной оси жилища составляет 3 метра, столбов подпорных для наклонных балок – 2 метра, столбов вдоль вкопанных вдоль стен – 1,3 м. На них, были уложены балки, концы которых пересекаясь выступали выше конька, а нижние концы балок заглублены в землю на 0,5 м. на эту конструкцию были положены стропила, закрепленные в пазы. Для обеспечения безопасности посетителей парка, все узлы были скреплены современным стальным крепежом замаскированным настилом крыши или обмоткой пеньковой веревкой. Крыша покрыта фашинами из рогаза.

Стены были укреплены тонкими бревнами и плахами, заложенными между столбами и земляными стенками котлована с забутовкой глиной образующихся пустот.

Очаг сооружен в небольшом углублении и обложен камнем. Его экспериментальное использование поставило вопрос о возможном существовании в срубных постройках волокового окна или конусовидной трубы, что требует отдельного изучения, так как археологически эти элементы не фиксируются

Внутри сооружены высокие, выше глубины котлована, нары из плах. Котлован постройки может заполниться угарным газом если кто-то разведет в очаге огонь и ляжет на нары.

Рядом с постройкой под руководством А.С. Саврасова была выполнена имитация литейной мастерской аналогичной с Мосоловского поселения под столбовым навесом. И имитация ямы для обжигания дерева для получения древесного угля.

В 2017 году была заново перекрыта крыша. Рядом с первым жилищем, так же в котловане раскопа была создана иная конструкция. В ее несущей осно-

ве были пять П-образных столбовых конструкций, связанных друг с другом горизонтальными балками. Вторая постройка была выше первой и достигала 6 метров от уровня пола, крыша была более остроконечной. Наклонные стропила крыши лежали на горизонтальных балках и были вкопаны в землю. Верхние концы стропил скрещивались являясь основанием для бревен конька. Под стропилами внутри жилища, на горизонтальные П-образные балки, были положены плахи образовавшие палаты. Из – за отсутствия фашин из рогоза крыша не была завершена.

Второе жилище не было завершено и через два года разобрано.

Проведение имитации в археологическом парке «Аргамач» позволило:

1. Создать экскурсионный объект;
2. Проверить реальность возведения жилищ с высокой кровлей;
3. Выявление ряда технических нюансов при возведении построек, которые теоретически невозможно просчитать;
4. Выяснить, что отопительные системы и освещение внутри помещений археологически не проанализированы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гетманский С.А. К вопросу о реконструкции срубных жилищ (постройки 7 и 42 Мосоловского поселения) // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.Д. Пряхина. - Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1986 - С. 104-112
- Екимов Ю.Г. Позднесрубное поселение Садовое VI на р.Битюг // Эпоха бронзы Восточной Европы – Уральской лесостепи: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.Д. Пряхина. - Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1981 – С. 153 – 163
- Пряхин А.А. Поселение срубной культурно-исторической общности у д. Раздольное // Культуры бронзового века Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С.Г. Басина, И.Б. Васильева, А.Д. Пряхина. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевский ГПИ им. В.В. Куйбышева, 1983 – С. 143 – 155
- Пряхин А.Д. Древнее население Песчановки. - Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1973 - 174 с.
- Пряхин А.Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы: Кн. Первая – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993 – 108 с.
- Пряхин А.Д., Старцева Т.С. Боровское поселение эпохи бронзы под Воронежем // Эпоха бронзы Волго–Уральской лесостепи: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.Д. Пряхина. - Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1981 – С. 114 – 142
- Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков // Поселение срубной общности: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.Д. Пряхина. - Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1989 – С. 39 – 80
- Тамбовский А.Е. Реконструкция постройки срубной культуры эпохи бронзы в с. Аргамач – Пальна Елецкого района Липецкой области // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXXIII международной молодежной археолого-этнологической конференции. Научно-образовательный центр археолого-этнологических исследований, Совместный с Институтом археологии РАН Научно-исследовательский центр комплексного изучения Среднедеснинского региона, Факультет истории и международных отношений. – Брянск: Изд-во: Брянского ун-та им. академика И.Г. Петровского, 2017 – С.35-40

Е.Г. Шалахов

ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, РФ

ЮРИНСКАЯ СТОЯНКА: К ПРОБЛЕМЕ МУЗЕЕФИКАЦИИ ПАМЯТНИКА

Высокая научная значимость большинства объектов археологического наследия, расположенных на территории ГБУК РМЭ «Замок Шереметева» подтверждена стационарными раскопками, предпринятыми в прошлом веке Марийской археологической экспедицией и археологической экспедицией МарГУ [Никитин, 2017. С. 192; Патрушев, 1978. С. 95].

Самым информативным поселенческим памятником доисторической поры является Юринская стоянка, открытая членами Козьмодемьянского общества краеведения в 1928 г. [Никитин, 2017. С. 192; Соловьев, 2000. С. 9]. Наиболее важные материалы получены в ходе работ В.С. Патрушева (1977 г.), В.В. Никитина и Б.С. Соловьева (1999, 2000 гг.). На стоянке частично изучены четыре полуземлянки, в которых собраны коллекция керамики, кремневые изделия, а также вещественные свидетельства древнего меднолитейного производства – от фрагментов глиняных тиглей до металлических орудий (например, медное шило из сборов на поверхности памятника в 2000 г.) [Никитин, 2009. С. 229; Шалахов, 2013. С. 5].

Музейные сборы 2009–2011 гг. на разрушенной выдувами поверхности стоянки позволили выявить остатки ритуальной площадки, функционировавшей на поселении в эпоху бронзы. Материалы сборов введены в научный оборот [Шалахов, 2018. С. 60].

В настоящее время памятник первобытной археологии «Юринская стоянка» востребован как объект экскурсионного показа (с 2009 г.). Характер и степень изученности древнего поселения обуславливают подготовку к комплексу мероприятий по музеефикации стоянки. Этот вопрос был поднят нами на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани [Шалахов, 2014. С. 425].

Весной 2016 г. отдел археологии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева выступил инициатором разработки материалов для информационного стенда, который был установлен на памятнике в дни работы Всероссийской научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия» (п. Юрино, 13–16 августа 2016 г.). Отметим, что на этой

конференции прозвучал доклад доктора исторических наук, начальника Марийской археологической экспедиции В.В. Никитина «МарАЭ – 60 лет: итоги работы и перспективы» и совместный доклад кандидата исторических наук А.И. Михеевой и к.и.н. С.А. Курочкиной «Археологическое наследие Республики Марий Эл: современное состояние и проблемы сохранения». Эти выступления в некоторой степени касались и дальнейшей судьбы Юринской стоянки.

Информационный стенд «Юринская стоянка», о котором идет речь, лицевой стороной обращен к набережной пос. Юрино, и хорошо виден с расстояния в несколько десятков метров. В верхней части стенда находится иллюстративный материал, состоящий из набора вещевого инвентаря, наиболее характерного для эпохи раннего металла, и фотоизображение реконструированного жилища, аналогичного поздневолосовским постройкам Юринской дюны. Кроме того, непосредственно под иллюстрациями стенда имеется текст с описанием керамического и кремневого комплексов и кратким изложением истории экспедиционных работ на стоянке.

В дальнейшем необходимо приступить к достоверной реконструкции древних жилищ полуземляночного типа на изученной в прошлом веке площади древнего памятника. Мы рассматриваем два варианта решения этой задачи. Либо это будет крытый павильон с возможностью круглогодичного посещения реконструированных построек эпохи бронзы, либо это будут воссозданные объекты под открытым небом, приспособленные для посещения в летние месяцы, когда ГБУК РМЭ «Замок Шереметева» принимает заявки от туроператоров и организует экскурсии по территории бывшей дворянской усадьбы.

Последний вариант (объекты под открытым небом) менее затратный, так как у нашего учреждения есть свои рабочие кадры и даже свой строительный материал. В парковой зоне замка ведутся санитарные рубки, и часть поваленных деревьев могла бы послужить в качестве столбовых конструкций.

Таким образом, потребность научного сообщества в музеефикации памятника первобытной археологии «Юринская стоянка» должна быть реализована в полной мере с учетом специфики использования усадебной территории ГБУК РМЭ «Замок Шереметева» [Шалахов, 2015. С. 189].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 2009. – 416 с.
- Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2017. – 765 с.
- Патрушев В.С. Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. – С. 90-115.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2000. – 264 с.

Шалахов Е.Г. Археология Шереметевской усадьбы в пос. Юрино Республики Марий Эл: комплекс находок 2000–2011 годов с Юринской стоянки эпохи бронзы // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 1 (17). – С. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2229> (дата обращения: 03.06.2021).

Шалахов Е.Г. Древние памятники Шереметевской усадьбы (Марий Эл): популяризационный аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 425-427.

Шалахов Е.Г. К истории изучения ритуальных площадок чирковской культуры в Марийском Поволжье // Материалы и исследования по истории России. – Нижневартовск: Чореф Михаил Михайлович, 2018. – Вып. 4. – С. 59-63.

Шалахов Е.Г. «Шереметевская археология»: популяризация памятников и научные контакты регионального учреждения культуры // Региональный туризм: опыт, проблемы, перспективы. – М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. – Вып. 4. – С. 187-190.

И.В. Шершень

ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки»,
Воронеж, РФ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КОСТЕНКИ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЙНЫХ ПАРАДИГМ

Музеи являются сложными, многогранными общественными институтами, объединяющими культуру и историю территории, выполняющими ряд социально значимых функций, что было предопределено историей создания античных музеев и дальнейшей динамикой развития музейного дела. На протяжении всего своего существования до последних лет музеи декларировали такие аристократические ценности, как элитарность, респектабельность и влияние, торжество разума и энциклопедических знаний. Особенности музейной архитектуры ассоциировались с торжественной подавляющей атмосферой храмов, придавая оттенок сакральности экспонируемым коллекциям и чувство приобщения к миру уникальных предметов, прекрасных произведений искусства и тайн истории. Музеи способствовали деликатному решению некоторых политических задач правящей элиты, например, снятию социальной напряженности путем приобщения низших классов общества к основным ценностям общества, пропаганде тоталитарных государственных режимов и т.п.

Музеи всегда высоко ценились за создание канонов (идеалов красоты, сочетаемости цветов, точных исторических датировок и т.д.) и визуальных мастер-нарративов, подлинность и достоверность фондовых предметов, уникальность коллекций, особенную музейную атмосферу.

Негативными чертами музеев традиционно выступали характерные качества организационной культуры: надменность, эмоциональная холодность, а также игнорирование потребностей посетителей. В 1916 г. Б. Гилманом сформулировано понятие «музейная усталость», подразумевающее состояние изнеможения и психический предел перенасыщенности информацией музейных посетителей. Т. Шола в книге «Вечность здесь больше не живет» [Шола, 2013. С. 54] отмечает, что «музейная усталость» есть результат обескураживающе огромных экспозиций музеев и избыточного количества ин-

формации, когнитивного диссонанса вследствие нестыковки личного опыта с новой информацией и осознания посетителями ненужности новых знаний. Анализируя подходы музеев к организации приема посетителей, К. Хадсон символически ранжировал музеи на 2 категории: «со стульями» и «без стульев», что определяет открытость и дружелюбность учреждения не только к ограниченному кругу заинтересованных лиц, но и ко всем желающим посетить музей [Шола, 2013. С. 60].

Собственно, критические замечания на предмет роли и режимов функционирования публичных музеев высказывались, начиная с периода Нового времени. Современный австралийский культуролог Д. Кэрриер даже предложил термин – «музейный скептицизм» для обозначения особого направления критической мысли, выражающей порицание и отвержение смысла музея как публичного института [Бонами, 2018. С. 75].

Так, актуальнейшей проблемой еще со времен организации Наполеоном Бонапартом музея в Лувре и до наших дней, остается факт, что трофейное искусство, лишенное контекста, одновременно утрачивает свое содержание, а история вне национальной культуры обретает форму эпитафии. По выражению А. Картмера, «музеи убивают искусство и заставляют зрителей наблюдать его похороны». Таким образом, этически необходимым является возвращение трофейных музейных коллекций в их культурную среду. В продолжении темы об истинной природе музея Б. Чатвин в конце XX века добавил: «Экспонат в витрине страдает от неестественности существования, подобно зверю в зоопарке. Он задыхается от недостатка воздуха и посторонних взглядов» [Бонами, 2018. С. 83].

Экспонирование предметов в музее, кроме выполнения основной образовательной функции, подспудно служит экономическим целям антикварного рынка, добавляя предмету меновой стоимости и, тем самым, превращая его в товар и фетиш. С конца 1960-х гг. в США зародилась институциональная критика музеев как протест против потребительского статуса искусства. Основатель движения Д. Бюрен выступал против навязывания музеем художнику принципов своего пространства (рам, остекления, защитного кордона с приборами и т.п.). По иронии судьбы, он пал жертвой собственного политического успеха, поскольку его художественные произведения приобрели большую ценность и стали музейными экспонатами, заключенными в заданное пространство. Дискурс по проблеме отчуждения музея от рыночных отношений и на современном этапе представляется довольно острым.

Для культуры XX века, стремящейся к тотальному обновлению, было характерным направлением, по мнению А. Гюйссена, «битва с музеем» [Гюйссейн, 2012. С. 38]. Итальянские футуристы начала века первыми провозгласили в своем Манифесте: «Музеи и кладбища! Их не отличить друг от друга – мрачные скопища никому не известных и неразличимых трупов... На-

правьте воду из каналов в музейные склепы и затопите их!». К. Малевич в эссе «О музее» вторил протестантам: «Довольно ползать по коридорам отжившего времени, довольно расточать время на перепись его имущества, довольно устраивать ломбарды ваганьковских кладбищ, довольно петь панихиды – все это не восстанет больше...».

Музейные скептики конца XX века, апеллируя к своим радикальным предшественникам и философской концепции М. Фуко, сравнивают музей с кладбищем. В научной литературе часто цитируется П. Валери: «Я не слишком люблю музеи... эти навощенные пустынности, на которых лежит печать храма и салона, кладбища и школы... Есть какое-то безумие в подобном соседстве мертвых видений. У них было свое пространство, свое освещение, свои темы, свои сочетания...». На феномен подавляющего воздействия музея на посетителя указывает Д. Кримп в статье «На руинах музея», где в числе институциональных форм «заточения» кроме приюта, клиники и тюрьмы называет еще одну – «ожидающую археологического анализа» - музей [Кримп, 2015. С. 132].

Археолог и музейный куратор С. Рейнах в первой половине XX века сравнил традиционные музеи с моргами, склепами, кладбищами, хранящими музейфицированные останки прошлой жизни [Шола, 2013. С. 156].

Боязнь тотальной музейфикации в XXI веке, представление музея в образе аквариума, полного мертвых рыб, отражает важнейшую аксиому успеха в современном мире: одного лишь архивирования прошлого музею недостаточно, истинный смысл сохранения наследия состоит в его постоянной актуализации современной культурой. Немаловажное значение имеет этическое отношение к сохранности национальных культур в границах их территорий.

Основными факторами, определившими необходимость переосмысления музеями своей миссии и ценностей в современном обществе, выступили глобализация и рождение постмодерна.

В течение последних трех десятилетий глобальная музейная среда претерпевает кардинальные изменения, и музеи постепенно эволюционируют из консервативных, просветительных институтов эпохи модерна, где эпицентром выступает музейный объект, в платформы коммуникаций и общественных услуг, направленных на комплексную передачу социально сформированной коллективной памяти.

Британский музеолог Э. Хубер-Гринхилл ввел новый термин «пост-музей» для обозначения новой институции, которая приходит в XXI веке на смену классическому публичному музею - просветительному учреждению XIX века [Бонами, 2018. С. 181].

Однако, критики отмечают, что большинство музеев до сих пор остается в плену представлений эпохи модерна, воспринимавшей музеи как исключительно «серьезное» и «солидное» заведение, на которое возложены функции

сохранения культурного наследия, его изучения и экспонирования. Такие стереотипы блокируют развитие креативного потенциала современных музеев в рамках экономики знаний, не позволяют искать и использовать новые формы работы и сотрудничества с другими секторами и субсистемами. К сожалению, «привязки» к национальным и географическим категориям, господствующему дискурсу и мета-нарративу не коррелируются с действительностью мультикультурности и массовой миграции.

Основу актуальной музейной коммуникации теперь составляет диалог. Музеи должны уметь задавать провоцирующие размышление вопросы посетителям и, как обратную связь, выслушивать вопросы посетителей, помогая увидеть в исторической ретроспективе проблемы, волнующие современное общество. Характерной чертой современного посетителя является его нежелание выступать в качестве пассивного зрителя и слушателя, он рассчитывает на активное включение в процесс экскурсии, музейно-педагогической программы в различных ее формах.

Музеологи заявляют о необходимости смены парадигм и перехода от «культуры менторства» к культуре взаимного обучения (В. Лепенис), от попыток сотворения исторической идентичности к «роли транслятора чужой культуры» (П. Слотердаjk) [John, 2010. С. 11].

Ориентируясь в своей стратегии на инновационное развитие, музеи должны быть не хранилищем экспонатов и законсервированным прошлым, а хранилищем идей и смыслов, выражаемых как вербально, так и материально.

Чтобы обеспечить востребованность в современной чрезвычайно конкурентной культурной среде, музеи постоянно должны изменяться, корректируя тематику, язык и способы интерпретации своих фондовых коллекций. Необходимо постоянно отслеживать изменения в интересах и запросах посетителей и в принятых форматах коммуникации. Музеи обязаны предлагать современной аудитории масштабную, систематизированную и последовательную картину мира, где прошлое неразрывно связано с настоящим и формирует ожидание будущего.

С одной стороны, феномен интегративной культуры, сплотивший воедино традиционную элитарную и массовую культуру развлечения, предоставил музеям обширное поле возможностей, в том числе использование «настроения на культурный туризм» - готовности населения воспринимать существующее культурное предложение. С другой стороны, при этом наблюдается возросшая конкуренция в данной сфере. Фактически все учреждения культуры (музеи, театры, библиотеки, частные организации сферы культуры) ведут борьбу за привлечение одного и того же посетителя. Плотность культурного предложения на одного человека, своеобразная стагнация досугового семейного бюджета приводит к необходимости кооперации учреждений культуры, заимствования форм работы, превращая музеи в своеобразный продукт, а посетителей

- в клиентов, от удовлетворения потребностей которых зависит уровень конкурентоспособности конкретного учреждения культуры.

В музейной сфере актуален ряд проблем, таких как дефицит финансовых ресурсов, формирование сложных, порой конкурентных, отношений с различными учреждениями, организациями, взаимодействующими с музеями. Это обусловило необходимость пересмотра и модернизации многих методов взаимодействия с музейным посетителем, реорганизации музейной работы.

Для адаптации к сложившимся условиям музеи расширяют общественные связи, развивают спонсорство, используют методы маркетинга, брендинг и сетевые технологии. Заимствование маркетинговых стратегий из сферы бизнеса приводит к возникновению этических дилемм. Какую роль выполняет музей в современном обществе? Он функционирует как храм искусств и науки или как «агора» - рынок? Ведь понятие маркетинга, активно внедряемого в музейное дело, происходит от английского глагола «to market» - продавать, торговать. Актуален этический вопрос о правомерности применения коммерческого подхода в музее, изначально ориентированном на социальное служение.

Серьезным вызовом нашего времени, преодоление которого жизненно необходимо музеям, является демографическая трансформация, проявившаяся в старении общества, интенсификации кросс-культурных контактов в процессе миграции [Ноеhне, 2012. С. 19]. Стратегии удержания традиционных возрастных и образованных посетителей должны разрабатываться параллельно с методиками привлечения сложных и пока слабо охваченных целевых групп - детей, молодежи, а также слоев общества, культурные практики которых значительно отличаются от культуры «креативного класса».

Решение данной задачи со стороны музеев обеспечивается освоением новых медиумов и нового языка, усвоением результатов «цифрового поворота» и виртуализации опыта взаимодействия с «реальными вещами». Однако, музеи не должны превращаться в медиацентры или виртуальные площадки. Необходимо разнопланово развивать особенность музеев - коммуникационные возможности реальных вещей и реальных пространств.

Новый музей становится более демократичным и постепенно перестает восприниматься публикой как элитарное учреждение. Экспозиции и выставки уже не выглядят предназначенными для ограниченного круга высокообразованной публики. Сегодня музей является местом проведения семейного досуга, его посещают различные категории посетителей. Однако, тонкую грань между демократизацией музейной сферы и превращением музея в место развлечения, получения прибыли, иногда музеи грубо преступают.

Применение маркетинговых стратегий в музеях привело к тому, что их помещения стали арендоваться для проведения различных мероприятий, которые не связаны с наукой, искусством, образованием. Позволяя использовать

свои помещения для проведения подобных мероприятий, музеи теряют особое ощущение сакральности пространства и предметов, хранимых в нем.

Доминирующая культура общества потребления все более и более приспособляет музейную деятельность под свою систему ценностей. Традиционная музейная экспозиция не удовлетворяет запросы посетителей. Пришедшие в музей для получения впечатлений, они испытывают эмоциональный дефицит. Лаконичность и академизм просветительской модели экспонирования воспринимаются обывателями критически. Поэтому музеи организуют интерактивные проекты, выставки, привлекающие широкий круг аудитории, создающие информационный повод. Эпатажные, провокационные, зрелищные и эффектные выставки называют выставками-блокбастерами. Для привлечения посетителей средства массовой информации афишируют не только сведения о культурной ценности выставленных предметов, но и их стоимость. Но миссия музея, напротив, состоит в сохранении ценностей культуры, формировании и воспитании ценностных ориентиров в обществе.

Т. Калугина отмечает, что высокие показатели посещаемости крупных музеев представляют собой наглядную демонстрацию развития туристического бизнеса [Калугина, 2001. С. 196]. Музеи активно взаимодействуют с туристическими фирмами: основная масса посетителей приходится на туристические группы, а не на индивидуальных гостей. Как показывает практика, обдуманное и умелое включение ими музеев в систему индустрии туризма ведет к взаимовыгодному сотрудничеству. Кроме того, финансовое благополучие, поддержка музеев со стороны государства, спонсоров, меценатов все чаще зависят от востребованности музеев в рамках туристических программ. Путешествия посредством обращения в туристические компании позволяют приобщиться к ценностям культуры, хранящимся в музеях, большому количеству желающих, среди которых как отечественные, так и иностранные туристы.

Однако, существует точка зрения в области музеологии о «несовместимости развития сферы туризма и культурного наследия в силу разности интересов и целей развития этих отраслей. Потребительское отношение к культурному наследию является следствием развития туризма и оказывает негативное влияние на его сохранение и использование». В исследовательской работе «Философия музея» Б. Пиотровского [Пиотровский, 2013. С. 76] говорится об «извращении смысла и сущности музея»: музей идентифицируется с «храмом - местом созерцания, медитации», а толпы туристов оказываются досадными помехами возможности такого созерцания.

Создавая интересный и по-настоящему успешный современный музей, необходимо ориентироваться в достижении результатов не на количество, а на качество посещения.

В качестве объекта исследования адаптации музея к современным вызовам и трендам музейного проектирования, актуально рассмотреть археологический музей-заповедник «Костенки», который находится на начальном этапе пути преобразования в современный музейно-научный комплекс, специализирующийся на исследовании верхнего палеолита.

Территориальное расположение музея на местности в селе Костенки полностью согласуется с актуальными представлениями музейного проектирования, утверждающими необходимость оставления артефактов в локации археологических исследований с целью сохранения контекста и атмосферы местности, где обретыены находки.

Музей построен в 1979 году именно с целью музеефикации древнего жилища, и посетители принимают решение о поездке в музей, априори ассоциируя его с землей, где были найдены древние артефакты. Также музей в Костенках выступает в качестве якорного объекта туризма, обеспечивая увеличение туристического потока территории Хохольского района.

Концептуальную основу стратегии развития музея составляет восприятие территории Костенковско-Борщевского археологического района как уникального, исторически сложившегося хранилища традиций и памятников, находящихся в естественном контексте.

Приоритетным направлением развития выступает внедрение современных культурных технологий и практик, а именно: одновременного музейного показа и исследования памятника археологии (раскопа), создания научно-исследовательской лаборатории, интерактивного кабинета, тематического парка.

Доминантой концепции музея является идея расширения пространства деятельности музея-заповедника «Костенки» и вовлечения в ее орбиту новых территорий, новых объектов, новых групп потребителей и новых технологий.

На наш взгляд, актуальна музеефикация всего Костенковско-Борщевского археологического района, достижение территориального историко-культурного и природного единства, следование стратегии гармоничного функционирования музея-заповедника в условиях динамичного развития местной социально-экономической среды.

В современных условиях внешняя экспансия музеев (распространение на новые территории, создание центров, лабораторий и т. п.) стала характерной приметой времени. Музейные учреждения не могут оставаться в прежних границах без риска утраты своих позиций, а потому обязаны выходить на новые культурные рынки. Музейная экспансия, или расширение пространства деятельности, закладывает основы будущего влияния и успеха, позволяет постоянно наращивать ресурсную базу и расширять спектр музейного предложения.

Важным фактором развития становится система организации работы музея-заповедника, базирующаяся на технологической цепи – от охраны памят-

ников и археологических научных исследований до предоставления широкого спектра музейных и комплементарных (сопутствующих) услуг.

Основными стратегическими направлениями развития музея-заповедника «Костенки» определены:

- формирование новой инфраструктуры музея-заповедника и музейных сервисов,
- расширение ресурсной базы,
- расширение тематической направленности,
- внедрение современных технологий в музейное пространство,
- внешняя территориальная экспансия,
- ориентир на многократный и долговременный прием посетителей, стимулирование их интереса разнообразием музейного предложения (спектра тематических экскурсий, новых маршрутов, музейных программ),
- повышение доходности музейной деятельности.

Музей-заповедник «Костенки» - «жемчужину верхнего палеолита» - целесообразно активно задействовать для усиления туристской и инвестиционной привлекательности Воронежской области и подтверждения ее статуса ведущего российского культурно-исторического, археологического центра.

Роль музея-заповедника в развитии социокультурного пространства региона должна быть заметной: своей деятельностью музей призван содействовать узнаваемости Воронежской области на российском и международном уровне, способствовать сохранности объектов культурного наследия, популяризации истории и археологии, возрождать интерес к изучению истории родного края в современном обществе.

Основная цель стратегии развития музея-заповедника «Костенки» - раскрытие потенциала историко-культурного наследия Костенковско-Борщевского археологического комплекса в рамках реализации стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания развития личности и единства российского общества.

Для достижения стратегических целей определен комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных задач среднесрочной стратегии развития музея-заповедника «Костенки»:

- обеспечение круглогодичного функционирования музея-заповедника за счет реконструкции здания музея;
- расширение территории музея-заповедника в пределах границ территории достопримечательного места;
- развитие инфраструктуры музея-заповедника до уровня соответствия современным стандартам организации музейного пространства.

Решение комплекса данных задач позволит позиционировать музей-заповедник в международном музейном и научно-исследовательском пространстве как уникальный по своей историко-культурной ценности объект, удовлетворяющий современным условиям организации музейного дела, и, таким образом, приемлемый для посещения иностранными туристами и учеными-исследователями.

Стратегическое развитие музея-заповедника «Костенки» представляется поэтапным (рис.1).

Разработка комплекса музейных услуг и мероприятий осуществляется в зависимости от задействованных ресурсов, временных рамок и ориентира на контингент посетителей.

В итоге реализации концепции стратегического развития музей-заповедник «Костенки» должен стать современным научно-музейным комплексом.

На основе проведенного анализа современной ситуации в сфере культуры в Воронежской области, актуальных организационных проблем и перспективных направлений функционирования музея-заповедника «Костенки», были определены сценарии развития на среднесрочную перспективу. Возможны три сценария развития учреждения: инерционный, базовый и инновационный.

Инерционный сценарий развития предполагает продолжение деятельности музея-заповедника по определившейся ранее траектории, сохранение сложившихся тенденций развития, условий и поэтапное решение актуальных проблем, исходя из рационального распределения имеющихся дефицитных ресурсов.

Для деятельности музея-заповедника в контексте инерционного сценария будут характерны:

- обеспечение минимально необходимых потребностей учреждения (оплата коммунальных услуг, текущий ремонт здания и т.д.);
- высокая степень изношенности материально-технической базы;
- эволюционный характер изменений;
- отсутствие резких перемен;
- локальные успехи, обусловленные реализацией целей краткосрочного характера;
- низкие риски при условии стабильной социально-экономической ситуации в регионе и пропорциональный упадок при ухудшении ситуации.

Главным итогом инерционного сценария будет относительно стабильное функционирование и поступательное развитие музея-заповедника.

Базовый сценарий развития характеризуется динамикой имеющихся позитивных тенденций и постепенным преодолением существующих проблем. Концентрация имеющихся ресурсов, использование бюджетного финанси-

рования будут способствовать модернизации материально-технической базы музея-заповедника, улучшению его деятельности по всем направлениям музейной работы. Имеются риски по социально-экономическому приоритету финансирования музея-заповедника относительно других областных учреждений культуры.

Инновационный сценарий развития предусматривает быстрое достижение качественно иного социально-экономического статуса музея-заповедника «Костенки», проектное финансирование. Данный сценарий предполагает техническую модернизацию; участие музея-заповедника в кластерах (культура + туризм, культура + творческие индустрии) в целях развития культурно-познавательного туризма; интеграцию информационных ресурсов музея-заповедника в общероссийские и международные базы данных; межрегиональное и международное сотрудничество; формирование инфраструктуры творческой среды как доминирующего фактора, инновационное творческое проектирование. Реализация данного сценария требует значительных финансовых вложений и мобилизации интеллектуальных, творческих и материально-технических ресурсов.

Инновационный сценарий развития определен как основной (целевой) сценарий, так как он в наиболее полной мере соответствует цели стратегии развития музея-заповедника «Костенки».

Текущая музейная деятельность ориентирована на повышение эффективности работы учреждения за счет реализации мероприятий насыщенного событийного календаря, новых выставочных проектов, оригинальности оформления ряда музейных пространств с применением стиля «погружения» в атмосферу Древнего мира. Создание аутентичного музейного пространства периода каменного века будет способствовать установлению активного познавательного диалога с посетителями на исторические темы.

Эффект присутствия и соучастия в жизни древнего племени будет достигаться посредством задействования аудиовизуальных, тактильных и кинестетических музейных средств. Успешная практика проведения театрализованных музейных программ с детской и взрослой аудиториями посетителей музея подтверждает правильность выбранного направления коммуникационной стратегии.

Резюмируя переосмысление подходов к музейному делу и необходимость генерирования оригинальных идей преподнесения материала в каждом музее, следует отметить, что проектируемые ценности во многом определяют не только будущее музея, но и развитие системы духовно-нравственных ценностей общества, соответствие характеристик социума заданному культурному уровню.

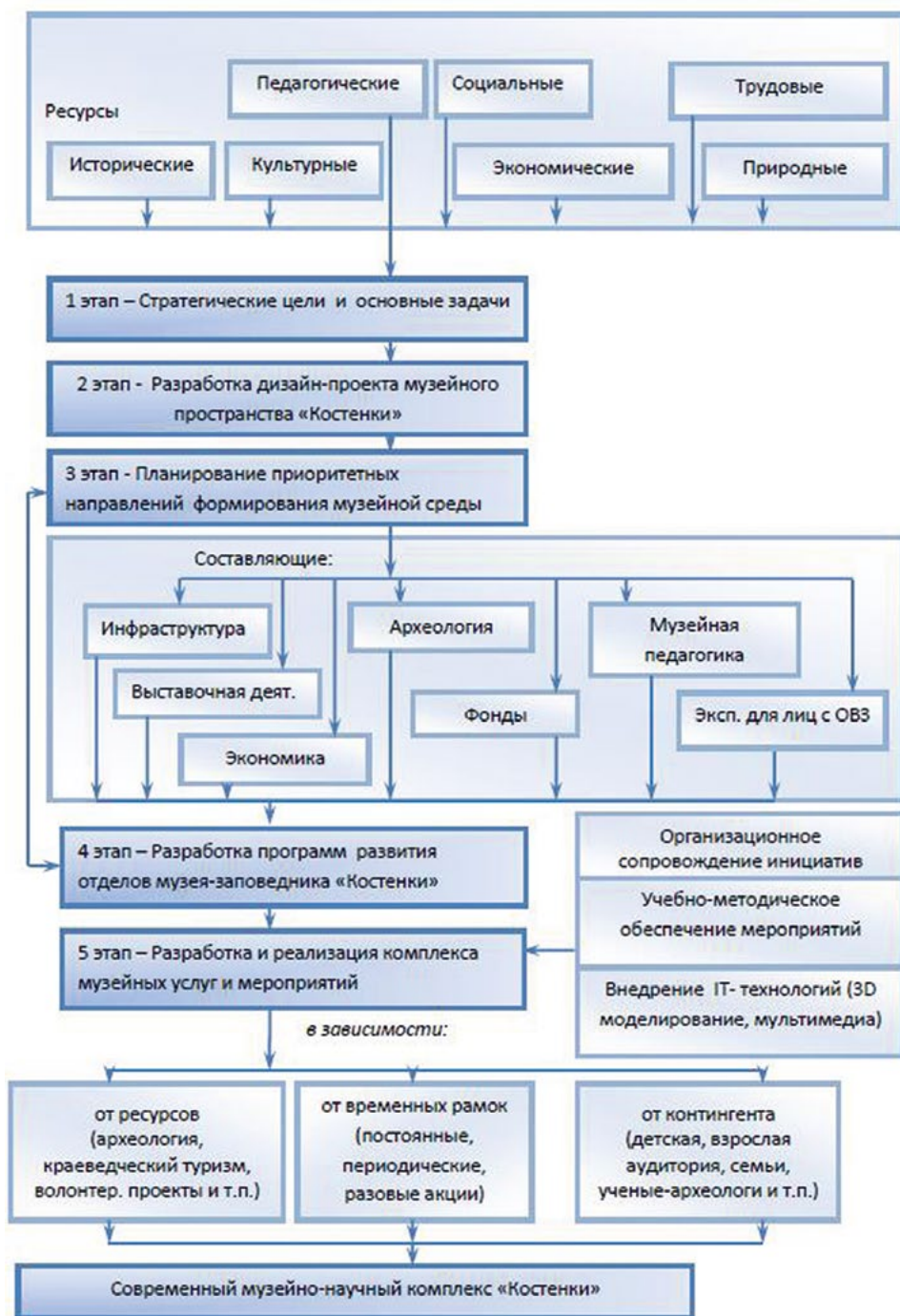
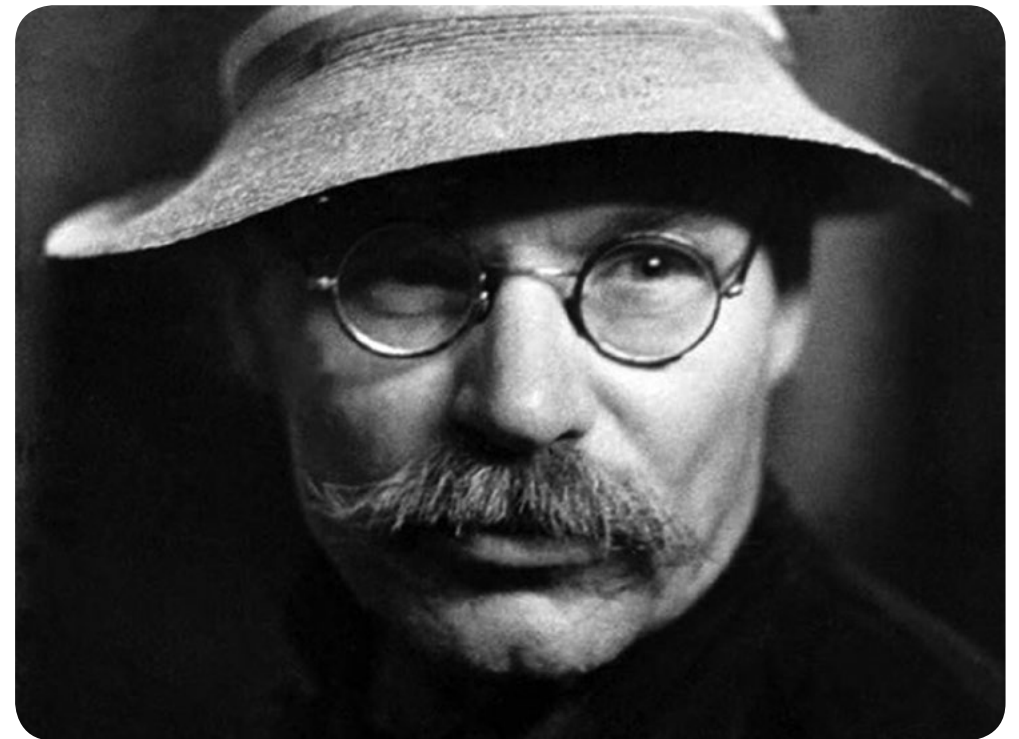

Рис. 1. Алгоритм стратегического развития музея «Костенки»

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бонами З.А. Как читать и понимать музей. Философия музея. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 224 с.;
- Гюссейн А. Бегство от амнезии. Музей как массмедиа // Искусство. – 2012. - №2 (581). – С. 38;
- Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. СПб.: Петрополис, 2001. С. 196.;
- Кримп Д. На руинах музея. – М.: V-F-C press, 2015. – С. 132;
- Философия музея: монография / под ред. М.Б. Пиотровского. М.: Инфра-М, 2013. С. 76;
- Шола Т. Вечность здесь больше не живет. – Тула: Музей-усадьба «Ясная поляна», 2013. 358 с.;
- John H. «Rethink, Redesign, Rebuild» Museums. Selbstbezug, Erstarrung oder «Krise»? // Kulturmanagement. - 2010. № 41. - S. 10-17;
- Hoehne S. Methode und Theorie. Kulturmanagement als angewandte Kulturwissenschaft zwischen Anwendungsorientierung und Theoriebildung // Kulturmanagement. - 2012. № 68. - S. 18-20.

**ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА**

*Александр Николаевич Рогачев
1960 год*

М.А. Байбородина, А.В. Ермаков

Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, РФ

ИРКУТСКИЙ ПЕРИОД В НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И.С. ПОЛЯКОВА

Среди биографий исследователей археологии и этнографии XIX - начала XX веков редко встречаются истории людей, родившихся в Сибири, профессионально выросших на работе с местным материалом, а впоследствии, благодаря своим открытиям и трудам, ставших известными в общероссийских масштабах. Гораздо чаще сибирское краеведение дореволюционного времени развивалось благодаря людям из других регионов России и иностранных государств. Иногда это были деятели, прибывшие издалека с официальной исследовательской задачей. Еще чаще – непрофессионалы, в которых неожиданно проявлялся талант исследователя, которые – порой не по своей воле, – оставались жить в Сибири и, в частности, в Иркутске. Известны истории и местных ученых XIX - начала XX веков, которые успешно занимались наукой, но в основном, исключительно сибирской. В этой связи траекторию жизни и научного творчества зоолога, археолога и этнографа Ивана Семеновича Полякова можно назвать нетипичной и уникальной.

И.С. Поляков родился 24 июня 1845 года в многодетной казачьей семье в станице Ново-Цурухайтуевской Забайкальской области, которая в тот момент относилась к Иркутской губернии. Детей, которые рождаются в бурятско-казачьих семьях в Забайкалье обычно называют «гуранами», что относилось, вероятно, и к И.С. Полякову. В литературе и источниках упоминается «метисоватость» облика И.С. Полякова: азиатские черты в его внешности, которые были унаследованы от матери-бурятки.

В условиях бедности и доступности лишь самого элементарного образования, юному казачонку удалось проявить свои способности и тягу к знаниям. Например, с 10 лет в 1855 и 1856 годах он вместе с другими учениками помогал краеведу Н.И. Кашину собирать коллекции растений и насекомых, которые впоследствии пополнили фонды музея Сибирского отдела Русского географического общества.

Предположительно в 1859 году И.С. Поляков начал обучение в Иркутском училище военного ведомства, куда принимали в то время грамотных детей из казачьих войск Сибири. Оно значилось среди училищ военного ведомства «писарским» и предназначалось для подготовки военных писарей для нужд учреждений и управлений военного ведомства. Штат училища был небольшим, а курс наук предполагал три года обучения. Выпускало училище писарей 2 и 3-го разряда.

Во время обучения И.С. Полякова начальником училища был полковник О.Ф. Рейнгард, а инспектором – известный общественный деятель, надворный советник М.В. Загоскин [Памятная книжка..., 1863. С. 91]. Они стали наставниками и покровителями будущего исследователя, а по окончании его обучения – коллегами, так как И.С. Поляков остался в училище и стал работать преподавателем «неимеющим чинов», как гласит список сотрудников учебного заведения [Памятная книжка..., 1865. С. 50]. Кроме того, молодого выпускника пригласили занять место надзирателя в Иркутской губернской классической гимназии. Наряду с частными уроками и другими заработками, работа в учебных заведениях служила цели накопить денег на поездку в Санкт-Петербург и поступление в университет.

В Иркутске И.С. Поляков прожил восемь лет (1859-1867) и помимо работы, хлопот об исключении из казачьего сословия – чтобы можно было продолжать занятия наукой и учиться в университете, – ему удавалось также осуществлять исследовательские поездки и публиковать результаты своих наблюдений и сборов.

Так, описание одной из его экскурсий было помещено в газете «Иркутские губернские ведомости» в номерах 47 и 48 за 1865 год и номерах 2, 4, 8, 9 за 1866 год. Статья получила название «По сю сторону Байкала» и описывает поездку от села Лиственничного до речки Голоустной и верховьев Ушаковки, которая была предпринята частично по водам Байкала, частично сухопутно. Описание местности, сделанное И.С. Поляковым по итогам этой экскурсии, содержит подробный рассказ о флоре, фауне и геологии, а также интересные, местами удручающие, местами забавные этнографические наблюдения, посвященные жизни как коренного бурятского и тунгусского населения, так и русских старожилов. [Поляков, 1865, 1866]. Также на основе сибирских наблюдений И.С. Поляковым было сделано несколько публикаций в Иркутске, а кроме того, эти сведения вошли в его работы более позднего времени, как материал для сравнений и аналогий. Примером может служить статья «Каменный век в России» в научно-популярном многотомном издании «Живописная Россия» [Поляков, 1881].

Одним из важных событий в начале научной деятельности И.С. Полякова стало его знакомство с П.А. Кропоткиным, который служил в Сибири в то время. В отличие от гурана И.С. Полякова, приписанного к своему сосло-

вию по рождению, князь П.А. Кропоткин выбрал службу в Забайкальском казачьем войске добровольно. Он, будучи дворянином и выпускником пажеского корпуса – учебного заведения, после которого легко можно было сделать придворную карьеру, питал неприязнь к жизни столичной аристократии, к безделью и увеселениям. Его привлекала отдаленность, неизученность сибирских просторов, возможность участия в местных реформах и поэтому, несмотря на насмешки товарищей и удивление начальства, он отправился в Сибирь.

Способности и энергия П.А. Кропоткина нашли приложение в работе сибирской администрации, но наибольшую известность ему в тот период принесли путешествия и изучение геологии восточной части страны.

В XIX веке в Сибири активно развивалась золотодобыча. С этим процессом были связаны и некоторые изыскания П.А. Кропоткина и И.С. Полякова. В 1866 году местные золотопромышленники совместно с Сибирским отделом Императорского русского географического общества организовали Олекминско-Витимскую экспедицию для поиска скотопроегонного пути из Нерчинского округа к Олекминским приискам. Для «заказчиков» эта задача была очень важной, поскольку нахождение такого маршрута решило бы многие проблемы с доставкой продовольствия в далекие труднодоступные места, где трудилось много сезонных рабочих. Руководителем маленького отряда стал П.А. Кропоткин, а преподаватель И.С. Поляков вызвался участвовать в экспедиции, чтобы заниматься ботаническими и зоологическими наблюдениями.

В научном отношении результатом экспедиции стал объемный отчет, в котором П.А. Кропоткин описал геологическую ситуацию, наблюдаемую им в ходе маршрута, сопроводив текст подробной картой, а И.С. Поляков – животный мир региона. По словам авторов, наблюдения и сбор образцов были сильно осложнены условиями путешествия и скоростью, с которой караван преодолевал расстояния [Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции..., 1873]. И тем не менее, научная ценность публикации оправдала эти трудозатраты. К тому же была достигнута основная цель путешествия – путь для перегона скота был найден и зафиксирован. В иркутских газетных заметках того времени порой можно встретить оборот «путь Кропоткина», которой использовался в деловой письменной речи для обозначения маршрута.

В экспедиции И.С. Поляков встретил свое 20-летие, и, вероятно, П.А. Кропоткин, который был чуть старше его, стал одним из вдохновителей последующих поездок ученого не только в Сибири, но и по всей России. Уже в следующем полевом сезоне (1867) И.С. Поляков по поручению Сибирского отдела Императорского русского географического общества предпринял самостоятельную экспедицию в Тункинскую долину (горная система Восточный Саян), в ходе которой составил описание природных условий и исторических про-

цессов этой обширной территории. Его «Отчет о поездке в Восточный Саян», опубликованный в 1869 году, стал центральным трудом И.С. Полякова в «иркутском» периоде его исследовательской работы.

Археологическая часть сочинения рассказывает о песчаных холмах в центре Тункинской долины, которые размывались дождями и выдувались ветрами, в результате чего на поверхности проявились следы пребывания древнего населения региона. В верхних слоях холмов были обнаружены погребения «монгольского племени». И.С. Поляков описывает одну раскопанную им могилу: костяк со следами одежды был завернут в бересту, среди погребального инвентаря присутствуют ритуальные предметы, украшения, изделия из металла. «Атрибуты скотоводческой жизни», найденные в холмах, представлены костями домашних животных, железными и медными предметами [Поляков, 1869. С. 139].

Но наибольший интерес представляет собой фиксация артефактов, которые залегают глубже: обломки керамических сосудов, костяные и каменные изделия. Автор сопровождает отчет о находках геологической характеристикой всех отложений, в которых они помещались, и указывает, что положение керамики, в условиях перемешивания слоев, не дает возможности утверждать, что она была современна каменным изделиям [Поляков, 1869. С. 140]. Из каменных находок автор перечисляет песты, «обломки», «символические изображения рыбы», предметы, сравнимые им с ашельскими: «большие круглые тела с отверстиями по середине». Преобладающей формой среди тункинских каменных изделий И.С. Поляков называет наколенники. Разбив их на группы, он дает описания их форм, что по мнению М.В. Константинова, стало новаторским подходом во всей мировой археологии: «Можно совершенно определенно утверждать, что столь детальный и разносторонний анализ каменных изделий был собственным изобретением Полякова, поскольку российских и зарубежных предшественников у него не было» [Константинов, 2008. С. 33].

На «Отчет о поездке в Восточный Саян» ссылаются в своей монументальной книге «Археология России. Каменный век» один из ведущих археологов страны того времени граф А.С. Уваров [Уваров, 1881. С. 162]. Несмотря на то, что тункинские материалы И.С. Полякова были известны с 60-х годов XIX века, а в 70-80-х были сделаны новые открытия, существование каменного века в Сибири оставалось под сомнением. Даже в 1880 году иркутский археолог Н.Н. Агапитов, благословляя одного из коллег на поиски артефактов древних жителей Сибири, написал в своей записке: «...если бы эти орудия были найдены в достаточном количестве, то они могли бы служить опровержением мнения некоторых антропологов, утверждающих, что Сибирь не имела каменного периода, и что находимые в ней каменные орудия – случайные находки» [Витковский, 1881. С. 1].

А.С. Уваров в своей книге говорит уже не про каменный век в целом, а о возможном нахождении в Сибири палеолитических материалов – то есть изделий, созданных десятки тысяч лет назад. Наряду с описанием «Иркутской находки 1871 г.», которая, впрочем, вызвала у автора неоднозначную оценку [Уваров, 1881. С. 237], он описывает и материалы И.С. Полякова:

«Обращаясь теперь к некоторым находкам отбивных орудий в Сибири, я нахожу, что оне в особенности часто попадают на золотых промыслах; следовательно, может быть, и в таких слоях, в которых прежде уже были открыты мамонты или иные остатки мамонтовой фауны. Таким образом, совместное нахождение тех и других делается весьма возможным. За тем, судя по отчету Сибирского отдела (отчету И.С. Полякова – прим. авторов), оно становится еще более правдоподобным.

И.С. Поляков говорит о находке каменных орудий в золотых промыслах Енисейского и Баргузинского округа, и сведения его совпадают с теми известиями о находке мамонтовых остатков, которые я привел выше» [Уваров, 1881. С. 162].

Таким образом, можно предполагать, что И.С. Поляков был если не самым первым, то одним из первых ученых, который открыл и частично опубликовал материалы каменного века в Восточной Сибири еще в 60-е годы XIX века. Хотя, судя по его отчету, для самого исследователя эти находки не были чем-то сенсационным. Он уверенно пишет: «Что касается до каменных орудий в истинном смысле, то они всюду в Восточной Сибири изобилуют; таким образом они были находимы на золотых промыслах Енисейского округа, на приисках округа Баргузинского, в окрестностях Николаевска-на-Амуре, и Иркутска; на Севере Сибири, в Камчатке, на островах Алеутских они были в употреблении во времена исторические» [Поляков, 1869. С. 140].

Ученый сравнивает свои тункинские находки с материалами сопредельных территорий, из чего можно сделать вывод, что он видел и изучал те музейные коллекции, которые нам сейчас недоступны. В 1879 году из-за разрушительного пожара, в огне которого погибла более половины всех строений Иркутска, сгорело старое здание музея Сибирского отдела ИРГО вместе с архивом, библиотекой, коллекциями экспонатов и музейной документацией. К тому времени И.С. Поляков уже давно жил в Санкт-Петербурге и, возможно, по памяти восстанавливал облик находок своего «иркутского периода», рассказывая А.С. Уварову о предметах, найденных на приисках. Доподлинно узнать что-либо об археологических допозажарных коллекциях, помимо опубликованного, практически невозможно.

Иркутский археолог Н.И. Витковский писал в одной из своих работ: «Первыми исследователями тункинских песков с чисто археологической целью были покойный Поляков и этнограф Ровинский. Собранные ими здесь коллекции частью были переданы в музей отдела, где и погибли в пожаре 1879 г.,

частью вывезены в Европейскую Россию и неизвестно, где находятся. Первый из названных ученых в своем отчете по поездке в Восточный Саян дал обстоятельное описание осмотренных им в Тунке аллювиальных отложений, а также и собранных там каменных орудий» [Витковский, 1889. С. 26].

Уже позже, спустя четыре года после экспедиции в Восточный Саян, ссыльные И.Д. Черский и А.Л. Чекановский исследуют и опишут первый палеолит России – местонахождение Военный госпиталь в городе Иркутске (1871). Но материалы этого объекта разделяют судьбу тункинских находок И.С. Полякова – погибли вместе со остальными фондами Иркутского музея в пожаре 1879 года. И в том же году, более чем через десять лет после своих первых экспедиций, И.С. Поляков все-таки впишет свое имя в историю науки, открыв известный всему мировому археологическому сообществу памятник Костенки.

По большому счету, многие достижения И.С. Полякова можно обозначить как дела, сделанные не по благословию судьбы, а вопреки ей. А учитывая историю его материалов (пропавшие в иркутском пожаре сибирские сборы и утраченный личный архив), то и память о нем сохранилась также слабо. Сегодня имя И.С. Полякова можно назвать отчасти забытым в сибирском краеведении по ряду причин: короткая жизнь, ранний отъезд в Санкт-Петербург, отсутствие учеников, утрата археологических материалов. Однако упоминания о нем и ссылки на его изыскания можно встретить в публикациях сибирских археологов не только XIX века, но и в современных исследованиях [Базалийский, 1994. С. 8; Козырев и др., 2012. С. 107]. Забайкальский ученый М.В. Константинов посвятил биографии и научной деятельности первооткрывателя Костенок ряд статей [Константинов, 2008, 2018]. Для специалистов, которые изучают древнюю историю Сибири, работы И.С. Полякова известны и цитируемы, хотя и были созданы более полутора веков назад.

Но иркутский период его жизни, возможно, был одним из самых неомраченных: у молодого исследователя были друзья и энергия, желание учиться и работать на благо науки, несмотря на туманные перспективы для «безродного казака» [Решетов, 2002], как он называл сам себя в письме, написанном отцу из Санкт-Петербурга.

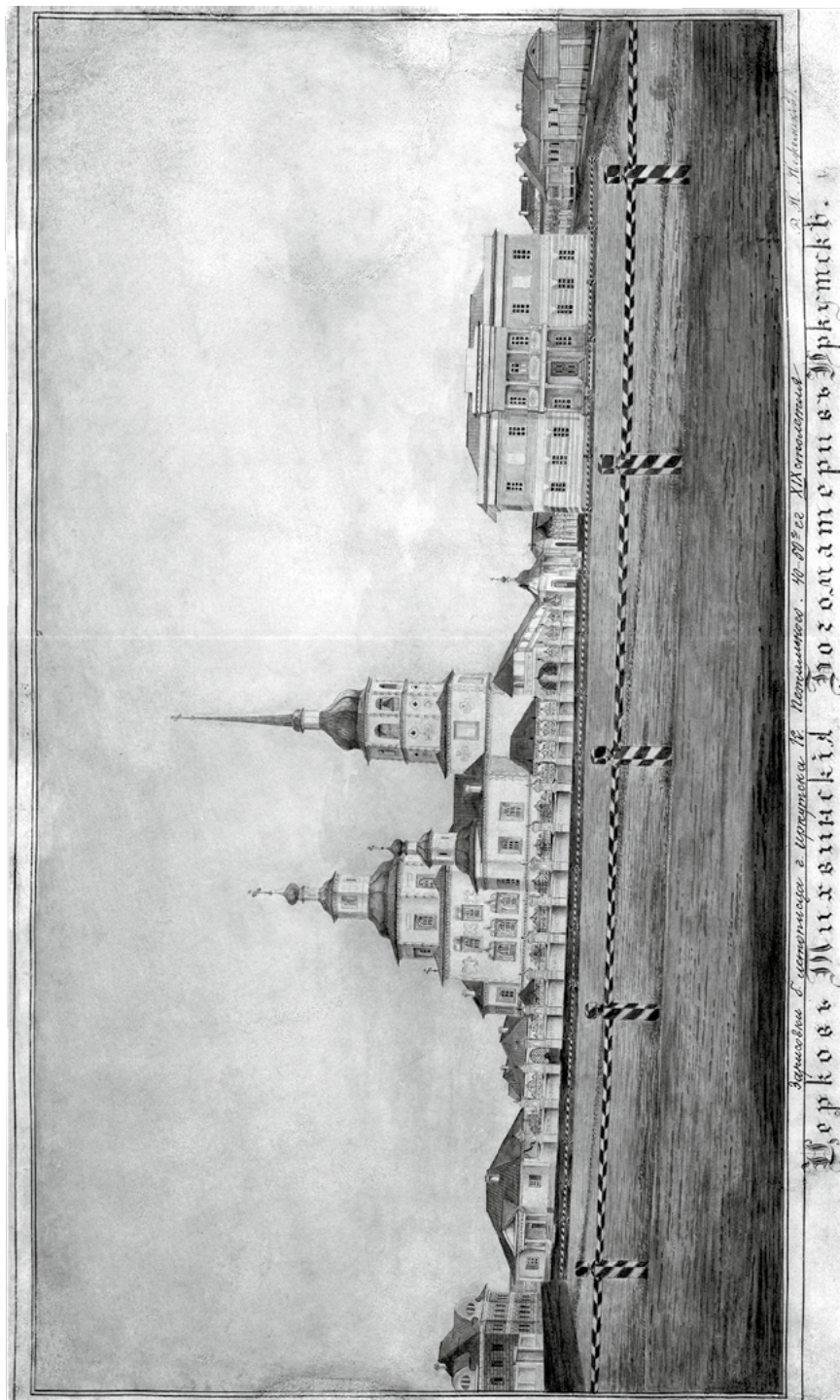

Рис. 1. Тихвинская церковь и здание (справа), в котором в 1783–1803 и в 1854–1879 гг. располагался Иркутский музей. Акварель П. И. Пежемского середины XIX в. Из коллекции Иркутского областного краеведческого музея

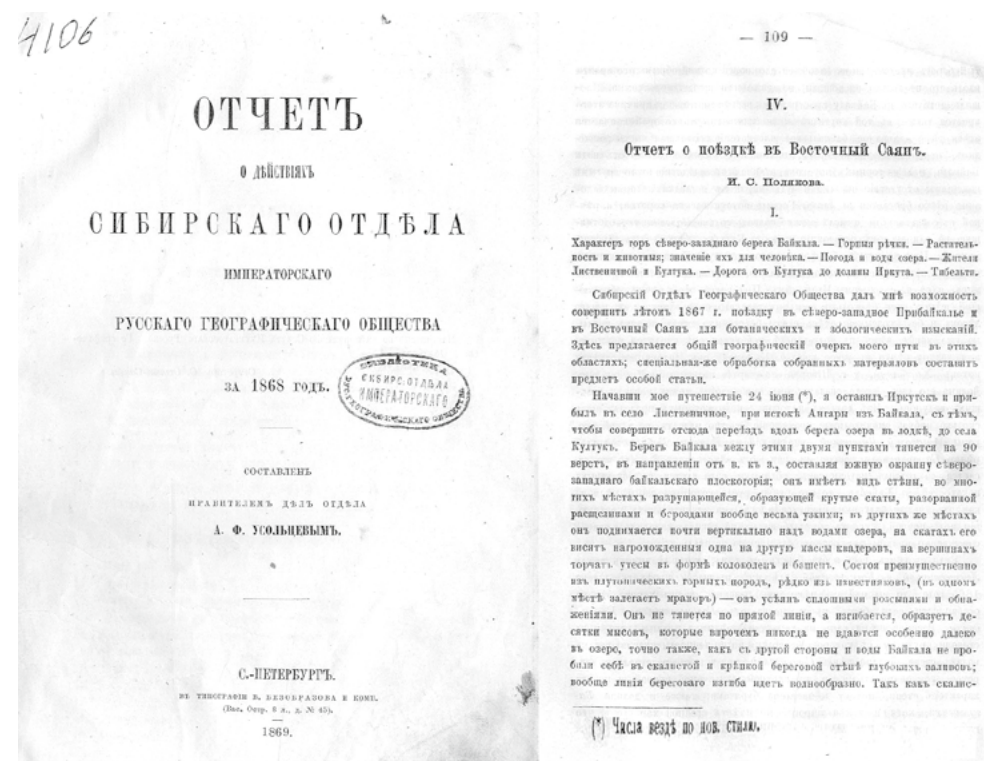

Рис. 2. Титульная страница издания «Отчет о действиях Сибирского отдела РГО за 1868 г.» и первая страница «Отчета о поездке в Восточный Саян» И.С. Полякова. Из книжной коллекции Иркутского областного краеведческого музея.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Базалийский В.И. Древний могильник в Глазковском предместье // Земля Иркутская: историко-краеведческий журнал. – Иркутск, 1994. № 1. С. 6-8;

Витковский Н.И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Российского географического общества (ВСОИРГО). – Иркутск: Типография Н.Н. Сеницына, 1881. Т. 11. № 3–4. С. 1-12;

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары (продолжение) // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Российского географического общества (ВСОИРГО). – Иркутск: Типография газеты «Восточное обозрение», 1889. Т. XX. № 2. С. 1-31;

Козырев А.С., Шетников А.А., Клементьев А.М., Филинов И.А., Федоренко А.Б., Хензыхенова Ф.И. География и возраст ископаемых артефактов верхнего неоплейстоцена в Тункинской рифтовой долине // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – Иркутск, 2012. № 1. С. 106-125;

Константинов М.В. Провинциальная археология. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – 296 с.

Константинов М.В., Константинова Т.А. Штрихи к биографии первооткрывателя древнего поселения Костенки ученого Ивана Полякова // Записки Института истории материальной культуры РАН. – СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 17. С. 31-36;

- Кропоткин П.А., Поляков И.С. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции, для отыскания скотопробного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 г. олекминскими золотопромышленниками, при содействии Сибирского отдела Географического общества (под ред. П. А. Кропоткина) // Записки Императорского Русского Географического общества по общей географии (отделениям географии математической и физической). – СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1873. Т. 3. – 482 с.
- Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 год. – Иркутск.: Типография губернского правления, 1863. – 183 с.
- Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. – Иркутск.: Изд. Иркутского статистического комитета, 1865 – 298 с.
- Поляков И.С. Каменный век в России // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1881. – Т. I. – С. 283-402
- Поляков И.С. Отчет о поездке в Восточный Саян // Отчет о действиях Сибирского отдела РГО за 1868 г. – СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1869. С. 109-197;
- Поляков И.С. По сю сторону Байкала // Иркутские губернские ведомости: офиц. газета Иркутской губернии. – Иркутск, 1865. №№ 47, 48; 1866. №№ 2, 4, 8, 9.
- Решетов А.М. Исторические портреты. И. С. Поляков — ученый энциклопедист // Вестник Сахалинского музея. – Южно-Сахалинск, 2002. № 9. С. 178-193;

Р.У. Мамац-ипа

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

ВКЛАД Л.Н. СОЛОВЬЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА АБХАЗИИ

Лев Николаевич Соловьев родился 24 ноября (7 декабря) 1894 года в селе Медвенка Обояненского уезда Курской губернии в семье народного учителя. В 1905-1913 гг. он учился в Курской классической гимназии. В 1912 году под Курском работала экспедиция П.С. Рыкова, копавшего славянское городище у с. Гочево. В качестве художника в этой экспедиции участвовал и семиклассник Лев Соловьев [Воронов, 1994. С. 11].

Летом 1913 года Лев Николаевич был зачислен на историко-филологический факультет Московского университета. Первая мировая война нарушила учебу. Из-за материальных трудностей осенью 1914 года он был вынужден перевестись в Харьковский университет, где курс археологии читал молодой профессор С.С. Федоровский, который внимательно следил за успехами своего ученика, направлял его интересы. Лев Николаевич штудировал труды археологических съездов, составлял подробные конспекты большого количества книг, много времени проводил в фондах Харьковского археологического музея, а в перерывах между занятиями брал уроки рисования в художественном училище, занимался репетиторством и обработкой экспонатов в музее.

В 1921 году Л.Н. Соловьев поступил на работу в Харьковский археологический музей в качестве младшего научного сотрудника, где поработал до 1 июня 1922 г., основное внимание уделив перестройке экспозиции и изучению всего хранившегося в музее комплекса древних керамических изделий. После окончания учебы уехал в Севастополь, где устроился сотрудником в музей древнего Херсонеса. Лев Николаевич там проработал до 27 ноября 1925 года.

Основные научные темы Л.Н. Соловьева этого периода – «Пограничные укрепления Херсонесской области» и «Четырехугольные башни Гераклеяского полуострова». В рамках этих тем он выявил и описал несколько десятков округлых и прямоугольных в плане башнеобразных сооружений-укрепленных усадеб в окрестностях древнего города. Параллельно им изучались (обмеры, зарисовка, описание, пробы расторов и др.) оборонительные сооружения самого Херсонеса. В 1923 г. он вел раскопки Херсонесского «оссеариума», в июне

1924 г. осуществлял надзор над ремонтом башни Зенона. 18 марта 1925 г. зафиксировал древнее поселение на историческом бульваре в Севастополе, собирал материалы по «каменным кругам» в окрестностях Балаклавы, изучал керамику Крыма, обрабатывал коллекции из поселения в Казачьей бухте, в долине р. Альмы, у Чертовой балки, в Змеином гроте, у Стрелецкой бухты и др. [Воронов, 1994. С. 13].

В сентябре 1926 г. он принял участие в 1-й конференции археологов СССР в Керчи, где познакомился и беседовал с такими известными исследователями как В.А. Городцов, А.А. Спицын, Н.Я. Марр, Н.И. Репников, А.Н. Зограф, А.И. Маркевич и др. Летом 1927 года Л.Н. Соловьев уехал сначала в Воронеж, в окрестностях которого работал в составе руководимой П.П. Ефименко экспедиции по исследованиям палеолитической стоянки у с. Борщево [Любин и др., 2011. С. 9]. Затем уехал на родину в Курск, где с 1 сентября 1927 г. по 1 сентября 1928 г. преподавал экономическую географию в Курской Совпартшколе. 1 мая 1928 г. Л.Н. Соловьев становится научным сотрудником Курского краеведческого музея, одновременно исполняя обязанности зам. председателя культурно-исторической секции Курского краеведческого общества. Круг его интересов этого периода кратко обрисован следующим образом: «археология, доисторическая керамика, скифо-сарматские древности» [Воронов, 1994. С. 13]. В 1928-1929 гг. Соловьев руководил разведками в верховьях р. Суджи, где было обнаружено восемь древних поселений бронзового и раннежелезного века. Также он зарисовал и описал всю керамику из музейного хранилища, собирал материалы по ковровому производству Курской области [Воронов, 1994. С. 13]. Много сил было отдано им перестройке экспозиции музея.

В 1930 г. Л.Н. Соловьев провел шурфовку в Саду Профсоюзов на территории города. Им было выявлено наличие «древнего дотатарского слоя в Курском городище», а один из шурфов наткнулся на древнерусский погреб, где исследователь обнаружил «три корчаги великокняжеской эпохи» [Стародубцев, 2008. С. 591-592].

В этот период у Л.Н. Соловьева постепенно формируется интерес к первобытной археологии, чему в решающей степени способствовали продолжающиеся контакты и переписка с П.П. Ефименко. Понимая, что такая специализация затруднительна без основательного знания геологии, Л.Н. Соловьев покидает свой город и направляется в Ленинград. Он там учился на минералого-петрографическом отделении института переквалификации при Горном институте [Воронов, 1994. С. 14].

Л.Н. Соловьев — по сути дела первый по времени своей работы курский археолог-профессионал. В его деятельности позитивные черты методичных разведок памятников старины уживались с некоторой маниакальностью краеведческих версий относительно регионального прошлого [Щавелев, 2016. С. 234].

Летом 1933 года Л.Н. Соловьев впервые попал в Абхазию, а в декабре того же года переезжает с семьей в Сухум.

В 1933 году Л.Н. Соловьев сделал первые находки кремневых орудий на территории села Яштуха севернее Сухума. Последующие три года (1934–1936 гг.) ознаменовались открытием нескольких десятков палеолитических памятников благодаря целенаправленным усилиям палеолитического отряда совместной экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (Ленинград) и созданного тогда же Абхазского научно-исследовательского института краеведения (Сухум). Л.Н. Соловьев зафиксировал серию стоянок в Центральной и Южной Абхазии (Лечкоп, Гвард, Келасур, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш, Захаровка, Отап, Моква, Очамчира, Илор, Ачигвара, Гал, Цхири, Чубурхиндж и др.); С.Н. Замятнин — в Северо-Западной Абхазии (Гагра, Колхида, Отхара, Бармыш, Гудаута, Лыхны, Кюр-дере, Эшера и др.). Активное участие в этих работах приняли М.М. Иващенко, П.И. Борисковский, М.З. Паничкина, А.Н. Каландадзе. Геологическое исследование выявленных стоянок проводили Г.Ф. Мирчинк, В.И. Громов, Е.В. Шанцер [Воронов, 2014. С. 10].

В октябре 1934 г. состоялось знакомство Л.Н. Соловьева с крупнейшим отечественным исследователем палеолита С.Н. Замятниным, которому он передал свою небольшую коллекцию яштухских кремней. Эти предметы — первые ашельские изделия, встреченные на территории СССР, — произвели на С.Н. Замятнина настолько сильное впечатление, что в последующие дни он в сопровождении Л.Н. Соловьева и М.М. Иващенко сам обследовал место находок и лично собрал там дополнительные материалы [Любин и др., 2011. С. 9].

Геолог и археолог-краевед Л.Н. Соловьев был самым неутомимым исследователем Яштуха. Он проводил там «массированные разведки на всей территории и исходил его вдоль и поперек» [Любин и др., 2011. С. 17], собирая кремни и изучая условия их залегания. Как геолог он произвел там зачистки плейстоценовых отложений, обнаружил на реке Западная Гумиста важное для понимания возраста террасовых отложений месторождение морской фауны, выдвинул идею о залегании палеолитических кремней на разных уровнях плаща покровных образований [Любин и др., 2011. С. 17]. Л.Н. Соловьев воспринял методику фиксации находок по участкам от С.Н. Замятнина, опубликовав свой вариант схемы расположения этих участков. На его схеме площади сборов каменных орудий значится уже 18 обследованных участков (прибавились горы Ахабиюк и Бырцх), которые размещены на большей площади, что отражает, по всей видимости, большие масштабы его поисковых маршрутов [Соловьев, 1971. С. 26].

Как сообщает Л.Н. Соловьев, подавляющее большинство орудий сделано из кремня низких поделочных свойств, залегающего в виде округлых, лепешковидных или неправильной формы желваков в известняках датского яруса палеогена, выходящих на вершине и склонах г. Яштуха [Соловьев, 1971. С. 28].

В древнейшей серии орудий стоянки, по мнению Л.Н. Соловьева, выделяются следующие формы рубил: 1) рубила клиновидные. Они изготовлялись из массивных обломков желвака, имевших более или менее гладкие боковые поверхности; 2) долотообразное рубило. Оно сделано на очень массивной скибке; 3) Наиболее многочисленны и наилучше обработаны треугольные (сердцевидные) рубила; 4) Рубила подчетыреугольной формы также повторяют весьма распространенные очертания естественных обломков желваков. Часть этих орудий приближается к овальной форме, которую также нередко можно увидеть среди желваков; 5) Рубила субовальные также нередки. Поверхность сильно выветренная, все формы заглажены временем. Длинные стороны имеют грубую, сравнительно мелкую ретушь. На конце крупноволнистое лезвие; 6) Топорообразные рубила с коркой для захвата рукой на одном конце. Лишь в двух случаях они имеют крупноволнистый край; 7) Рубила на дискообразном обломке обработаны лишь по краям короткими, довольно крутыми сколами. Форма их чаще подтреугольная. Иногда представляет $\frac{1}{4}$ окружности [Соловьев, 1971. С. 30-31].

В 1935 году Л.Н. Соловьев на горе Апианча (седловина вблизи вершины) и у пещеры Магара подобрал несколько кремневых отщепов ашельско-мустьерского облика. Первые сведения об этой находке, как и о находках на Агыше, были опубликованы С.Н. Замятниным и Н.И. Березиным [Березин, 1936. С. 3].

В 1936 году Л.Н. Соловьев зафиксировал две стоянки позднеашельского и ранневерхнепалеолитического времени в урочище Богаз (Цебельда 1 и 2). В те же годы он же отметил наличие культурного слоя в гроте Кеп-Богаз, провел совместно с С.Н. Замятниным первые сборы кремневых орудий мустьерского времени в сс. Боговешта, Анастасьевка, Верхняя Наа (Наа Армянская), Нижняя Лемса [Воронов, 2009. С. 233]. В 1936 году геологи В.И. Громов, И.В. Шанцер и Л.Н. Соловьев нашли несколько орудий верхнепалеолитического облика в с. Захаровка (древн. Шакура, совр. Амткел) [Воронов, 2009. С. 233].

В 1938 году он начинает раскопки первой многослойной пещерной стоянки в Абхазии – грота Кеп-Богаз (Апианча) (мезолит, верхний палеолит, мустье). Она находится в 5 км к югу от с. Цебельда Гульрипшского р-на и расположена на высоте 450 м над уровнем моря у подножия восточного склона горы Апианча, на правом берегу р. Кодора. Пещера обращена на юго-восток, имеет площадь 276 кв. м. Заложенный Л.Н. Соловьевым шурф 2х2 м и глубиной почти 7 м вскрыл семь геологических слоев с остатками неолитической, мезолитической и позднепалеолитической культуры. В основании отложений найдены отдельные мустьерские орудия. В нижнем слое распространены нуклевидные резцы и скребки высокой формы, а острия встречаются редко. Этот материал предварительно был датирован серединой позднего палеолита. Судя по данным Л.Н. Соловьева, глубже лежат более древние позднепалеолитические слои. По-видимому, материалы из Апианчи проявляют определенное сходство с позднепалеолитической культурой Имеретии [Абрамова и др., 1984. С. 282].

В 1938-1940 гг. в Кодорском ущелье им были начаты раскопки многослойного пещерного памятника Грот Хупынипшахва (Холодный). Этот грот расположен на мысу у слияния рек Амткелы и Кодора, в 37 км от г. Сухума. Он представляет небольшую светлую нишу с обширной площадкой перед входом на высоте 28 м над водой. Предложенные Л.Н. Соловьевым характеристика отложений, их членение и выделение культурных слоев несколько противоречивы. Распространение слоев в различных частях поселения было неравномерным. Суммарно на всей исследованной площади выделены следующие четыре геологические толщи: А – серый, местами коричневый, щебнистый золистый слой; прослежен в шурфе, идет с поверхности и имеет мощность около 80 см. Б – серый рыхлый слой с большим количеством щебня и гумусными прослойками с культурными остатками. В – слой грязно-белого цвета с большим количеством щебня. Г – черный гумус с большим количеством щебня, лежит на скалистых глыбах обвала. Мощность отложений в шурфе достигает 3 м. Все четыре толщи содержат культурные остатки. Слои А и Б Л.Н. Соловьев отнес к мезолиту, слои В и Г – к позднему палеолиту [Абрамова и др., 1984. С. 282]. А.А. Формозов поддержал позднепалеолитический возраст слоев В и Г [Формозов, 1963. С. 185]. На плейстоценовый возраст слоя Г могут указывать найденные здесь кости пещерного медведя, тура, серны. В слое Б распространяются остатки современных видов животных – благородного оленя, лося, кабана. Во всех культурных слоях много позвонков крупного лосося.

По данным Л.Н. Соловьева, позднепалеолитический слой Г богат находками. Среди них косоплощадочные нуклеусы, нуклевидные скребки, концевые скребки на пластинах, боковые, угловые и многофасеточные резцы, пластины с притупленной спинкой, несколько сегментов и сланцевых рубящих орудий. В слое В находок относительно немного [Абрамова и др., 1984. С. 282].

Вместе с позднепалеолитическими формами орудий здесь найдено значительное количество сегментов-вкладышей. Особенно интересен выпрямитель из лучевой кости медведя, украшенный примитивным геометрическим орнаментом, нанесенным нарезными линиями. Круглое отверстие выпрямителя заполнено от употребления. В нерасчлененной по слоям коллекции, концевые скребки многочисленны и преобладают над резцами. Нуклевидные скребки высокой формы почти не встречаются. Среди резцов крупных полиэдрических орудий нет, характерны боковые резцы на пластинах. Вкладышевые пластинки представлены целой группой. Это довольно крупные орудия, обработанные крутой притупляющей ретушью со спинки [Абрамова и др., 1984. С. 282].

Также Л.Н. Соловьев открыл местонахождения Кюрдера, Цебельда, Малакун, Ачмарда, Анухва, Берджента, Моква, Илор, Цхири и много других памятников [Хварцкия и др., 2005. С. 11]. В мае 1939 года Л.Н. Соловьев принимал участие в работе III конференции по изучению палеолита СССР, которая прошла в Киеве. Согласно краткой аннотации его доклада, он познакомил коллег с

результатами своих полевых работ: «по инициативе Сухумского музея был обследован грот Холодный у Цебельды, в нем оказался хорошо выраженный тарденуазский слой, содержащий, кроме кремневых орудий и костей животных, кости человека. В другом гроте, Кет-хабае (Кеп-Богаз), тоже обнаружены следы стоянки тарденуазского облика. Аналогичные находки были сделаны и в одном из гротов в ущелье р. Кодора» [Соловьев, 1940. С. 50]. В 1940 году Л.Н. Соловьев сделал доклад в Сухуме о палеолитических стоянках долины Кодора, в котором охарактеризовал шесть открытых (уроч. Богаз-ашель, Планта - неопределенные находки кремней, Захаровка - верхний палеолит, Наа Армянская - мутье, Старо-Черниговское - мутье, Хумушкур - мутье) и четыре пещерных (Кеп-Богаз - эпипалеолит, гроты Багадской скалы - верхний палеолит, Холодный грот - тарденуаз, грот у Наа Армянская - эпипалеолит) [Воронов, 2009. С. 234]. Там же Л.Н. Соловьев отметил, что «в верхней части долины р. Кодора находок древнего каменного века не обнаружено, что м. б. объясняется неизученностью района», а также, что «находки мутьерского возраста преимущественно встречаются на побережье. В горной части они пока не обнаружены. Первые стоянки появляются здесь в начале верхнего палеолита» [Соловьев, 1940а. С. 35-36]. Такие фундаментальные труды Л.Н. Соловьева, как «Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита» (1971, Сухум), «Памятники каменного века Абхазии» (1987, Тбилиси) и десятки научных публикаций, посвященные проблемам истории первобытного общества в Абхазии, стали научным достоянием, использующимся современными зарубежными и отечественными учеными. Благодаря открытиям Л.Н. Соловьевым многочисленных памятников каменного века Абхазии, с 1-й половины 30-х годов XX века и до недавнего времени, ученые, такие как С.Н. Замятнин, М.З. Паничкина, П.И. Борисковский, А.Н. Каландадзе, В.В. Федоров, Г.Ф. Мирчинко, В.И. Громов, Н.О. Ласкорунская, Е.В. Шанцер, впоследствии П.И. Долуханов, И.И. Коробков, В.П. Любин, В.М. Муратов, Э.О. Фриденберг, А.К. Филипов и многие другие неоднократно организовывали археологические исследования памятников палеолита Абхазии. На основании вышперечисленных изысканий, Яштухское местонахождение становится эталонным памятником эпохи каменного века на всем постсоветском пространстве, и не только [Цвинария, 2017. С. 12].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А. и др. Палеолит СССР // Археология СССР: Т. 5 (20). – М.: Наука, 1984. – 383 с.
 Березин Н.И. Справочник по палеолиту СССР. Труды института антропологии, археологии и этнографии. Т. XII. Археологическая серия 1. – М.: АН СССР, 1936. – 74 с.
 Воронов Ю.Н. История изучения археологии Абхазии (1975 г.) Научные труды. Т. 4. – Сухум: АБИГИ. 2014. – 408 с.
 Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев. – СПб: Триал, 1996. – 43 с.
 Воронов Ю.Н. Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. Научные труды. Т. 2. – Сухум: АБИГИ. 2009. – 610 с.

- Любин В.П., Беляева Е.В. Страницы ранней преистории Абхазии. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. – 120 с.
 Соловьев Л.Н. Палеолитические стоянки долины реки Кодор в связи с историей Кодорской долины // Выездная сессия Грузинского филиала АН СССР в Сухуми 26-29 сентября 1940 г. – Тбилиси, 1940. – 36 с.
 Соловьев Л.Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. – Сухум: Алашара, 1971. – 133 с.
 Соловьев Л.Н. О новых геологических и археологических наблюдениях, сделанных в Абхазии в 1938 году // КСИИМК. – Вып. III. – 1940. – 50 с.
 Стародубцев Г.Ю. Следопыты прошлого // Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. – Курск: «График», 2008. – С. 565-603.
 Формозов А.А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. – № 4. – 1963. – 306 с.
 Хварцкия М.Х., Полякова Н.Е., Очередной А.К. Мачагуа - памятник среднего каменного века в Абхазии. – СПб.: Копи-Р, 2005. – 140 с.
 Цвинария И.И. Вклад Л.Н. Соловьева в исследование палеолита Абхазии // Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур: сб. науч. тр. – Сухум: АБИГИ, 2017. – 383 с.
 Щавелев С.П. Историка Курского края. Биографический словарь. – М.: Флинта, 2016. – 464 с.

Р.В. Пахомов

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

ИЗУЧЕНИЕ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 1/ВЕРХНИЙ СЛОЙ В НАЧАЛЕ XX В.

Раскопки, проведенные И.С. Поляковым в 1879 г. и А.И. Кельсиевым в 1881 г. на стоянке Костенки 1, стали крупными исследованиями по изучению каменного века в России. Ими был оставлен огромный задел для дальнейших работ. Однако после Александра Ивановича вплоть до начала XX в. полноценных масштабных раскопок не проводилось. Причиной этому послужил упадок интереса к памятникам первобытности, чему поспособствовали два фактора – организационный и идеологический (Платонова, 2010. С. 147). Однако изучение костенковской стоянки продолжилось на местном уровне силами Воронежского губернского статистического комитета (Марков, 1891. С. 72–90; Зверев, 1893. С. 161–165) и Воронежской ученой архивной комиссии (Зверев, 1904. С. 148). Хотя исследования носили краткосрочный и точечный характер, благодаря им были получены и новые материалы, и дополнена история изучения Костенок. Кроме того, в начале XX в. они привлекли внимание представителей Харьковского и Варшавского университетов – Н.И. Криштафовича и С. Круковского.

Летом 1904 г. Н.И. Криштафович провел геологическое исследование на территории палеолитических стоянок в Европейской России (Криштафович, 1907. С. 182). На Костенках 1 он заложил 6 шурфов, один из которых оказался пустым (Праслов, 2007. С. 183). В итоге, им была собрана небольшая коллекция в размере 380 предметов, большая часть которых происходила из шурфов №1 (всего 102 предмета) и №6 (134 находки). Шурф №3 дал 28 предметов, №4 – 31, №5 – 81. Четыре предмета депаспортизованы – это пластина с ретушью, обломок орудия с меловой коркой на спинке, пластина с негативом подтески на брюшке и первичный отщеп. Коллекция насчитывает 111 предметов с вторичной обработкой (Праслов, 2007. С. 184). В ней оказались представлены такие группы орудий, как наконечники, микропластинки с притупленным краем, скребки, резцы, ножи костенковского типа. Кроме этого исследователями выделяются фрагменты пластин и пластинок, отщепы и микроотщепы, обломки их, резцовые сколы (Праслов, 2007. С. 188–192).

В настоящее время коллекция Николая Иосифовича хранится в фондах Отдела эпохи камня Общественного Археологического музея в Варшаве и снабжена старыми этикетками, написанными С. Круковским (Праслов, 2007. С. 182).

После Н.И. Криштафовича изучение Костенок было ненадолго прервано. Только в 1915 г. С. Круковский провел на месте открытой И.С. Поляковым стоянки обширные раскопки (Чепелевская, 2019. С. 20). Целью этих работ являлся сбор коллекций каменных орудий, которую исследователь планировал перевезти в Польшу для передачи частному коллекционеру (Чепелевская, 2019. С. 22). Раскопки С. Круковского отличались масштабностью и значительно превосходили предыдущие как по размерам, так и по важности находок. Исследователь обнаружил следы кострищ, залежавшие на разных высотах (Замятнин, 1922. С. 7). Однако работы носили бессистемный характер, а в связи с отсутствием документации точные сведения относительно количества находок, заложенных шурфов, привести невозможно.

Коллекция С. Круковского была описана С.Н. Замятниным в 1922 г. (Замятнин, 1922. С. 1–16). В числе кремневых изделий Сергей Николаевич выделил ряд характерных форм мадленской эпохи: большие ножи, скребки, мелкие острия. Значительная часть предметов была отнесена ученым к периодам солютре и ориньяк: превосходные образцы остроконечников с выемкой в нижней части и «скребки высокой формы». Среди многочисленных костей, частью обожженных и намеренно расколотых, находилась челюсть мамонта со следами кремневых орудий (нарезками и штрихами, т. е. линейными следами). В качестве предметов изобразительного искусства была представлена женская статуэтка из мергеля. Верхняя ее часть не сохранилась, ноги были изображены лишь до колен. Статуэтка имела сильно отвислый живот. Данная находка имела огромное значение, поскольку она стала на тот момент первой и единственной находкой этого рода на территории России (Замятнин, 1922. С. 7).

К настоящему времени, по утверждению Н.Д. Праслова, материалы из коллекции С. Круковского хранятся в фондах Отдела археологии Кунсткамеры им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (Праслов, 2007. С. 182).

Таким образом, исследования Н.И. Криштафовича и С. Круковского существенно дополнили материалы, полученные на Костенках 1 первыми исследователями, и позволили расширить ее хронологические рамки.

Исследования стоянки Костенки 1 Н.И. Криштафовичем и С. Круковским привлекли внимание многих деятелей российского научного сообщества, в том числе и представителей палеоэтнологической школы, изучавших прошлое человечества в соответствии с естественнонаучной методикой и классификацией доисторической археологии, разработанной Г. Мортилье (Волков, 1913. С. 300). Ими была поставлена задача провести параллелизацию костенковских древ-

ностей с европейскими находками. Ее решение взял на себя П.П. Ефименко. За объект были выбраны коллекции первых исследователей костенковской стоянки (Ефименко, 1915. С. 14).

Рассматривая две коллекции, Петр Петрович выделял следующие типы каменных изделий: нуклеусы, отбойники, пластинки (имели 3–4 грани, неправильные очертания, размеры не превышают 10 см), скребки (обыкновенные и вогнутые), проколки, пластинки с оббитым концом, микролитические формы, резцы (боковые и угловые), остря (Ефименко, 1915. С. 19–22). Кроме изделий из камня П.П. Ефименко описал найденные И.С. Поляковым и А.И. Кельсиевым кости. Они плохо сохранились и, к моменту изучения Петром Петровичем коллекций точного определения их не было сделано. Значительная часть резцов, специальных орудий, повсюду сопровождающих в верхнем палеолите костяную индустрию, показало, что в Костенках кость служила материалом для поделок (Ефименко, 1915. С. 17). На основе изученных орудий исследователем были выдвинуты точки зрения относительно хронологии стоянки. П.П. Ефименко оспорил позиции Г. Шмидта по поводу отнесения стоянки к позднему ориньяку, поскольку типичных форм в обеих коллекциях не встречалось. Единственное, что могло дать возможность сближения стоянки с ориньякскими находками – это костенковское острие, относящееся к солютре. При этом имеющийся материал говорил, как о этапе зарождения, так и вырождении солютрейской техники. П.П. Ефименко отмечал, что находки из коллекций грубее и массивнее, чем у их западных аналогов. Кроме того, ученый относил целый ряд орудий («атипических острий с выемкой») к эпохе старше солютре (Ефименко, 1915. С. 24–26).

В итоге, ориентируясь на работы западных археологов (раскопки Ла-Ферраси в Дордони, Ла Фонт Роберт, Зиргенштейн в Швабской Юре) и учитывая актуальные для того времени раскопки (Ефименко, 1915. С. 24–26), П.П. Ефименко подробнейшим образом рассмотрел коллекции И.С. Полякова и А.И. Кельсиева в русле европейских тенденций и, более того, сумел дать свою интерпретацию находок, заложившую основу для будущих исследований.

После открытия в 1905 г. стоянки Борщево 1 А.А. Спицын взял на себя задачу по систематизации данных обо всех обнаруженных памятниках каменного века. Костенкам исследователь уделил пристальное внимание. Он не только описал проведенные на этой территории исследования, но и ввел памятник Костенки 1 в единую систему. По устройству встреченных очагов Александр Андреевич относил его к группе стоянок «огромных очагов и с костями в качестве топливного материала и без орудий» (Спицын, 1915. С. 171). По вопросу хронологии А.А. Спицын выдвинул две позиции: 1. Памятник принадлежит к эпохе старше солютре; 2. Костенки 1 относятся к уникальной культуре, не имеющей аналогов в Европе (Спицын, 1915. С. 172). Таким образом, исследователь

указал на специфику костенковских древностей и создал задел для выделения археологической культуры на территории Костенок.

Открытие А.А. Спицына в с. Борщево вызвало серьезный интерес у младшего сотрудника Российского исторического музея и преподавателя Московского археологического института В.А. Городцова. В 1908 г. он выпустил работу, где представил свою точку зрения относительно стоянки Костенки 1 (Городцов, 1908. С. 222–235). Он утверждал, что на ее территории проживало многочисленное население, питавшееся мясом мамонта (Городцов, 1908. С. 224). Исследователь, основываясь на технологическом принципе, указывал на принадлежность кремневых орудий стоянки к «сколотой» технике (техники, направленной на получение длинных ножевидных и овально-треугольных пластин). Кремневые орудия отличались длиной и тщательной выделкой (Городцов, 1908. С. 233). Исходя из этого, ученым выделялись следующие формы: копьевидная, скребковидная и ножевидная (Городцов, 1908. С. 169). Стратиграфические условия (стоянка располагалась на древней дилювиальной террасе) и характер обнаруженного материала позволили ученому относить стоянку к периоду мадлена (Городцов, 1908. С. 234).

В результате, систематизация костенковских материалов проводилась в двух плоскостях. Если А.А. Спицын ориентировался на следы обнаруженных очагов и местоположения скоплений костного материала на территории Костенок 1, то В.А. Городцов делал свои выводы на основе технологии создания кремневых изделий.

Таким образом, в начале XX в. изучение стоянки Костенки 1 проходило в рамках трех направлений деятельности:

- Сбор нового материала;
- Изучение материалов стоянки в русле европейских тенденций;
- Систематизация знаний о памятнике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Волков Ф.К. Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. – Санкт-Петербург: И.Н. Скороходова, 1913. Т. 9. С. 299–306.
- Городцов В.А. Первобытная археология. – Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1908. – 416 с.
- Ефименко П.П. Костенковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества. – Санкт-Петербург: Типография А. Розена, 1915. – Т. 5. – С. 13–26.
- Замятнин С.А. Очерки по доистории Воронежского края – Воронеж: Типография 1 отделения автономного управления, 1922. – 16 с.
- Зверев С.Е. Воронеж на XII археологическом съезде // Труды Воронежской учетной архивной комиссии. – Воронеж: Типография «Печатня С.П. Яковлева», 1904. – Вып. 2. – С. 147–158.
- Зверев С.Е. Воронежские древности (Статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 года) // Памятная книжка

- Воронежской губернии 1893 года. – Воронеж: Типография Губернского правления, 1893. – С. 161–167.
- Криштафович Н.И. О геологическом исследовании палеолитических стоянок европейской России, летом 1904 года // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Москва: Типография Общества распространения полезных книг, 1907. – Т. 21. №2. – С. 174–183.
- Марков Е.Л. Древний город Костенск // Русский вестник. – Воронеж: Типография Высочайше утверждения Товарищества «Общественная Польза», 1891. – Т. 217. №12. – С. 72–90.
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Санкт-Петербург: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2010. – 316 с.
- Праслов Н.Д. Об одной малоизвестной странице исследований в Костенках // Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. – Санкт-Петербург: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2007. – №2. – С. 182–192.
- Спицын А.А. Русский палеолит // Записки Отделения русской и славянской археологии. – Петроград: Типография И.Н. Скороходова, 1915. – Т. 9. – С. 133–172.
- Чепелевская Э. Профессор Стефан Круковский (1890-1982) // Пещера Гварджила Кде в Грузии в Грузии. – Варшава: Издательство Варшавского университета, 2019. – С. 20–32.

Н.И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РОГАЧЕВ: РАННИЕ ЭТАПЫ БИОГРАФИИ

А.Н. Рогачев, несомненно – одна из центральных фигур отечественного палеолитоведения второй половины XX в. Его научное наследие заслуживает подробного анализа – не только, как дань его памяти, но и в плане определения перспектив на будущее. Потому что вряд ли когда-нибудь потеряет актуальность главная проблема археологии – о природе древних социальных единств, которые, так или иначе, отражены в археологизированных культурных остатках разных эпох. Именно эта проблема оказалась во главе угла в работах А.Н. Рогачева, когда он настойчиво заговорил об археологических культурах в верхнем палеолите.

В начале XXI в. в археологической литературе неоднократно предпринимались попытки проанализировать отдельные стороны деятельности А.Н. Рогачева [Спицын, 2002. С. 33–41; Васильев, 2001–2002. С. 117–122; Праслов, 2002; 2005; Аникович, 2005; 2007; Платонова, Аникович, 2005 и др.]. И все-таки иные коллеги искренне не понимают, чему можно всерьез учиться у этого замшелого марксиста, не знавшего ни одного иностранного языка и всю жизнь искавшего истину в историческом материализме? Некоторые современники представляют А.Н. прекрасным полевиком, тружеником, но при этом достаточно узкий специалистом, без должной широты кругозора [Формозов, 2002. С. 106, 116–117]. В основе такого взгляда лежит, в первую очередь, неприятие политической позиции А.Н. Действительно, верные наблюдения в его работах перемежаются порой с замечаниями идеологического порядка, читать которые сейчас тяжело и досадно. Для ряда коллег это обстоятельство стало решающим в оценке А.Н. Рогачева как ученого.

Совершенно иначе оценивал деятельность своего учителя М.В. Аникович: «А.Н. Рогачев, тонкий полевик-практик и несравненный знаток Костенково-Борщевского района, являлся в своей области ученым широчайшего кругозора. Если бы это было не так, ему вряд ли удалось бы на практике совершенно по-новому организовать и обобщить археологические материалы Восточной Европы по верхнему палеолиту. В отечественном палеолитоведении второй

половины XX в. было очень много одаренных, интеллектуальных, знающих языки специалистов. Но осуществить на практике *смену парадигм* удалось одному А.Н. Рогачеву...» [Платонова, Аникович, 2005. С. 10-11].

«Феномен Рогачева» заслуживает пристального исследования. Поэтому мы, в свое время, обратились к изучению ранних этапов его творческой биографии [Платонова, 2004; Платонова, Аникович, 2005]. К сожалению, эта работа до сих пор затруднена тем, что обширные материалы его личного фонда в архиве ИИМК РАН остаются неразобранными. Приходится по-прежнему опираться на сравнительно небольшой корпус архивных источников, собранных нами в 2000-х гг., и записи устных рассказов. Но поскольку эти материалы до сих пор не получили широкого освещения, новое обращение к ним следует признать актуальным.

Александр Николаевич Рогачев родился 28 августа 1912 г. (нов. ст.) в глухом мордовском селе Альдия, Шацкого уезда, на юго-востоке Рязанской губернии (ныне – Моршанский район Тамбовской обл.). Отец его, Николай Иванович, крестьянин-бедняк, в 1914 г. был взят в солдаты и пропал без вести. Матери, Пелагее Лукьяновне, было тогда 34 года. С двумя малыми детьми на руках ей ничего не оставалось, как идти в батрачки. А порой и с сумой ходить по миру, собирая куски.

С 9 лет (т.е. с 1921 г.) сыну бедной вдовы пришлось наниматься пастухом к местному кулаку Д.А. Клейменову. Сначала «из хлеба», т.е. за одну кормежку, потом за плату в 8-12 пудов зерна в год. Зимой мальчик учился в начальной сельской школе – но только «по снегу». Едва снег сходил, начинались крестьянская работа и заработки. Какое уж тут ученье?

Первым человеком, заметившим недюжинные способности Александра, был его школьный учитель А.С. Троепольский. Во всех довоенных автобиографиях А.Н. упоминает этого человека. Только по его настоянию он не бросил учебу после четвертого класса, а отправился в Моршанск, в семилетку. Между тем, чтобы послать мальчика в уездный город, надо было худо-бедно снабдить его деньгами. Денег у матери не было. Но «настояния» Троепольского подкреплялись реальными действиями. На зиму учитель устроил Пелагею Лукьяновну работать сторожем сельской школы, а дочь ее взял к себе домработницей. Так были изысканы средства для Александра получить среднее образование [Там же. С. 13-14].

В «семилетке» он проучился всего два года – тоже «по снегу», с весны до осени работая дома. Новым было то, что в Моршанске, в отличие от деревни, в 1920-е гг. кипела политическая жизнь. И, конечно, Александр сразу же оказался в нее вовлечен. С 1925 г. он – член организации ЮП (юные пионеры), с 1926 г. – вожатый звена. В ту пору это был настоящий шаг в политику. Своим убеждениям, сформированным тогда, А.Н. остался верен всю жизнь.

В 1928 г. он успешно выдерживает вступительные испытания в Моршанский педтехникум Центральной Черноземной области. Этот последний представлял собой вариант рабфака. Весной 1930 г. активный комсомолец А.Н. Рогачев был «командирован» педтехникумом и Моршанским райисполкомом на педагогический факультет Воронежского университета. Правда, с учебой в ВГУ ничего не вышло: Александр заболел. Пришлось уехать в деревню – набираться сил. Однако отставшего от потока комсомольца-рабфаковца не только не отчислили из ВУЗа, но, «ввиду отсутствия осеннего набора», перевели из Воронежа в Ленинградский институт литературы и истории (ЛИЛИ). Это были остатки разгромленного Факультета общественных наук (ФОН, позднее – Ямфак), возникшего, в свою очередь, «на развалинах» прежних историко-филологического, юридического и восточного факультетов Петроградского университета.

В 1931 г. набор в ЛИЛИ производился исключительно по классовому признаку. У детей «служащих» попросту не принимали документы. А.Н. выпало учиться на музейно-краеведческом отделении. Этот узкий практицизм был характерной приметой времени: к 1930 г. зоологию в университете сменило животноводство, ботанику – растениеводство, филологию – экскурсионно-переводческое дело и т.д. Однако уже в 1932 г. на смену соответствующим отделениям вновь пришли более традиционные – историческое, литературоведческое и лингвистическое.

Летом 1931 г. Александр Рогачев впервые поехал в археологическую экспедицию в качестве практиканта. Это была Таманская экспедиция ГАИМК, под руководством А.А. Миллера. Тогда же зам. председателя Академии Ф.В. Кипарисовым был подписан приказ о его зачислении (вместе с рядом других студентов ЛИЛИ) в ГАИМК, на должность научного сотрудника II разряда. Что сие означало, было бы трудно понять, если б сам А.Н. случайно не упомянул в анкете, что учился в институте «на стипендии ГАИМК».

Усилия тогдашнего руководства академии в деле поиска «марксистских» кадров археологов выразились не только в заключении контрактов со студентами-комсомольцами, заканчивавшими университет в 1929-1930 гг. (среди которых были П.И. Борисковский, Е.Ю. Кричевский, Б.Б. Пиотровский и др.). Однако, помимо того, была сделана попытка спонсировать учебу рабфаковцев из глубинки, проявивших интерес к археологии. Выявить таких было нетрудно: Ф.В. Кипарисов (который вершил тогда все дела ГАИМК) являлся одновременно заведующим музейно-краеведческим отделением ЛИЛИ [Тихонов, 2003. С. 159]. Возможно, он сумел разглядеть в моршанском комсомольце Александре Рогачеве недюжинные способности и тягу к знаниям.

Учеба в ЛИЛИ (с 1932 г. – ЛИФЛИ) далась Александру без особых проблем. ВУЗовские программы начала 1930-х были заметно более облегченными, чем в старых университетах. В год поступления А.Н. Рогачева в институте еще сохранялся т.н. «бригадно-лабораторный метод», не предусматривав-

ший ни зачетов, ни экзаменов. Лекции тоже признавались буржуазным пережитком. Учебный курс, рассчитанный на 4 года, поощрялось «в порядке ударничества» проходить быстрее – за 2,5-3 года. Очень много времени отнимали у студентов всевозможные собрания, на которых клеймились и изгонялись «классово чуждые элементы», скрывшие свое истинное социальное происхождение.

Безусловно, образование, полученное таким способом, трудно назвать «высшим». Однако немало рабфаковцев, зачисленных в 1931 г., не потянули даже выхолощенную программу и были отсеяны. А.Н. Рогачев, напротив, считался «ударником», никогда не имевшим задолженностей. Он с великим упорством грыз гранит всех наук. К тому же (к счастью для него!) с осени 1932 г. в институте возобновились и зачеты, и чтение лекций. Курс истории первобытного общества был среди них одним из самых интересных. Читал его Исаак Натанович Винников. «...Маленький, с огромными ушами, как карикатура из антисемитского журнала и одновременно как карикатура на д-ра Геббельса, он говорил с ужасающим акцентом... Несмотря на все это, он буквально завораживал своей своеобразной речью, ее неожиданными поворотами, сведениями из самых неожиданных областей... Вся лекция была наполнена увлекательным содержанием...» [Дьяконов, 1995. С. 263-264].

По свидетельству И.М. Дьяконова, половина его однокурсников выбрала специализацию («цикл») по истории первобытности – исключительно благодаря лекциям И.Н. Винникова. Ничего удивительного, что и А.Н. Рогачев увлекся этим предметом. Таким образом, годы его учебы совпали с переломным, достаточно тяжелым периодом в истории гуманитарного образования в нашей стране. В целом, о преподавательском составе и учебных программах ЛИИ-ЛИФЛИ 1931-1933 гг. судить трудно, в силу непрерывной организационной неразберихи. Известно, что занятия по методологии истории доклассового общества вел С.Н. Быковский. Курсы по истории материальной культуры и музееведению читал Ф.В. Кипарисов. Кроме того, в 1931 г. А.А. Миллер читал студентам музейно-краеведческого отделения курс «Техника археологических раскопок и научные зарисовки» [Тихонов, 2003. С. 155-165]. Семинарские занятия по каменному веку (официально: «истории родового общества») велись П.П. Ефименко.

Летом 1932 г. А.Н. Рогачев опять побывал в экспедиции в роли практиканта. На сей раз это была экспедиция по изучению феодального города – раскопки древнего Новгорода под руководством А.В. Арциховского и М.К. Каргера. Год спустя, «ударно» окончив ЛИФЛИ, Александр поступает в аспирантуру Института истории доклассового общества (ИИДО) ГАИМК. Сам факт приема его в аспирантуру не удивляет: он был «законтрактрован» с самого начала. К тому же, учась в ЛИФЛИ, «сумел... показать пример ударной работы в учебе с активной общественной работой, будучи дважды премирован за высокие качественные показатели» [Платонова, Аникович, 2005. С. 15].

Анкета у А.Н. была идеальной. В 1932 г. он вступает в ВКП(б). Без сомнения, никакие соображения карьеры сюда не примешивались. В отличие от ряда других выдвиженцев 1930-х гг., А.Н. Рогачев был кристально честным человеком.

Приказ о зачислении его в аспирантуру ГАИМК (по кафедре истории родового общества) был подписан 1 октября 1933 г. Три последующих года явились величайшим испытанием и окончательно решили его судьбу. Именно тогда было положено начало подвижническим трудам Александра Николаевича на ниве археологии.

Никакое социальное происхождение, никакая партийность не помогли бы, не окажись у этого юноши-рабфаковца настоящих способностей к научной работе. Уже в 1934-1935 гг. аспирантов, занявших свои места «по классовому признаку», начали выгонять из Академии одного за другим. На совещании у Ф.В. Кипарисова, состоявшемся в начале февраля 1935 г., констатировалось, что «наиболее неподготовленная» часть аспирантов, зачисленных в последние два года, уже отсеяна. Остальным необходимо «восполнить пробелы ударной работой». Прямо говорилось о том, что аспиранты не прошли полного университетского курса, не знают иностранных языков, загружены общественной работой, что мешает их академической подготовке и т.п. [Протоколы... 1935. Л. 17].

Хотя у руля всех наук находились партийцы, а труды археологов оценивались, в первую очередь, по степени соответствия марксизму, это отнюдь не помешало П.П. Ефименко потребовать от своего аспиранта проработки обширной иностранной литературы по каменному веку – и в переводах, и в подлинниках. Все выступления Александра на заседаниях ИИДО в указанный период – это, в основном, сообщения о скромных успехах в изучении языков и еще – о прочитанных книжках.¹ В списке обязательной литературы, указанной в его «аспирантском билете», труды «буржуазных» ученых (А. де Мортилье, А. Брейля, Г. Обермайера, М. Гернеса, О. Менгина и очень многих других) мирно соседствовали с трудами недавно репрессированного С.И. Руденко и ревизиониста Г. Кунова... [Билет аспиранта... Л. 10; Платонова, Аникович, 2005. С. 17]. Два года он просто упорно читал. О реальном написании диссертации не приходилось и думать. Очень немногие аспиранты 1930-х гг. одолели этот рубеж.

Восполнять недостатки образования Александру помогли природная одаренность и неимоверное упорство. Но, по-видимому, было трудно. Пошатнулось здоровье: начались неполадки с легкими... С темой диссертации изначально не повезло: на третьем году аспирантуры ее пришлось менять:

¹ Самый первый доклад, прочитанный аспирантом Рогачевым на кафедре (27.01.34), назывался «Некоторые вопросы экспозиции родового общества (о методе концентрации в экспозиции палеолитического материала)» [Протоколы и материалы, 1934. Л. 4]. По-видимому, занятия по музееведению у Ф.В. Кипарисова не прошли для него даром. Указанные вопросы продолжали занимать его всю жизнь. Не случайно именно он в дальнейшем стал главным инициатором создания музея в Костенках.

«...Настоящим заявляю, что тема диссертации «Ранние дюнные поселения первобытного человека восточно-европейской части СССР» не может быть выполнена в силу отсутствия необходимого материала для ее написания. Добывание же материала сопряжено с большими трудностями. С согласия... руководителя П.П. Ефименко тема диссертации изменена. Материалом для диссертации будут служить палеолитические стоянки Днепростроя. Для этого мне совершенно необходима командировка в Киевский институт истории материальной культуры УАН для обработки коллекций двух палеолитических стоянок Дубовая и Кайстровая Балка²... Прошу Вас оказать мне помощь и содействие в получении командировки в Киев для обработки указанных двух коллекций стоянок. А. Рогачев. 14.04.36.» [цит. по: Платонова, Аникович, 2005. С. 17].

На этом заявлении имеется положительная резолюция директора ИИДО В.И. Равдоникаса. Через день А.Н. обращается с просьбой о командировке в Киев к Ф.В. Кипарисову: «...Через И.А. Лепикаш и Т.Т. Тесля, которые приглашали меня для обработки этих коллекций, я узнал все необходимые сведения о состоянии и хранении этих коллекций. В настоящее время под руководством П.П. Ефименко я готовлюсь к командировке...» На документе есть приписка: «Считаю просимую аспирантом Рогачевым командировку в Киев необходимой для подготовки им его диссертационной работы. Зав. кафедрой дородово-го общества П. Ефименко» [Там же].

Из цитированных документов ясно, что в ту пору А.Н. уже отчетливо представлял себе, как именно будет строиться его научная работа. Он не сомневался, что в основе должны лежать материалы конкретных памятников, должным образом обработанные и осмысленные. Он удачно избежал соблазна оторваться от материала, утонув в вульгарно-социологической схоластике, модной в первой половине 1930-х. В этом проявилась его сущность, как исследователя: всегда и во всем идти *от конкретного материала*.

Командировка была получена А.Н. Рогачевым в июне 1936 г. Официально срок его аспирантуры кончался осенью. Тогда же возникла идея «распределить» А.Н. в ИИМК УАН. Из Киева он писал ученому секретарю ГАИМК В.И. Селиванову:

«Дорогой Владимир Иванович!.. Перспектива работы в ИИМК [АН УССР. – Н.П.] меня радует. Здесь масса материала и масса работы, и свободная инициатива. С ГАИМК буду связан, как ее питомец... Намечен ли я в Костенковскую экспедицию? С П.П. Ефименко я хотел бы поехать, так как практики по копанию палеолита у меня мало... Август месяц, если не поеду в Днепровскую

² Стоянки в Кайстровой Балке были открыты и исследовались А.В. Добровольским в 1931-32 гг. Раскопки носили спасательный характер [Береговая, 1960. С. 137-138]. Автор раскопок в описываемый период благополучно работал в Днепропетровском музее [Мезенцева, 1997. С. 39], но, по-видимому, совершенно не имел опыта классификации палеолитических и раннемезолитических материалов.

экспедицию, проведу в Ленинграде за обработкой мадленских стоянок Костенок в МАЭ. ... Если не поеду в Костенки, буду переезжать...» [цит. по: Платонова, Аникович, 2005. С. 18].

Однако план устроиться на работу в Киев неожиданно сорвался. В конце 1936 г. Рогачев возвратился в Ленинград – и тут же был зачислен в штат ГАИМК и.о. старшего научного сотрудника с окладом 300 руб. в месяц. 27 апреля 1937 г. появилось распоряжение: «...тема исследовательской работы и.о. ст. научн. сотр. ИИДО А.Н. Рогачева на 1937 год заменена новой темой: «Палеолитическая стоянка Костенки IV (Александровская)» – кандидатская диссертация» [Там же]. С этого момента делом всей его жизни окончательно становится костенковский палеолит.

Практики в раскопках палеолитических памятников у А.Н., действительно, было мало. Совсем неопытным, новоиспеченным аспирантом он впервые пришел в экспедицию П.П. Ефименко в 1934 г. Характерно, что уже в том первом сезоне ему удалось обнаружить на центральном мысу Аносова лога новую стоянку Костенки 10 (Аносовка 1) [Векилова, 1977. С. 209-210]. Во второй приезд (1936 г.) А.Н. уже непосредственно руководит работами на Костенках 1³. Его «взросление» шло исключительно быстро. В 1936 г. им был открыт один из известнейших в будущем памятников – Костенки 8 (Тельманская стоянка).

В 1937 г. А.Н. провел в Костенках 2,5 месяца – с июля до середины сентября. Работы велись на Тельманской стоянке и на Александровской, ставшей отныне темой его диссертации. Под его руководством на памятнике были заново вскрыты смежные раскопы С.Н. Замятина и П.П. Ефименко 1927-1928 гг. Затем раскоп расширили до 400 кв. м. На этой площади оказалось исследовано первое (южное) длинное жилище. В 1938 г. было открыто второе (северное) жилище. Именно в том сезоне Александр Николаевич впервые столкнулся с проблемой, к которой до него, по сути, не обращался ни один палеолитовед мира.

Раскопки 1937-1938 гг. производились еще всецело по методике П.П. Ефименко, предполагавшей вскрытие больших площадей, при сравнительно малом количестве разрезов. В такой ситуации, пользуясь данными, преимущественно, горизонтальной стратиграфии, достаточно трудно проследить наложение одного комплекса на другой. Проще всего было бы объявить раскопанные материалы «единым культурным слоем», а круглые жилища «пристроить» к длинным. Но А.Н. Рогачев обратил внимание, что на некоторых участках материалы круглых жилищ как будто бы *перекрывают* материалы длинных. Это была мина замедленного действия, призванная взорвать уже привычную (и, кстати, признанную марксистской!) стадильную схему палеолита Евразии.

³ Работы Костенковской палеолитической экспедиции ГАИМК 1936 г. велись двумя отрядами, под общим руководством П.П. Ефименко. Раскопками на Костенках 1 руководил А.Н. Рогачев, раскопками на Боршево 2 – П.И. Борисковский [Векилова, 1977. С/ 210].

В самом деле: если признать его выкладки справедливыми, то... «ориньяко-солютрейский» (по облику каменной индустрии) слой Александровской стоянки (с круглыми жилищами) является более поздним, а «мадленский» (с длинными жилищами) – более древним!.. В диссертации молодой археолог предпочел обойти этот вопрос стороной, целиком сосредоточившись на анализе длинных жилищ. Он сам боялся верить своим глазам, и вполне справедливо опасался с ходу скомпрометировать свои предположения недостаточной аргументацией. Эти колебания в полной мере отразились в первых научных публикациях [Рогачев, 1940; 1940а]. Лишь впоследствии, при подготовке обобщающей монографии по Костенкам 4 [Рогачев, 1955], он сделал решительный шаг, повлиявший, в конечном счете, на все отечественное палеолитоведение.

Есть все основания полагать, что уже в 1939 г. А.Н. Рогачев полностью подготовил кандидатскую диссертацию по Александровской стоянке. Но постигшие, ничто не давалось ему легко... Успешно начатые исследования неожиданно прервались – почти на 10-летие. На восточных границах СССР начался вооруженный конфликт, и именно Рогачев, а не кто-то другой, вдруг оказался оторван от любимого дела, угодив в «горячую точку».

В декабре 1939 г. он был отчислен с занимаемой должности, как «призванный на военный сбор до особого распоряжения». Целый год прослужил на Дальнем Востоке рядовым. Потом был взят в политотдел, получил офицерское звание... В мае 1941 г. в Воронеже планировалась сессия очередной конференции АИЧПЕ. В Костенках должен был состояться Пленум советской секции – с демонстрацией разрезов ряда стоянок и геологических обнажений. ИИМК АН СССР сумел договориться с командованием Дальневосточного военного округа о предоставлении А.Н. Рогачеву отпуска для подготовки этих разрезов (на стоянках Костенки 1, 3; Борщево 1, 2 и др.) [Векилова, 1977. С. 210]. В результате А.Н. всего на несколько дней заново окунулся в атмосферу Костенок. Но уже в июне 1941 г. он снова был на Дальнем Востоке, откуда вернулся с «сибирскими дивизиями» – прямо под осажденную Москву.

Победу он встретил в чине капитана, но армия долго не отпускала его. До декабря 1945 г. А.Н. оставался в Германии, затем был переброшен в Таврический военный округ. Демобилизоваться ему удалось лишь в июне 1947 г. В июле того же года А.Н. Рогачев был восстановлен в должности м.н.с. ЛОИИМК.

Защита диссертации «Первобытно-общинное поселение палеолитического времени Костенки 4» прошла триумфально 7 июля 1948 г. Оппонентами выступали М.И. Артамонов и А.П. Окладников. Свои отзывы представили также С.Н. Замятнин и В.И. Равдоникас. Все в один голос говорили о высочайшем уровне полевых работ А.Н. Рогачева, о серьезности и обоснованности предложенных диссертантом реконструкций – как самих длинных жилищ, так и деталей «социальной организации» населения, их построившего.

Первая часть работы, действительно, всецело была посвящена описанию следов южного жилища и содержала опыт восстановления его конструкции. Вторая заключала в себе описание коллекции кремневых, каменных и костяных орудий, их функциональный анализ и наблюдения, касавшиеся техники кремневой индустрии. Замечания оппонентов касались второстепенных моментов. Ни одному из выступавших не пришло даже в голову подвергнуть сомнению обоснованность главных выводов диссертанта. Коллеги лишь сожалели, что Александр Николаевич отказался дополнить свою работу анализом круглых жилищ – кстати, не сомневаясь заранее, что эти последние должны быть *древнее* длинных [Диссертационное дело... Л. 19, 19 об, 28 об.]. Впрочем, решительное заявление автора, что стратиграфическое соотношение длинных и круглых жилищ еще должно быть проверено в поле, вызвало у всех понимание.

Заслуживает упоминания характеристика М.П. Грязновым самого стиля работы А.Н. Рогачева:

«...[Автор] часто... проявляет скромность, выражающуюся в том, что заглавия всех его разделов... начинаются словом «описание»... А речь идет не только об описании, но и об анализе и о заключении на основании такого анализа. Под словом «факты»... А.Н. Рогачев, видимо, понимает явления, которые нам неизвестны, нами устанавливаются на основании анализа и документируются. Это явление А.Н. Рогачевым в своей работе реализовано последовательно, т.е. каждый факт, даже самый мелкий, каждый вывод, те или иные явления – весьма основательно учтены, документируются, рассматриваются «за» и «против» ... того или иного установленного... факта. Я бы сказал, что в этом отношении работа А.Н. Рогачева является образцовой по точности документации установленных им фактов...» [Там же. Л. 54].

Данное наблюдение включает в себе очень точное определение исследовательского подхода А.Н. На первое место он всегда ставил *факт*, должным образом *установленный и документированный*. Любая исследовательская *схема* имела уже второстепенное значение: она оценивалась им по степени соответствия фактам. Если же схема, считавшаяся марксистской, вступала в противоречие с фактами, то вопрос решался для него однозначно: значит, она не марксистская. Вгонять факты в прокрустово ложе схем он не умел органически. Хотя нередко его гипотезы диктовались интуицией – интуиция у А.Н. Рогачева была богатая. И тогда проходили годы, пока он, наконец, получал возможность должным образом обосновать свои предположения.

В своем выступлении на защите А.Н. Рогачев осторожно упомянул, что *нет оснований утверждать, что круглые жилища – это тип более древний, чем длинные жилища*. В тот момент никто из присутствовавших не усмотрел в этой, казалось бы, пустяковой оговорке – той зацепки, которая в дальнейшем сыграла роль фетиша, подложенного под всю стадиальную концепцию. Но она была именно таковой.

Разумеется, коллеги хорошо понимали, каких трудов стоило А.Н. выйти на защиту почти сразу после «восьмилетнего перерыва, когда ни о каких археологических занятиях не могло быть и речи» (А.П. Окладников). Это потребовало нового просмотра всех дневников, графического материала, десятков тысяч кремней, а также всей литературы вопроса – и старой, и новой. Решение Ученого совета было единогласным. Поздравления коллег – искренними.

Даже сухая стенограмма доносит до нас чувства, переполнявшие диссертанта в тот момент: «Товарищи! Года не прошло, как я вернулся из армии. Я встретил такую поддержку и такой дружный коллектив! Мне трудно даже говорить... Я благодарен Институту...» [Там же. Л. 59].

После успешной защиты А.Н. Рогачев немедленно уезжает в Костенки, где к тому времени разворачивалась работа его новой экспедиции. Во всех его действиях чувствовалась продуманность замысла и отменная четкость его проведения в жизнь. На первый план выступила задача построения новой хроностратиграфии района, проверки *реальной стратиграфической последовательности* памятников. Несомненно, мысль о необходимости такой проверки внушили ему именно результаты работ на Костенках 4, где собственные глаза говорили ему одно, а признанные специалисты и устоявшиеся схемы – другое. Гипотеза о том, что «мадленский» памятник может, на деле, хронологически предшествовать «ориньяко-солютрейскому», была, по тем временам, не просто смелой, а сверхсмелой, новаторской, еретической... Но решительности А.Н. было не занимать. Начиная с 1948 г., в Костенках в большом количестве ставятся стратиграфические шурфы, открываются новые и новые многослойные стоянки, специально приглашаются геологи-консультанты – причем, в первую очередь, не признанные мэтры, а молодые ученые с непредвзятым, не «замыленным» взглядом.

Конечно, результаты этих работ оказались «не ко двору». В 1953 г. А.Н. Рогачев был временно отстранен от руководства экспедицией. Начальником вместо него стал П.И. Борисковский, а самому А.Н., вместе с геологом Г.И. Лазуковым, было поручено готовить разрезы памятников для осмотра их специальной комиссией, созданной ИА АН СССР для проверки его стратиграфических выводов.

Председателем комиссии стал С.Н. Замятнин. Входили в нее В.И. Громов, М.М. Герасимов, А.И. Москвитин, М.Н. Грищенко, И.Г. Пидопличко и В.Ф. Фридлянд. Были осмотрены глубокие шурфы и зачистки на Костенках 1, 3, 4, 6 (Стрелецкая 2), 8, 9, 12, 14 [Векилова, 1977. С. 211-212]. В конечном счете, А.Н. Рогачеву и его консультантам-геологам удалось доказать свою правоту. Комиссия признала их выводы о маркирующем значении гумусированных прослоек и вулканического пепла, а также о террасовой стратиграфии. Последнее заключение впоследствии оказалось не вполне верным, зато первые два, по сути, ознаменовали собой переворот в исследованиях костенковского палеолита.

Безусловно, А.Н. очень повезло, что в 1950 г. в СССР официально было развенчано «новое учение о языке» Н.Я. Марра. С этого момента стадиализм в палеолитоведении лишился мощнейшей идеологической поддержки, позволявшей однозначно переводить в разряд «антимарксистских» любое выступление против него. Лишь после этого реально появилась возможность вести со стадиалистами подлинно научные споры, доказывая свою правоту с фактами в руках. Последнее, в частности, показали и результаты работы комиссии 1953 г.

Последующие этапы дискуссии А.Н. Рогачева с П.П. Ефименко, П.И. Борисовским и их последователями, приведшие, в результате, к смене парадигм в отечественном палеолитоведении, достаточно подробно освещены в М.В. Аниковичем (Аникович, 2005; 2007) и С.А. Васильевым (Васильев, 2001-2002). Завершая рассказ о ранних этапах деятельности А.Н., я лишь кратко подчеркну то, что представляется мне основополагающим в его деятельности.

А.Н. Рогачев, как всякий выдающийся ученый, не может быть однозначно причислен к какой-то одной «школе». Он аккумулировал в своем творчестве разные традиции, преобразуя их в нечто новое. Всю жизнь он высоко оценивал достижения социологического подхода, в котором изначально был воспитан. Но его творчество зрелого периода строилось не столько на следовании, сколько на преодолении ограниченности этого подхода.

Не будучи учеником В.А. Городцова, А.Н. подчеркивал преемственную связь своих воззрений с его разработками. В начале XX в., когда палеолитоведы отталкивались исключительно от французской схемы, В.А. Городцов и А.А. Спицын прозорливо утверждали, что нельзя некритически переносить последовательность «ступеней развития», разработанную для Франции, на восточноевропейские материалы. В отличие от них, А.Н. Рогачеву удалось *доказать* это положение. Однако он всячески подчеркивал приоритет В.А. Городцова. При этом А.Н. творчески развивал идейное наследие его бывших противников – палеоэтнологической школы. Ведь хронология палеолита Костенок разрабатывалась им на основе методов естественных наук, а вовсе не на базе последовательно сменявшихся друг друга ступеней развития культуры.

В середине 1950-х гг. А.Н. пришел к мысли о тождестве археологической культуры (АК) и *комплекса этнографических признаков некоей социальной общности* (в данном случае – человеческого коллектива эпохи верхнего палеолита). Вопреки мнению ряда современных исследователей, он никогда не отождествлял АК с «этносом» (предполагающим в качестве неперемennого условия единство языка и этнического самосознания). Понятие «локальной культурной единицы», применительно к эпохе палеолита, также было ему чуждо. В своих разработках он опирался на конкретные материалы и уже в силу этого, был далек от того, чтобы противопоставлять теории стадиальности какую-то надуманную «теорию локальности». Его подлинным детищем был конкретно-и-

сторический подход к памятникам палеолита, и именно это является главной составляющей рогачевского наследия.

Данный подход представляет собой не что иное, как *основополагающий методологический принцип, направленный на выявление исторических фактов*. Вводя его в отечественное палеолитоведение, А.Н. выступал категорически против любых попыток нарушить нормальную процедуру исследования, будь то конструирование истории первобытности без исторической конкретики или переход на уровень социологических обобщений до того, как изучены факты (по возможности, адекватно) [подр. см.: Аникович 2003-2004; 2005; 2007].

В конечном счете, указанный подход в палеолитоведении – это результат осмысления и преодоления, как вульгарного социологизаторства, так и не менее опасной тенденции географического детерминизма, чрезмерной «антропологизации» первобытной археологии. Указанную тенденцию отнюдь не следует отождествлять с комплексным междисциплинарным исследованием памятников и расширением сотрудничества с учеными-естественниками, горчим сторонником которого всегда был А.Н. Рогачев.

Рис. 1. А.Н. Рогачев в 1945 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В. Принципы археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // *Stratum plus*. – 2003-2004. – № 1. – С. 487-505.
- Аникович М.В. Конкретно-исторический подход А.Н. Рогачева // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. – СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 33-47 (Тр. КБАЭ, вып. 3).
- Аникович М.В. А.Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // РА. – 2007. – № 4. – С. 64-71.
- Береговая Н.А. 1960. Палеолитические местонахождения СССР. – МИА. – Т. 81. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 216 с.
- Билет аспиранта Рогачева А.Н., поступившего в Академию в 1933 г. – РО НА ИИМК РАН. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 559.
- Васильев С.А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее. – *Stratum plus*. – 2001-2002. – № 1. – С. 21-170.
- Векилова Е.А. 1977. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922-1976) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука. – С. 208-217.
- Диссертационное дело А.Н. Рогачева. – РО НА ИИМК РАН. – Ф. 35. – Оп. 3. – Д. 76.
- Дьяконов И.М., 1995. Книга воспоминаний. – СПб.: Европейский дом. – 768 с.
- Мезенцева Г. 1997. Дослідники археології України. – Чернівці: Сіверянська думка. – 206 с.
- Платонова Н.И. Александр Николаевич Рогачев: начало пути // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 121-123.
- Платонова Н.И., Аникович М.В. Александр Николаевич Рогачев: материалы, воспоминания, размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. – СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 10-28 (Тр. КБАЭ, вып. 3).
- Праслов Н.Д. А.Н. Рогачев и костенковская модель развития верхнего палеолита // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: ООО АкадемПринт, 2002. – С. 26-29.
- Праслов Н.Д. А.Н. Рогачев и Костенки // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология. – Воронеж: Истоки, 2005. – С.88-89.
- Протоколы и стенограммы совещаний у председателя Академии. – РО НА ИИМК РАН. – Ф. 2. – Оп. 1, 1935. – Д. 3.
- Протоколы и материалы к ним кафедр ИИДО. – РО НА ИИМК РАН. – Ф.2. – Оп. 1, 1934. – Д. 26.
- Рогачев А.Н. Александровская палеолитическая стоянка (Костенки IV) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – Вып. 6-7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 48-50.
- Рогачев А.Н. Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИИМК. – 1940а. – Вып. IV. – С. 36-41.
- Рогачев А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону – МИА. – Т. 45. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 164 с.
- Синицын А.А. Конкретно-исторический подход А.Н. Рогачева: современное состояние // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: ООО АкадемПринт, 2002. – С. 33-41.
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 340 с.
- Формозов А.А. О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. – Вып. 3. – М.: Наука. – С. 73-126.

А.А. Чубур*, П.С. Курлович**

* – Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ;

** – Белорусский государственный университет, Минск, РБ.

СОЗДАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ХИМЕР: КАРЬЕРА ВЛАДИМИРА БУДЬКО

Трудно найти другую столь противоречивую фигуру среди учеников Александра Николаевича Рогачева, да и в истории советской науки о палеолите, как белорусский археолог Владимир Дмитриевич Будько. Будько был не только успешным аспирантом А.Н. Рогачева, но и младшим в плеяде учеников К.М. Поликарповича и первым, кто пошел по его стопам, не сворачивая на торные пути античной и средневековой археологии с тропы, ведущей в палеолит.

Родился Владимир 30 декабря 1927 г. в небольшой (100 дворов) д. Лиски Рогачевского р-на Гомельской обл. в крестьянской семье. Как записано позже в армейской учетной карточке – «колхозник». Уже с этим «колхозником» не так просто. Будько (Будзько) – старая шляхетская фамилия, берущая начало не позднее XVI в. на землях среднего Понеманья. В конце XVIII в. после разделов Польши род Будько отказался присягать Екатерине II, в результате чего лишился недвижимости. А когда Будько приняли участие в восстании 1830-1831 гг., то потеряли и дворянский статус, будучи переведенными в разночинцы, а иные даже были сосланы в Сибирь. Вероятно, «крестьянские» корни Владимира Будько из колхоза «Красная Армия» тянутся от рыцарства Великого Княжества Литовского.

В 1941 г. Володя после 7 классов сдал выпускные экзамены. Дальше была война и три года оккупации. Война деревню почти пощадил: лишь зимой 1944-го каратели сожгли 6 дворов, убив двух крестьян за связь с партизанами. Советская армия тяжело встала в феврале в г. Рогачев, и дошла до Лисок в 19 км западней лишь в июне. Владимира 2 июля 1944 г. призвал искупать кровью жизнь под нацистами Бобруйский райвоенкомат.

Первая медаль «За отвагу» получена на 2-м Белорусском фронте, согласно приказу от 4.11.1944, гласившему, что 10 октября телефонист артиллерийской батареи рядовой Будько «под сильным артиллерийским и минометным огнем противника обеспечивал бесперебойную связь, устранив при этом за один день боя 13 порывов телефонной линии» командного пункта дивизиона, а 11

октября «под ураганным огнем противника, перешедшего в контратаку, он устранил 5 порывов линии», что способствовало подавлению контратаковавших немцев. После первой боевой награды, Будько в декабре 1944-го вступает в ряды комсомола (билет 10171240). Через месяц, 28.01.1945 был легко ранен. 7 марта «точно разведал огневые точки пр[отивни]ка и по его целеуказанию были уничтожены 3 пулемета и зенитная пушка». В первых рядах участвовал в штурме д. Гросс Маусдорф, «уничтожив из личного оружия 6 немцев и гранатой пулемет противника». 11 марта второй раз легко ранен в бою. При форсировании залива Фриш-Гаф 7 мая, одним из первых ворвался в дер. Гренцдорф, отражая контратаку противника, «по его целеуказанию уничтожены 1 пулемет, 4 фаустника и до 10 гитлеровцев». На следующий день «вместе с пехотой ворвался в деревню Хольм и совместно с 8 пехотинцами овладел мостом через канал Эльдинген-Хайфер». Полковник Злобин за совокупность подвигов представил младшего сержанта Будько к ордену Отечественной войны I ст., но командование перераспределило награды, и Владимиру выпал орден «Красной звезды» и медали «За взятие Кенигсберга» [ЦАМО, ф.33, Оп. 687572, д.946] и «За победу над Германией» [ЦАМО, шк.13, ящ.16]. Закончил войну Будько сержантом, старшим разведчиком 294-го ордена Кутузова артиллерийского полка 170-й стрелковой Речицкой Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

За скупыми строками приказов виден отважный, решительный и, даже рискованный молодой человек. После войны остался в армии. Известно, что коммунист, старший техник-лейтенант Будько 5 мая 1954 г. награжден медалью «За боевые заслуги» (до осени 1957 г. ее давали не только за подвиг, но и за безупречную выслугу 10 лет), а 28 июня 1956 г., отслужив 12 лет, был демобилизован в звании капитана государственной безопасности.

К этому времени Владимир уже студент-заочник исторического факультета Белорусского государственного университета. Еще студентом в 1956 г. он попал в крупнейшую палеолитическую экспедицию СССР – Костенковскую, которой руководил А.Н. Рогачев, на раскопки Кельсиевской стоянки (Костенки 13). Рогачев, вышедший из батраков в мэтры и сокрушивший стадильную схему «конкретно-историческим подходом» стал примером пути в науку. В 1957-м Будько, получив диплом, связал жизнь с археологией. К.М. Поликарпович, 68-летний зав. сектором археологии Института истории АН БССР, уже почти не выезжал в поле, а учеников, которые продолжили бы его штудии по палеолиту, в Минске не было. Варягов здесь не желали. Весной 1958 г. В.Д. Будько приняли в аспирантуру Института Истории. Научным руководителем по просьбе Поликарповича, стал участник его экспедиции 1939 г. в Бердыж – ленинградец А.Н. Рогачев.

В 1958 г. В.Д. Будько продолжил копать Кельсиевскую стоянку. Раскоп был невелик (6 x 3 м), но дал яркий материал [Будзько, 1960a]. Тогда же, летом 1958 г., Владимир, по рекомендациям Рогачева, побывал на стоянках Украины – Молодово 1 и 5 на Днестре, где работал А.П. Черныш, Гонцы под Полтавой,

Радомысль (там копал И.Г. Шовкопляс). Будько начал работу с коллекциями в ведущих музеях страны, общался с научным миром советской столицы палеолитоведения – Ленинграда. В письмах он делится с К.М. Поликарповичем новостями.

«Здравствуйте Константин Михайлович! Вот уже прошел значительный промежуток времени, как я в Ленинграде. Сейчас работаю в МАЭ над коллекциями Костенок 1, Тимоновки. Одновременно готовлю статью по Костенкам 13. Паничкина будет издавать Сталинградскую стоянку, обрабатывать материалы С.Н. Замятнина. Личная библиотека будет продана в Воронеж. По предварительным данным Паничкина запросила за нее 50.000 р. В МАЭ собираются расширить, т.е. более солидно развернуть Елисеевичскую экспозицию, поэтому будут обращаться к Вам с письмом. В отношении Брянского музея, вернее – передачи туда части коллекции – не может быть и речи. Во-первых, там нет условий для ее хранения, во-вторых против этого будут все в МАЭ, и в-третьих она Вами еще не описана. Без описания и анализа кремневого устройства монография пострадает. Василий Васильевич передает Вам большой привет и надеется получить Вашу монографию по выходе ее в свет. С Левенком пробовал вести дипломатические переговоры, но, пожалуй, он не сможет Вам помочь. Он учится, кроме того опять попадет, наверное, летом на Дон, он ведь лаборант, куда пошлют – туда и едет. В ЛОИИМК, вернее в секторе палеолита, идут жаркие схватки между Рогачевым и Борисковским по проблемам относительного возраста палеолита. Гурина обижена на Вас, за что – не знаю, наверное, за то, что регулярно, каждый год даете Открытые листы. Я пробуду здесь до первых чисел апреля, после чего возвращусь в Минск, буду готовиться к поездке в Бердыж. Желаю Вам всего наилучшего в работе и в жизни. В.Будько. 10.2.1959, г. Ленинград» [Архив ЮКМ, ф. 1, оп. 112, д. 1, л. 7].

В 1959 г. В.Д. Будько получил «Открытый лист» и 5.VI–20.VIII провел вместе с геологами Л.Н. Вознячук (АН БССР) и А.А. Величко (ИГАН СССР) раскопки группы стоянок Бердыж (Подлужье), заложив 8 шурфов [Будько, 1959а,б, Будзько, 1962а]. Хотел, но не смог приехать знакомый Будько по Костенкам Лев Тарасов. Судя по отчету, уже тогда Будько решил (вероятно, с подачи Рогачева или согласовав с ним) обосновать залегание культурного слоя Бердыжа *in situ*, чтобы обратить довоенные скопления костей мамонта у К.М. Поликарповича и С.Н. Замятнина в костно-земляные жилища, первые в Беларуси. При этом Будько вслед за Рогачевым не увидел в Бердыже мустье, выделенного Поликарповичем [Будзько, 1960б]. В 1960 г. с геологами Л.Н. Вознячуком и М.М. Цапенко заложены раскопы на стоянке Юровичи, показавшие, что культурные остатки лежат на дне древнего оврага [Цапенко и др., 1961]. Наконец, в 1960–1961 гг. изучен участок стоянки финального палеолита Гренск [Будько, 1961-а]. В 1959-м Будько работал 25.VIII–15.IX и на раскопках Костенок 18 у А.Н. Рогачева.

В декабре К.М. Поликарпович получил письмо встревоженного А.Н. Рогачева (от 8.12.1960): «В качестве научного руководителя В.Д. Будько меня интересует Ваше мнение о готовящейся им диссертации в плане недопущения по этому вопросу каких-либо недоразумений. Все Ваши замечания и советы будут строжайшим образом учтены и соблюдены. Говоря без обиняков, я считаю сдачу в издательство и напечатание Вашей книги лучшей гарантией недопущения сомнений и недоразумений. Беспokoит меня и то, что у В.Д. Будько могут возникнуть и формальные трудности с защитой из-за неизданности Вашей книги. Я склонен разрешить этот вопрос так: до выхода в свет Вашей книги диссертация В.Д. Будько о новых данных по палеолиту БССР не может быть изданной. В свою очередь Вы, учитывая его такое обещание, даете ему возможность сослаться на рукопись Вашей книги, которая в момент защиты должна быть принята издательством к печати или уже издана. В.Д. Будько должен согласиться с Вами о том, что он издаст свою диссертацию лишь после издания Вашей книги. Прошу Вас, если Вы считаете это необходимым, довести это мое письмо до В.Д. Будько и до руководства Института. Желаю Вам всего наилучшего. А.Рогачев» [Архив ЮКМ, ф.1, оп.87, д.1, л.1-2]. Осторожность имела основания.

С 1961 г. Будько – младший научный сотрудник Сектора Археологии Института Истории АН БССР, летом он с Поликарповичем и вел работы в Юдиново [Будько, 1961б]. В апреле 1962 г. Владимир Дмитриевич защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию «Палеолит Белоруссии». [Будько, 1962б] Автореферат в дар К.М. Поликарповичу, сдавшему руководство сектором, подписан: «Основателю белорусской археологической науки». Сектор возглавил В.Р. Тарасенко, последний из довоенной когорты археологов Беларуси. Работы Поликарповича и Будько в Юдиново прошли с участием нового аспиранта-«рогачевца» – Г.П. Григорьева [Будько, 1962в].

В феврале 1963 г. Поликарпович умер, и Будько занял должность старшего научного сотрудника, как «наследник» продолжив раскопки (в 1963 и 1965 гг. изучались Елисеевичи, а в 1964 г. второе костно-земляное жилище Юдиново, недобранное Поликарповичем) [Будько, 1967а]. На каждом памятнике он ввел единую цифро-буквенную сетку и постоянные реперы [Будько, 1964; 1965-а,б]. В 1964 г. Будько объявил, что на местонахождении фауны Клеевичи выявлено мустье (что мечтал сделать его учитель).

Много позже открылось, что после смерти учителя любимый ученик «позаймствовал» немало документов из архива покойного. Впрок не пошло: присвоенные материалы он использовать или опубликовать от своего имени не смог, но давал кое-что (порой не безвозмездно) в пользование коллегам. Штришок к портрету.

В 1965 г. пожилой инвалид В.Р. Тарасенко уступил бразды правления восходящему светилу белорусской археологии. Началась череда крупных сим-

позиумов, для публикаций открыты солидные издания. Лишь теперь Будько вспомнил о подготовке посмертного издания монографии своего учителя «Палеолит Верхнего Поднепровья». Под редакцией А.Н. Рогачева книга ушла в набор 27.11.1967 и в феврале 1968-го увидела свет в Минском издательстве «Наука и техника». Урезанная и с коррективами. Это было на руку В.Д., планировавшему вдогонку отправить в типографию свой том по диссертации. К чести Будько, он самоотверженно боролся за сохранение культурного наследия республики. Зав. отделом культуры газеты «Советская Белоруссия» Роман Ерохин вспоминал, как в 1967 г., запыхавшись, прибежали в редакцию два кандидата наук – Г.В. Штыхов и В.Д. Будько и потребовали вмешаться: Верхний Замок древнего Полоцка сносятся бульдозерами. Если бы не они, уникальный историко-культурный объект был бы уничтожен по воле местных чиновников [Стрелец, 2017, С.114]. Руководящий пост раскрыл и иные черты. Будько с сотрудниками своего отдела в журнале «Коммунист Белоруссии» [Будько и др., 1966] обрушился на первый вузовский учебник «Археология Белоруссии» Э.М. Загоруйского, книгу и автора спас позитивный отзыв в «Советской археологии» [Мельниковская, Алексеев, 1968]. Идеологический крен намекал: «оттепель кончилась, приходит наше время». Не случайно главный мэтр советской археологии Б.А. Рыбаков назначил на VII Международном археологическом конгрессе доисториков и протоисториков в Праге (1966) делегата БССР В.Д. Будько старостой всей советской группы. Думал Будько о кадровом составе своего отдела, и подбирал людей не только в интересах науки, но и в своих интересах. Зазывая в Минск сотрудника ЛОИА Л.М. Тарасова, копавшего стоянку Гагарино на Дону, сулил: «Переходи к нам, защитишься без проблем, не то, что в вашем Ленинграде. Организирую. Поработаешь в разведках. Найдешь поздний палеолит – будешь сам копать, мне он не нужен. А ранний меня интересует – думаю ему посвятить докторскую». Тарасов остерегся. Не зря.

В райцентре Жирятино под Брянском старожилы помнят, как в 1965-м Будько на своем тяжелом мотоцикле «Урал» курсировал, не всегда замечая дорогу, меж Елисеевичами и Жирятинским спиртзаводом, гонимый страстью к его продукции. В сезоны 1966-1967 гг. в Юдиново начальник экспедиции, по воспоминаниям местных жителей, порой так «расслаблялся», что с трудом доходил до раскопа. Отчетов и внятных публикаций нет [Будько, 1967а].

За систематическое непредставление отчетов Москва лишила Будько «Открытого листа». Скандал разрастаясь, вскрыл финансовые нарушения. Будько принудили в 1969 г. покинуть «по собственному желанию» должность и институт. Оставив жену и двоих детей в Минске, он бросился в Ленинград, но радушного приема в ЛОИА не встретил: суровый А.Н. Рогачев дал «от ворот поворот».

В 1970 г. Будько стал доцентом кафедры истории СССР и БССР Гомельского университета и продолжил копать Бердыж по Минскому «Открытому

листу» [Будько и др., 1970, 1971]. Сведения о раскопках опять смутны, ибо начальник экспедиции часто вместо раскопа бывал в общезжитии на веселых застольях, а вскрытый слой разрушала непогода и люди. К 1972 г. и в Гомеле созрел скандал. За «аморалку», пьянство и драки Будько уволили, предварительно исключив из КПСС. В 1973 г. он вернулся из запоя в Минск, вновь в структуру Академии наук БССР: некий влиятельный покровитель (из прошлого в погонах?) внушил бюрократии решение. Будько даже вернули партбилет, но в Институт истории не взяли, сделав с.н.с. Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Подальше от раскопа и финансов. Не помогло. В 1974 г. он вновь участвовал в разведках по Неману и, в качестве консультанта, в новой экспедиции в Бердыж и Юровичи уже под руководством археолога Елены Калечиц. «Пей, да дело разумей» - писал баснописец. Бывает с талантами, тьма примеров. И «нестойкость» перед доступными барышнями тоже дело сугубо личное. Но вдруг обнажились действительно нелицеприятные для ученого детали.

На стоянке Гренск В.Д. Будько [1966] выделил 2 культурных слоя с отличающимся материалом. Когда Гренск с 1972-го стал копать могилевский археолог В.Ф. Копытин [1975], выяснилось, что культурный слой всего один, а находки искусственно разделены самим Будько, как ему виделось верным. Когда знакомишься с публикациями Будько и Копытина, кажется, что они пишут о разных памятниках. Но раскопки Копытина документированы, а Будько сделал «химеру». Кстати, Копытин не смог найти и следы раскопа Будько. Может и вправду разные стоянки?

Сходно поступил Будько с материалами Елисеевичей и Юровичей. В его схеме они однокультурны. Как доказать? Да подмешать часть собранной К.М. Поликарповичем в Елисеевичах коллекции к юровичским находкам, вновь сотворив «археологическую химеру». В коллекции с раскопок Будько в Юровичах действительно встречаются вещи с недосмытыми шифрами Елисеевичей, опубликованная бивневая пластина с орнаментом происходит отсюда же. Кстати это дало повод некоторым историографам писать, что Будько вовсе Юровичи не копал, а выделенные средства пустил «налево». Вопреки выводам работавших с ним геологов, Будько объявил, что и в Юровичах есть два культурных слоя со следами очагов. Эту версию он настойчиво публиковал кругом, вплоть до «Советской археологии» [Будько, Митрофанов, 1967; Будько, Сорокина, 1969; Будько, 1967в; 1970]. Но В.П. Кзензов, продолжив копать Юровичи двух слоев не обнаружил [Кзензов, 1987]. На сомнительность же коллекции первым указал В.Ф. Исаенко [1999].

После Минского и Гомельского провалов, В.Д. Будько опубликовал ряд статей, в т.ч. в соавторстве [Будько, Ободенко, 1974; Вознячук и др., 1975; Будько, Кудряшов, 1996]. Нерукопожатным не стал. А когда ветеранам дали «горбачевский» орден Отечественной войны, Будько дали сразу I и II степени, словно вдо-

гонку из 1945-го, по старому представлению к награде. Снова загадочный покровитель?

В 1990-х состарившийся Будько читал лекции в Гродно и подвизался в издательстве «Белорусская энциклопедия», где сделал немало полезного (к примеру, был одним из редакторов многотомника «Гарады і вескі Беларусі»), но и подпортил репутацию иным изданиям. А.А. Формозова возмутило, что в энциклопедии «Археалогія і нумізматыка Беларусі», «помещены биография и портрет Будько без каких-либо критических замечаний». Поинтересуйся он, кто писал статьи о каменном веке и был одним из редакторов – вопрос бы отпал. Кстати, книга удостоилась разгромной рецензии [Егорейченко, Рябцевич, 1995]. Неубедительна публикуемая Формозовым сплетня, что Будько по всей стране «из книг и журналов вырезал свои старые статьи», якобы пряча следы. Напротив, он продвигал свою точку зрения до последнего: пример – упомянутая энциклопедия. Скончался Владимир Дмитриевич 19 октября 2004 г. Его личный архив с не всегда личными документами был передан его дочерью руки Е.Г. Калечиц и стал достоянием Национальной академии наук Беларуси.

Легко намалявать примитивного корыстного жулика, разменявшего науку на барыш [Формозов, 2005, С. 33-35]. Но финансовые проступки если и были, то не самоцелью, не обогатив нашего героя (спущены на поединки с «зеленым змием» и лукавыми нимфами). Будько не «Шура Балаганов». Он, скорее «Великий Комбинатор», примерявший образ героя времени – великого советского ученого. Жаждал славы, почета, членства в Академии наук, дороги в номенклатуру, достатка, пожизненной синекуры. Но для образа великого ученого требовалось, как минимум, великое открытие. Научный прорыв Рогачеву дали многослойные памятники Костенок. Значит, они нужны и в Беларуси: родится своя схема первобытной эпохи огромного региона, основанная на собственных находках. Но правильных находок катастрофически не хватало – и тогда началось формирование химер. А ну как удалось бы задуманное, если б не губительная житейская слабость? Ведь то, что успело родиться, неистребимо кочует по учебникам и справочникам: кто наберется смелости лишить целую страну многослойного палеолита с костяными домами? В Гомеле провалился второй «подход к снаряду». Пришлось перекалываться не в управдомы, а в научного клерка.

Неуместны сетования А.А. Формозова, что «вопрос о лишении Будько кандидатской степени не ставился» и что исследователи, даже А.Н. Рогачев, продолжают ссылаться на статьи, по его мнению, «разоблаченного жулика». Во-первых, диссертация защищена в совете ЛОИА АН СССР на реальном материале и его научных интерпретациях. Во-вторых, статьи бывают разные, и в «казусе Будько» важно не выплеснуть с водой младенца. В-третьих, с Будько в поле трудились авторитетные, грамотные исследователи. Огульное отрицание его наблюдений бросает незаслуженно тень и на них. Сам же Будько был не только манипуля-

тором, но и талантливым, увлеченным археологом. Его идея о залегании скоплений костей в Бердыже практически *in situ* оказалась близка к реальности, а жилые структуры – фантазия, но не фальсификация [Сергин, 2012]. Творя «хи-мерные памятники и коллекции» Будько интуитивно отчасти предвосхитил реальные явления. Тот же Гренск на деле не чистый комплекс, а смешанные натурацией аренбургские и свидерские материалы разных групп населения. Смей напомнить, что выделение гренской культуры и обоснование ее палеолитического возраста тоже заслуга Будько [1962г; 1966]. А имеющим претензии к лапидарности отчетов по Елисеевичам и Юдиново, следует вспомнить, как выглядит большая часть полевых отчетов времен Владимира Дмитриевича.

Не будем забывать, что у Владимира Дмитриевича Будько есть реальные заслуги перед Родиной, историей и наукой, которым найдется место на чаше весов Анубиса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Будько В.Д. 1959а. Дневник о работе в Бердыже в 1959 г. Архив Ин-та истории НАН РБ. Д.395.
 Будько В.Д. 1959б. Отчет об исследовании Бердыжской палеолитической стоянки (Подлужье 1) в 1959 г. Архив Ин-та истории НАН РБ. Д. 204, 204а (альбом). 74 с., 27 илл.
 Будзько ў.Дз. Кельсievская стаянка – новы помнік Касценкаўска-авдеевскай культуры // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1960-а. № 1. С. 81-92.
 Будзько ў.Дз. Да пытання аб першапачатковым засяленні тэрыторыі БССР (па матэрыялах Падлужскай стаянкі) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1960-б. №4. С. 62-70.
 Будько В.Д. 1961а. Отчет о работах в Гренске в 1960–1961 гг. Архив Ин-та истории НАН РБ. Д. 346. 42 с., 15 табл.
 Будько В.Д. 1961б. Дневник 1961 г. Архив Ин-та истории НАН РБ. Д.460. 98 с.
 Будзько ў.Дз. Бердыжская стаянка (Падлужжа 1) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1962а. №1. Мінск, С. 79-95.
 Будько В.Д. Палеолит Белоруссии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1962-б. 20 с.
 Будько В.Д. 1962в. Отчет об исследовании Юдиновской верхнепалеолитической стоянки в 1962 г. Архив Ин-та истории НАН РБ. Д. 207. 21+23 с., 14 илл.,
 Будзько ў.Дз. Аб адноснай старажытнасці і геалагічным узроўнем помнікаў свідэрскай культуры у Беларусі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1962-г. № 2. С.91-95.
 Будько В.Д. 1964. Отчет о раскопках в 1964 г. Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 347. 19 с., 23 илл.
 Будько В.Д. 1965-а. Отчет об исследованиях в Елисеевичах в 1963–1965 гг. Архив Института истории НАН Беларуси. Д.336, 336а (альбом), 337. – 44+50 с., 28+31 илл.
 Будько В.Д. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение // Доклады АН БССР. 1965-б. Т.9, №10. С.705-707.
 Будько В.Д. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии // У истоков древних культур: эпоха мезолита. – М.-Л. 1966. С. 35-46. (МИА № 126.)
 Будько В.Д. Новое сооружение из костей мамонта в пункте Юдиново 1 // Доклады АН БССР, 1967-а. т.11, № 7. С.651-653.
 Будько В.Д. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение // Археологические открытия 1966 года. – М.: 1967-б. С. 27-29.
 Будько В.Д. Юровичская верхнепалеолитическая стоянка // Белорусские древности. Доклады к конф., январь-февраль 1968. – Мн., 1967-в. С.6-47.

- Будько В.Д. Палеолит // Очерки по археологии Белоруссии / Ред. М.М. Чернявский. Ч.1. – Мн: Наука и техника, 1970. С.9-48.
- Будько В.Д., Вознячук Л.Н., Кочетков В.И. Некоторые результаты раскопок Бердыжской стоянки // Археологические открытия 1969 года. – М.: 1970. С. 295-296.
- Будько В.Д., Вознячук Л.Н., Калечиц Е.Г. Палеолитическая стоянка Бердыж // Археологические открытия 1970 года. – М.: 1971. С. 303-304.
- Будько В.Д., Кудряшов В.Е. Каменный инвентарь палеолитической стоянки Юдиново (по материалам раскопок 1962-1967 годов) // Гистарычна-археалагічны зборнік. № 9. - Мн., 1996. С. 31-42.
- Будько В.Д., Митрофанов А.Г. Археология Белоруссии за Советский период. Советская археология. 1967. № 4. С.123-145.
- Будько В.Д., Ободенко Ю.В. Остатки сооружений из костей мамонта в Бердыже // Доклады АН БССР. 1974. Т.18. №12.
- Будько В., Поболь Л., Тарасенко В., Штыхов Г. Мимо главного // Коммунист Белоруссии. 1966. № 6. С. 68-70.
- Будько В.Д., Сорокина Р.А. Поздний палеолит северо-запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. – М.: Наука, 1969, С.127-136.
- Вознячук Л.Н., Будько В.Д., Зименко О.И., Вальчик М.А., Ободенко Ю.В. Новые стоянки каменного века в долине Немана // Археологические открытия 1974 года. – М.: 1975. С. 382-384.
- Исаенко В.Ф. К истории изучения Юровичской стоянки // Гистарычна-археалагічны зборнік. № 14. – Мн., 1999. С.166-170.
- Копытин В.Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1975. – 22 с.
- Ксензов В.П. Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Юровичи // Советская археология. 1987. №1. С.239-243.
- Егорейченко А.А., Рябцевич В.Н. Энциклопедия «Археология и нумизматика Беларуси» или дискредитация белорусской исторической науки // Российская археология. 1995. № 4. С. 206-208.
- Мельниковская О.Н., Алексеев Л.В. Э.М. Загорюльский. Археология Белоруссии. Минск, 1965 // Советская археология. 1968. № 3. С. 291-296.
- Сергин В.Я. Раскопки К.М. Поликарповича и В.Д. Будько в Бердыже // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М: ИА РАН, 2012. С.141-154.
- Стрелец М.В. Георгий Васильевич Штыхов: портрет ученого и педагога // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 2(14) С. 110-118.
- Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. – М.: Знак, 2005. – 225 с.
- Цатенко М.М., Будько В.Д., Вознячук Л.Н. Геологические условия залегания палеолитических стоянок на территории Белоруссии: (Тез. док. на Рабочем совещании по принципам периодизации и стратиграфии палеолита Восточной и Центральной Европы. Окт. 1959) // Тр. Комис. по изуч. четвертич. периода. – М., 1961. Т.18. С. 72-74.

С.П. Щавелев

Курский государственный медицинский университет, Курск, РФ

А.Н. РОГАЧЕВ ОБ ЭТИКЕ АРХЕОЛОГА

Может показаться странным, что наиболее развернутый и глубокий текст об этике полевого археолога один из крупнейших русских палеолитчиков дал не в печатном тексте статьи или книги, а в своем отчете о раскопках одного из важнейших памятников каменного века — стоянки в селе Липине Курской области. Когда читатель познакомится с этим фрагментом отчета, он поймет, в чем дело. Требования Александра Николаевича Рогачева к себе и своим коллегам были принципиальные, а примеры грубого нарушения таких требований — пофамильные. Такое в печатной продукции встречается редко, вызывает скандалы. По крайней мере в СССР и нынешней Российской Федерации. А до революции 1917 года печатные дискуссии ученых не только по академическим, но и по нравственным вопросам были обычным делом. Отчет же существовал «на правах рукописи», но сдавался в центральный государственный архив. С этим текстом по идее должны были знакомиться все те коллеги, чья научная тематика была ему близка.

Отчет посвящен той спасательной работе, что благородно и самоотверженно провел А.Н. Рогачев подле Курска, на Авдеевской стоянке.

Стационарные раскопки, начатые здесь в 1946–1948 годах, проводились москвичами под руководством М.В. Воеводского, прервались в виду его скоропостижной кончины. Этот первый раскоп Авдеева (так называемое «Авдеево старое») был закончен в 1949 году под руководством ленинградца А.Н. Рогачева [См. о нем: Платонова, Аникович, без года]. Этот — начальный этап работы на интереснейшем памятнике выявил почти такой же жилой комплекс людей каменного века (овальной формы, общей площадью около 800 квадратных метров, с землянками и хозяйственными ямами по контуру), как и в Костенках-I, где больше всего и копал А.Н. Рогачев. И здесь была собрана богатая коллекция кремневых и костяных изделий — орудий, украшений, резных статуэток — женщин-«венер» (некоторые из них — с проработанными чертами лица, что являлось их неповторимым для европейских находок этого типа отличием), мамонтов; а также костей зверей и птиц, на которых охотились обитатели стоянки.

По мнению А.Н. Рогачева, явное сходство многих материалов Авдеева и Костенок, находящихся в 300 километрах друг от друга, объяснимо как «следы обитания одной и той же первобытной общины, обитавшей последовательно и на Дону, и на Сейме». Некоторые же различия — в планировке поселений, технике обработки камня и кости — он объяснял «сравнительно большим, в несколько поколений промежутком времени между основанием этих поселений». Менее вероятным считал одновременное проживание там и там «родственных общин или племен». Так что «эти памятники принадлежат родственным общинам или общинам, родственным генетически».

А.Н. Рогачев постарался привлечь к изучению воронежских и курских стоянок позднего палеолита не только коллег-археологов с иными, чем у него самого, взглядами на эти памятники, но и геологов-четвертичников и палеогеографов. Этому комплексному подходу к первым памятникам человеческой культуры на территории регионов принадлежало большое будущее — сегодня иначе их и нельзя изучать.

Публикуя результаты своих раскопок Авдеева, А.Н. Рогачев уважительно отозвался о труде своего предшественника на этом памятнике. Перечислив публикации и отчеты Воеводского по Авдееву, преемник так оценил свое отношение к ним: «Раскопки 1949 года завершили исследование Авдеевского палеолитического поселения. Они показали в новом свете результаты предшествовавших исследований и позволили понять памятник в целом. Таким образом, данная работа, обобщающая результаты раскопок Авдеевского поселения ... , является в известной мере отчетом и покойного М.В. Воеводского» [Рогачев, 1953. С. 137]. Одобряется и «заботливое отношение сотрудников М.В. Воеводского — А.Е. Алиховой, М.Д. Гвоздовер и Н.И. Ильенко к его научному наследию».

Правда, по ходу изложения у Рогачева проскальзывают раз-другой ноты недовольства методикой первоисследователя памятника. «По-видимому, тяжелой болезнью М.В. Воеводского следует объяснить то обстоятельство, что дневник полевых работ лично сам он вел только в начале работ. Им подробно описаны лишь участки V и VI. Об остальных участках [VIII, IX, X, XI раскопа 1848 года — С.Щ.] имеются только краткие замечания. ... Это обстоятельство затрудняет более детальное описание многих ям и западин, вырытых в полу жилой площадки» [Рогачев, 1953. С. 142]. Свою же, «выработанную многолетним опытом костенковских экспедиций» методику изучения культурного слоя палеолитической эпохи Рогачев считал «более точной»; она, согласно его самооценке, «уменьшает возможность элементов случайности при раскопках остатков поселений и обеспечивает более полное понимание древних памятников» [Рогачев, 1953. С. 143]. Помимо сути дела, в которой он, вероятно, прав, в этом эпизоде археологических исследований слышатся отголоски застарелого соперничества ученых из старой и новой столиц.

Александр Николаевич Рогачев вообще отличался удивительной среди коллег археологов принципиальностью своих оценок работы коллег. Может быть, тому способствовала десятилетняя военная служба, включившая в себя Отечественную войну от звонка до звонка. Выжив там, где почти все вокруг тебя погибли, лучше понимаешь и цену научной истины. После полевого сезона 1955 года, который Рогачев посвятил геологическим разведкам природных условий залегания палеолитических стоянок Курской и сопредельных областей¹, он завершает свой отчет следующей тирадой: «Помимо того недостатка, что вокруг гнезд палеолитических стоянок остаются неисследованными очень важные территории, имеются и другие серьезные упущения и недоделки, которые превратились теперь в серьезный тормоз успешного развития советской археологии в области изучения палеолита. Некоторые исследователи палеолита десятилетиями не вводят в науку исчерпывающих отчетов о проведенных ими работах, не считают с интересами развития науки и не стремятся оправдать перед народом и государством десятки и сотни тысяч рублей, израсходованных на полевые и камеральные исследования многих первоклассных в научном отношении памятников».

Три десятка лет П.П. Ефименко не публикует материалы из раскопок Супоневской стоянки. Два десятка лет не публикует подробного отчета о раскопках большого жилища из верхнего слоя Костенок-1, полевые работы по изучению которого были завершены П.П. Ефименко в 1936 году. Нет отчетов об исследовании К.М. Поликарповичем стоянок на реке Судости Елисеевичской и Юдиновской, раскапывавшихся много лет назад. На ученике и ближайшем помощнике В.А. Городцова Д.А. Крайнове лежит теперь ответственность за публикацию отчета о больших раскопках Тимоновской стоянки. На ученице и помощнице М.В. Воеводского М.Д. Гвоздовер лежит ответственность за издание всех материалов Авдеевской стоянки. Нет и не было никаких объективных причин для столь длительной задержки издания отчетов по исследованию этих памятников» [Рогачев, 1966. Л. 4].

Ленинградский ветеран обвиняет также геологов В.И. Громова, М.Н. Грищенко и Г.И. Лизунова в том, что они не публикуют давно обещанные монографии по геологическим условиям палеолитических стоянок, первый — на Десне, второй и третий — на Дону. Географический факультет МГУ не публикует диссертацию Г.И. Лизунова «Географическая среда эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе».

Надо ли говорить, что ни один из упомянутых Рогачевым проектов не был выполнен их исполнителями. Справедливости ради стоит добавить, что всю свою жизнь в археологии копавший Костенки Александр Николаевич Рогачев сам так и не написал книгу о них [Формозов, 2011. С. 134]. Зато воронежские и курские материалы позволили ему совершить научный подвиг (в масшта-

¹ В этой поездке участвовал аспирант Института географии А.А. Величко.

бах советской археологии) — доказать, что развитие культуры в каменном веке шло не стадийно, а многолинейно. «Написание конкретной истории первобытной общины», с его точки зрения, должно было вестись «не в плане общесоциологическом или историко-культурном», а по данным отдельных локальных областей в тот период европейской истории. Наметить отдельные культуры в археологии палеолита ему не удалось, но начало решения этой задачи было им положено.

Вернемся к обвинению А.Н. Рогачева в адрес тех коллег, кто не публикует накопленного материала и не обобщает его монографически. Оно относится не только к специалистам по каменному веку, но по всем остальным археологическим горизонтам. И остается в силе до наших дней. Ничего не меняется в российской полевой археологии с моральной ответственностью большинства сотрудников за результаты своей работы. Об этом не принято говорить вслух, то есть печатно, но с фактами не поспоришь. Возьмем отчеты о полевых исследованиях, чей каталог опубликован за 1945–1964 годы в четырех томах [Научно-отраслевой архив, 2009, 2010, 2011, 2013]. В схеме описания этих отчетов заключительный, шестой пункт отмечает место хранения накопленных по каждому открытому листу коллекций. Показателен процент формулировки «Сведений о коллекции нет». За 1945–1954 годы из 694 отчетов о раскопках нет сведений о местонахождении 286 коллекций (30%); 1955–1959 гг. — из 830 — 467 (почти 46%); 1960–1964 гг. из 935 — 608 (около 60%); за 1965–1968 годы — из 779 — 428 (55%).

Вот наглядное математическое выражение того падения нравов в советской археологии, против которого ратовал А.Н. Рогачев. Зачем мы столько копаем памятников старины на государственные деньги, если результаты раскопок пропадают неизвестно куда? Наверное, какая-то часть неведомых Институту археологии коллекций все же где-то сохранилась, но как их найти будущим специалистам? Так что стоит отметить тех немногих археологов старших поколений, все без исключения коллекции которых находятся в известных головному учреждению хранилищах. Я знаю двоих — А.А. Формозова и И.И. Ляпушкина. Но таких научных педантов явное меньшинство.

Материалы множества раскопанных советскими, а затем российскими археологами памятников остаются несистематизированными музейно, они недоступны другим исследователям и практически не опубликованы авторами раскопок. Тем самым нарушены первые принципы этики полевого исследователя.

Взять для примера важные для истории славян, Древней Руси, татарской Орды комплексы памятников Курской области, которые экспедиция Курского государственного университета под руководством В.В. Енукова копает скоро три десятка лет — Ратский, Липинский, Рыльский и Курский. По результатам их раскопок опубликованы статьи. Будут ли подготовлены обобщающие эти полевые исследования монографии?

Директор Курского музея археологии Г.Ю. Стародубцев четверть века докапывает остатки изуродованного хозяйственниками и кладоискателями Гочевского археологического комплекса. А кандидатскую диссертацию он защитил ... по истории местной археологии. Вряд ли теперь кто обобщит гочевские древности, более ста лет изучаемые русскими археологами. Несколько тезисов и статей курских музейщиков про отдельные находки из новейших гочевских раскопок никак не вводят в научный оборот этот, в свою очередь, уникальный памятник. Стоит ли повторять моралите про потраченные из бюджета области финансы.

После длительного перерыва, с начала 1970-х годов раскопки в Авдееве возобновила ученица и коллега Воеводского по музею антропологии МГУ Марианна Давыдовна Гвоздовер (1917–2004), к которой присоединился известный археолог из Ленинграда, ученик Рогачева — Геннадий Павлович Григорьев (1937–2012), а в последующие годы вплоть до наших дней — аспирантка Института археологии РАН, затем кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ Евгения Вячеславовна Булочникова (1962–2014). Их усилиями, за четверть века практически ежегодных раскопок этот памятник получил международную известность в качестве одного из эталонов позднего палеолита Восточной Европы. Обнаруженные здесь материалы публиковались многочисленными тезисами и отдельными статьями упомянутых только что и других авторов; на базе Авдеева прошла международная конференция специалистов по каменному веку. К сожалению, обобщающая полувековую историю раскопок этой стоянки монография так и не была подготовлена. Это во многом обесценивает средства и труды ученых, сюда вложенные. С уходом из жизни всех основных раскопщиков памятника — держателей открытых листов — надежда на полноценную монографию по Авдееву утрачена окончательно.

Геннадий Павлович Григорьев оставил заметный след в науке о каменном веке разных стран, но главный памятник его жизни — курское Авдеево остается и недокопанным, и недоисследованным, и недоизданным.

Как же не выразить сожаления в связи с тем, что отдельной монографии, специально подводящей некие итоги более чем полувекового периода раскопок Авдеева, в печати пока так и не появилось. А ведь все первоисследователи памятника ушли в мир иной. Кто ж теперь отчитается за потраченные на эти раскопки государственные средства?

Вернемся к риторическому вопросу правдоискателя А.Н. Рогачева о целевом назначении сотен тысяч и миллионов бюджетных рублей, на эти раскопки потраченных. Слабость (на серьезные книги) и жадность (отдать свой материал коллегам) пожирают этику археолога. Об этом первым на современном этапе изучения древностей и до сих пор едва ли не единственным глашатаем правды официально записал А.Н. Рогачев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. [Т. I]. 1945–1954 гг. М., 2009; [Т. II] 1955–1959 гг. М., 2010; [Т. III]. 1960–1964 гг. М., 2011; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог: [Т. IV]. 1965–1968 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2013.

Платонова Н.И., Аникович М.В. Александр Николаевич Рогачев. Материалы. Воспоминания. Размышления // Археология. РУ. Открытая интернет-библиотека имени Н.Е. Еременко.

Рогачев А.Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у села Авдеева на реке Сейм в 1949 году // Палеолит и неолит СССР. Т. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА. № 39).

Рогачев А.Н. Отчет о работах в 1955 году палеолитической экспедиции по изучению геолого-геоморфологических условий палеолитических стоянок Средне-Русской возвышенности // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1206.

Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М.: Гриф и Ко, 2011.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Работа на стоянке Костенки 14. 2017 год.
Фото С. Смирнова

Н.Б. Ахметгалеева

Курчатовский краеведческий музей, Курчатов, РФ

«ПРИМИТИВНЫЕ» ТЕХНОЛОГИИ РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОБРАБОТКИ КОСТИ В ПАЛЕОЛИТЕ ИЛИ НЕМНОГО О ПЕРЕСМОТРЕ СТАРЫХ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Введение. В научной литературе приведены описания различных техник первичного расщепления и обработки органических материалов. Но если большинство из них, например, продольное и поперечное резание, пиление являются визуально легко специалистами определяемыми, а изделия, выполненные на их основе – модифицированными, то разламывание и раскалывание, при кажущейся простоте, не всегда идентифицируются в качестве техник, используемых при изготовлении изделий. Особенно это касается костей животных, т.к. бивень мамонта и рога оленя не могут быть фрагментированы, к примеру, вследствие разделки туши животного. Мы исключаем только тафономические деформации от целенаправленной деятельности человека. На костях могут присутствовать различные по происхождению непреднамеренные антропоморфные следы, в том числе со следами раскалывания при добыче костного мозга. В последние годы появилось много новых исследований, посвященных как применению техники удара и разламывания бивня мамонта и рога оленей, так и выделению следов преднамеренного раскалывания в целях получения заготовки костей животных. В данной работе представлен опыт изучения и выделения подобных случаев по материалам пещерных памятников Грузии Ортвале-Клде раскопок 1997-2001 гг [Tushabramishvili D., 1984; Adler et al, 2008], Бонди раскопок 2007-2010 гг [Tushabramishvili N. et al, 1999; Tushabramishvili N. et al, 2012] из фондов Национального музея Грузии, верхнепалеолитических стоянок Быки в Посеймье из фондов Курчатовского краеведческого музея, раскопки 1997-2020 гг [Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2015; 2019; 2020] и стоянки Костенки 11, слой 1А на Дону из фондов музея-заповедника «Костенки», раскопки И.В. Федюнина и А.Е. Дудина 2014-2016 гг. [Ахметгалеева и др., 2017; Дудин, 2018; Pryor et al, 2020].

Методика. При выделении следов антропоморфного происхождения применялись известные методики технологического анализа, разработанные

экспериментально-трасологической школой ИИМК РАН [Семенов, 1957; Филиппов, 1983; Гиря, Хлопачев, 2010]. Учтены исследования зарубежных ученых [Liolios, 1999; Averbouh, 2000; Baumann, Maury, 2013; Tejero, 2010, 2013; Tartar, 2015 и др.]. Опыт выделения следов преднамеренного раскалывания и разламывания органических материалов был получен во время стажировки в экспериментально-трасологической школе «TEHNOS-2006» CNRS (руководители А. Авербух и М. Кристенсен), где проводились эксперименты по раскалыванию разными способами длинных костей копытных животных. Большое значение имел опыт изучения в 2008-2012 годах автором различных следов использования техники раскалывания, ретуширования и разламывания рога северного оленя на стоянке Анетовка 2 [Ахметгалеева, 2012]. Автором проводились эксперименты по «двурычажному» перелому свежих тонких костяных стержней диаметром около см, раскалыванию свежей и старой археологической кости XII-XIII вв.

При определении следов тафономических изменений и деятельности человека по добыче костного мозга и разделки туш животных был учтен опыт А. Беренсмейер, Л. Бинфорда, Н. Верещагина, А. Спайса, С. Олсен, Г. Барышникова, О. Кротовой и др. [Behrensmeyer, 1978; Spiess, 1979; Binford, 1981; Верещагин, 1981; Olsen, 1987; Baryshnikov et al, 1996; Кротова, 2006 и др.].

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ РАЗЛАМЫВАНИЕ И РАСКАЛЫВАНИЕ

Пещерные памятники Ортвале Клде и Бонди (Грузия). Пересмотр в 2015 году коллекций пещеры **Ортвале-Клде** имело особое значение для изучения техники раскалывания кости, т.к. речь шла о сравнительном анализе материалов среднепалеолитических и верхнепалеолитических слоев. Был воссоздан процесс первичного расщепления и обработки кости по среднепалеолитическим слоям 6-5 пещеры (43-36 тыс. л. н.), слоям 4a-d (38-27 тыс. л. н.) и верхнепалеолитическим слоям 3-1 (21-19 тыс. л. н.) пещеры Ортвале Клде, аналогично изучались материалы верхнепалеолитических слоев пещеры Бонди (40-17 тыс. л. н.). Результаты показали, что техника преднамеренного раскалывания кости очень вариативна и может использоваться гораздо шире и разнообразнее, чем это представлялось [Тушабрамишвили, Ахметгалеева 2017]. Речь идет об осознанных действиях палеолитического человека по утилизации костного сырья. Это, предположительно, дробление костной ткани для заготовки костного жира, пеммикана и т.п., использование получаемых фрагментов костей в качестве каких-то приспособлений, создание заготовок для костяной индустрии. О подобных действиях свидетельствуют следы продольного раскалывания, негативы вторичных продольных сколов на концевых отделах метаподий, тазовой кости, множество продольных, и в то же время узких осколков и, особенно, наличие подтреугольных сколов с ударной площад-

кой на их торце, присутствие следов износа на подобных сколах. В палеолите широко известны случаи использования случайных осколков в качестве орудий, например, шильев. В данной коллекции часть заготовок или отходов производства из длинных трубчатых костей копытных животных была получена в результате дополнительных преднамеренных ударов по идущим трещинам и при раскалывании костей, при котором удар по торцу эпифиза был направлен продольно вдоль оси предмета. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что именно необходимость получения дополнительных пищевых ресурсов привела к развитию технологии производства продольного скола, который на верхнепалеолитическом уровне стал использоваться в качестве основной заготовки в костяной индустрии [Тушабрамишвили, Ахметгалева, 2017]. В среднепалеолитических слоях Ортвале-Клде были отмечены следы серийно повторяемых целенаправленных действий с прогнозируемым результатом. При повторном «раскалывании кости по идущей трещине» сами продольные сколы изначально, возможно, и не являлись самоцелью. Но уже в слое 4d Ортвале Клде встречен продольный скол из метаподии, расколотой с помощью удара по торцу концевой отдела. Это действие, которое не может быть оправдано ни получением костного мозга, ни максимальным открытием костной полости. Серийность и массовость как продольно расколотых концевых отделов метаподий животных размерного класса олень-кавказский тур, так и их фаланг (!), встречающиеся во всех слоях Ортвале-Клде, свидетельствует о целенаправленности расщепления костей для целей, не связанных с добычей костного мозга. Присутствие в среднепалеолитическом слое 6 Ортвале Клде фаланг кавказского тура со следами поперечного пиления в центральной части косвенно подтверждает выводы о преднамеренных действиях по отношению и к поперечному членению некрупных костей животных с минимальным количеством костного мозга. Так, в верхнепалеолитических слоях фиксируется аккуратное раскалывание подобных костей по окружности. Это указывает на цели, не связанные с пищевыми ресурсами.

Полные аналогии с материалами верхнепалеолитических слоев Ортвале Клде имеют материалы первичного расщепления костного сырья из верхнепалеолитических слоев пещеры Бонди на фоне присутствия и большого количества отходов от раскалывания кости при добыче костного мозга [Тушабрамишвили, Ахметгалева, 2017].

Костенки 11, 1a слой. Технику разламывания в качестве одного из основных приемов первичного расщепления кости представляют материалы третьего костно-земляного комплекса 1a культурного слоя Костенок 11 (возраст 20,5 тыс. л.н.) на Дону в Костенко-Борщевском районе. В данном случае исследовалась новая коллекция. Наблюдения производились непосредственно в поле, но полученные результаты способствовали пересмотру и старых музейных материалов. Данный памятник характеризуется мамонтовой фауной, соответ-

ственно, в качестве основного сырья для костяной индустрии выступают бивни и кости мамонта, что существенно отличает от стратегии утилизации костного сырья на стоянках с преобладанием в фауне копытных животных. Но не объясняет того, почему помимо классического раскалывания, именно здесь широко используется и техника «двурычажного» разламывания. Наиболее ярко она представлена в качестве первичного расщепления ребер мамонта наряду с поперечным переломом, продольным расщеплением и доотщеплением по трещинам с помощью вставляемых клиньев. Точно воссоздать процесс «двурычажного» разламывания не представляется возможным ввиду отсутствия экспериментальных данных. Эксперименты с переламыванием руками тонких костяных основ показали, что для искомого результата могут быть использованы два рычага, которые одновременно и примерно с равными силами сгибают в разные стороны ребро с получением двух длинных частей со скошенными концами и средней частью, обозначенной как «трапеция». Но особенности структуры ребра требуют приложения гораздо больших усилий, или же производился перелом кости в сильно замороженном или «сухом» состоянии, когда хрупкость сырья повышена. Руками современному мужчине со средними физическими возможностями разломать ребро таким способом практически невозможно. Легче расколоть или переломать с упором на один конец. Но в этом случае может не образоваться искомый вариант кромки. Выбор примененной техники оказывается оптимальным для получения нужных основ, что подтверждает орудийный набор и заготовки из данной коллекции. Это не менее 8 случаев изделий из ребер мамонта, полученных с использованием техники «двурычажного» разламывания, и еще не менее 10 образцов, включая долотовидные орудия, когда последующая обработка или сохранность не позволяют точно это утверждать. Данный вид разлома ребра сразу создает скошенный конец для наиболее распространенного типа костяных орудий стоянки Костенки 11, 1a слой. Если скос недостаточен для рабочего лезвия или не соответствует форма кромки, то только в этом случае созданная небольшая фасетка подправляется. Наиболее длинные фасетки изломов, судя по материалам коллекции, получались при переломе вогнутых ребер, но при этом следовало прилагать большой импульс силы. При переломе выпуклых ребер формировались короткие фасетки, требующие доработки. Занозистость получившегося разлома использовалась при продольном расщеплении в качестве площадки.

Коллекция обработанной кости Костенок 11, слой 1a свидетельствует о целенаправленном отборе людьми естественным образом продольно расщепленных по центральной оси бивней мамонта, так и их преднамеренное продольное расщепление по трещинам с применением клиньев. Получение продольно расщепленных основ бивня мамонта имеет свое продолжение в виде преднамеренного переламывания их «двурычажным» образом с получением двух длинных частей со скошенными концами и «трапеции». Как и в случае с

ребрами, применение данной техники связано с последующим использованием. Найдена, например, бивневая «трапеция» со следами износа в виде забитости. Применяемая при переломе бивня сила должна быть высокой, поэтому не исключено использование специального, неизвестного пока устройства. Перелом продольно расщепленных, возможно, способствует оптимизации процесса. Но и в этом случае осуществить такой перелом возможно при достаточной хрупкости, а не вязкости сырья, поэтому не исключена заморозка бивня во время данного процесса. Не менее 30% в коллекции обработанного бивня мамонта данного комплекса свидетельствует в пользу использования свойств замерзшего сырья.

В коллекции Костенок 11, слой 1а есть три «трапеции», являющиеся следствием двурывчатого разламывания стенок крупных трубчатых костей, что свидетельствует об опыте использования данной техники на разном костяном сырье.

Верхнепалеолитические стоянки Быки в центре Русской равнины (18-16 тыс. л.н.). В 2017-2020 гг во время исследований 2 жилого объекта культурного слоя I, Ib и Ia культурных слоев стоянки Быки-7 была получена представительная коллекция изделий из эпифизов копытных животных, изготовленных с применением ударной техники (раскалывание и ретуширование). Ранее единичные подобные предметы были отнесены к отходам производства. Новые наблюдения позволили поменять эту точку зрения и отнести их к изделиям. Были пересмотрены старые остеологические коллекции и стоянки Быки-7, и однокультурной стоянки Быки-1. Если материалы стоянки Быки-7 предоставили дополнительно единичные осколки, являющиеся отходами производства изделий из эпифизов, то в остеологическом материале со стоянки Быки-1 было выделено не менее 18 новых предметов из трубчатых костей лошади и 1 из эпифиза трубчатой кости северного оленя. Коллекция со стоянки Быки-1 так же дополнилась 6 фрагментами метаподий северного оленя со следами преднамеренного продольного раскалывания ударом по торцу и 6 экз. плоских костей (лопатки, тазовые) лошади со следами преднамеренного обрубания отростков, бугров, разрубание по седалищной части. Данные виды раскалывания имеют свои аналогии в материалах Ia культурного слоя стоянки Быки-7. Продольное раскалывание метаподий, как и вторичное раскалывание крупных трубчатых костей на обозначенных стоянках применялось при изготовлении самых разнообразных изделий.

Представим вариацию серийных изделий, полученных путем раскалывания:

1. Наиболее массово представлены обработанные эпифизы разных трубчатых костей копытных животных. Отмечены по материалам стоянки Быки-1, I, Ib и Ia культурных слоев стоянки Быки-7. Техника изготовления выглядит следующим образом: Первоначально поперечно разрубается диафиз кости

около проксимального или дистального конца, возможно это происходит сразу во время добычи костного мозга. Затем скалываются выступающие части диафиза в технике ретуширования. Образуется в некоторых случаях ровная и ретушированная примерно на 2/3 длины окружности кости кромка, в некоторых случаях скалывается только необходимый участок. Приросшие лучевые кости скалываются продольным ударом от торца. В некоторых случаях фиксируется преднамеренное вынимание и уплотнение губчатой массы. Это, как и ретуширование кромки никак нельзя объяснить случайностью действий, однако то, какую функцию, и, одинаковую ли, несут данные изделия пока неясно.

2. Преднамеренно отчлененные и сильно подработанные эпифизы с выбранный губчатой массой. Например, дистальный эпифиз лучевой кости северного оленя вилокобразной формы из 2 жилого объекта с двумя выструганными тупыми остриями из продольных выступов стенки диафиза кости. Остальные участки диафиза сколоты практически до основания. Губчатая масса выбрана, внутренняя поверхность заглажена, переход от внешней поверхности к внутренней затерт. Возможно, здесь перекрываются следы обработки и износа. Кромки изломов также заглажены.

3. Известно два случая обработки фаланг лошади со стоянок Быки-1 и Быки-7(Ib).

4. Среди находок I, Ia и Ib культурного слоя стоянки Быки-7 присутствует целая серия фрагментов тонких стержней с негативами от нескольких встречных продольных сколов. Размеры их сечений расположены в диапазоне 0,8 x 0,5 см, длина одного такого узкого остроконечного предмета из Ib культурного слоя доходит до 20 см, и он имеет следы износа.

Обсуждение и заключение. Разнообразие орудий из органических материалов путем преднамеренного раскалывания и разламывания – это тема, которую еще предстоит осознать. Определяя данные предметы, мы учимся видеть в коллекциях и мелкие отходы их производства. На использование техники продольного раскалывания кости указывает наличие на ней следов торцевого раскалывания с полным набором признаков, как и при раскалывании камня – присутствие ударного бугорка, волны и т.п. Свидетельством этого является и наличие на образце негативов встречных продольных сколов, негативов вторичных продольных сколов. Необходим анализ сочетания самих негативов с формой предмета и его параметров. Использование техники удара может быть связано и с ретушированием, которое определяется по присутствию аккуратных систематических фасеток, выравнивающих линию излома. Их можно проследить не только на готовых изделиях, но и на отходах производства. Выявление костяных поделок, полученных путем техники раскалывания и разламывания, создает дополнительную базу для изучения и сравнения костяных индустрий.

Данный опыт показывает важность музейного хранения всего без исключения остеологического материала, т.к. далеко не всегда он разово полностью подвергается всесторонней научной обработке. Совершенствуются и методы исследований.

Благодарности. Автор выражает благодарность сотрудникам Национального музея Грузии, музея-заповедника «Костенки», Курчатовского краеведческого музея за возможность работы с коллекциями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. – Курск, 2015. – 254 с.
- Ахметгалеева Н.Б. Особенности коллекции обработанной кости и рога из коллекции стоянки степного Побужья Анетовка 2 // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 123-140.
- Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е., Федюнин И.В., Петрова Е.А. Предварительные данные об особенностях обработки кости на стоянке Костенки 11, IA культурный слой. // Естественные научные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района: материалы Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2017. – С. 108-123.
- Дудин А.Е. Планиграфия третьего комплекса Костенок 11,1а культурный слой // Записки ИИМК РАН, 2018. – Вып.17. – С. 45–54.
- Кротова О.О. Кости бизонов со следами деятельности человека из Амвросиевского позднепалеолитического комплекса // Материалы и дослідження з археології сходної Украї. Збірник наукових праць. – Луганск, 2006. – №5. – С. 6-13.
- Семенов С.А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // МИА. – Москва-Ленинград, 1957. – № 54. – 240 с.
- Тушабрамышвили Н.Д., Ахметгалеева Н.Б. Переход от среднего к верхнему палеолиту: новые данные по утилизации костного сырья по материалам пещер Ортвале Кде и Бонди (Южная Грузия) // Археология евразийских степей. – Академия наук Республики Татарстан, 2017. – Вып. №2. – С. 26-45
- Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производств в эпоху палеолита. – Ленинград: Наука, 1983. – С. 9-71.
- Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. 2010. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). – СПб.: Наука. -144 с.
- Чубур А.А., 2001. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. – Брянск: «Брянск-сегодня». – 132 с.
- Adler, D.S., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Tushabramishvili N., Boaretto E., Mercier N., Valladas H., Rink W.J. Dating the demise: Naendertal extinction and the establishment of modern humans in the southern Caucasus // Journal of Human Evolution, 2008. – Vol. 55. – P. 817-833.
- Akhmetgaleeva N., Burova N. The originality of the Byki sites among known LGM industries on the Russian Plain. – Quaternary International, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.08.035> (дата обращения: 7 октября 2020 г).
- Averbouh A. Technologie de la matiere osseuse travaillee et implications palethnologiques. L'exemple des chaines d'exploitation du bois de cervide chez les Magdaleniens des Pyrenees. These de doctorat, Universite de Paris I / dir. N. Pigeot. – 2000. – 500 p. dactyl, 158 fig.

- Baumann M., Maury S. Ideas no Longer written in antler // Journal of Archaeological Science. – 2013. – Vol. 40. – P. 601-614.
- Baryshnikov G., Hoffecker J.F., Burgess R.L. Palaeontology and Zooarchaeology of Mezmaiskaya Cave (Northwestern Caucasus, Russia) // Journal of Archaeological Science. –1996. –Vol. 23, – P. 313-335.
- Behrensmeier A.K. Taphonomy and ecology information from bone weathering // –17. Binford L.R. Bones: Ancient men and modern myths. – New York. Academic Press. –1981. –320 p.
- Liolios, D., Variabilité et caractéristiques du travail des matières osseuses au début de l'Aurignacien: approche technologique et économique. PhD dissertation. – Université de Paris X. –1999.
- Spiess A.E. Reindeer and Caribou Hunters, an Archaeological Study. – London. Academic Press. –1979. – 312 p.
- Tartar E. 2015. Aurignacian osseous technology in Western Europe. Aurignacian Genius. Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe. /Directed by R. White, R. Bourrillon with the collaboration of F. Bon. – Palethnology 7. // Bilingual review of prehistory.– 2015. –P.34-55.
- Tejero, J.-M. La explotación de las materias duras animales en el Paleolítico superior inicial. Una aproximación tecnológica a las producciones óseas auri-nacienses en la Península Ibérica (Ph. D. Dissertation). – UNED University, Madrid. – 2010.
- Tejero, J.-M. La explotación de las materias óseas en el Aurignacien. Caracterización de las producciones del Paleolítico superior inicial en la Península Ibérica. British Archaeological Reports. // International Series 2469. – Archaeopress, Oxford. –2013.
- Tushabramishvili D. Paleolithic of Georgia // Newsletter of the Georgian State Museum. – 1984. – Вып. 37. – С. 5-27
- Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Vekua A., Tvalchrelidze M., Muskhelishvili A., Adler D.S. The palaeolithic rockshelter of Ortvale Klde, Imereti region, the Georgian Republic // Prehistoire Atropeenne. –1999. – Vol. 15. – С. 65-77.
- Tushabramishvili, N., Meladze, T., Sukhishvili L. Georgia on the Crossroad. Cultural Exchanges and Evidences for Different Distance Contacts in Middle and Upper Paleolithic // Modes de contacts et de déplacements au Paléolithique eurasiatique. UISPP – Liege. – 2012. – С. 3-28.
- Pryor A.J.E., Beresford-Jones D.G., Dudin A.E., Hoffecker J.F., Gamble C., Ikonnikova E.M. The chronology and function of a new circular mammoth-bone structure at Kostenki 11 // Antiquity 94. – 2020. – № 374. –P. 323–341.

А.Ю. Данильченко, Е.И. Ревина

ООО «Ростовское Археологическое
Научно-Исследовательское Общество», Ростов-на-Дону, РФ

НОВЫЕ СЛЕДЫ ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ И НА НИЖНЕМ ДОНУ

Начало активных систематических разведок по поиску палеолита в Северо-Восточном Приазовье и в целом, в низовьях Дона пришлось на 50-60-е годы XX в. В эти годы активные работы на юге страны ведутся Ленинградским отделением Института истории материальной культуры. П.И. Борисковским проведены обширные разведки в бассейнах рек Крынка, Миус, Тузлов, открыт ряд новых местонахождений: среднепалеолитического возраста, а также позднепалеолитических местонахождений [Борисковский, 1952а, 1952б, 1953, 1957, Борисковский, Праслов 1964].

Большая работа по изучению памятников палеолита в Северо-Восточном Приазовье и бассейне Нижнего Дона была проделана Н.Д. Прасловым [Праслов, 1962, 1964а, 1964б, 1965, 1968]. Открыто много среднепалеолитических стоянок и местонахождений, накоплены большие коллекции материалов с выразительными находками с северного побережья Таганрогского залива, Миусского лимана, [Праслов, 1962, 1964а, 1964б, 1968] южного побережья Цимлянского водохранилища.

В 1957-1958 годах совместной экспедицией Научно-исследовательского института и музея антропологии МГУ и Ростовского областного музея краеведения проводились разведочные шурфовочные работы в районе хутора Недвиговки. В результате этих разведок М.Д. Гвоздовер был открыт комплекс верхнепалеолитических мастерских в Каменной балке [Гвоздовер, 1959]. Одновременно с памятниками каменного века в Северо-Восточном Приазовье в 1950 году геологом Г.И. Горецким [Горецкий, 1952] были открыты палеолитические местонахождения в устье р. Северский Донец (бассейне Дона). Эти комплексы, известные как «Хрящи» и «Михайловское» были изначально датированы как древние палеолитические комплексы, что подтверждается в ходе современных работ на данных стоянках [Щелинский и др., 2020].

Именно благодаря проведенным в последнее время разведкам, новым единичным находкам палеолитических орудий мы можем говорить о перспективах выявления новых памятников палеолита в Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону.

В ходе научных разведок 2007-2008 гг. Мухаметзяновой А.Р. на правом берегу р. Сухой Еланчик, к северу от сл. Екатериновка в Северо-Восточном Приазовье было выявлено местонахождение «Пухляковское», предварительное датированное поздним палеолитом [Мухаметзянова, 2010]. В 2019 году этот участок берега был тщательно обследован, на отмели вдоль береговой линии собрана не многочисленная, но выразительная коллекция кремневого материала, имеющая позднепалеолитический (граветтоидный) облик. Среди пары десятков изделий встречены отщепы, фрагменты пластинчатых сколов, один торцовый нуклеус, со следами нескольких подправок рабочего фронта, концевой скребок, небольшой фрагмент кости животного (рис. 1, 6-9). Весь подъемный материал покрыт густой голубовато-молочной патиной. Материал собран на отмели искусственно запруженного участка реки, у подножия невысокого вертикального обрывистого участка правобережного склона. Очевидно, что данные находки вымываются из толщи лессовидных суглинков, подстилающих на этом участке серо-коричневую почву.

В 2007-2017 гг. верховьях р. Тузлов в районе выходов мелового кремня к северу от с. Лысогорка проводился систематический мониторинг, разведки на левобережье р. Левый Тузлов [Данильченко, 2018а]. На одном из выявленных комплексов «Денисово-Николаевка I» [Данильченко, 2018б] были предприняты раскопочные работы. Вскрыта небольшая площадь, заложено три небольших раскопа в разных частях предполагаемого памятника, общей площадью 12 кв.м. В самом северном раскопе, приуроченном к краю коренной террасы левого берега, на ряду с единичными кремневыми находками неолитического облика в верхних горизонтах, в нижнем уровне раскопа, на контакте со слоем насыщенного желтого карбонатизированного суглинка были обнаружены несколько кремневых пластинчатых сколов, и крупный обломок нуклеуса из сырья высочайшего качества, имеющих, по нашему мнению, позднепалеолитический облик (рис. 1, 1-5). Сохранность обнаруженных артефактов хороша, они не окатаны, слегка покрыты кальцитовый коркой и не патинированы. Это дает возможность предполагать не переотложенное залегание кремневых материалов на данном участке. Однако, для более полных выводов об исследуемом объекте, необходимо вскрыть большую площадь памятника.

При обработке авторами коллекций кремневых материалов в музеях Ростовской области в 2019-2020 гг., были также обнаружены интересные находки. В Новочеркасском музее Донского Казачества встречены выразительные среднепалеолитические артефакты. Они были сделаны в 1959 году Северо-До-

нецким неолитическим отрядом под руководством Т.Д. Белановской [Кияшко, 2007]. В урочище Синий Яр, на правом берегу р. Северский Донец, было обнаружено конвергентное двухстороннее скребло, на кремневом отщепе, наполовину покрытом желвачной коркой¹ (рис. 2, 1). находка не была опубликована, в настоящее время артефакт хранится в фондах Новочеркасского музея Донского Казачества. Из сборов с этого же места происходят нуклеус на достаточно крупной кремневой конкреции и массивный отщеп из насыщенного желто-охристого аллювиального галечного кремня. Спустя, немногим более 20 лет, вверх по течению реки, на противоположном берегу, в балке Бирючей будут начаты систематические работы по изучению комплекса палеолитических стоянок-мастерских под руководством А.Е. Матюхина.

Не менее интересные единичные кремневые орудия встречены нами в фондах Волгодонского музея. Эти находки сделаны местным краеведом Алейниковым С.П. в 1970-1980-х гг. на северном (правом) берегу Цимлянского водохранилища, и позже передана его супругой в музей. Это небольшое одностороннее скребло, на грубом полу-первичном массивном сколе, пестрого, охристого с разводами аллювиального галечного кремня. Еще две находки: скребло на крупном отщепе светло-коричневого цвета с голубовато-белой патиной, лезвийная кромка сформирована краевой дорсальной ретушью на боковой грани, а также заготовка ножа с обушком (?) на отщепе, полностью покрытом густой голубовато-серой патиной с дорсальной и вентральной уплощающей ретушью и краевой ретушью на боковой грани. Обе находки происходят из этой же коллекции разновременных сборов.

К сожалению, точная датировка этих предметов затруднена, в связи с тем, что мы имеем дело с подъемным материалом, отсутствует подробная информация о местах их обнаружения и условиях залегания.

В 2019 г. на правом берегу старого русла (Сагвы) р. Миус Киселевой О.А. был проведен мониторинг с целью определения границ археологического памятника «Поселени «Грунтовский I»». На территории памятника собран подъемный материал и заложено 10 разведочных шурфов общей площадью 20 кв.м., в четырех шурфах был найден кремневый материал. Всего коллекция находок насчитывает более пятидесяти единиц, часть из них представляют собой сборы на территории памятника, вторая часть находки из шурфов. Предметы из шурфов найдены в стратиграфически не выраженном, слабонасыщенном культурном слое. Среди изделий есть отщепы, фрагменты пластинчатых сколов, один клиновидный нуклеус, концебоковой и боковой скребки, три фрагментированных скребка, фрагменты пластинчатых сколов с краевой ретушью, скребловидное изделие. Предметы частично покрыты слабой голубовато-белой патиной. В коллекции присутствуют предметы как неолитического, так и верхнепалеолитического облика, сохранность материала хорошая.

¹ Каталогный номер находки I-52, 10784/207.

Однако, для уточнения периодизации археологического памятника, необходимы дальнейшие исследования (рис. 2, 3-9).

В 2021 году, при обследовании территории вновь выявленного поселения «Выдел I» была обнаружена выразительная находка -среднепалеолитическое орудие. Конвергентное скребло, на массивном отщепе, покрытом густой белой (молочной) патиной и небольшим участком корки (рис. 2, 2). Ретушь системная, двурядная, полу-крутая. Предмет явно обладает всеми признаками среднепалеолитического орудия. Эта находка была сделана на сельскохозяйственном поле, на правобережье балки Сухой Несветай (исток одноименной реки), на пологом, распаханном склоне небольшого овражка, перпендикулярно подступающего к руслу балки, и впадающего в нее.

Таким образом, в ходе разведок последних лет на карте Ростовской области появились новые перспективные пункты выявления палеолитических памятников. Данные работы требуют систематического подхода по мониторингу данных местонахождений, сбору коллекций и введение их в научный оборот.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Ольге Александровне Киселевой и Анне Ринатовне Садовой (Мухаметзяновой) за предоставленные материалы. Директору Волгодонского эколого-исторического музея И.В. Павлинок, а также смотрителю Новочеркасского музея истории Донского казачества М.В. Курасовой за предоставленную возможность обработки коллекций.

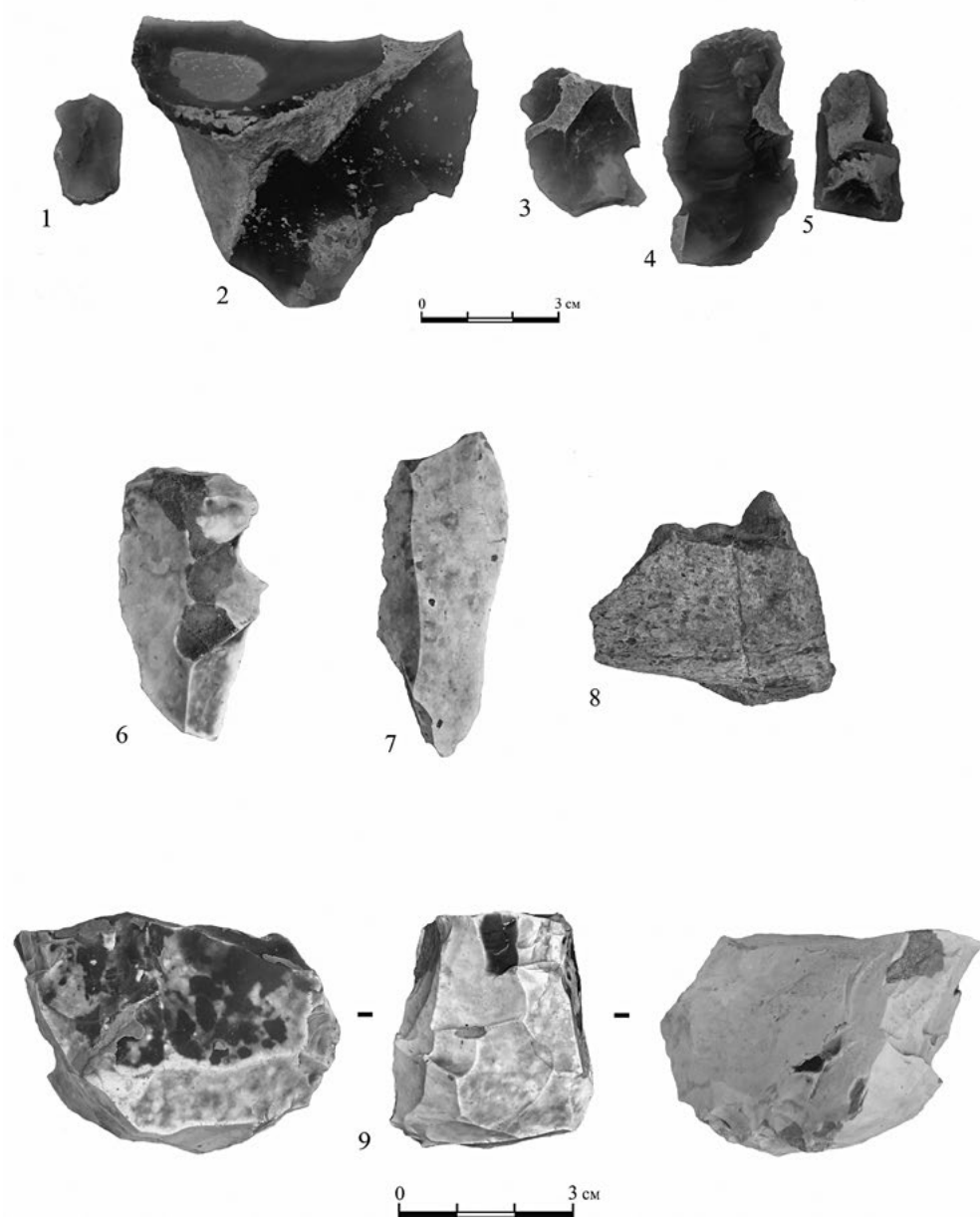

Рис. 1. 1, 3-5 – пластинчатые сколы, 2 – скол с нуклеуса, 6 – скребок, 7 – пластина, 8 – фрагмент кости животного, 9 – торцовый нуклеус.

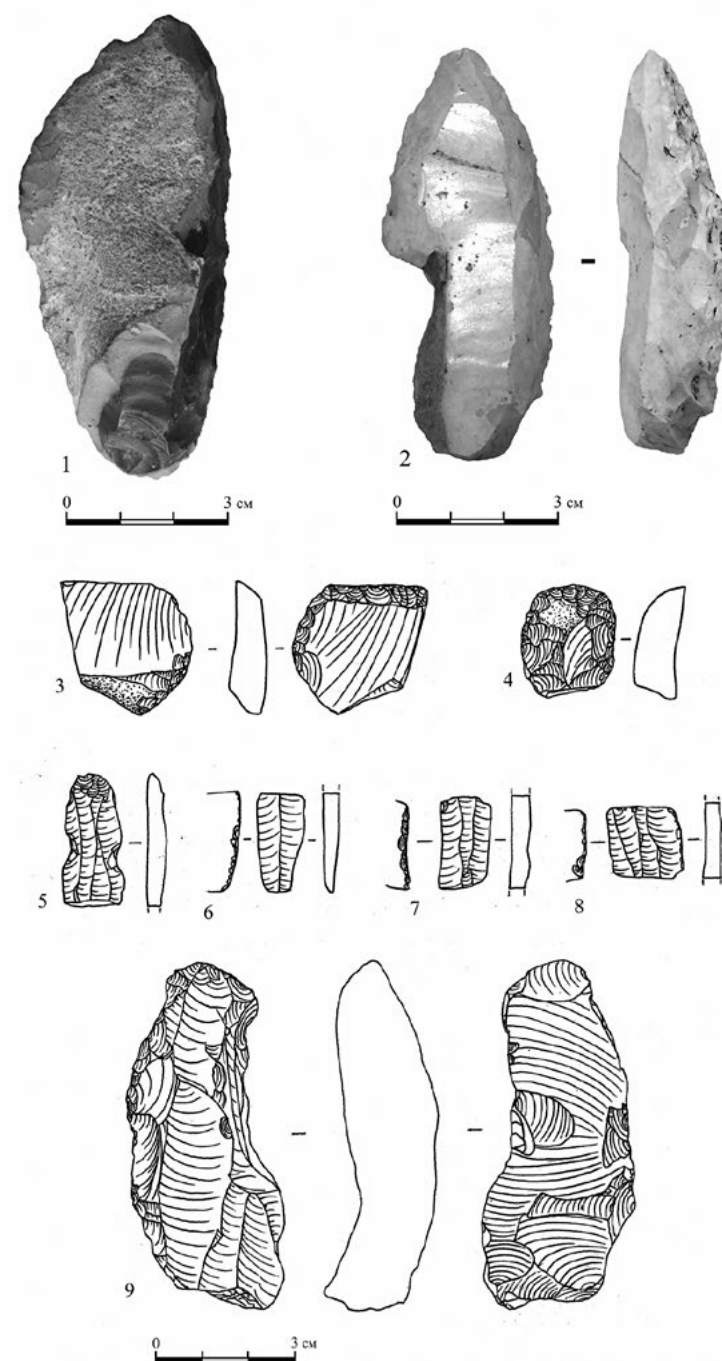

Рис. 2. 1, 2 – конвергентное скребло, 3-4 – скребки, 5-8 – пластинчатые сколы с ретикуью, 9 – скребловидное изделие

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Белановская Т.Д. Неолитические местонахождения на Нижнем дону и Северском Донце (по материалам разведок) 25-е Герценовские чтения. Исторические науки. Краткое содержание докладов. Л., 1972.
- Борисковский 1952а: Борисковский П.И. Отчет о работе отряда 1952 г. с приложением фотографий раскопок и археологической карты берегов рек Крынки, Миуса и Тузлова (по материалам работ 1950, 1952 гг.). Архив Института истории материальной культуры РАН, Ф. 35, опись 1952. Ед. хран. 2, 5-6, 31.
- Борисковский 1952б: Борисковский П.И. Работы Амвросиевского отряда в 1950 году // КСИ-ИМК. Т. XLVIII. 1952. Стр. 42-50.
- Борисковский 1953: П.И. Борисковский, Исследование памятников каменного века в бассейне р. Миус (Приазовье) в 1949-1950 гг. В: Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Вып. 2. Киев 1953. Стр. 63-64.
- Борисковский П.И. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье // Краеведч. зап. Таганрогск. Музея. Вып. 1. 1957. Стр. 135-145.
- Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья // САИ. Вып. А 1-5, М.-Л. 1964.
- Гвоздовер М.Д. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957-1958 годах // Известия Ростовского областного музея краеведения. №1(3). Изд. Рост. Унив. 1959. Стр. 5-12.
- Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // САИ. Вып. А 1-5. М.-Л. 1964.
- Горецкий Г.И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // С. Т. XVI. М.-Л. 1952. Стр. 302-310.
- Данильченко А.Ю. 2018а. Стоянка «Крутой Яр» на левобережье р. Левый Тузлов Куйбышевского района Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015-2016г. Азов. 2018. Вып. 30. С. 15-27.
- Данильченко А.Ю. 2018б. Археологический комплекс Денисово-Николаевка I // Актуальная археология 4, комплексные исследования. СПб. 2018. Стр. 98-102.
- Праслов Н.Д. Нижнепалеолитические находки в Северном Приазовье // Археологические раскопки на Дону. Изд. Рост. Унив. 1962. Стр. 113-119.
- Праслов Н.Д. 1964а. Палеолитические памятники Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья и их стратиграфическое значение // БКИЧП. №29. М. 1964.
- Праслов Н.Д. 1964б. Открытие мустьерских поселений в Северном Приазовье // Краеведч. зап. Таганрогск. Музея. Вып. 11. 1964. Стр. 115-130.
- Праслов Н.Д. 1964в. Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г // КСИА. 1964. Вып. 101. Стр.75.
- Праслов Н.Д. Отчет о полевых работах Палеолитической группы ЛОИА АН СССР в 1964 году на территории Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Архив Института истории материальной культуры РАН. 1965. Стр. 9-13.
- Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона // Изд. Наука. Л. 1968.
- Кияшко В.Я. Полвека археологии и кое – что еще.../ Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов. 2007. Донские древности, вып.8. Стр. 240-241.
- Мухаметзянова А.Р. Археологические разведки бассейна р. Сухой Еланчик в пределах Матвеево-Курганского района Ростовской области в 2007-2008 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 г. Азов. 2010. Вып. 24. С. 289-294.
- Щелинский В.Е., Очердной А.К., Тесаков А.С., Фролов П.Д., Симакова А.Н., Титов В.В. Новые данные об ашельской стоянке Хрящи в низовье Северского Донца (Нижний Дон) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 259. Стр. 49-71.

М.Н. Желтова*, С.Н. Лисицын*, К.Н. Степанова**

* – Институт истории материальной культуры РАН,

** – Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ШЛИФОВАННЫХ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В ГРАВЕТТЕ КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА¹

Шлифованные каменные изделия разного рода встречаются на европейских памятниках верхнего палеолита довольно широко, но, как правило, в малом количестве. Чаще всего они изготавливались из подобранных галечек подходящей формы. Среди них – украшения, предметы, интерпретируемые как ложила или недиагностированные предметы неизвестного назначения. Еще реже попадаются артефакты, форма которых существенно модифицирована обработкой, например, такие как жировая лампа из Ляско. И только в двух районах, весьма отдаленных друг от друга, представлены большие серии разных форм каменных шлифованных изделий – в Моравии (павловская культура или павловьен) в Костенковско-Борщевском палеолитическом районе на Дону [Желтова, Лисицын 2017: Lisitsyn, Zheltova 2019]. Расстояние между моравскими памятниками павловьена и Костенковско-Борщевским районом близ Воронежа составляет более 1600 км. На всей огромной территории между ними ничего подобного пока найдено не было.

Шлифованные изделия моравских и словацких памятников (Павлов, Тренчанске Богуславице, Миловице, Дольни Вестонице, Пшедмости) представлены небольшими каменными дисками (без отверстий или с намеченным отверстием), крупными массивными дисками с большими отверстиями, редкими стержневидными изделиями и предметами разных форм в единичных экземплярах. В памятниках КБР (Костенки 4, Костенки 9 и Борщево 5, слой I) нет больших дисков с крупными отверстиями, однако серия небольших дисков более представительна, есть несколько экземпляров со сквозными отверстиями. Стержневидные изделия представлены сериями, их формы переменны. Есть и единичные экземпляры орудий различных форм. Самое

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИР №0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюции культуры и общества, адаптация к природной среде».

важное, что здесь можно проследить всю цепочку их изготовления за счет наличия преформ и многочисленных предметов на разных стадиях изготовления [Reynolds et al. 2021].

Сырье для изготовления шлифованных изделий достаточно разнообразно, притом основная масса, безусловно, собрана в окрестностях памятников. Стержневидные изделия изготовлены исключительно из кремнистого сланца черного или зеленоватого цвета. Диски демонстрируют куда большую вариабельность в этом отношении: они изготовлены из разных видов сланцевых пород, мергеля, доломитизированных пород, песчаника, даже из охры и железистой конкреции. Дисков со сквозными отверстиями всего 3 (все в коллекции Костенок 4), – изготовлены из мергеля, фрагментированы (один склеен полностью, два представлены фрагментами). На диске из охры отверстие лишь намечено на одной поверхности. Часть второй поверхности повреждена настолько, что нельзя понять, было ли отверстие намечено и там (рис. 3: 1-3).

Необходимо дать определение изделиям, которые мы обобщенно называем дисками. Идеальный диск имеет геометрически четкую округлую в плане форму, линзовидное сечение с достаточно острым краем, полностью заполированную поверхность (рис. 1 А). Однако, разнообразие форм в этой категории достаточно велико (рис. 3-5). Много «дисков» овальных, иногда они имеют очертания, близкие к ромбу или квадрату со скругленными углами, или вовсе аморфную, не у всех выведен тонкий острый край по всему периметру – иногда лишь на небольших участках. Большинство дисков оставлено на разных стадиях оформления и не обладает всеми признаками идеального диска. Наличие у изделия сочетания ряда признаков, пусть и не полное, позволяет нам отнести его в категорию дисков и рассматривать в общем технологическом контексте.

Технология изготовления дисков была одинакова для всех пород камня. Это установлено благодаря наличию изделий из разных пород на разных стадиях оформления. Можно выделить три типа заготовок: 1. плоские гальки, 2. куски плиток, 3. отщепы. Заготовку полностью или почти полностью законченного диска можно определить лишь в очень редких случаях, когда речь идет о плоских гальках и часть поверхности остается не затронутой финальной заполировкой.

Первой стадией обработки заготовки является краевая двусторонняя уплощающая оббивка, оформленная центростремительными сколами с площадки или толстого края отдельности сырья (плитки, гальки, отщеп). На этом этапе изделию придается общая форма в плане – округлая или овальная (рис. 2). Поверхности предмета можно определить как дорсальную и вентральную только если заготовкой служит отщеп, у кусков плитки и галек они одинаковы, поэтому в рабочих описаниях мы пользуемся терминами «по-

верхность А» и «поверхность Б» (рис. 1 Б). В центре каждой поверхности располагается плоская округлая или овальная площадка, от которой к кромке идут скошенные грани (рис. 1 А, Б). На *втором этапе* производится обработка грубым зернистым абразивом – формирование переходных граней и центральной площадки (при этом остаются косые линейные следы, идущие под углом к кромке), иногда так же обрабатывается кромка – прямыми поперечными движениями. Затем таким же абразивом обрабатывается край изделия и формируется край кромки (следы этого этапа остаются в виде линий, параллельных кромке). *Третьим этапом* изготовления диска является работа другим, тонкозернистым абразивом, снимающим ребра между площадкой и переходной гранью, пришлифовывающим всю поверхность изделия и снимающим ребра кромки. Надо отметить, что вся работа производится либо однонаправленными, либо возвратно-поступательными движениями, ни в одном случае не отмечены следы круговых движений. И, наконец, поверхность заполировывалась. Эта поверхностная заполировка не убирала остатки следов тонкого абразива, но сглаживала выступающие участки микрорельефа поверхности, придавая ей мягкий блеск.

Технология изготовления стержневидных изделий была во многом схожа, однако не прослеживается по всем стадиям, как с дисками, так как мы почти не располагаем целыми заготовками на разных стадиях обработки. Основным сырьем для них служили сланцевые плитки, метод расчленения на заготовки которых не прослежен по всем стадиям, т.к. в коллекциях поуфабрикаты стержней присутствуют лишь в обломках. По крайней мере, в некоторых случаях, длинные куски сырья также обрабатывались по контуру двусторонней оббивкой, затем обрабатывались на абразиве и пришлифовывались при помощи тонкого абразива (рис. 1-2, рис. 5: 1).

В коллекциях Костенок 4, Костенок 9 и Борщево 5, I слой вместе с шлифованными каменными изделиями встречаются также кварцитовые и песчаниковые плитки с признаками использования их в абразивной работе. Характеристики следов работы на них и остатки красителя вишневого и охристого цвета говорят в пользу многофункциональности этих изделий, что было предварительно показано ранее [Степанова, 2017].

Костенки 4. Плитки с истертой поверхностью представлены в многочисленных обломках и двумя группами пород: кварцитовые (выделяются два паттерна износа: полностью выровненные зашлифованные поверхности и сглаженность верхнего уровня, часто со следами охры на рабочих поверхностях), тонкозернистый белый песчаник (износ показывает их использование в абразивной работе, в двух случаях различимы следы охры). Отдельной находкой представлена плитка плохо спаянного песчаника с разным размером зерен, следы на ней плохо сохранились, но позволяют считать, что плитка могла служить грубым абразивом. Стоит обратить отдельное внимание на фрагменти-

рованную плитку с углублением в центральной части, которая была опубликована А.Н. Рогачевым как зернотерочная [Рогачев, 1955; 1973]. На поверхности этого инструмента даже невооруженным глазом при косом рассеянном свете различимы продольные однонаправленные линейные следы, в значительной степени затертые, что находит соответствие со следами, возникающими при шлифовке сланца с подсыпкой абразивного агента (мокрого песка). При этом в понижениях на изношенной поверхности различимы крупинки малиновой охры, которых нет на разломах и с обратной стороны камня, ни под кальцитовыми натечками, ни на них. Такое распределение крупинки краски говорит о том, что окрашенность конкретно этого орудия происходит не от слоя, насыщенного охрой, а от работы с ней. Подобное распространение остатков красителей отмечается и в других случаях как в коллекции Костенок 4, так и Борщево 5, 1 слой.

Костенки 9. В коллекции представлена целая плитка с ярко выраженным износом, выровненная и до блеска зашлифованная от работы поверхность обладает признаками обработки охры на ней, а также несколько фрагментов плиток, часть из них имеет подобные следы и окрашенность поверхности, часть – результат расслоения, не имеют следов износа.

Борщево 5, граветийский комплекс (слои Ia и Ib). Общее количество находок плиток за годы исследования памятника достигает нескольких десятков. Для фрагментов плиток из слоя Ib были зафиксированы макро-следы и остатки красителя на основе охры в углублениях на истертых поверхностях. Помимо кварцитовых плиток в коллекции есть фрагмент песчаникового абразивного инструмента, размер зерен и плотность песчаника позволяют рассматривать его как тонкий абразив. На одном из выражено изношенных в абразивной работе инструментов удалось зафиксировать не просто крупинки минерального красителя, а пастообразную массу вишневого цвета с разными включениями, то есть при помощи кварцитовых плиток гематит и железистые конкреции не просто дробились и перетирались в порошок, но на основе этого порошка также готовился сложнкомпонентный красящий состав.

Отмеченные особенности кварцитовых и песчаниковых плиток позволяют заключить, что они наиболее вероятно использовались в нескольких видах работы, среди которых абразивная обработка мягких пород камня с подсыпкой абразивного агента (шлифовка, соответствует второй стадии обработки сланцевых дисков), абразивная обработка без агента (полировка, соответствует третьей стадии обработки дисков), дробление и перетирание охры и приготовление на ее основе многокомпонентных красителей. Отдельно стоит вопрос о применении охры как абразивного агента при производстве шлифованных сланцевых изделий: при сочетании следов шлифовки и полировки на плитках с остатками краски, на дисках и стержнях охра не отмечается.

При описании истертых плиток из Костенок и Борщево нельзя не затронуть вопрос об усложненном собирательстве – концепции, выдвинутой А.Н. Рогачевым во многом на материалах Александровской стоянки [Рогачев, 1955; 1973]. Оценка этих инструментов как приспособлений для обработки продуктов собирательства была сделана не сразу. С одной стороны, наличие в коллекции Костенок 4 шлифованных сланцевых изделий подтолкнуло А.Н. Рогачева к первоначальной атрибуции плиток как шлифовальных инструментов (именно так подписаны пакеты, в которых они хранятся в МАЭ РАН). Характерно, что С.А. Семеновым в ранних публикациях плитки и терочники из галек рассматриваются как краскотерки [Семенов, 1957. С. 166–168], поскольку их рабочие поверхности окрашены. Однако позднее такая интерпретация была отклонена и А.Н. Рогачевым, и С.А. Семеновым, аргументом против было то, что культурный слой Костенок 4 буквально засыпан охрой и, по замечанию исследователей, пигмент мог окрасить все залегающие в таком слое находки, поэтому для С.А. Семенова вслед за А.Н. Рогачевым находки из Костенок 4 стали свидетельством очень раннего возникновения помолы злаков [Семенов, 1974. С. 276]. Не отвергая полностью интерпретацию плиток как инструментов для обработки продуктов собирательства, мы хотим подчеркнуть, что это была лишь одна из возможных их функций, причем, судя по следам сработанности, не самая вероятная. В целом, часть кварцитовых и песчаниковых плиток с признаками истирания и зашлифовки поверхностей вполне вписываются в контекст производства сланцевых дисков и стержней.

В 2020 г. был проведен эксперимент по изготовлению сланцевого диска вышеописанным методом. Диск из черного сланца (диаметром 5,9 см) был изготовлен оббивкой, затем обработан на абразиве из плитки крупнозернистого малинового кварцита. В процессе интенсивной шлифовки использовалась подсыпка мокрым мелким песком. Полировка была достигнута с помощью мокрой кожи с песком. Полученный результат во многом соответствовал оригинальным дискам.

Предназначение шлифованных дисков и стержней во многом остается загадочным. По версии С.А. Семенова, диски могли служить ретушерами, однако обычные ретушеры из галек во множестве представлены в коллекциях и не отличаются от таковых на других памятниках. Диски не имеют следов забитости, характерных для отбойников и ретушеров, а их кромки сделаны намеренно острыми и не повреждены ударами. Самым основным вопросом в понимании функции этих предметов является следующий: для чего затрачивалось немало труда по изготовлению геометрически правильных форм, их шлифовки и полировки, если это просто ретушеры? Следы, характерные для ретушеров найдены во множестве на разных кусках сланца, на преформах, фрагментах изделий. На дисках и стержнях – тоже, но не на всех.

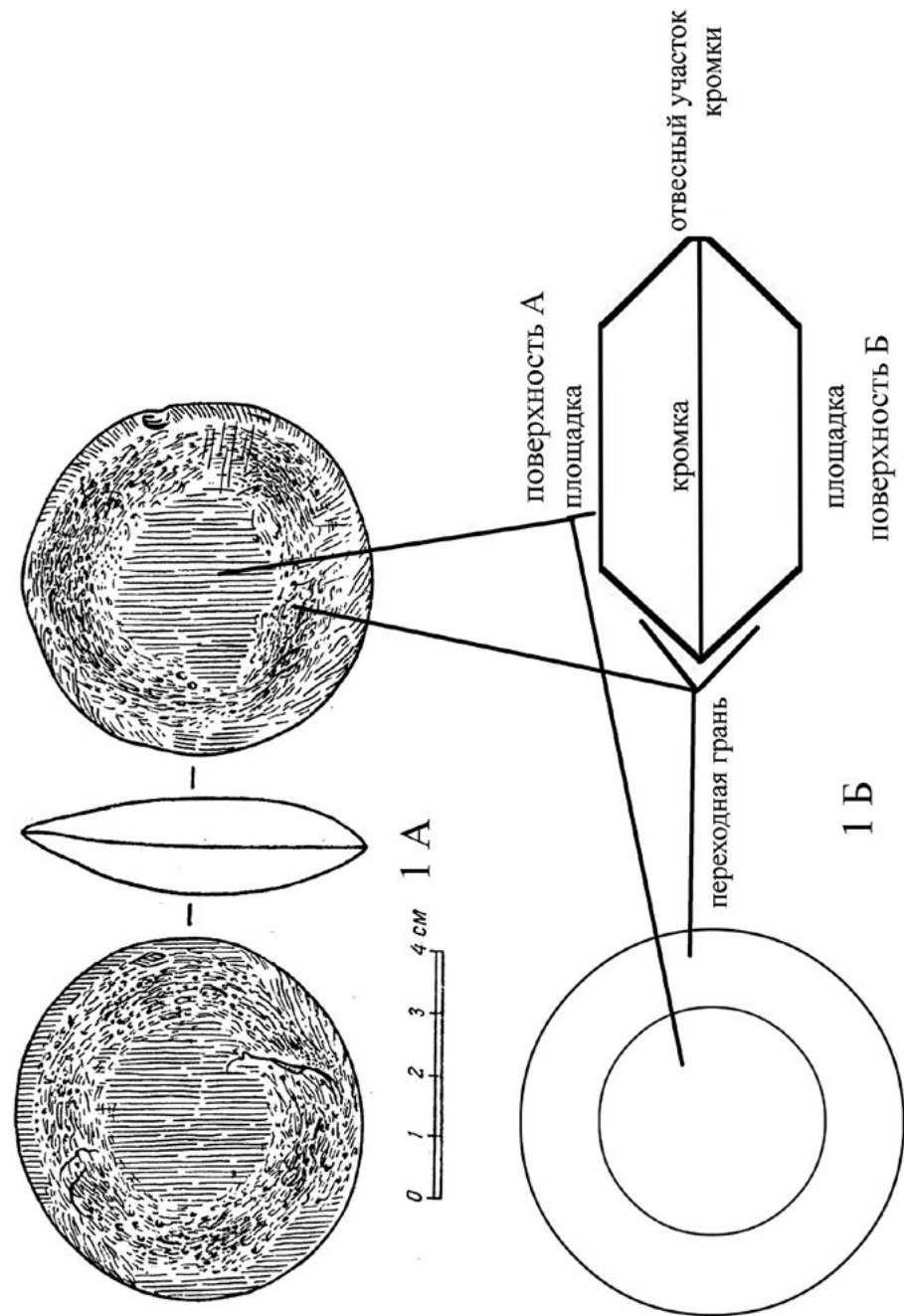

Рис. 1. 1 А – сланцевый илфонованный диск со следами употребления в качестве ретушера из западного круглого жилища Костенок 4 (по Рогачев, 1955, с. 60, рис. 24); 1 Б – схематическое изображение илфонованного диска в плане и профиле.

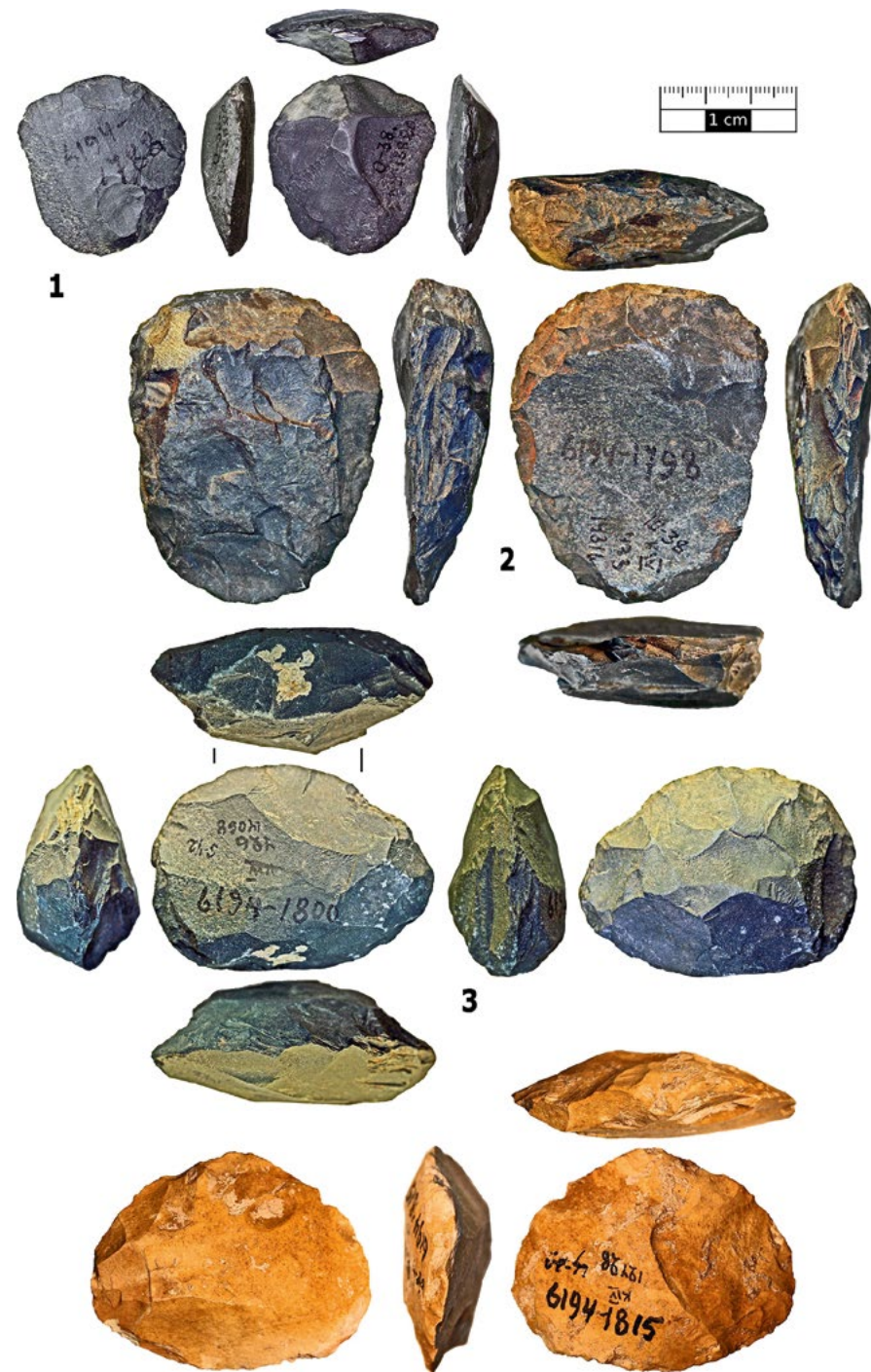

Рис. 2. Костенки 4. Преформы дисков.

Рис. 3. Костенки 4. Шлифованные диски.

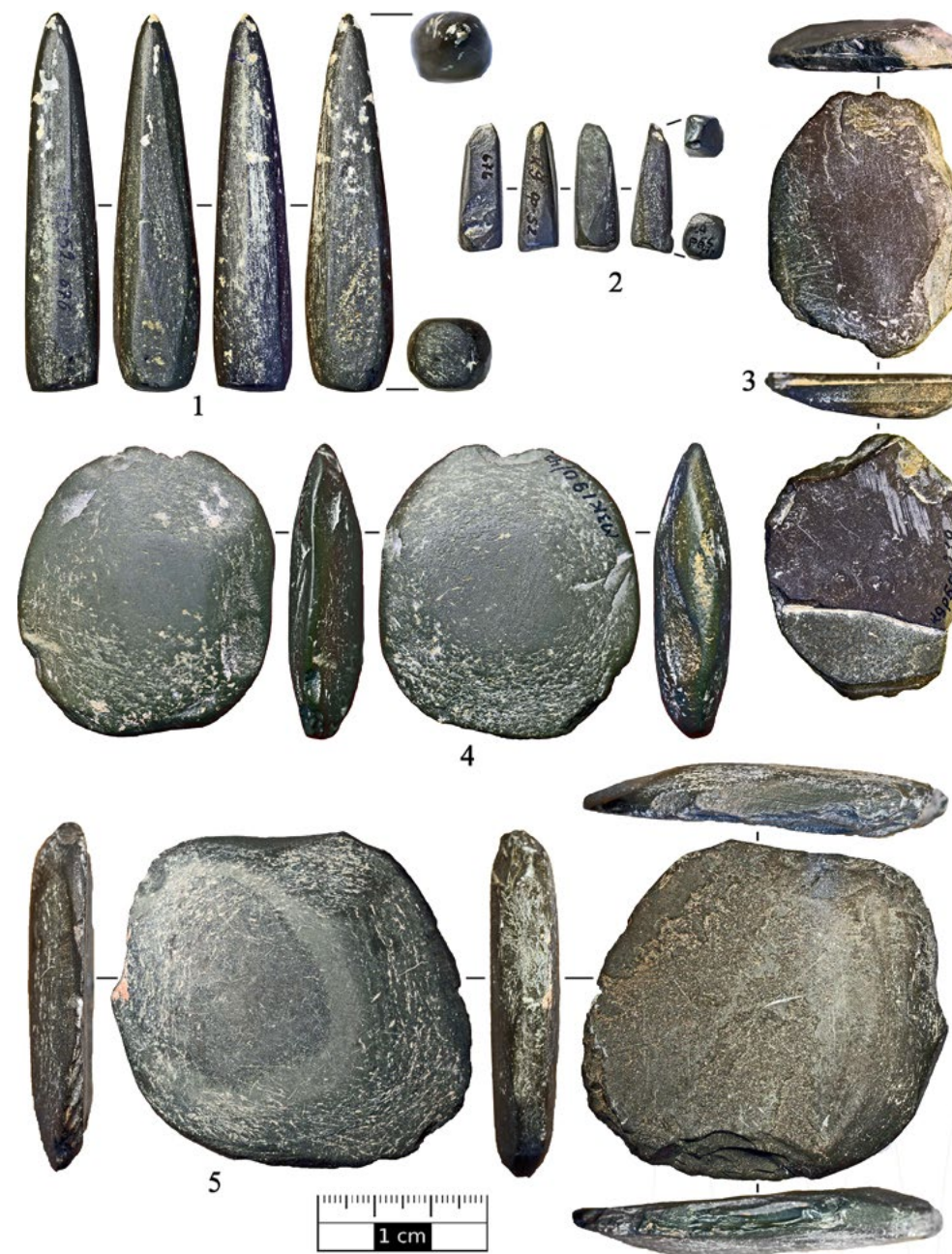

Рис. 4. Костенки 9. Шлифованные изделия: 1-2 – стержни; 3-5 – диски.

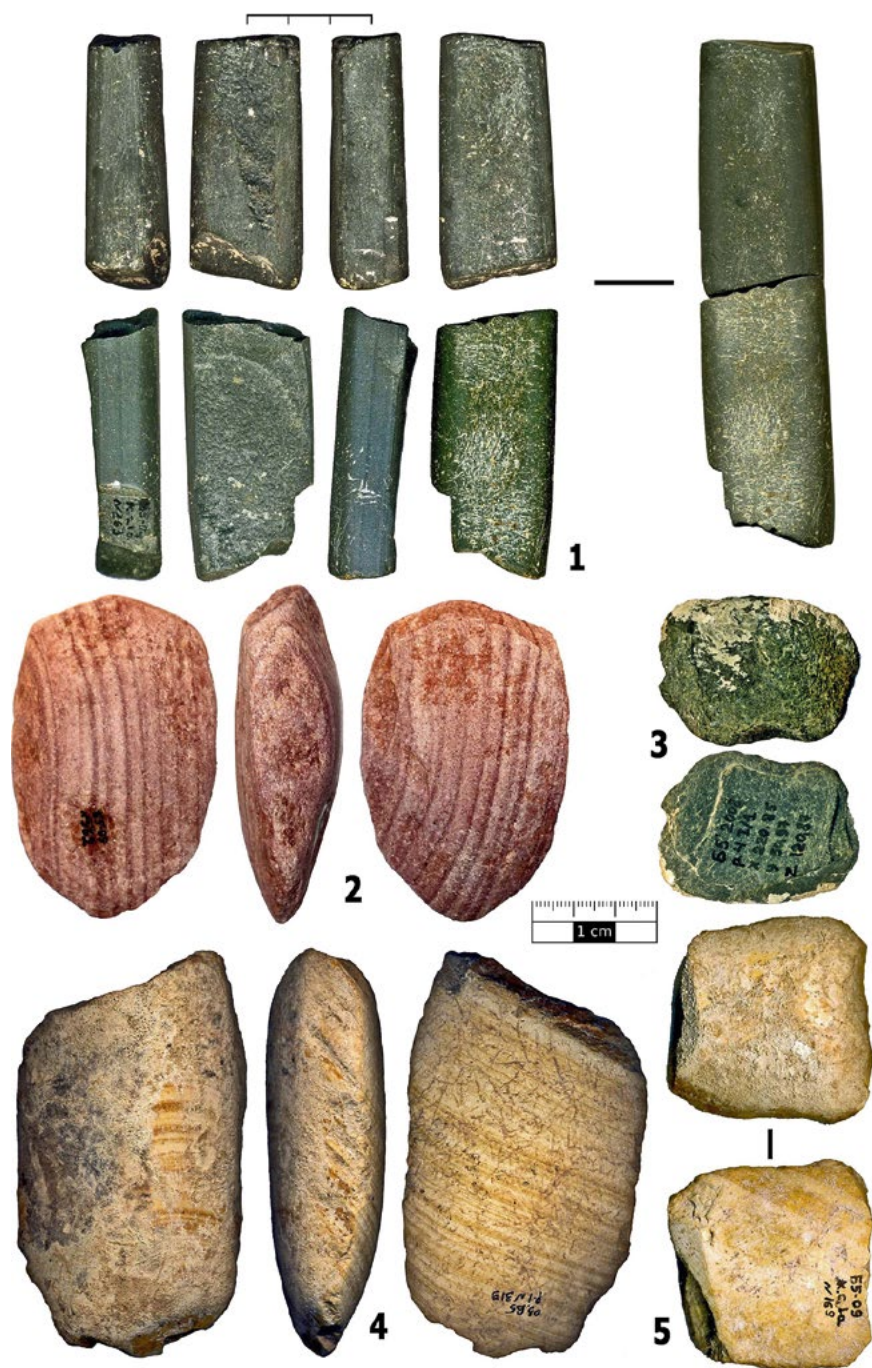

Рис. 5. Борщеве 5. Шлифованные изделия: 1 – стержень («брусочек» из двух фрагментов); 2-3 – диски; 4-5 – «рубящие» изделия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Желтова М.Н., Лисицын С.Н. Шлифованные изделия из камня в палеолите Костенок // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. – Барнаул: Алтайский гос. университет, 2017. С. 368–369.
- Рогачев А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – № 45. – 164 с.
- Рогачев А.Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии: Сб. памяти М.М. Герасимова / отв. ред. Г.В. Лебединская, М.Г. Рабинович. – М.: Наука, 1973. – С.127–142.
- Семенов С.А. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 54. – 240 с.
- Семенов С.А. Происхождение земледелия. – Л.: Наука, 1974. – 318 с.
- Степанова К.Н. Функциональное определение «терочных плит» стоянок Костенки 4 (верхний слой), Костенки 9, Борщеве 5 (I слой) // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района: мат-лы междунар. научно-практ. конф. (Воронеж, 15–17 сент. 2016 г.). / отв. Ред. В.Н. Ковалевский. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2017. – С. 140–152.
- Lisitsyn S., Zheltova M. Polished stone implements in the Gravettian of the Kostenki-Borshchevo sites (Russia) // 3rd Conference World of Gravettian Hunters: Abstracts. – Kraków: Instytut Systematyki i Ewolucji Zwierząt, Polskiej Akademii Nauk, 2019. – P. 48–49.
- Reynolds N., Lisitsyn S.N., Eskova D.K., Tsvetkova N.A., Buckley M., Pustovalov A.Yu. Kostënki 9: The chronology and lithic assemblage of a Gravettian site in Russia // Quaternary International. – 2021. – Vol. 587–588. – P. 344–367.

Я.Д. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ГОМОГЕННОСТИ НИЖНЕГО КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩЕГО ГОРИЗОНТА ХОТЫЛЕВО I ПО ДАННЫМ ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Памятник среднего палеолита Хотылево I находится на северной окраине с. Хотылево Брянского района Брянской области РФ. Первый этап его исследования связан с именем сотрудника Брянского государственного краеведческого музея Ф.М. Заверняева, который в ходе совместных с смоленским геологом Е.А. Шмидтом разведок в 1958 г. обнаружил горизонт с находками, залегающий непосредственно на коренных отложениях меловой системы [Заверняев, Шмидт, 1961. С. 245]. После проведения полевых работ 1960–1964 гг. Ф.М. Заверняев отмечал, что нижний горизонт в галечнике содержит яркий материал и распространяется на протяжении более 600 м, а материал в нем находится во вторичном залегании, поэтому Хотылево I было оценено как местонахождение [Заверняев, 1971. С. 173], и эта характеристика долгое время использовалась в литературе [Праслов, 1984. С. 108–109; Евтушенко, 1999. С. 10–11]. С культурной точки зрения материалы Хотылево I делились Ф.М. Заверняевым на более древний аморфный комплекс и ашело-мустьерский, аналогии одно- и двусторонним формам которого он находил по всей Европе, в Крыму и на Кавказе [Заверняев, 1978. С. 55–64]. Выводы о культурной принадлежности памятника в последствии многократно пересматривались. Искусственное происхождение аморфного комплекса было поставлено под сомнение [Матюхин, 2006. С. 105; Очередной, Воскресенская, 2012. С. 89–90], остальные материалы большинством исследователей включались в круг распространения восточного микока [Евтушенко, 1999, Кухарчук, 1999, Колесник, 1999]. После личного знакомства с коллекцией А.Е. Матюхиным было высказано мнение о непереотложенном характере находок на некоторых участках памятника, наиболее перспективным в этом отношении ему виделось продолжение работ на участке близ раскопов 5 и 6 Ф.М. Заверняева [Матюхин, 2006. С. 104].

Для поиска отложений с культурными остатками, залегающих в несмещенном состоянии, их изучения и датирования Верхнедеснинской экспедицией (ВДЭ) ИИМК РАН был начат второй этап полевых исследований памятника

Хотылево I [Очередной, 2011. С. 3–4; Очередной и др., 2015. С. 107–108]. Коллективом был подготовлен топографический план участка долины Десны, в пределах которого находится памятник Хотылево I, для изучения стратиграфии памятника заложена серия разрезов. К раскопам 5 и 6 Ф.М. Заверняева был прирезан участок Хотылево I-6-2¹, его исследование показало хорошую сохранность литологических и культуросодержащих слоев выше по склону относительно места работ 60-х гг. XX в. В целом, первые результаты работы ВДЭ ИИМК РАН продемонстрировали, что Хотылево I является не местонахождением, а комплексом стратифицированных памятников с культуросодержащими горизонтами (далее – КСГ) разной степени сохранности.

Наиболее яркий и многочисленный материал участка Хотылево I-6-2 был получен из КСГ 4, который по составу вмещающих отложений и условиям залегания на песках сеноманского яруса меловой системы может быть сопоставлен с горизонтом в галечнике Ф.М. Заверняева [Очередной и др., 2019. С. 38–51].

Однако изучение КСГ 4 поставило и ряд новых проблем. Горизонт, вскрытый на площади более 40 м², обладает сложной микростратиграфической структурой, условно может быть разделен на два субгоризонта по характеристике вмещающих отложений: верхняя часть (4.1) залегает в плотных оглеенных суглинках с прослойками ожелезнения, нижняя (4.2) наиболее насыщена находками и связана с мелко- и среднезернистыми песками разных фаций руслового аллювия, перекрывающими толщу коренных песков [Там же. С. 44, С. 52]. Эти отложения, мощностью более 1 м, не залегают последовательно, а отмечены в виде различных линз и переслаиваний, внутри и вне которых встречаются скопления [Очередной, 2021. С. 34–39]. Таким образом, возникает вопрос, в какой степени такое строение может соответствовать особенностям обитания, а в какой быть связанным с постседиментационными процессами, оказавшими воздействие на участки активности человека.

Первым шагом к его решению может стать сравнение материалов из двух субгоризонтов КСГ 4 с помощью типологического и технологического анализов. Для последнего в современном палеолитоведении действует несколько принципов. Первый касается учета технологически значимых признаков и их количественного распределения при анализе материала, например, таких как подготовка ударной площадки, направление предшествующих сколов по дорсальной поверхности, анализ соотношения систем скалывания на нуклеусах и орудиях [Очередной, 2014]. Образцами такого анализа для среднепалеолитических материалов в отечественной археологии выступают работы П.Е. Нехорошева [1999] и В.Е. Щелинского [1999]. Второй принцип включает в себя рассмотрение всех материалов в контексте последовательности их производства в рамках конкретной отдельности сырья и индустрии в целом. Этот принцип лег в основу концепций *chaîne opératoire* французских [Audouze, Karlin, 2017] и

¹ Хотылево I-Раскоп 6-Участок 2

reduction sequence американских исследователей [Shott, 2003], в той или иной степени отразился во всех работах по технологическому анализу.

Применение типологического и технологического анализов к материалам КСГ 4.1 и 4.2 участка Хотылево I-6-2 дало возможность выделить для них ряд общих и различных черт.

Хотылево I является моносырьевым комплексом, все продукты и предметы расщепления созданы из черного мелового кремня, залегающем в коренных отложениях в виде крупных отдельностей плитчатой формы и их фрагментов различной формы и размера.

В качестве сколов-заготовок для коллекций обоих субгоризонтов выделяются отщепы леваллуазского облика, расщепление которых предваряла серия центростремительных снятий, создающих «выпуклость» поверхности скальвания. Другим приемом подготовки фронта расщепления было снятие краевых, реберчатых и обушково-реберчатых сколов, которые часто отмечаются в обеих коллекциях. Среди технических сколов в двух субгоризонтах присутствуют сколы формирования орудий, особенности морфологии которых (тщательно подготовленная ударная площадка, значительно более острый угол скальвания, огранка с большим количеством крупных и мелких негативов, часто расположенными серийно) позволяют предположить их использование в качестве сколов утончения поверхности одно- и двусторонне обработанных изделий. Для большинства всех сколов характерна конвергентная или параллельная огранка и прямая гладкая ударная площадка.

Основные различия для сколов коллекции субгоризонтов 4.1 и 4.2 сводятся к более высокому проценту встречаемости некоторых категорий технических сколов (сколы формирования орудий, реберчатые сколы) и сколов-заготовок (сколы второго снятия).

Заметную часть нуклеидных предметов коллекции КСГ 4.1 и 4.2 составляют плитки кремня с несколькими негативами, иллюстрирующие первый этап расщепления, который не включал в себя специальное оформление нуклеуса, крупные отщепы получались без предварительной подготовки. На этом этапе происходила отбраковка неподходящих для дальнейшего расщепления отдельностей сырья (например, из-за обилия внутренних трещин, что является частым случаем для хотылевского мелового кремня), остальные после уплощения фронта от снятия крупных отщепов подготавливались к дальнейшему расщеплению краевыми и обушково-реберчатыми сколами. Ударные площадки создавались одним крупным сколом, но ситуационно могли быть подготовлены более тщательно для конкретного снятия. В обеих коллекциях отмечены фрагменты нуклеусов, которые могут интерпретироваться как сколы обновления площадки, снятые перпендикулярно относительно поверхности расщепления, однако, намеренность их снятия на данном этапе исследования остается под вопросом. Для большинства нуклеидных форм характерна иерархия

поверхностей, когда одна из сторон используется как фронт расщепления, а противоположная – как ударная площадка, однако в коллекции КСГ 4.2 отмечены плитки с единичными крупными негативами сколов на обеих поверхностях и нуклеус с подобными характеристиками. В КСГ 4.1 зафиксирован случай преоформления нуклеуса в орудие путем вторичной обработки, но вряд ли это специфический прием для одной из коллекций, в целом, расщепление нуклеусов может быть охарактеризовано как схожее для обоих субгоризонтов.

Большинство орудийных форм обеих коллекций – сколы с вторичной обработкой, которая чаще всего представляет собой одно- или многорядную чешуйчатую ретушь на одной из поверхностей предмета. Этим же способом изготавливались орудия на десквамационных сколах. Минимальна вторичная обработка и у орудий, характеризующихся как ситуационные. Такие орудия отмечены и для КСГ 4.1, и для 4.2.

Менее частыми (по одному в КСГ 4.1 и 4.2), но более яркими орудийными формами в коллекциях двух субгоризонтов являются двусторонне обработанные асимметричные ножи (Keilmesser). Их обработка включала в себя последовательное утончение с ударных площадок, которые в последствии преобразовывались в основную и редуцированную лезвийные кромки или могли быть оставлены в качестве обушка, противоположащего лезвию. Также отмечены характерные для двусторонне обработанных изделий Хотылево I продольное утончения и альтернативное расположение систем скальвания [Очередной, 2011. С. 74–75], когда одна сторона изделия используется как ударная площадка для снятий с одного края и как поверхность расщепления для снятий с другого.

В коллекции КСГ 4.2 присутствует фрагмент обушкового ножа на отщепе, приближенного по морфологии к выделенному В.Е. Щелинским ножу носовского типа [Щелинский, 1999. С. 123]. С помощью мелких сколов утончения и вторичной обработки на этом изделии подготовлено два лезвия – основное, противопоставленное обушку и редуцированное.

Анализ орудийных форм и других продуктов и предметов расщепления коллекций КСГ 4.1 и 4.2 не выявил значительных различий в типологических характеристиках и технологии изготовления изделий для обоих субгоризонтов. Следующим шагом является применение метода массового ремонтажа и интерпретация его результатов, которые могут пролить свет на конкретные технологические связи изделий, а также по-новому взглянуть на КСГ 4.1 и 4.2, если какие-то предметы из разных литологических слоев будут представлять собой продукты расщепления одной отдельности. Дополнительное обращение к микростратиграфии участка позволит разделить коллекции на различные скопления, которые также могут представлять собой как связанные в рамках одной отдельности сырья продукты расщепления, так и частично переотложенные участки КСГ. Решение вопроса о гомо- или гетерогенности КСГ 4 Хотылево I-6-2 позволит соотнести его с КСГ других участках комплекса Хотылево I.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Евтушенко А.И. Проблемы «восточного микока» // Археологический Альманах № 8. – Донецк, 1999. – С. 3–24.
- Заверняев Ф.М. Нижнепалеолитическое местонахождение у с. Хотылево на Десне // Материалы и исследования по археологии СССР / Под ред. П.И. Борисковского. – Л.: Наука, 1971. – №173. – С. 173–178.
- Заверняев Ф.М. Хотылевское палеолитическое местонахождение (Ред. Н.Д. Праслов). – Л.: Наука, 1978. – 125 с.
- Заверняев Ф.М., Шмидт Е.А. Новая находка нижнего палеолита на верхней Десне // СА. 1961. – № 1. – С. 243–247.
- Колесник А.В. «Восточный микока» – миф или реальность // Археологический Альманах. № 8. – Донецк. 1999. – С. 37–50.
- Кухарчук Ю.В. Метаморфозы микока // Археологический Альманах. № 8. – Донецк, 1999. – С. 37–50.
- Матюхин А.Е. Некоторые особенности кремневой индустрии среднепалеолитического памятника Хотылево 1 // Деснинские древности. Вып. IV. – Брянск. 2006. – С. 102–114.
- Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 173 с.
- Очередной А.К. Памятник Хотылево I и его место в палеолите Восточной Европы. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2011. – 209 с.
- Очередной А.К. Системы скальвания в анализе изготовления двусторонне обработанных орудий // Проблемы археологии эпохи камня. – СПб., 2014. – С. 215–224.
- Очередной А.К. Отчет о проведении полевых работ по изучению среднепалеолитического памятника Хотылево I (Участок Хотылево XI-6-2) в селе Хотылево Брянского района Брянской области в 2017 г. – СПб, 2021. – 201 с.
- Очередной А.К., Воскресенская Е.В. «Аморфный комплекс» местонахождений Неготино и Хотылево I: проблема интерпретации возраста находок // Деснинские древности. Вып. VI. – Брянск. 2012. – С. 87–94.
- Очередной А.К., Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Степанова К.Н., Зарецкая Н.Е., Хоффенкер, Д.Ф. Хотылево I // Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта. Путеводитель конференции – полевого семинара / Отв. ред. К.Н. Гаврилов, А.К. Очередной, М.Н. Желтова. – М., 2019. – С. 34–58.
- Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 94–135.
- Щелинский В.Е. Технология камнеобрабатывающего производства среднепалеолитической стоянки Носово I в Приазовье // Археологический Альманах. № 8. – Донецк, 1999. – С. 109–128.
- Audouze F., Karlin C. La chaîne opératoire a 70 ans: qu'en ont fait les préhistoriens français // Journal of Lithic Studies. 2017. – Vol. 4. № 2. – pp. 1–69.
- Shott M.J. Chaîne Opératoire and Reduction Sequence // Lithic Technology. 2003. – Vol. 28. – № 2. – pp. 95–105.

Ю.В. Кузьмина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ

ОПЫТ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА I

Изучение распространения по площади памятника культурных остатков в современной археологии является одной из важнейших составляющих комплексного анализа палеолитических памятников. Выявление пространственной структуры памятника позволяет реконструировать многие аспекты жизни древних людей на стоянке [Леонова, 1977. С.5]. Результаты подобных исследования напрямую зависят от особенностей материала, качества полевой документации, наличия индивидуальной фиксации находок и многих других факторов.

Данная работа является предварительным исследованием планиграфии всей территории верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка 1, в ней я рассмотрю прежде всего технические аспекты построения электронных моделей культурного слоя и анализа особенностей распределения культурных остатков на памятники с помощью специальных программ.

Уникальность памятника Каменная Балка I состоит в том, что он является одним из немногих стоянок верхнего палеолита Русской равнины, площадь которой исследована почти полностью. Стоянка располагается на высоком мысу, образованном при впадении молодой поперечной балки в основное русло урочища Каменная балка (Мясниковский район Ростовской области РФ). Памятник исследовался на протяжении 17 полевых сезонов. Работы на стоянке проводились в 1957 – 1959 гг. и в 1980 – 1992, 2005 гг. За все время исследований на стоянке был прослежен один культурный слой, содержащий более 70 тысяч кремневых предметов. Н.Б. Леоновой на стоянке было выделены и изучены два жилых объекта (№1 и №2), расположенных приблизительно в 10 м друг от друга и, согласно данным проведенного исследовательницей ремонтажа, друг с другом не связанных [Леонова, 1990].

Первооткрывательница стоянки М.Д. Гвоздовер в 1964 году определила основные черты каменной индустрии верхнепалеолитических стоянок Каменной балки, позволяющие отличать каменнобалковские памятники от других верхнепалеолитических стоянок Северного Причерноморья [Гвоздовер, 1964]. Впоследствии ею была выделена каменнобалковская археологическая культура,

для которой характерен микролитический облик инвентаря [Гвоздовер, 1964, 1967, Хайкунова, Виноградова, 2020].

Культурный слой Каменной Балки 1 расположен *in situ* и потревожен только склоновыми процессами в юго-восточной части, поздними погребениями кочевников и ходами роющих животных. Мощность культурного слоя составляет от 15 до 25 см. В центральной части мыса он залегает горизонтально, на восточной оконечности мыса положение культурного слоя несколько наклонное, согласно направлению склонов на восток и на север, что говорит о том, что поверхность древнего рельефа не модифицировалась обитателями стоянки.

В результате проверки и сопоставления данных по расположению раскопов и траншей из отчетов и полевых чертежей удалось уточнить общую площадь исследованной территории стоянки – 545,5 кв.м (рис.1). Средняя плотность кремневого инвентаря на кв. м. стоянки – 142 шт., максимальная плотность в зоне скопления – 4910 шт./кв. м. (кв. Р-31). Находки в культурном слое рассредоточены почти по всей поверхности мыса, визуальнo образуют большое пятно находок с выделяющимися внутри скоплениями и зонами разреженности, ориентированное согласно общему направлению мыса с юго-востока на северо-запад.

Кремень являлся основным сырьем для производства орудий на стоянке. Кремневая индустрия каменнобалковских стоянок, вероятно, базировалась на сырье из сравнительно недалеких месторождений бассейна р. Крынки (около 80-150 км к северо-западу от комплекса стоянок) [Леонова и др., 2006. С. 141, Колесник, 2009]. Сырье доставлялось на место обитания в виде слабо обработанных конкреций.

Фаунистические остатки на стоянках каменнобалковской культуры сохраняются плохо, в основном сильно фрагментированы. Это может быть связано не только с сильной заизвесткованностью вмещающего суглинка, но и со специализированной обработкой их обитателями стоянки. Скопления костей расположены по линии СЗ-ЮЗ, наиболее густые скопления - в зонах очагов. Среди фаунистических остатков также представлены раковины древних морских моллюсков *Bivalvia* и *Gastropoda*.

Центральной частью многих скоплений культурных остатков на стоянке являются углубленные очаги и зольные пятна вокруг и отдельно от них. Очаги находятся, в основном, в северо-западной части стоянки. Крупные очаги расположены по линии СЗ-ЮВ, что совпадает с направлением движения господствующих ветров. Исследователями памятника было высказано предположение о наличии в северо-западной части памятника большого жилища, имеющего три очага [Леонова, 1999; Торопов, 2001]. Несколько некрupных очагов были найдены в юго-восточной части стоянки. В большинстве случаев очаги были заполнены золистой супесью. В зонах вокруг очагов присутствует окрашенность культурного слоя в серый цвет (зольность, гумусированность). Часто встречаются пятна и крупинки охры.

Для исследования планиграфии всей территории стоянки и создания компьютерных моделей (планов) пространственной структуры было необходимо создать базу данных с информацией о находках. База данных была сделана в программе в Microsoft Excel на основе описей 1957-2005 гг., содержащих данные о пространственном расположении находок, и состоит из 67 596 наименований кремневых находок. В базу вносились следующие данные: категория, слой, фрагментированность находки, наличие первичной корки, обожженность, обозначение квадрата раскопа квадрата (буква и цифра), сектор, дециметр, номер по описи, примечание и год работ. С помощью базы данных был осуществлен первичный статистический анализ материала. Для всех основных характеристик находок были созданы фильтры, позволяющие быстро сортировать материал.

Подсчет кремневого материала производился по 26 категориям, выделенным с учетом особенностей инвентарного набора стоянки Каменная Балка I на основе работ, посвященных каменнобалковской культуре [Гвоздовер, 1964, 1967; Кеворкова, 1981; Леонова, 1994; Торопов, 2001 и др.].

Дополнительно были отмечены качественные характеристики изделий из кремня – обожженность, наличие/отсутствие корки (не первичные).

В целях создания графической визуализации пространственного распределения материала на территории памятника был воссоздан общий план раскопов стоянки на основе анализа отчетов и полевой документации.

Для корректировки сводного плана стоянки было использовано программное обеспечение AutoCAD. Разбивка раскопов каждого года по квадратам бралась из текста отчетов и по необходимости, при наличии неточностей, корректировалась по данным чертежей и полевой документации. На ранее построенную векторную сетку квадратов после исправления искажений растровых изображений, выявления неточностей, все планы были векторизованы.

Удалось решить проблему с нанесением на электронные планы фаунистических остатков, которые ранее не вносились в базу данных и моделирование их расположения в раскопах представлялось достаточно сложной работой. Построение планов расположения фаунистических остатков была осуществлено с помощью векторизации чертежей в программе AutoCAD, позволяющей экспортировать данные о распределении костных остатков в QGIS.

Для создания электронной модели распределения находок распределения находок на основе базы данных использовался язык программирования Python. В приложении Jupyter Notebook на дистрибутиве Anaconda был написан код, который с помощью библиотек Pandas, NumPy и Matplotlib запускает процесс случайного распределения точек по квадратам, секторам или дециметрам согласно их координатам из базы данных. В результате обработки данные выводятся в виде векторного файла с расширением .png, а полученные координаты точек выгружаются в csv-файл (рис.2).

Построение планов с плотностью распределения находок было осуществлено в программном обеспечении с открытым исходным кодом QGIS-LTR. Для этого в программу загружался .csv файл с координатами точек по осям ху, к которому применялся инструмент анализа «Тепловая карта (ядерная оценка плотности)». Чтобы вычислить значение шага для выявления скоплений использовался модуль «Terrain profile» - строился профиль, отображающийся в виде графика повышения и снижения концентрации находок на 1 квадратный метр. Переломы графика были выбраны за шаг при построении тепловых карт. Если значения поднимались выше стандартного распределения определенной категории находок для памятника (значения высчитывались согласно графику повышения и снижения концентрации находок на кв. м.), то данная группа называлась скоплением.

В итоге были построены карты находок по выделенным категориям, а также следующим группам:

1. Первичное раскалывание и работа с нуклеусом;
2. Орудия;
3. Отходы производства;
4. Структурные элементы (фаунистические материалы, охра).

Карты во время анализа совмещались, накладывались друг на друга, дополнялись статистическими данными из созданной базы, информацией из отчетов.

Табл. 1.

Процентное распределение категорий кремневых находок на стоянке Каменная Балка I

Категория	Количество	%
Желваки	39	0.06
Нуклеусы	181	0.27
Пластины	1062	1.58
Пластинки	3203	4.75
Микропластинки	4624	6.86
Орудия	1337	1.98
Технические сколы	463	0.69
Обломки	862	1.28
Отщепы	10293	15.27
Отщепки резцовые	336	0.5
Отщепки краевые	71	0.11

Чешуйки и осколки	44775	66.41
Неидентифицированные в описях категории	172	0.26
Итого	67 418	100

Табл. 2.

Процентное соотношение орудий на стоянке Каменная Балка I

Категория	Количество	%
МППК	630	47.12
Резцы	433	32.38
Скребки	118	8.82
Выемчатые орудия	43	3.22
Стамески	37	2.77
Комбинированные орудия	33	2.47
Тронке	16	1.2
Зубчато-выемчатые орудия	11	0.82
Проколки	9	0.67
Провертки	2	0.15
Сверла	2	0.15
Ретушеры	2	0.15
Скребла	1	0.07
Итого	1337	100

Количественный анализ распределения находок по площади стоянки позволил выделить 9 участков, в рамках которых происходило первичное изучение планиграфии объектов (рис.3). Каждый участок имеет статистически обусловленные границы, методика выделения которых была рассмотрена выше. Эти участки названы именно так в связи с тем, что некоторые из них собственно «скоплениями» назвать нельзя из-за довольно большой площади (до 30 кв.м.) и возможности более дробного деления. Участки разделены зоной с разреженными находками (менее 50 шт./кв.м.). В дальнейшем более точное разделение памятника на участки и скопления будет возможно при построении микростратиграфических профилей. Возможно, участки большой площади содержат остатки крупных производственных центров или жилых объектов. На плане стоянки выделяются четыре крупных скопления находок и пять более мелких и менее насыщенных.

Анализ распределения различных категорий находок по площади стоянки позволил сделать несколько интересных наблюдений. Прежде всего были проанализированы распределение самых массовых категорий – микродебитажа, отщепов и пластинчатых сколов. На площади памятника выделяются пять крупных зон распространения микродебитажа и несколько более мелких скоплений. Особое внимание привлекает центральное скопление, вытянутое по направлению север-юг. Очевидно, это скопление, как и большая часть самых насыщенных скоплений стоянки, приурочено к зоне самого крупного очага. Границы скоплений чешуек и осколков практически идентичны границам скоплений индивидуальных находок. Зоны скоплений пластинчатых заготовок и их фрагментов в абсолютном большинстве случаев совпадают со скоплениями микродебитажа, полученного из промывки, за исключением скопления на участке №3 (кв. Л-П-38,37), который не перекрывается отходами от производства пластин.

Также интересную картину представляет распределение разных категорий орудий по площади памятника. Скребки располагаются на площади стоянки относительно равномерно, скоплений этой категории орудий не выявлено. Резцы же образуют несколько небольших скоплений. Самое насыщенное из которых расположено на кв. С-22, в зоне высокой концентрации материала на стоянке. Подобное этому скопление было исследовано на кв. М-Н-17,16. В нем находились резцы, резцовые отщепки, отщепы, микропластинки и нуклеусы – здесь, вероятно, происходило расщепление нуклеусов и работа, связанная с использованием резцов.

Примечательно и расположение скоплений микропластинок с притупленным краем. Во-первых, они, как и самые крупные очаги, располагаются по линии СЗ-ЮВ, а во-вторых, практически не встречаются в центральной части стоянки, образуя две зоны распространения – на СЗ и на ЮВ. Что же касается орудий в целом, то самая высокая их концентрация в приочажной зоне т.н. объекта №2 (участок №1).

Самое крупное скопление кремневых находок концентрируется в области очага на кв. П-Р-31-32, и составляет основу выделенного участка №1. Этот участок имеет самую большую площадь (около 30 кв.м.) и самую высокую плотность находок, на нем находятся самый крупный на стоянке очаг и два очага поменьше. Чаша крупного очага неглубокая (12-15 см), дно и часть бортов разрушены кротовиной. В заполнении прослойки золы чередуются с чистыми линзами бурого и красного материкового суглинка, что говорит о неоднократном использовании очага. На западном борту очага находились дробленные кости, в промывке обнаружено много костного угля.

Ближайшие к очагу линии квадратов сильнее всего на стоянке насыщены находками. Основные категории находок, представленные на участке – микродебитаж, микропластинки, МППК и пластинки. На участке практически отсутствуют продукты первичной обработки нуклеуса. На территории этого

участка есть несколько скоплений резцов и резцовых отщепков, большая часть которых тяготеет к небольшому очагу на С-34. Одно скопление резцов расположено поодаль от очагов на кв. Ф-Х-30. На участке присутствуют два маленьких скопления скребков, одно из которых непосредственно в зоне крупного очага. В этом же квадрате, немного углубленной в материк, была обнаружена интересная находка – два маленьких скопления, окрашенных охрой (несработанный нуклеус и несколько необработанных пластин). Возможно, это было своего рода «запасом» для дальнейшего использования.

Участок №2 располагается к СЗ от первого. Между ними расположены два очага, третий входит в зону участка №2. На участке №2 находится наибольшая концентрация предметов, связанных с первичной обработкой нуклеуса (кв. Ф-Х-36-37). Вероятно, основная зона первичной работы с нуклеусом была вынесена сюда, в СЗ часть жилища. Вблизи и вокруг очага сконцентрировано значительное количество обожженных находок. В целом же в скоплении количественно преобладают фрагменты пластинок и микропластинок, отщепы, чешуйки и осколки. Встречаются незначительное количество орудий и нуклеусов. Значительное количество резцов и резцовых отщепков свидетельствует об изготовлении и вероятном использовании этих орудий на участке.

На участке №3, на кв. Л-М-38-39 расположено небольшое скопление пластинок, обломков, отщепов, нуклеусов и ребристых сколов у очажного пятна. Видимо, это выходящее за границы очагов скопление очерчивает зону производства заготовок для ППК и МППК.

Участок №4 также включает несколько скоплений с центрами на кв. Ж-Е-18-19, К-И-19 и на К-17. В предыдущих работах участок был интерпретирован как жилой объект, однако в виду отсутствия здесь очагов и сопоставимых с участком №1 костных скоплений, такие выводы, возможно, требуют уточнения или пересмотра. Однако на сходство с участком №1 указывает, например, шлейф из скопления находок на кв. Н-М-17, протянувшийся к участку 7 и визуально схожий со шлейфом находок с кв. Ц-Ш-31-29.

Орудия в юго-восточной части памятника расположены неравномерно. Наиболее густое скопление орудий в этой части находится на кв. К-Л-20. Оно является частью очень интересного небольшого скопления, расположенного на кв. Л-20-22. Скопление состоит из трех «сгущений» материала, расстояние между которыми незначительно (несколько сантиметров), а уровень залегания одинаковый, что позволяет считать их одним элементом или объектом слоя. По составу скопление однородно и содержит МППК, нуклеусы, отщепы, чешуйки, микропластинки и их фрагменты. Скопление, очевидно, носит производственный характер и образовалось в процессе изготовления МППК.

В восточной части стоянки, где выделены участки №5,4,6 и 7, нет очагов, отсутствуют там и костные скопления. Скопления пластинчатых заготовок в юго-восточной части памятника чуть менее насыщены, но все равно занимают довольно большую площадь.

Небольшие по площади скопления на периферии производственных зон скорее всего представляют собой индивидуальные рабочие места, где происходила определенная производственная деятельность, которая фиксируется по количественным показателям состава инвентаря.

Вне выделенных на основе тепловых карт участков также встречаются интересные объекты, например, очажное пятно округлой формы на кв. Н-24, в нижней части которого фиксируется растрескивание суглинка и заполнение трещин золой. Н.Б. Леонова считала, что могло иметь место функционирование очага в холодное время года [Леонова, 1984].

Скопление костей, представленное на кв. М-О-25-27, состоит из обломков эпифизов, зубов, трубчатых костей. На кв. М-26 был расчищен обломок трубчатой кости длиной 12 см, воткнутый в слой (находился в почти вертикальном положении). Прямо под нижним концом кости лежали 2 отщепы, пластина и концевой скребок – Н.Б. Леонова предположила, что предметы были намеренно вложены в некую ямку и немного вдавлены туда этой костью. Согласно описанию положения костных остатков, они ранее других категорий оказались в суглинке и образовали самый нижний горизонт находок – возможно, они представляли собой намеренно воткнутые в материк части жилой конструкции. Таких примеров на стоянке довольно много, основная часть этих «конструкций» расположена на участках №1, №2 и №3. В юго-восточной части раскопа на кв. Ж-Е-17 наблюдается самая высокая концентрация раковин моллюсков. Скопление окружают микропластинки, пластины и пластинки, несколько орудий (из них 6 резцов).

Материал в северо-западной части гораздо более сконцентрирован, выделяются несколько скоплений различных категорий. В восточной части стоянки скопления менее регулярны, имеют меньшую плотность и более расплывчатые границы. Скопления кости здесь не встречаются, фаунистические остатки равномерно рассредоточены по участку. Однако раковины моллюсков, напротив, занимают большую часть мыса и практически не затрагивают участки западной части стоянки. Возможно, это связано с тем, что в 1950-е гг. на плане были отмечены не только экземпляры, найденные *in situ*, но и многочисленные раковины моллюсков из осыпи. Для уточнения специфики их распространения на памятнике планируются дальнейшие исследования. Кремневый материал на стоянке распределен в основном в зонах очагов, остатки костей (основания жилища?) концентрируются лишь в северо-западной части. Связано ли это с особенностями фиксации материала в разные периоды времени или сохранностью материала на разных участках стоянки, установить на данном этапе работы не представляется возможным. Тем не менее, эта задача представляет собой особый интерес и требует поиска решений. Кроме того, особый интерес представляет дальнейшее изучение микростратиграфии памятника, особенностей залегания культурного слоя и разграничение горизонтов посещения.

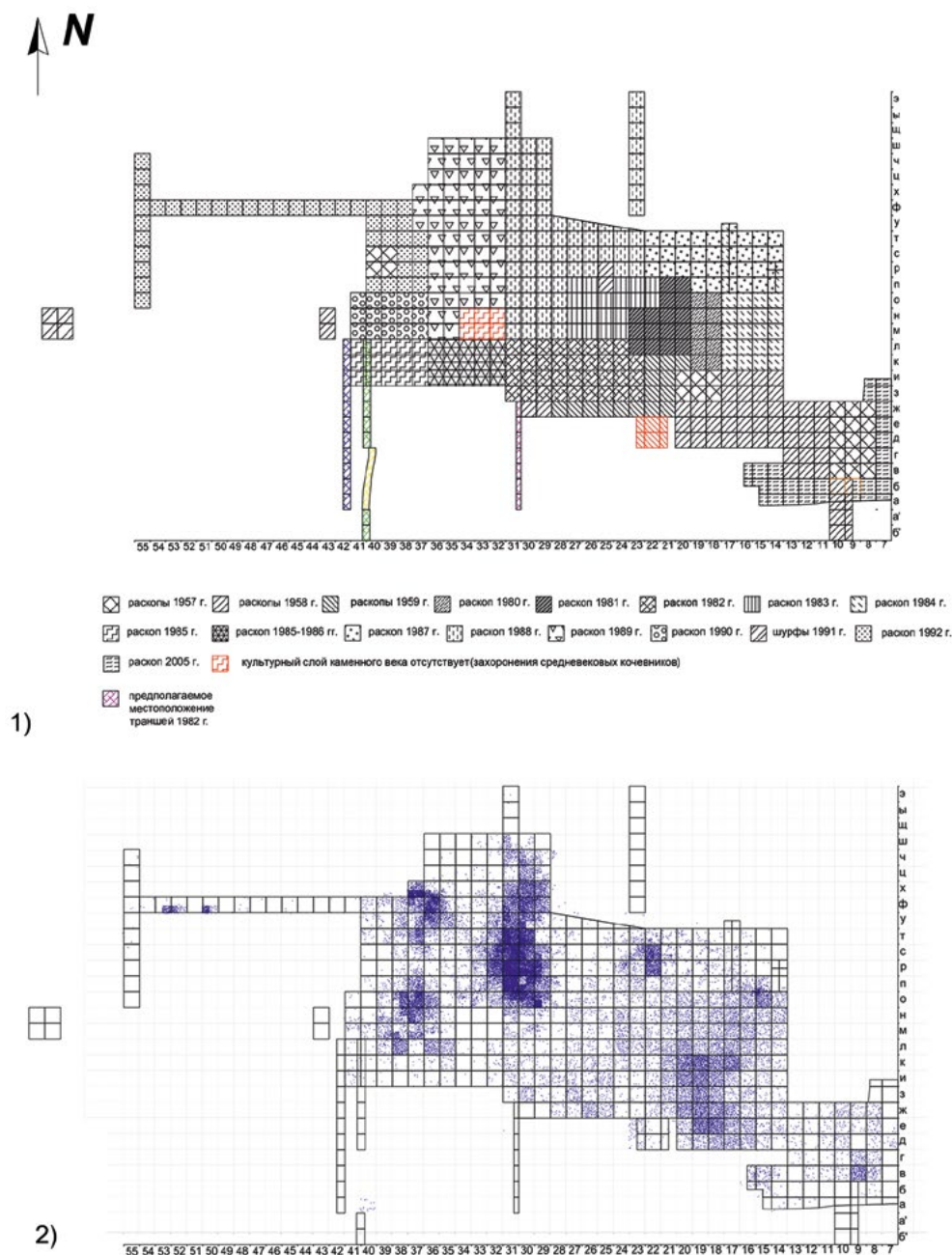

Рис. 1. План раскопов стоянки Каменная Балка I (1957-2005гг.).
 Рис. 2. Схема автоматического распределения кремневого материала по площади стоянки Каменная Балка I

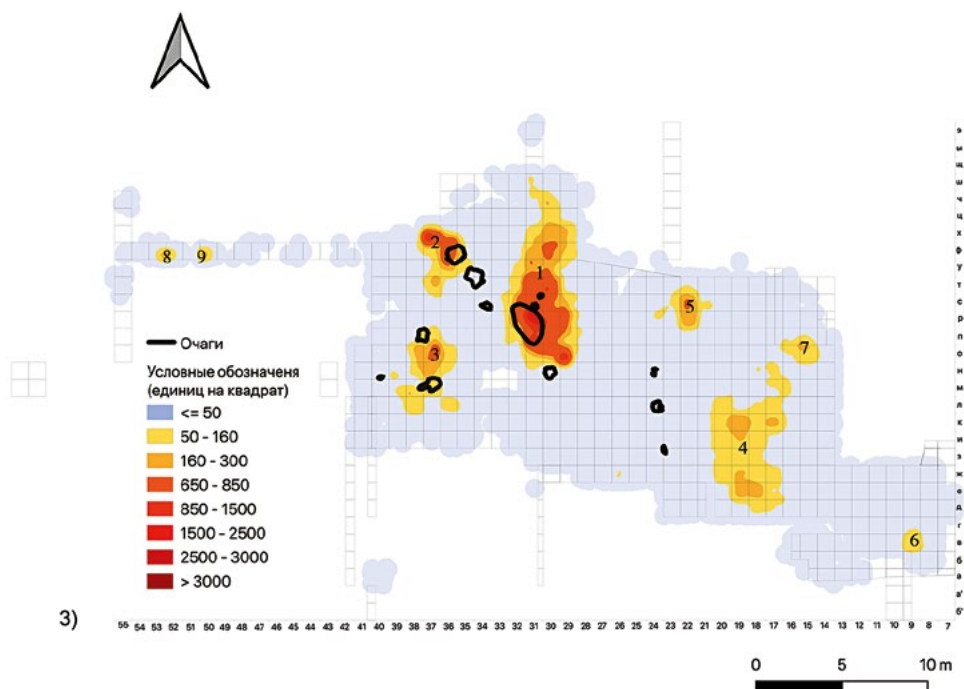

Рис. 3. Плотность распределения кремневого материала на выделенных участках стоянки Каменная Балка I

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии, 1967. – Вып. 27. – С. 82–103.
- Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья САИ. – Вып. А1-5. М.-Л.: Наука, 1964. – С. 37–41.
- Кеворкова Н.В., Леонова Н.Б. Методика исследования скоплений кремня // Описание и анализ археологических источников. / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 1981. – С. 33–49.
- Колесник А.В. Кремневые сырьевые стратегии Большого Донбасса в эпоху камня – палеометалла // Актуальные проблемы первобытной Археологии восточной Европы / Отв. ред. В.П. Чабай. – Археологический альманах, № 20 (сборник статей). – Донецк, «Донбасс» 2009. – 360 с.
- Леонова Н.Б. Возможность планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА, 1990. – Вып. 202. – С. 13–17.
- Леонова Н.Б. Каменная Балка – уникальный археологический район в дельте Дона // Донская археология, 1999. – №3-4 (4-5). – С. 82–93.
- Леонова Н.Б. Некоторые аспекты исследования кремневого материала на стоянках верхнего палеолита // Вопросы антропологии, 1977. – Вып. 54. – С. 167–179.
- Леонова Н.Б. Отчет о работе Донской археологической экспедиции Исторического факультета МГУ за 1984 г. // Архив ИА РАН, 1985. Ф-1. Р-1. № 9551. Альбом иллюстраций к отчету - № 9551а.

Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы: Дис. д-ра ист. наук. – М., 1994. – 264 с.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А. Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная балка в Северном Приазовье). – М.: Научный мир, 2006. – 360 с.

Миньков Е.В. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка 1 и Каменная Балка 2 // КСИА, 1990. – Вып. 202, – С. 17–20.

Торопов И.С. Выделение жилых комплексов на стоянке Каменная Балка 1 с использованием компьютерной базы данных. Выпускная работа специалиста кафедры археологии. М., 2001.

Хайкунова Н.А., Виноградова Е.А. Каменная индустрия каменнобалковской культуры – современное состояние исследования (по материалам 2-го культурного слоя стоянок Каменная Балка II и Третий Мыс) // Исторический журнал: научные исследования. 2020. С. 66–85.

М.Д. Куприянова*, А.А. Сеницын**

* – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ,

** – Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ БИВНЯ В РАННЕМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: КОСТЕНКИ 14 СЛОЙ IVB¹

Термин «расщепление» широко применяется для характеристики техники первичной обработки камня: «расщепление - это преобразование камня методом ударного воздействия или давления (отжима)» [Васильев и др. 2007, с. 178]. Значительно реже он используется при описании техники обработки органических материалов. В случае с органическими материалами, в частности с бивнем, ситуация сложнее. Во-первых, потому что материалы хуже сохраняются. Во-вторых, основные признаки, по которым можно изучать расщепление сложнее выявить, так как негатив ударной волны в привычном понимании, можно обнаружить не часто, ударные площадки так же часто утеряны.

Методы и подходы к изучению предметов из бивня

Несмотря на это, изучать технологию производства заготовок из бивня представляется возможным. Одним из первых, кто предложил схему первичной обработки бивня был основатель трасологического метода С.А. Семенов. Он описывал следы и кинематику движений при таких технологических операциях как прорезание пазов, рубка, лощение, и другие. По поводу отделения бивня от черепа мамонта он писал, что это происходило на месте падения животного, с помощью предварительного расшатывания ударами крупных камней. При этом корневая часть бивня, обладающая рыхлой структурой, и из-за этого малопригодная для поделок, обламывалась или обрубалась с помощью кремневого долота [Семенов, 1957. С. 78]. Такой способ описан по материалам верхнего слоя Костенок 1. Поперечное отделение заготовки реконструировано по материалам Елисеевичей, где были выделены продольные отщепы сколотые без надреза и сколотые с надрезом при

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 20-09-00233 «Хронология и культурная дифференциация палеолита Костенковской группы как основа культурно-исторических и палеодемографических реконструкций» и РФФИ №20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии».

помощи резца. Продольное снятие заготовок зафиксировано на материалах Мальты, по которым М.М. Герасимовым было описано продольное прорезание бивня при помощи резца, а затем раскалывание по линии надреза [Семенов, 1957. С.189, рис. 79].

На фоне развития методологии технологического изучения каменных индустрий появляются работы по технологии обработки и технико-типологическому анализу костяных орудий [Гвоздовер, 1985; Hanh, 1986; Leroy-Prost, 1979]. Эти авторы понимали производство как сложный процесс, включающий различные технологические приемы, в ходе чего было обращено внимание не только на орудия, заготовки, но и на специфические отходы производства, по которым можно судить о первичной обработке.

Так, при изучении мобильной скульптуры М.Д. Гвоздовер определила место извлечения заготовки из бивня, по расположению, наклона дентиновых колец в статуэтке, такой же подход использован в работах И. Хана [Гвоздовер, 1985; Hanh, 1986]. Таким способом на конкретном материале было доказано, что заготовки для скульптур были особыми и изготавливались специально. Отдельно рассматривался характер орнаментации поделок [Гвоздовер, 1985]. Исследования в этом направлении продолжил Г.А. Хлопачев. Он выделил костенковскую и хотылевскую модель построения фигуры на основании технологических схем [Хлопачев, 2004].

Некоторые исследователи использовали экспериментальный метод для изучения расщепления бивня [Хлопачев, Гирия, 2010; Wolf, Нескел, 2014]. Так, в работе Г.А. Хлопачева и Е.Ю. Гири были проверены предположения о расщеплении сырья в разном состоянии – замороженном при разных температурах. Было выявлено, что отщепы наилучшим образом получались при замораживании сырья до -20 градусов Цельсия [Хлопачев, Гирия, 2010].

В.В. Питулько выделяет несколько сценариев обработки бивня, основываясь на материалах Янской стоянки, где прослеживается полный контекст производства. Им выделяются следующие сценарии: обработка длинных линейных заготовок, производство заготовок для браслетов, заготовок для объемных изделий. При этом автор предполагает способ снятия продольной (или длинной линейной) заготовки расщеплением, с помощью органического посредника из рога или кости, которые фиксируются в материалах памятника. При снятии стакана бивня предполагается использование техники рычага: посредник вставляется во внутреннюю полость пульпы и давит на стенку, вместе с этим производится удар отбойником по посреднику, в результате чего происходит удаление тонких стенок альвеолярной области [Питулько и др., 2015].

А. Авербух в своей кандидатской диссертации, основываясь на изучении роговых материалов, выделяет несколько техник расщепления:

1) дебитаж экстракцией (извлечением) «debitage by extraction», в технике паза и скола «the groove-and-splinter technique», при которой скалывание происходит с паза, полученной в разных техниках (рубка, пропиливание паза и др.);

2) дебитаж сегментацией «debitage by segmentation», при которой можно получить заготовки для поделок, например для жезлов начальников;

3) дебитаж с «трещины» «debitage by fracturation», с которой в дальнейшем происходит скальвание фрагмента, иногда с помощью клиньев [Averbouh, 2000; Averbouh, Pétillon, 2011, P. 41].

В работе К. Хекель и С. Вольф был экспериментально исследован бивневый дебитаж, полученный в технике скола с трещины, из коллекции палеолитических памятников Холле-Фельдс и Абри Кастане [Heckel, Wolf, 2014]. Для таких сколов характерно наличие ударного бугорка, радиальных трещин, ударной волны. В качестве сырья для эксперимента использовался бивень мамонта и слона. В ходе эксперимента удалось подтвердить догадки о технике расщепления. Экспериментальные образцы имели сходный вид с предметами из коллекции. Эти данные использовались в диссертационной работе С. Вольф «Поделки: обработка слоновой кости в Швабском ориньяке» («Schmuckstücke: The Elfenbeinbearbeitung im Schwabischen Aurignacien»), где представлено большее количество предметов при анализе технологии обработки бивневых изделий: использованы экспериментальные данные, при изучении мобильной скульптуры, идентификации дебитажа «с трещины», описаны схемы производства для разных типов бусин [Wolf, 2015].

На основании вышеописанных методических разработок была начата работа по изучению коллекции бивневых изделий Костенок 14 (IVb).

Стоянка Костенки 14 (IVb)

Стоянка имеет датировку 36 тыс. л.н. [Dinnis et al. 2019; Синицын и др., 2019]. В сущности, материалы этого слоя являются одним из самых ранних проявлений использования бивня для изготовления поделок. Его сравнение осложнено тем, что хронологически близкий материал плохо изучен.

В коллекции культурного слоя IVb Костенок 14 имеется чуть более 120 предметов, среди которых можно выделить группы: нуклеус, блоки сырья с негативом снятия [термин дан по: Хлопачев, 2004], пластинчатые и стержневидные заготовки, фоновый дебитаж, орудия.

Представлен один бивневый нуклеус около полуметра в длину (рис. 1). Он изготовлен из центральной части бивня, имеет С-образный природный изгиб. Ударная площадка фиксируется со стороны пульпарного канала, с другой занозистый излом. С боковой поверхности не до конца удален цементный слой. На нуклеусе имеются следы по крайней мере четырех снятий на всю длину нуклеуса. Негативы снятий имеют различный характер ударной волны: 1) четко очерченный, похожий на то, что можно наблюдать при расщеплении камня, 2) волна может быть менее четко очерченной, сформированной характерным обнажением внутренней структуры бивня, по которой читается направление снятия.

Встречаются предметы, которые сложно отнести к какой-то категории, но можно предположить, что они возникли при первичном расщеплении. В коллек-

ции их 6, в том числе крупный фрагмент с цементным слоем, негативом снятия и следами рубки. Возможно, предмет мог использоваться в качестве подставки.

Другой крупный фрагмент коллекции имеет пульпарную область, сильно ожелезнен, имеет большое количество различных следов: гладкость на дорсальной и вентральной сторонах, выделенное округлое лезвие.

Многие из таких крупных фрагментов относятся к IVb/2 субгоризонту (дно овражной выемки) и имеют крайне плохую сохранность поверхности. Тем не менее, на основании негативов снятий мы можем рассматривать описанные предметы, как сработанные блоки сырья.

Реконструкция технологии первичного расщепления бивня культурного слоя IVb Костенок 14:

Первичная обработка начинается с подготовки блока сырья – разделение крупной отдельности на части. Затем подготовка этого блока непосредственно к расщеплению, возможны вариации, в зависимости от того, в каком состоянии было собрано сырье:

1. Если изначально крупная отдельность бивня или целый бивень был взят в уже разошедшемся или выветренном виде (также возможен сбор отслоившейся щепы), то дальнейшая схема изготовления предметов будет особой, хотя такие фрагменты тоже встречаются не только на Костенках 14 (IVb), но и на других верхнепалеолитических стоянках. Такие заготовки могли использоваться в качестве «подручных» инструментов, т.е. без вторичной обработки. Из них могли изготавливаться поделки разного назначения.

2. Использование «свежего», или относительно свежего сырья. В этом случае сырье собиралось с «кладбищ» или мест отложения бивневого материала. Способ подготовки такого сырья отличается. Из-за отличных свойств сырья от разошедшегося, оно имеет более плотную структуру, то есть с него можно получить продольные и поперечные сколы.

Подготовка нуклеуса из «свежего» бивневого сырья: для подготовки нуклеуса нужно удалить стакан бивня (часть, входящая в череп, имеющая наиболее тонкие стенки), после чего нужно снять цементный слой бивня (рис.2,1). Хотя на некоторых заготовках встречается цементная корка, видимо, она могла удаляться и при дальнейшей обработке (рис.2, 2,6).

Возможность идентификации фонового дебитажа иногда вызывает затруднения, однако некоторые категории находок все же можно отнести к таковым. Например, стакан бивня, продольные и поперечные отщепы (рис.2, 4) с цементным слоем, стержневидные сколы, небольшие отщепы, которые находят аналогии в экспериментальных работах [Wolf, Heckel, 2014]. Подобные предметы встречаются в рамках коллекции, таких всего около 20 штук. Один из отщепов имеет мелкие негативы ударов по краю (рис.2, 3).

Снятие заготовок: в коллекции по соотношению всех продуктов расщепления с орудиями, были выделены заготовки двух видов: продольные пла-

стинчатые и стержневидные заготовки (рис.2, 5). Они могут быть различных размеров, и варьировать по форме.

Схема снятия с бивневых нуклеусов пластинчатых и стержневидных заготовок продольно представляется наиболее понятной и устойчивой технологией, которая встречается на многих стоянках палеолита, такие как Мальта, Янская стоянка, Мезин [Питулько, 2015; Хлопачев, 2004]. Суть ее состоит в том, что происходит попеременное снятие пластинчатых и стержневидных заготовок, потому что негатив снятия каждой пластины создает фронт снятия для стержневидной заготовки, подтреугольной в сечении.

В такой технологии снятие пластин начинается сразу после того, как нуклеус подготовлен – то есть снят стакан бивня, удален цементный слой. Причем нельзя рассматривать эти вещи исключительно как отходы производства, они вполне могли служить заготовками для изделий.

Расщепление осуществляется в технике «с трещины». При этом трещина может быть начата с помощью посредника. Подобные предметы обнаруживаются в коллекции, например, роговое долото. Оно изготовлено на заготовке, снятой со столба рога, с оформленным долотовидным лезвием и противопоставленным забитым обушком. На его вентральной плоскости имеются поперечные следы, V-образные в сечении, образованные во время работы.

В качестве посредников (intermediate pieces) можно рассматривать предметы из твердых органических материалов (продукты раскалывания трубчатой кости, орудия из рога), а также посредники из камня [Tartar, 2012]. После того как появилась трещина – начало скалывающей – заготовка могла отрываться без помощи или с помощью колышков. При этом не используется техника пропиливания пазов.

Имеет значение вариабельность заготовок, которые могли получаться в такой технике расщепления – при снятии пластин получались стержневидные заготовки разной уплощенности, профилировки и сечения.

Не исключено, что подобная техника расщепления могла включать встречное скалывание (снятие отщепов могло производиться не с одной, а с двух площадок). В некоторых случаях это можно объяснить подходящей «ситуацией» для снятия той или иной заготовки. Но это скорее частное, а не общее правило расщепления, которое, прослеживается на нуклеусе из коллекции.

Итак, можно сказать о том, что первичная обработка во многом обусловлена механическими свойствами самого материала и состоянием в котором он был расщеплен. Технология выявленная по материалам Костенок 14 (IVb), говорит о том, что бивень расщеплялся в не разошедшемся состоянии, с использованием техники расклинивания или с использованием посредника, при том, что здесь не отмечено использование технологии прорезания пазов.

В качестве отходов производства на разных этапах первичного расщепления были отмечены: стакан бивня, продольные пластинчатые снятия с цементным слоем, поперечные отщепы, мелкие отщепы (рис.2). Предметы которые

были отнесены к техническим сколам, вполне могли применяться в работе без вторичной обработки.

Технология снятия продольных заготовок из бивня Костенок 14 (IVb), имеет сходство с материалами Янской стоянки и Мальты, несмотря на широкий хронологический и территориальный разброс. Видимо такая технология не несет в себе культурно-хронологической информации, а скорее обусловлена исходным состоянием сырья.

Рис. 1. Бивневый нуклеус из культурного слоя IVb, Костенок 14, 1 – негатив с четкой волной, 2 – негатив с нечеткой волной, увеличение фрагм. в 3 раза

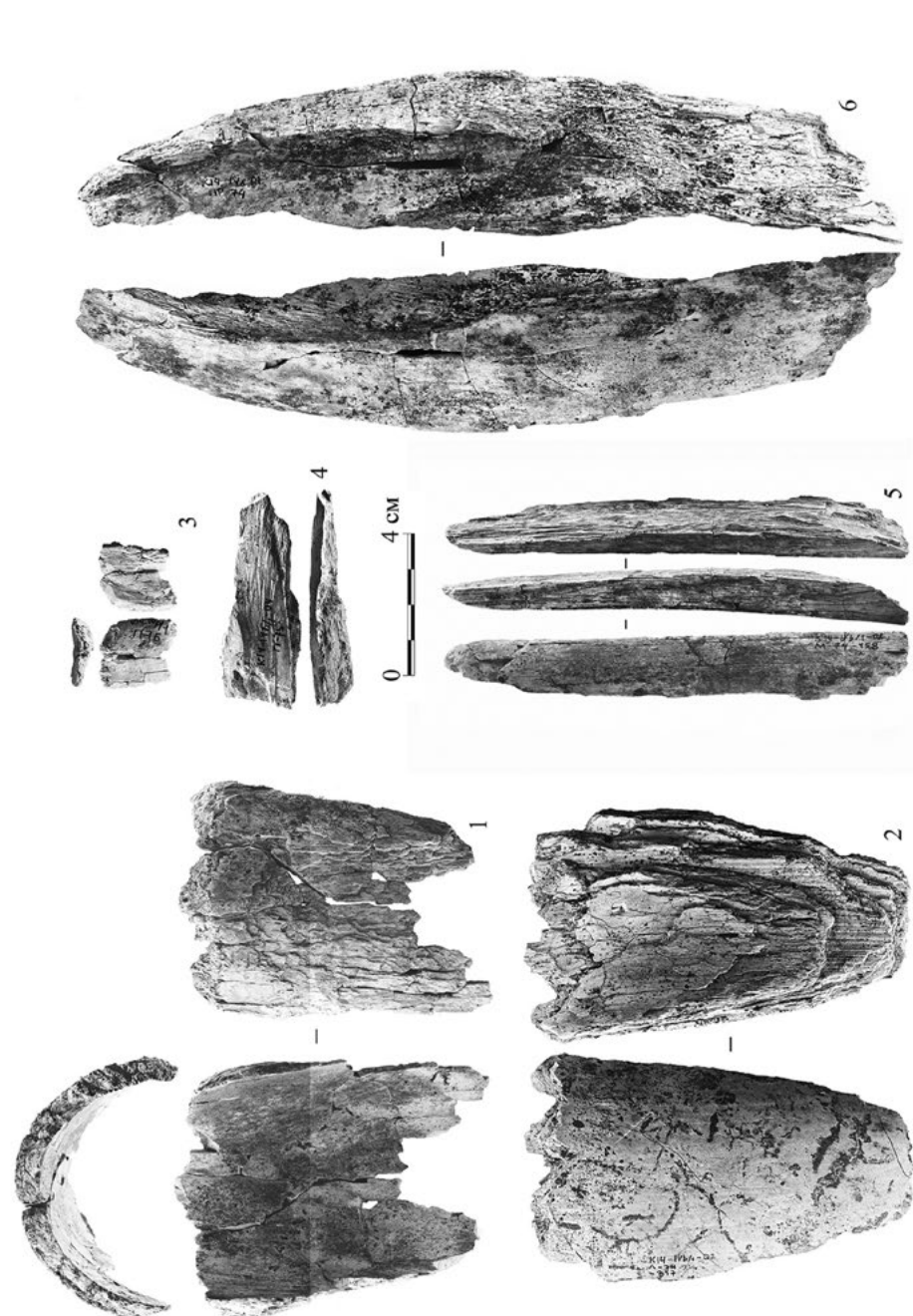

Рис.2. Разные категории бивневого дебитаж культурного слоя IVb, Костенок 14. 1 - стакан бивня; 2, 6 - сколы с цементным слоем; 3-отщип со следами ударов по краю; 4 - поперечный отщип, 5-стержневидный скол

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гирия Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2007. – 264 с.
- Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. М.: Наука, 1985. № 1. С. 9-22
- Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите Арктической Сибири (по материалам Янской стоянки)// *Stratum plus* №1, 2015
- Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) МИА. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. №54. 239 с.
- Синицын А.А., Бессуднов А.А., Лада А.Р. Проблема структуры раннего верхнего палеолита в костенковском и общеевропейском контексте // *Древнейший палеолит Костенок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие* (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе): материалы межрегиональной научно-практической конференции (Воронежская область, с. Костенки, 20-22 августа 2019 г.), 2019. С.31-36.
- Хлопачев Г.А. Технология обработки бивня мамонта в эпоху верхнего палеолита, дисс. канд. ист. наук. СПб, 2004. 330 с.
- Хлопачев Г.А., Гирия Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010.
- Averbouh A. Technologie de la matière osseuse travaillée et implications paléolithiques: l'exemple des chaînes d'exploitation du bois de cervidé chez les Magdaléniens des Pyrénées. Thèse de doctorat de Préhistoire. Université de Paris I. 2000. 2 vol. 253 p. (247 tab.)
- Averbouh A., Pétilion J.-M. Identification of "debitage by fracturation" on reindeer antler: case study of the Badegoulian levels at the Cuzoul de Vers (Lot, France) // *Written in Bones: Studies on Technological and Social Contexts of Past Faunal Skeletal Remains* / Baron J., Kufel-Diakowska B. (eds). Wrocław: Instytut Archeologii. 2011. P. 41–51.
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Deviese T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *Journal of Human Evolution*. February 2019. Vol. 127. P. 21-40.
- Christensen M. Le travail et l'usage de l'ivoire au Paléolithique supérieur : tracéologie des outils en silex et caractérisation des polissés d'utilisation // Thèse de doctorat, Université de Paris 1 - Panthéon-Sorbonne, 1996. 325 p.
- Hahn J. Kraft und Aggression: die Botschaft der Eiszeitkunst in Aurignacien Deutschlands // *Archaeologica Venatoria*. Vol. 7. Tübingen, 1986.
- Heckel C.E., Wolf S. Ivory debitage by fracture in the Aurignacian: experimental and archaeological examples // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 42. 2014. P. 1–14.
- Leroy-Prost C. L. 'industrie osseuse aurignacienne, essai de classification: Poitou, Charente, Périgord (suite). *Gallia Préhistoire*. T. 22. Fasc. 1. 1979. p. 205-370.
- Tartar E. The recognition of a new type of bone tools in Early Aurignacian assemblages: implications for understanding the appearance of osseous technology in Europe // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 39. 2012. P.2348-2360.
- Wolf S. Schmuckstücke: The Elfenbeinbearbeitung im Schwabischen Aurignacien // *Tübinger Monographien zur Urgeschichte*, Kerns Verlag, Tübingen. 2015.

А.Р. Лада*, **А.А. Бессуднов***, **Р. Диннис****, **А.А. Сеницын***

* – Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ,

** – Университет Абердина, Абердин, Великобритания

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ МИКРОПЛАСТИН В ИНДУСТРИЯХ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОСТЕНОК¹

Начиная с середины XX века в исследованиях ранней поры верхнего палеолита особое внимание уделялось специфическим типам нуклеусов для микропластин: кареноидным скребкам, резцам бюске и т.д. [Sonneville-Bordes, 1963]. В ходе дальнейших исследований было доказано ключевое значение этой категории каменного инвентаря для построения периодизаций и понимания процессов развития древнейших верхнепалеолитических индустрий Европы [Lucas, 1997; Von, 2002].

В Костенковско-Борщевском археологическом районе элементы микропластинчатой техники прослеживаются на ряде памятников ранней поры верхнего палеолита. В настоящее время они отмечены на памятниках стрелецкой культуры (Костенки 6) [Dinnis et al., 2021], ориньяка (Костенки 14/горизонт «в пепле», Костенки 1/III) и близких к европейскому протоориньяку памятниках (Костенки 14/IVb, Костенки 14/IVw, Костенки 17/II) [Dinnis et al., 2019]. Однако наиболее выразительные примеры получения микропластин в ранней поре верхнего палеолита Костенок дали памятники ориньякского технокомплекса (протоориньяк, ориньяк).

Согласно современным представлениям выявленные в Костенках ориньякские стоянки соответствуют двум основным стадиям развития этого технокомплекса. Сначала в Костенках появляются памятники, которые, по нашему мнению, наиболее адекватно характеризуются понятием «локальный вариант протоориньяка» [Dinnis et al., 2019]. Памятники этой группы геологически приурочены к отложениям нижней гумусированной толщи и в современной костенковской периодизационной схеме относятся к первому, древнейшему пласту [Сеницын, 2014]. На основании серийных радиоуглеродных датировок

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 20-09-00233 «Хронология и культурная дифференциация палеолита Костенковской группы как основа культурно-исторических и палеодемографических реконструкций» и РНФ №20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии».

возраст этой группы памятников определятся временным интервалом в 34.3–36.8 тыс.л.н. (39.6–42.5 тыс.л.н. calBP).

С выпадением вулканического пепла (С1) и началом похолодания климата, связанного с событием Хайнриха 4 (HE 4), в Костенках появляются стоянки раннего ориньяка. По данным стратиграфии и по радиоуглеродному возрасту они четко отделяются от памятников предшествующего этапа. По условиям залегания стоянки ориньяка принадлежат к отложениям вулканического пепла и нижней части верхней гумусированной толщи, что в костенковской схеме соответствует второй хронологической группе [Сеницын, 2014]. Время существования ориньякских индустрий в Костенках по данным радиоуглеродного датирования составляет 33–34.3 тыс.л.н. (35–41.2 тыс.л.н. calBP).

Получение микропластин на памятниках ориньякского технокомплекса Костенок осуществлялось в рамках двух основных технологий – с нуклеусов и со вторичных нуклеусов. При производстве микропластин с нуклеусов обычно использовались подпризматические формы с широким фронтом скалывания. В процессе расщепления ударная площадка нуклеуса часто оставалась неподправленной, скалывание микропластин велось мягким органическим отбойником. Отличительной чертой данного способа производства было наличие двух технологических цепочек: микропластины могли получаться либо с изначально предназначавшихся для этого нуклеусов, либо с нуклеусов для пластин, которые в процессе редукции использовались для получения пластинок и микропластин.

Производство микропластин со вторичных нуклеусов на памятниках ориньякского технокомплекса отличалось большим разнообразием. Всего на памятниках ориньякского технокомплекса Костенок нам удалось выявить четыре способа получения микропластин – с кареноидных резцов и скребков, торцовых нуклеусов и двугранных многофасеточных резцов. Несмотря на вариативность способов получения микропластин, все четыре перечисленных выше варианта обладали рядом общих характеристик. Для изготовления вторичных нуклеусов обычно отбирались массивные отщепы и осколки, в редких случаях для этого могли использоваться пластины. Как правило, дорсальная поверхность отобранных сколов сохраняла корку или естественную поверхность. В основе всех методов получения микропластин лежал принцип выпуклости дистальной части или края скола (distal, lateral convexity), при этом сама поверхность расщепления часто была изогнута относительно морфологической оси предмета, а снятие сколов с нуклеуса велось при помощи мягкого органического отбойника. В общих чертах техника получения микропластин с вторичных нуклеусов имеет аналогии в материалах памятников ориньякского технокомплекса Западной и Центральной Европы.

При детальном рассмотрении способов получения микропластин памятников Костенок была выявлена связь между определенными техниками и

стадиями ориньяка. На первом этапе использовались все представленные на ориньякских памятниках способы получения микропластин: в качестве нуклеусов использовались резцы-вторичные нуклеусы, нуклеусы для микропластин, кареноидные скребки и торцовые нуклеусы на отщепах.

Резцы-вторичные нуклеусы были наиболее многочисленной и наиболее вариабельной группой изделий на памятниках протоориньяка. При этом на каждой из стоянок преобладали различные виды резцов. В Костенках 14/IVb резцы-нуклеусы представлены преимущественно кареноидными трансверсальными формами, которые в отдельных случаях обнаруживали формальное сходство с резцами вашон и бюске [Sinityn, 2014]; в Костенках 17/II подавляющее большинство изделий относится к разным стадиям изготовления ретушных резцов спицынского типа, исключением является один кареноидный резец; единственный нуклевидный резец из коллекции Костенок 14/IVw был двугранным.

Все перечисленные способы получения микропластин с резцов-вторичных нуклеусов широко распространены на памятниках ориньякского технокомплекса [Le Brun-Ricalens, 2003, 2005] и не нуждаются в подробной характеристике. Уникальной может считаться только техника получения микропластин с ретушных резцов на стоянке Костенки 17/II. Описание этой техники уже было дано в литературе [Бессуднов и др., 2021], поэтому мы ограничимся ее краткой характеристикой. Изготовление резцов спицынского типа начиналось с формирования крутой или полукрутой ретушью вогнутой или косой ударной площадки, далее с площадки снимался длинный резцовый скол, служивший направляющей для последующих пластинчатых снятий. Затем по сформированной длинным резцовым сколом направляющей (нервюре) следовало снятие плоского резцового скола, с которого начиналось регулярное получение микропластин. В процессе расщепления происходил постепенный разворот поверхности скалывания в сторону вентральной поверхности артефакта.

Второй по количеству группой микронуклеусов на памятниках протоориньяка были нуклеусы для микропластин. Они представлены двумя формами – подпризматическими и торцовыми. В IVb к.сл. Костенок 14 были встречены оба способа производства, в IVw к.сл. Костенок 14 использовались торцовые нуклеусы, изготовленные на массивных отщепах. Получение микропластин с подпризматических нуклеусов осуществлялось в рамках двух технологических цепочек – совместно с пластинами и отдельно от них. В свою очередь, торцовые нуклеусы существенно отличались от типичных для этой техники образцов. Они были изготовлены на массивных отщепах и в качестве поверхности скалывания у них использовался один из краев. В связи с этим торцовые нуклеусы Костенок 14/IVw обнаруживали определенное сходство с резцами-нуклеусами.

Наименее представительной на памятниках древнейшего этапа ориньяка была техника получения микропластин с кареноидных скребков, на трех сто-

янках они были представлены всего лишь тремя предметами – 1 экз. в Костенках 14/IVb и 2 экз. в Костенках 14/IVw. По своей морфологии изделия могут быть отнесены к кареноидным скребкам с широким фронтом расщепления.

В раннем ориньяке происходят коренные изменения в микропластинчатой технике. На этом этапе из всего разнообразия бытовавших до этого техник остается только две – получение микропластин с кареноидных скребков с широким фронтом скалывания и с двугранных многофасеточных резцов. При этом диагностичной для этого этапа существования ориньякских индустрий должна считаться именно техника получения микропластин с кареноидных скребков. Получение микропластин с нуклеусов этого типа велось характерным для такого рода предметов методом триангуляции [Le Brun-Ricalens, 2005]. Отметим также, что кареноидные скребки раннего ориньяка по своей морфологии и размерам кажутся более стандартными в сравнении с изделиями предыдущего периода.

Описание технологии получения микропластин в индустриях ориньякского технокомплекса Костенок показало, что в своем развитии микропластинчатая техника стоянок ориньяка проходит те же стадии, что и аналогичные памятники Западной Европы. Как и в опорной для ориньяка «Западноевропейской модели» протоориньякская стадия отличается разнообразием способов получения микропластин при преобладании резцов-нуклеусов над прочими видами вторичных нуклеусов [Bordes et al., 2011]. Получение микропластин на раннеориньякских стоянках Костенок отличается значительной степенью стандартизации и демонстрирует полное сходство с материалами западноевропейских памятников, относимых к этой стадии [Dinnis et al., 2019].

Несмотря на то, что в общих чертах памятники Костенок вписываются в модель развития ориньякских в широком смысле индустрий Европы, хочется отметить и ряд отличий костенковских памятников от «Западноевропейской модели». На начальном протоориньякском этапе вторичные нуклеусы для микропластин преобладали над нуклеусами, также получение микропластин в рамках одной технологической цепочки с пластинами в целом не было характерно для индустрий Костенок. Кроме того, два способа получения микропластин (с торцовых нуклеусов, с резцов спицынского типа) специфичны для отдельных костенковских стоянок и не встречаются на памятниках типичного протоориньяка. Описанные различия в способах получения микропластин не являются решающими, но, в то же время, они убедительно показывают, что стоянки протоориньяка Костенок не могут считаться прямыми аналогами западноевропейских памятников этой стадии, хотя близость этих индустрий не вызывает сомнений.

Сходство микропластинчатой техники ориньякских памятников Костенок и Западной Европы, а также наличие четких связей между стадиями ориньяка и конкретными техниками получения микропластин Костенок показывает,

что такая категория каменного инвентаря, как микронуклеусы является диагностичной при определении различных стадий ориньяка (рис. 1). Стадиальное сходство микропластинчатой техники ориньякских памятников разных частей Европы показывает, что культурные процессы трансформации или замещения протоориньякских индустрий ориньякскими [Banks et al., 2013] носили глобальный общеевропейский характер.

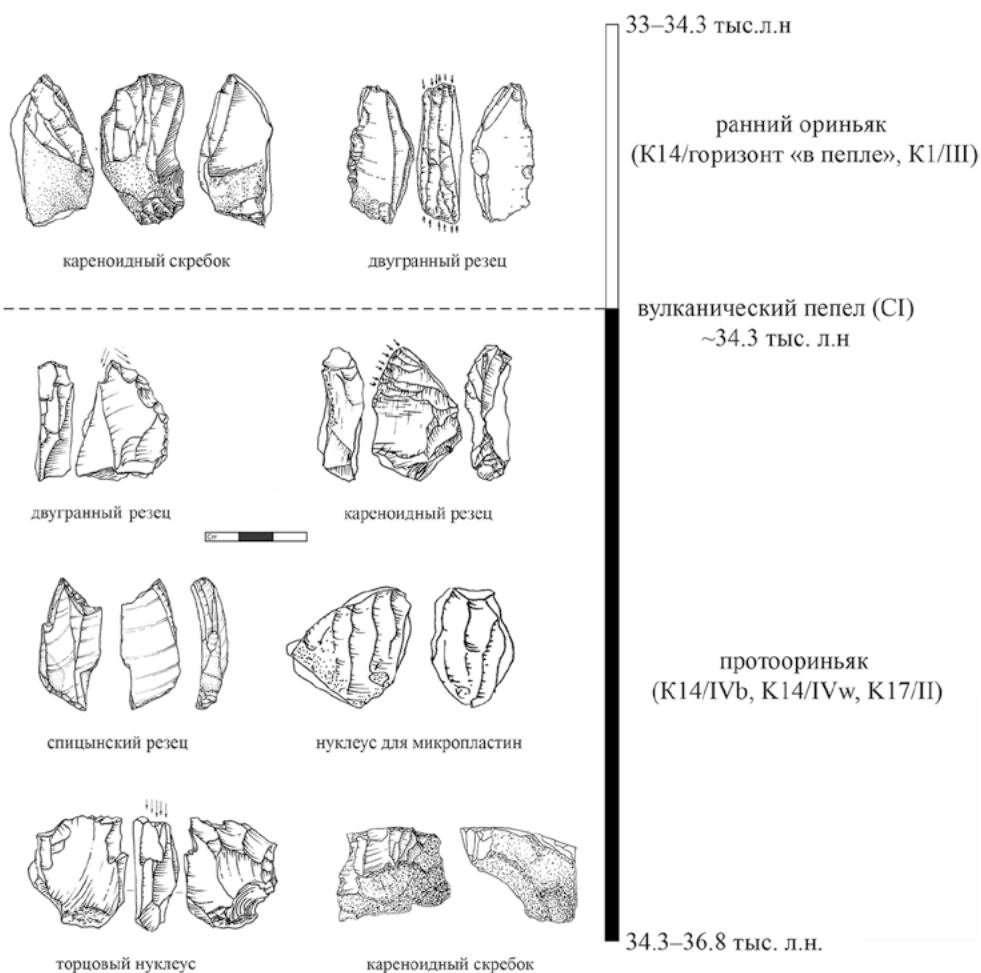

Рис. 1. Способы получения микропластин на ориньякских и протоориньякских памятниках Костенок.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бессуднов А.А., Синицын А.А., Р. Диннис, Артюшенко А.А., Лада А.Р., Степанова К.Н., Малюткина А.А., Бессуднова М.А., Петрова Е.А., Дука К. Костенки 17 (ст. Спицыйна): новые данные о стратиграфии, хронологии и условиях залегания культурных слоев // *Stratum plus*. 2021. – №1. – С. 163–198.
- Синицын А.А. Прерывистость и преемственность в палеолите Костенок // Верхнедонской археологический сборник. Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы: Мат-лы межрегион. науч. конф., посвящ. 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 22–24.12.2013 / Под ред. А.Н. Бессуднова. Липецк, 2014. – Вып. 6. – С. 66–76.
- Banks W.E., d'Errico F., Zilhão J. Upper Paleolithic: testing the hypothesis of an adaptive shift between the Proto-Aurignacian and the Early Aurignacian // *Journal of Human Evolution*. 2013. – Vol. 64. – № 3. – P. 39–55.
- Bon F. L'Aurignacien entre mer et océan: Réflexion sur l'unité des phases anciennes de l'Aurignacien dans le sud de la France. Paris: Maison de la Recherche, 2002. – 253 p.
- Bordes J.-G., Bachellerie F., le Brun-Ricalens F., Michel A. Towards a new "transition": new data concerning the lithic industries from the beginning of the Upper Palaeolithic in Southwestern France // *Characteristic features of the Middle to Upper Palaeolithic Transition in Eurasia, Proceedings of the International Symposium: Characteristic features of the Middle to Upper Palaeolithic Transition in Eurasia: Development of Culture and Evolution of Homo Genus, July 4-10, Denisova Cave, Altai / A.P. Derevianko & M. Shunkov (eds.)*. Novosibirsk: Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2011. – P. 116–129.
- Dinnis R., Bessudnov A.A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M.V., Sinitsyn A.A. & Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *Journal of Human Evolution*. 2019. – Vol. 127. – P. 21–40.
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devière T., Dudin A., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. Eastern Europe's "Transitional Industry"? Deconstructing the Early Streletskian // *Journal of Paleolithic Archaeology*. 2021. – Vol. 4. – №1. doi: 10.1007/s41982-021-00076-7
- Le Brun-Ricalens F., Brou, L. Burins carénés-nucleus à lamelles: identification d'une chaîne opératoire particulière à Thèmes (Yonne) et implications // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. 2003. – Vol. 100. – № 1. – P. 67–83.
- Le Brun-Ricalens F. Reconnaissance d'un "concept techno-culturel" de l'Aurignacien ancien? Modalités, unités et variabilités des productions lamellaires du site d'Hui (Beauville, Lot-et-Garonne, France): Significations et Implications // *Productions lamellaires attribuées à l'Aurignacien*. / F. Le Brun-Ricalens (eds.). ArchéoLogiques, №1. Luxembourg: MNHA, 2005. – P. 157–190.
- Lucas G. Les lamelles Dufour du Flageolet I (Bézenac, Dordogne) dans le contexte Aurignacien. *Paléo*. 1997. – T. 9. – P. 191–219.
- Sinitsyn A.A. L'Europe orientale // *Néandertal/Cro-Magnon. La rencontre / M. Otte (dir.)*. Arles: Errance, 2014. – P. 189–220.
- Sonneville-Bordes d. De. Aurignacien et Périgordien entre Loire et Garonne. *Bulletin de la Société Méridionale de Spéléologie et de Préhistoire*. 1963. – T. 6–9. – P. 51–62.

В.А. Михиенко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

ОСОБЕННОСТИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ ИЗ ЮЖНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ¹

Введение

Алтайские палеолитические объекты являются важнейшим источником для изучения становления культурных традиций верхнего палеолита, расселения и адаптации различных популяций рода Homo. Отложения, содержащие находки верхнего палеолита зафиксированы на всех участках Денисовой пещеры: в отложениях предвходовой площадки, центрального зала, восточной и южной галерей [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020]. Хронология осадков, содержащих материалы различных стадий верхнего палеолита, установлена на основе оптических методов датирования [Jacobs et al., 2019] и подкреплена серией радиоуглеродных дат [Douka et al., 2019]. Начало формирования отложений, содержащих самый ранний верхнепалеолитический комплекс Денисовой пещеры, зафиксированный в слое 11.2 восточной галереи, приходится на промежуток от 55 до 63 тыс. лет с доверительным интервалом в ± 6 тыс. лет. Данное обстоятельство послужило основанием для выделения его в отдельную культурно-хронологическую единицу – начальную стадию верхнего палеолита [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020]. Затем, согласно установленной хронологии, следуют индустрии из слоя 11.1 в восточной и слоя 11 в южной галерее. Материалы из слоя 11 центрального зала на сегодняшний день являются самыми поздними среди комплексов ранней стадии верхнего палеолита пещеры [Douka et al., 2019].

История исследования

Работы в устьевой зоне южной галереи (сектор VII) начались в 1999 г. с изучения голоценовых осадков [Деревянко и др., 1999]. На следующий год на данном участке была вскрыта толща плейстоценовых отложений, мощ-

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ, по проекту №20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоения человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

ностью до 1,5 м. Для кровли слоя 11 на контакте со слоем 9 была получена радиоуглеродная дата по углю $29\,200 \pm 360$ л.н. (AA-35321) [Деревянко и др., 2000].

В 2004 г. толща отложений в устьевой зоне галереи была выбрана до стерильных отложений. На этом этапе исследований стратиграфическая нумерация литологических слоев в южной галерее была приведена в соответствии с опорным разрезом центрального зала. Верхнепалеолитические материалы были зафиксированы в литологических слоях 9 и 11 [Деревянко и др., 2000]. AMS-даты были получены и для нижней части слоя 11: $51\,200 \pm 2\,200$ л.н. (OxA-V-2359-17), $48\,900 \pm 1\,800$ л.н. (OxA-V-2359-18), $46\,650 \pm 2380 / - 1\,840$ л.н. (KIA 25285 SP 553/D19) [Reich et al., 2010]. Таким образом, было установлено, что время накопления отложения слоя 11 в южной галерее приходится на первую половину МИС 3 (каргинское межледниковье).

В 2017 г. раскопки южной галереи были возобновлены, были вскрыты голоценовая и верхняя часть плейстоценовой толщи [Деревянко и др., 2017]. Результаты работ 2017–2021 гг. позволили уточнить стратиграфию верхней части плейстоценовой толщи (слои 9, 11, 12) [Деревянко и др., 2017; 2018; Шуньков и др., 2019]. В связи с существенным различием в составе и внешнем облике осадков, для отложений в южной галерее была введена самостоятельная стратиграфическая нумерация, номинально отличающаяся от нумерации стратиграфических подразделений центрального зала пещеры.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате археологических работ в южной галерее в начале 2000-х гг. из слоя 11 была получена представительная коллекция каменных изделий в количестве 1 733 экз., в 2017–2019 гг. – 3 201 экз.

Первичное расщепление. Технично-типологический анализ каменной индустрии позволяет сделать выводы о том, что для первичного расщепления индустрии слоя 11 характерна в основном утилизация плоскостных форм, направленных на производство отщепов (75 % от общего числа нуклеусов): радиального принципа скальвания (6 экз.) и параллельного (4 экз.) в моно- и бифронтальном вариантах. Единичным экземпляром представлено ядрище для торцового скальвания. Распространены подпризматические формы расщепления (4 экз., 25 %), направленные на получение пластинок и микропластинок. Примечательно, что на данных формах, также как и на торцовом нуклеусе, отсутствуют признаки намеренного создания рельефа и поддержания объема фронта [Павленок и др., 2021]. Большую часть категории сколов-заготовок (2 412 экз.) составляют отщепы (92 %, 45 % от всей коллекции). Среди целых форм преобладают отщепы с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной одно- и бинаправленной огранкой. Широко представлены пластины (7 %), в меньшей степени пластинки (0,4 %), имеющие

в основном однонаправленную, реже бинаправленную огранку дорсальной поверхности. Доля сколов со следами подправки карниза остаточной ударной площадки невелика, однако она выше, чем на финальном этапе среднего палеолита, в слое 12 (2 и 3,6 % для отщепов, 25 и 41 % для пластин). Невелико в количественном отношении число заготовок, сохраняющих естественную поверхность (менее 40 %).

Орудийный комплекс. Наиболее представительны скребла различных модификаций, однако процент от типологически значимых форм орудий, в сравнении с комплексами финального среднего палеолита, снижается (39,6 % против 51,4 % для слоя 12). Далее по количеству следуют зубчатые и выемчатые формы и близкие к ним по морфологии шиповидные изделия (18,7 %). В коллекции присутствуют леваллуазские острия и мустьерские остроконечники (9,9 и 2,2 % соответственно). Широко представлены верхнепалеолитические орудия (концевые скребки, угловые и срединные резцы, тронкированно-фасетированные изделия – 26,4 % от орудийного комплекса). Среди типологически значимых орудий южной галереи особо выделяются листовидные и овальные бифасы, которые в отложениях южной галереи впервые появляются в каменном инвентаре слоя 11. Было обнаружено пять фрагментированных изделий подобного типа [Михиенко и др., 2020].

Еще одним показателем принадлежности индустрии к верхнепалеолитической культуре является коллекция костяных изделий и предметов неутилитарной деятельности. Формальные костяные орудия в отложениях пещеры впервые появляются в слое 11.2 восточной галереи. Одной из самых представительных в пещере является коллекция обработанной кости из южной галереи [Шуныков и др., 2019б]. Из слабомодифицированных орудий были отмечены костяные ретушеры [Боманн и др., 2017]. Серия подобных изделий в большей степени представлена в среднепалеолитических комплексах пещеры [Козликин и др., 2019]. Маркируют символическое поведение обитателей пещеры на уровне слоя 11 украшения, изготовленные из трубчатых костей, зубов травоядных и хищных млекопитающих, бивня мамонта, ракушек, мягкого поделочного камня и скорлупы яиц страуса [Шуныков и др., 2019б].

Ранний этап верхнего палеолита на памятнике характеризуют также материалы с других участков пещеры, имеющие схожий технико-типологический облик. Расщепление камня на уровне слоя 11 в центральном зале преимущественно велось в параллельной технике. Значительно в меньшей степени представлено радиальное расщепление, направленное на получение отщеповых снятий. В сравнении с нижележащими отложениями в слое 11 центрального зала снижается доля леваллуазского скальвания (два отщепа, две пластины и шесть острий). Основу сколов составляют средние и крупные отщепы с гладкой остаточной ударной площадкой и параллельной огранкой дорсала. Ко-

личество сколов с подправленными площадками, как и на всем протяжении среднего палеолита, остается невелико. Невысок процент пластин (14 %), в качестве нового типа удлиненных заготовок появляются микропластины (15 экз., 8,2 %). Основу изделий с вторичной обработкой составляют скребла, затем по количеству следуют ретушированные формы (зубчатые, выемчатые, шиповидные и клювовидные изделия). Высокий процент верхнепалеолитических орудий (скребков, резцов, проколов, ретушированных пластин и микропластинок с притупленным краем). Отдельную серию образуют листовидные бифасы. Сопутствуют каменному инвентарю разнообразные украшения и костяной инвентарь [Природная среда..., 2003].

Небольшая серия артефактов, рассматриваемая в рамках ранней стадии верхнего палеолита, была получена из слоев 8 и 7 предвходовой площадки. Нуклеусы в большей степени выполнены в технике параллельного скальвания, небольшая доля приходится на леваллуазские формы и радиальные ядрища. Основная часть сколов, в большей мере представленной отщепами, реже пластинами, сохраняет гладкую ударную площадку и параллельную огранку дорсала. Небольшой выборкой представлены леваллуазские заготовки. В орудийном наборе преобладают различные по морфологии скребла, зубчатые, выемчатые, клювовидные и шиповидные формы, имеются изделия леваллуа. Представительна верхнепалеолитическая группа орудий (ретушированные пластины, резцы, скребки, тронкированные сколы). В коллекции также представлены два бифасиальных изделия [Природная среда..., 2003]. Дополняют каменную индустрию бусины и подвески из зубов животных, обломков трубчатой кости млекопитающих, скорлупы яиц страуса и бивня мамонта, а также фрагментированная костяная игла [Деревянко, Шуныков, 2004].

Индустрия восточной галереи, полученная из литологического слоя 11.1, имеющего схожий технико-типологический облик, также демонстрирует преимущественно плоскостное расщепление в основном параллельного, реже радиального принципа скальвания. Равную им долю занимают и подпризматические формы. Один нуклеус демонстрирует торцовое скальвание. Основным типом сколов являются отщепы с параллельной огранкой и гладкой площадкой, в меньшей степени распространены пластины с гладкой остаточной ударной площадкой, одно- и бинаправленной огранкой дорсальной стороны. Основу типологически значимых орудий составляют также скребла различных модификаций, преобладающими остаются зубчатые, выемчатые и шиповидные формы. Представительна коллекция верхнепалеолитических изделий (скребки, резцы, тронкированные сколы и долотовидные орудия) [Shunkov et al., 2020b]. В коллекции слоя 11.1 представлены также различные типы украшений и костяной инвентарь [Shunkov et al., 2020].

Заключение

На основе литологических и археологических характеристик слой 11 в южной галерее соотносится с номинально аналогичным подразделением опорного разреза в центральном зале, слоями 7 и 8 на предвходовой площадке, и слоем 11.1 в восточной галерее. Находки из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры иллюстрируют развитие культуры на ранней стадии верхнего палеолита. Производство на данной стадии было направлено в основном на получение отщепов, в то же время возрастает доля удлиненных заготовок – пластин и пластинок. Основу орудийного набора составляют скребла, зубчато-выемчатые изделия. Уменьшается в сравнении с материалами финальной стадии среднего палеолита количество леваллуазских заготовок и орудий. В свою очередь растет доля верхнепалеолитических орудий, появляются украшения из различных материалов и формальные костяные орудия. Одной из особенностей каменной индустрии является наличие в коллекции листовидных и овальных бифасов. Серия подобных изделий представлена в индустриях центрального зала и предвходовой площадки. Инновационные технологии на данном хронологическом этапе были отмечены при производстве украшений и формальных костяных орудий, что выступает в качестве дополнительной аргументации в подтверждении верхнепалеолитического возраста индустрии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Боланн М., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия раннего верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 50–54.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнология и антропология Евразии. – 2004. – № 3(19). – С. 12–40.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Анойкин А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых отложений Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 354–359.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Ульянов В.А. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 93–97.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – №3 (48). – С. 3–32.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 82–86.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее

Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 103–107.

- Павленок Г.Д., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Мелкопластинчатое расщепление в индустриях раннего верхнего палеолита Денисовой пещеры: данные анализа последовательности сколов // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1 (70). – С. 123–130.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 448 с.
- Козликин М.Б., Михиенко В.А., Францева Е.А., Шуньков М.В. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – №4(28). – С. 7–14.
- Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Козликин М.Б. Бифасиальные изделия верхнего палеолита из Денисовой пещеры // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы VI конференции молодых ученых /16–19 марта 2021 года/. – М.: Изд-во Института археологии РАН, 2021. – С. 33–35.
- Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Чеха А.М., Чеха А.Н. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019а. – Т. XXV. – С. 299–305.
- Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019б. – Т. XXV. – С. 306–312.
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey Ch.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 640–644.
- Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 594–599.
- Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L. F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 468. – N. 7327. – P. 1053–1060.
- Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic Ornaments and Formal Bone Tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.
- Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova Cave // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.

Н.Б. Моисеев

ООО «Межрегиональный центр археологических исследований», Тамбов, РФ

НАХОДКИ ОСТАНКОВ МЕГАФАУНЫ ВЕРХНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА НА ТАМБОВСКОЙ РАВНИНЕ

После выхода статьи «Палеонтологическая коллекция мамонтовой фауны в Тамбовском краеведческом музее» [Моисеев, 2017. С. 217-228] накопилось достаточное количество информации, позволившей значительно дополнить опубликованные материалы. Основными источниками при подготовке данной работы послужили: «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», архивные материалы, публикации, заметки XIX – нач. XXI вв., переписка с музеями, информация местных жителей¹. В итоге источниковая база пополнилась на 40%.

Безусловно, в XVII и в XVIII вв. люди находили останки плейстоценовых животных на Тамбовской равнине. К сожалению информации об этом мы уже не найдем. Самая ранняя находка датирована 1814 г., а информация о ней и еще о 5 «костях допотопных животных» встречается в журнале 1838 г. [Сафронов, 1838. С. 158]. Эти находки демонстрировались на выставке произведений Тамбовской губернии. О выставке мной уже упоминалось [Моисеев, 2017. С. 217]. Удалось найти о ней и более ранние документы. Выставка была подготовлена к посещению Великим князем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II) Тамбова во время своего большого путешествия по России в 1837 г. [Сафронов, 1838. С. 148-151]. Любопытна информация об этих находках: «Присланный от г-на Волконского зуб мамонта, найденного в 1814 году целым остовом в Шацком уезде, близ реки Шати» [Сафронов, 1838. С. 158]. В другом источнике: «От князя В.П. Волконского из Шацкого уезда был доставлен клык мамонта. В 1814 году вырыт был при речке Шаче целый остов мамонта, который тогда же отправлен был в Академию наук, некоторые части его остались в земле не выкопанными» [Опись, 1893. С. 74-76]. К другим находкам есть такие уточнения: «от статского советника Ранга голова носорога, описанного Фишером и другими учеными, найденная в Борисоглебском уезде,

¹ Выражаю признательность за присланные материалы заместителю заведующего филиала ТОГБУК «ТОКМ» «Моршанский историко-художественный музей им. П.П. Иванова» Л.В. Григорьевой, заместителю директора Кирсановского краеведческого музея С.А. Ионину, директору Уметского историко-краеведческого музея О.Н. Марченко и бывшему директору этого музея Н.К. Никитиной.

близ реки Савалы». Еще от статского советника Ранга «голова слона необыкновенной величины, найденная в Борисоглебском уезде, близ реки Савалы». «От г-на Замятина бедренная кость мамонта, найденная в Липецком уезде, в речке Самовце, служившая долгое время поселжанкам вместо камня, для мытья белья». «От помещика Гарденина часть рога неизвестного животного, редкая по своей огромности и тяжести, найденная в Тамбовском уезде, близ речки Большого Ламовиса». «От Лебедянского исправника Омельяновича огромный слоновый клык, найденный в горе близ реки Дона» [Сафронов, 1838. С. 158].

Вероятно, еще один источник об этой выставке к сожалению, без даты, может относиться к 1837 г. Он представляет собой описание губернии и краткий каталог выставки. В разделе «Царство ископаемое» здесь есть лишь упоминание: «Кости неизвестных животных, открытые в Липецком и Лебедянском уездах, замечательны своей величиной» [О выставке, 1837. С. 8].

В настоящее время подавляющая часть останков мегафауны верхнего плейстоцена с Тамбовской равнины хранится в музеях. Напомню, что коллекция останков в Тамбовском областном краеведческом музее составляет около 150 экспонатов (мамонтов, шерстистых носорогов, древних широкополых лошадей, первобытных бизонов, туров или первобытных быков, широколобых лосей) [Моисеев, 2017. С. 217]. Есть достойные коллекции и в других музеях. К примеру, в Моршанском историко-художественном музее им. П.П. Иванова коллекция состоит из 79 предметов. Из них 42 мамонта (бивни, зубы, челюсть, позвонки, лопатка, ребро, тазовые кости, кости конечностей), 18 шерстистого носорога (челюсть, позвонки, ребро, кости конечностей), фрагмент черепа с рогом первобытного быка (тура), 5 зубов первобытной лошади, рога и фрагменты черепа с рогами древних лосей, косули, оленя [Григорьева, 2021. С. 1-4]. В Кирсановском краеведческом музее хранится 29 экспонатов. Из них 23 мамонта (бивни, зубы, фрагмент челюсти, позвонки, ребро, фрагмент таза, кости конечностей), 3 шерстистого носорога (черепа, фрагмент черепа, фрагмент бедренной кости), фрагмент челюсти вероятно первобытного быка (тура), 2 зуба первобытной лошади.

Менее представительные коллекции в других музеях. К примеру, в Уметском историко-краеведческом музее находится 10 экспонатов (бивень, фрагмент челюсти, 3 зуба, позвонок мамонта, 2 фрагмента кости шерстистого носорога, 2 зуба широко палой лошади). В экспозиции Мичуринского краеведческого музея демонстрируется 7 экспонатов (бивень, зуб, позвонок, 3 берцовые кости мамонта, фрагмент черепа шерстистого носорога). По 2-3 экспоната есть в историко-краеведческом музее Бондарского р-на, в краеведческом музее г. Рассказово и др.

В 2017 г. упоминалось о находке бедренной кости мамонта в Мичуринском р-не 2001 г. [Моисеев, 2017. С. 220]. Эта история имела продолжение. В мае 2013 г. А. Переверзев при таких же обстоятельствах нашел здесь еще несколько

костей. В июле 2013 г. здесь работала экспедиция с участием представителей Международного мамонтового комитета Бернара Буиг (Франция) и Сергея Горбунова (Москва), научных сотрудников Института земного магнетизма РАН России, депутатов Тамбовской городской Думы, членов Ассоциации полярников России и энтузиастов. Было выполнено георадарное обследование этого места. Найдено еще 3 фрагмента костей мамонта (берцовая кость, позвонок, фрагмент кости), 3 кости древней лошади (берцовая кость, лопатка, фрагмент челюсти) и 2 кости бобра. Находки переданы в Тамбовский областной краеведческий музей [Толмачева, 2013].

Информация о них и других находках размещена в таблице.

Табл. 1.

Находки мамонтовой фауны на Тамбовской равнине
(номера соответствуют номерам в иллюстрации 1)

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
<i>Рязанская область</i>				
1	Берег р. Око, у п. Елатьма Касимовского р-на	Остатки каменного века и палеонтологии	Не позднее 1890	<i>Проскурников, 1890. С. 53; Норцов, 1903. С. 81</i>
2	Берег р. Оки у с. Бадусшевы-Починки Касимовского р-на	Зуб мамонта	1909	<i>Протокол..., 1911а. С. 74</i>
3	Берег р. Пет у с. Потальево Пителинского р-на	Кремневые орудия и кости допотопного животного; Кости мамонта	Не позднее 1886	<i>Доклад..., 1886. С. 21; Проскурников, 1890. С. 53</i>
4	Берег р. Пет, Пителинский р-н	Кости мамонта, каменных орудий	Нередко	<i>Проскурников, 1890. С. 53</i>
5	Берег р. Пет, Чучковский р-н	Кости мамонта, каменных орудий	Нередко	<i>Проскурников, 1890. С. 53</i>
6	Берег р. Каменка у с. Никитинское Старожиловского р-на	Окаменелая кость какого-то животного	1885	<i>Сообщение..., 1885. С. 61</i>
7	Берег р. Алешня у д. Старые Подсосенки Шацкого р-на	Кости допотопных животных	1915	<i>Протокол..., 1917в. С. 189</i>
8	Берег р. Шача у г. Шацка	Целый остов мамонта	1814	<i>Сафронов, 1838. С. 158; Воейков, 1872. С. 36</i>

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
<i>Липецкая область</i>				
9	Берег р. Дон в Лебедянском уезде	Огромный слоновый клык	Не позднее 1837	<i>Сафронов, 1838. С. 158; Воейков, 1872. С. 36</i>
10	В урочище «Ртищево» у с. Ольховец Лебедянского р-на	Кость черепа с верхней челюстью и 6 зубами допотопного животного	1893	<i>Журнал..., 1893. С. 6; Норцов, 1903. С. 101</i>
11	Урочище «Чепище» у с. Пятницкое Краснинского р-на	Клык огромного млекопитающего; Зуб мамонта; Клык допотопного млекопитающего; Клык мамонта	1888	<i>Журнал..., 1889. С. 3; Дьяконов, 1889. С. 9; Проскурников, 1890. С. 54</i>
12	Овраг «Лисий Верх» у д. Монаенки Краснинского р-на	Зуб огромного млекопитающего; Зуб мамонта; Зуб допотопного млекопитающего	1888	<i>Журнал..., 1889. С. 3; Дьяконов, 1889. С. 9; Проскурников, 1890. С. 54</i>
13	Берег р. Дон у г. Лебедянь	2 больших зуба	1883	<i>Соловский, 1888. С. 206</i>
14	Берега р. Дон у г. Лебедянь	Остатки мамонта и каменные орудия	Нередко	<i>Норцов, 1903. С. 100</i>
15	Берег р. Делеховка в с. Делеховое Добровского р-на	Череп и клыки мамонта; Осколок челюсти мамонта с остатками зубов	1888	<i>Протокол..., 1889б. С. 3-4; Дьяконов, 1889. С. 9</i>
16	Берег залива р. Воронеж у с. Доброе Добровского р-на	Передняя лопатка животного необыкновенной величины; Кость допотопного млекопитающего	1873	<i>О курганах, 1873. С. 282; Проскурников, 1890. С. 54</i>
17	«Гардев лог» у с. Куймань Лебедянского р-на	Кости мамонта	1904	<i>Норцов, 1905. С. 88.</i>
18	У с. Грязновка Лебедянского р-на	Зуб большого животного	1870	<i>Опись..., 1897. С. 85</i>
19	У болота, в с. Большой Хомутец Добровского р-на, на глуб. 2 м	Голенная кость (os tibia) мамонта; Кость мамонта (os tibia)	1889	<i>Дьяконов, 1889. С. 9; Журнал..., 1890а. С. 8</i>

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
20	Под Матырским мостом через р. Воронеж в с. Студенки (Липецк)	Кость древнего человека весьма большого размера нога; Кость мамонта	1889	<i>Журнал...</i> , 1890б. С. 5-6; <i>Норцов</i> , 1903. С. 103
21	У г. Липецка	Каменные орудия и остатки мамонта	XIX в.	<i>Норцов</i> , 1903. С. 102
22	Берег р. Самовец в Липецком уезде	Бедренная кость мамонта; Бедро	Не позднее 1837	<i>Сафронов</i> , 1838. С. 158; <i>Воейков</i> , 1872. С. 36; <i>Самоцветов</i> , 1916. С. 22
23	Берег р. Демшинка у с. Никольское Усманского р-на	Кости мамонта	1896	<i>Норцов</i> , 1903. С. 104
Пензенская область				
24	Берег р. Юрсовка у с. Юрсово Земетчинского р-на	Ребро и позвонок мамонта	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
25	Берег р. Выша у с. Вяземка Земетчинского р-на	Берцовая кость мамонта	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
26	Берег р. Выша у д. Лебедянка Земетчинского р-на	Нижняя челюсть мамонта	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
27	Берег р. Раевка у п. Земетчино	Кости мамонта, череп шерстистого носорога	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
28	Берег р. Орьев у с. Гаутеровка Башмаковского р-на	Череп шерстистого носорога	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
29	Берег р. Шушля, у д. Чудная Башмаковского р-на	Кости мамонта	1900	<i>Тарасов</i> , 1906. С. 8
30	Берег р. Шушля, у д. Чудная Башмаковского р-на	Остатки мамонта и носорога, зубы бивни и пр.	1902	<i>Норцов</i> , 1903. С. 92-93
31	Лощина «Грачевка» и берег руч. Громок у д. Громок Башмаковского р-на	Бивень мамонта громадных размеров; Бивень мамонта больших размеров, позвонок; Зубы и клыки мамонта	1888, 1889	<i>Дьяконов</i> , 1889. С. 9; <i>Журнал...</i> , 1890в. С. 6-8; <i>Норцов</i> , 1903. С. 92
32	Берег б. Моховая Лощина у д. Удаля Башмаковского р-на	Бивень мамонта	1893	<i>Тарасов</i> , 1906. С. 8
33	Торфоразработки у д. Удаля Башмаковского р-на	Череп древнего оленя	1940	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 4

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
34	Петрунина лощина у д. Новонарышкино Башмаковского р-на	Кости мамонта	1903	<i>Тарасов</i> , 1906. С. 8
35	Берег р. Чембар в Белинском р-не	Берцовая кость мамонта	1 п. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
Тамбовская область				
36	Берег р. Цна у с. Носины Моршанского р-на	Зуб мамонта	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
37	Берег р. Вобша у с. Темяшево Моршанского р-на, на 2 м глуб.	Кости шерстистого носорога	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3-4
38	Берег р. Серп у с. Давыдово Моршанского р-на	Череп и ребро шерстистого носорога	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
39	Овраг Свиной у с. Большие Кулики Моршанского р-на	Фрагмент бивня мамонта и рог древней косули	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3, 4
40	Берег р. Цны у с. Карели Моршанского р-на на глубине 1,5 м.	Рога древнего лося, косули, оленя	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 4
41	Берег р. Цны у с. Усты Моршанского р-на	Череп и берцовая кость шерстистого носорога	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3-4
42	Овраг Рясловка у г. Моршанска	Фрагмент бивня и нижняя челюсть мамонта	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
43	Овраг Рясловка у г. Моршанска	Нижняя челюсть мамонта	2012	<i>Предложение о продаже</i>
44	Берег р. Цны у г. Моршанска	Остатки мамонта и каменных орудий	Ок. 1903	<i>Норцов</i> , 1903. С. 90
45	Берег р. Цны у г. Моршанска	Зуб мамонта	1 п. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
46	Берег р. Цны «Прорва» у г. Моршанска	Рог древнего оленя	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 4
47	Берег р. Кашма у г. Моршанска	Зубы первобытной лошади	1 п. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 4
48	Лощина у с. Плоская Дубрава Моршанского р-на	Плечевая кость шерстистого носорога	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3
49	Берег руч. Комаровка у ж/д. ст. Фитингоф Пичаевского р-на	Зуб мамонта	1 пол. XX в.	<i>Григорьева</i> , 2021. С. 3

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
50	Берег р. Вязка у д. Родимая Пичаевского р-на	Кости допотопного животного	1886	Соловский, 1888. С. 275
51	Берег руч. Песчанка у с. Подъем Пичаевского р-на	Зуб мамонта	1 пол. XX в.	Григорьева, 2021. С. 3
52	Берег р. Кашма у с. Байловка 2-я (Алексеевское) Пичаевского р-на	Зуб мамонта	1 пол. XX в.	Григорьева, 2021. С. 3
53	Берег р. Кашма у с. Байловка 1-я Пичаевского р-на	Зуб мамонта	1 пол. XX в.	Григорьева, 2021. С. 3
54	Берег р. Сухой Иловай у п. Гаи Первомайского р-на	Бивень, череп, позвонок мамонта	1950-е	Информация В.А. Кунина
55	Р. Лесной Воронеж у с. Турмасово Мичуринского р-н	Кости мамонта, древней лошади, бобра	2001; 2013	Кушелева, 2001. С. 1; Толмачева, 2013.
56	Берег р. Польной Воронеж у д. Орлова Лука Никифоровского р-н	Бивень мамонта; Кость (по-видимому рог) громадной величины; Чертов рог	1915	Отчет..., 1915б. С. 63; Самоцветов, 1916. С. 58; Протокол..., 1917б. С. 169
57	Мичуринский р-н	Бедренная кость мамонта	2005	Собрание РОО «ТОЛК»
58	Берег р. Плоскуша или Матыра у с. Тютчево Петровского р-на	Ребро животного очень большого размера	1901	Заседание..., 1901. С. 24
59	Берег р. Пишляйка у с. Вирятино Сосновского р-на	Берцовая кость мамонта	1 пол. XX в.	Григорьева, 2021. С. 3
60	Берег р. Цны в Тамбовском уезде	Кость допотопного животного	Ок. 1837	Воейков, 1872. С. 36
61	У с. Горелое Тамбовского р-на	Зуб лошади	1970-е	Петручук, 1978. С. 3
62	Берег р. Бол. Липовица в д. Крутые Выселки Тамбовского р-на	Фр. кожи доисторического животного	1878	Алленова..., 2002. С. 51
63	Тамбов	Основание рога бизона	1973	Петручук, 1978. С. 3
64	Тамбов, ул. Лермонтовская	Бивень мамонта	1977	Петручук, 1978. С. 3

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
66	Берег р. Эксталь у с. Эксталь Тамбовского р-на	Фрагменты костей	2008	Н.Б. Моисеев
66	Знаменский р-н	Зуб лошади	1970-е	Петручук, 1978. С. 3
67	Берег р. Цны в Тамбовском р-не	Остатки мамонта	XIX в.	Норцов, 1903. С. 96
68	Берег р. Цны в Знаменском р-не	Остатки мамонта	XIX в.	Норцов, 1903. С. 96
69	Берег притока р. Осиновка у п. Гришин Сампурского р-на	Кость ископаемого животного	1917	Протокол..., 1917а. С. 83
70	Берег р. Осиновка в песке, у с. Солонцовка Сампурского р-на	Кости мамонта	Не позднее 1903	Норцов, 1903. С. 96
71	Берег р. Цны в Сампурском р-не	Остатки мамонта	XIX в.	Норцов, 1903. С. 96
72	Берег р. Бол. Ломовис у с. Митрополье Бондарского р-на	Кость мамонта	1907	Журнал..., 1909б. С. 20
73	Берег р. Бол. Ломовис в Рассказовском р-не	Часть рога неизвестного животного; Лобная кость и основа рога первобытного быка	Не позднее 1837	Сафронов, 1838. С. 158; Воейков, 1872. С. 36; Самоцветов, 1916. С. 22
74	Берег р. Большой Ломовис у с. Никольское Рассказовского р-на	Кости мамонта	1 пол. XX в.	Калашников..., 1959. С. 21
75	Берег р. Бол. Ломовис у с. Новгородовка Рассказовского р-на	2 зуба мамонта и 1 клык	Не позднее 1903	Норцов, 1903. С. 95
76	Карьер у п. Зеленый Рассказовского р-на	Бедренная кость мамонта	2005	Экспозиция Рассказовского краеведческого музея
77	Карьер кирпичного завода у г. Рассказово	Кости мамонта, рог буйвола	1950-е	Калашников..., 1959. С. 21
78	Р. Лесной Тамбов на окраине г. Рассказово	Кости и зуб мамонта	1989	Фонды ТОКМ
79	Берег р. Мокрая Панда у д. Селивановка Рассказовского р-на	Левый клык мамонта	Не позднее 1889	Тамбовские..., 1889. № 47
80	Овраг у р. Нару-Тамбов, у с. Богословка Рассказовского р-на	Кости допотопных животных; Кости носорога и мамонта	1881	Проскурников, 1890. С. 53; Норцов, 1903. С. 107

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
81	Овраг у с. Бадин Угол Пичаевского р-на	Остатки вымерших животных (мамонта, носорога, лося и др.)	Ежегодно	<i>Тарасов, 1906. С. 25</i>
82	Берег р. Вышенка у с. Бадин Угол Пичаевского р-на	Зуб и нижняя челюсть мамонта	1 пол. XX в.	<i>Григорьева, 2021. С. 3</i>
83	Берег р. Ира у с. Софьино Гавриловского р-на	Кость мамонта	1910	<i>Протокол..., 1911б. С. 87</i>
84	Берег р. Ольшанка у д. Ольшанка Гавриловского р-на	Скелет мамонта; Рог большого животного (мамонта); Большая кость мамонта; Кость мамонта	1910	<i>Отчет..., 1911. С. 33; Протокол..., 1911в. С. 100; Протокол..., 1911г. С. 105; Протокол..., 1911д. С. 111; Отчет..., 1915а. С. 6</i>
85	Берега р. Ира в Гавриловском р-не	Остатки мамонта	Не позднее 1903	<i>Норцов, 1903. С. 108</i>
86	Берег р. Ирка у с. Кондауровка Гавриловского р-на	Кость; Кость допотопного животного	1888	<i>Протокол..., 1889б. С. 4; Проскурников, 1890. С. 53</i>
87	Берег р. Хмелинка у с. Хмелинка Кирсановского р-на.	Зуб мамонта; Осколок челюсти мамонта с остатками зубов	1888	<i>Протокол..., 1889а. С. 73; Дьяконов, 1889. С. 9</i>
88	Берег р. Хмелинка у с. Хмелинка Кирсановского р-на.	Кости неестественной величины зверя допотопного времени. Кости невиданной величины. Скелет зверя большой величины	1912	<i>Протокол..., 1915. С. 53-54</i>
89	Берег р. Ворона в Кирсановском уезде	Кость допотопного животного	Не позднее 1837	<i>Воейков, 1872. С. 36</i>
90	Овраг в 6 км от с. Оржевка Уметского р-на	Части клыка мамонта	1901	<i>Норцов, 1903. С. 109</i>
91	На берегу р. Течера в с. Оржевка Уметского р-на	Бивень мамонта	2 пол. XX в.	<i>Экспозиция Уметского краеведческого музея</i>
92	Около г. Кирсанова	Кости мамонта	Ок. 1903	<i>Норцов, 1903. С. 107</i>
93	Р. Ворона в Кирсановском р-не	Остатки мамонта и кремнев. стрелы	Нередко	<i>Норцов, 1903. С. 107</i>

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
94	На берегу руч. Варжелейка в с. Скачиха Уметского р-на	Зубы широкопалой лошади	2 пол. XX в.	<i>Экспозиция Уметского краеведческого музея</i>
95	Р. п. Умет	Позвонок мамонта	2 пол. XX в.	<i>Экспозиция Уметского краеведческого музея</i>
96	Берег р. Ворона у с. Рамза Кирсановского р-на	Череп носорога Мерка молодой особи	1977	<i>Носорог..., 1977. С. 3</i>
97	Овраг у с. Паревка Инжавинского р-на, на глубине около 70 см.	Кости большого допотопного; Кости мамонта	1899	<i>Журнал..., 1901. С. 19; Норцов, 1903. С. 109</i>
98	Овраг у с. Ивановка Уметского р-на	Кость мамонта	1901	<i>Норцов, 1903. С. 108</i>
99	Р. Ворона в Уметском р-не	Остатки мамонта и кремнев. стрелы	Нередко	<i>Норцов, 1903. С. 107</i>
100	Р. Ворона в Инжавинском р-не	Остатки мамонта и кремнев. стрелы	Нередко	<i>Норцов, 1903. С. 107</i>
101	Берег р. Шибряйка у п. Первомайский Инжавинского р-на	Скелет мамонта	1924	<i>Черменский, 1925а. С. 9; Черменский, 1925б. С. 24</i>
102	Карьер у с. Семеновка Ржаксинского р-на	Кости большого размера	1997	<i>Информация А.М. Воропаева</i>
103	Берег р. Савала у с. Чикаревка Жердевского р-на	Череп и фрагмент берцовой кости мамонта	1996	<i>Экспозиция Жердевского краеведческого музея</i>
104	Берег р. Бурнак в Жердевском р-не, на глубине около 10 м.	Череп неизвестного животного; Передняя часть черепа громадного животного; Череп допотопного животного и каменное долото	1888	<i>Протокол..., 1889б. С. 4; Дьяконов, 1889. С. 9; Проскурников, 1890. С. 53</i>
105	В овраге Крутой у п. Новый Свет Жердевского р-на	Бивни мамонта	2004	<i>Нашел А. Петраков</i>
106	Жердевский р-н	Кости древнего зубра	2003	<i>Жердевский музей</i>
Воронежская область				
107	Берег р. Савала в Терновском р-не	Голова носорога	Не позднее 1837	<i>Сафронов, 1838. С. 158; Воейков, 1872. С. 36</i>

№	Место находки	Наименование (по источнику)	Дата находки	Источник
108	Берег р. Савала в Терновском р-не	Голова слона необыкновенной величины	Не позднее 1837	<i>Сафронов</i> , 1838. С. 158
109	Берег р. Карачан у с. Алешки Терновского р-на	Кости ископаемого животного	1912	<i>Протокол...</i> , 1915. С. 53
110	Берег р. Сухой Карачан у с. Липяги Терновского р-на	Остатки допотопных животных	Не позднее 1917	<i>Ларин</i> , 1918а. С. 267
111	Берег р. Савала, у с. Братки Терновского р-на	Кости огромного животного; Ножная кость мамонта (os femoris)	Не позднее 1887	<i>Журнал...</i> , 1887в. С. 3; <i>Дьяконов</i> , 1889. С. 9
112	Берег р. Токай у с. Ростоши Эргильского р-на	Клык мамонта; Громадная кость; Клык допотопного животного мамонта (<i>Elephas primigenius</i>)	1915	<i>Ларин</i> , 1918а. С. 267; <i>Ларин</i> , 1918б. С. 269
113	Борисоглебский уезд	Кусок мамонтова зуба	1887	<i>Журнал...</i> , 1887а. С. 3
114	Борисоглебский уезд	Огромная кость неизвестного животного	1887	<i>Журнал...</i> , 1887а. С. 3
Место находки неизвестно				
115	Не известно	Кость неизвестного огромного животного	Не позднее 1885	<i>Журнал...</i> , 1885. С. 6
116	Не известно	Кости мамонта	1906	<i>Журнал...</i> , 1909а. С. 10
117	Не известно	2 зуба допотопного животного	1910	<i>Отчет...</i> , 1911. С. 38
118	Везде	Кости животных, каких теперь уже нет	1886	<i>От высочайше...</i> , 1886. С. 11
119	Не известно	Голенная кость мамонта; Голень	1887	<i>Журнал...</i> , 1887б. С. 4; <i>Самоцветов</i> , 1916. С. 22
120	Не известно	Огромная голенная кость животного; Голенная кость крупного животного	1888	<i>Журнал...</i> , 1888. С. 4; <i>Дьяконов</i> , 1889. С. 9
121	Не известно	Кость мамонта		<i>Отчет</i> , 1903. С. 7 и др.
123	Не известно	Безымянная кость, – ветлужная впадина		<i>Самоцветов</i> , 1916. С. 22
123	Не известно	Плечевая кость		<i>Самоцветов</i> , 1916. С. 22

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Алленова В.А., Мизис Ю.А.* История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – Тамбов, 2002. – 438 с.
- Воейков Л.А.* Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1872. – XXIV, 192 с.
- Григорьева Л.В.* Палеонтологическая коллекция Иванова. – Моршанск, 2021. – 4 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://morshmusnauka.livejournal.com/2094.html>. (Дата обращения: 04.07.2021).
- Доклад члена комиссии М.Г. Розанова о его архивных занятиях по городу Елатье // Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной Комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1886. – Вып. X. – С. 16-21.
- Дьяконов П.А.* Опись предметам, хранящимся в Тамбовском историческом музее. – Тамбов, 1889. – 55 с.
- Журнал общего собрания г.г. членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 19 августа 1885 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1885. – Вып. V. – С. 1-11.
- Журнал общего собрания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 10 марта 1887 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1887а. – Вып. XIV. – С. 1-5.
- Журнал общего собрания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 17 июня 1887 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1887б. – Вып. XV. – С. 1-6.
- Журнал общего собрания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 24 сентября 1887 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1887в. – Вып. XVI. – С. 1-5.
- Журнал общего собрания членов Тамбовской ученой архивной комиссии 1-го сентября 1888 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1888. – Вып. XXI. – С. 1-4.
- Журнал общего собрания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 20 октября 1888 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1889. – Вып. XXII. – С. 1-4.
- Журнал общего заседания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 31 января 1890 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1890а. – Вып. XXVII. – С. 3-11.
- Журнал общего заседания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 14 марта 1890 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1890б. – Вып. XXVIII. – С. 3-16.
- Журнал общего собрания членов Тамбовской ученой архивной комиссии 31 августа 1890 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1890в. – Вып. XXX. Отд. II. – С. 3-13.
- Журнал общего заседания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 9 сентября 1893 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1893. – Вып. XXXVIII. – С. 5-8.
- Журнал общего собрания членов Тамбовской ученой архивной комиссии 8 сентября 1899 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1901. – Вып. XLIV. – С. 17-21.
- Журнал 131-го заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 11-го сентября 1906 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электро-Тип. губернского правления, 1909а. – Вып. 53. Часть III. – С. 10-11.
- Журнал 139-го заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 11 ноября 1907 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электро-Тип. губернского правления, 1909б. – Вып. 53. Часть III. – С. 19-20.

- Заседание 9 апреля 1901 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1901. – Вып. XLV. – С. 23-25.
- Калашиников Д.В. Край родимый – Тамбов: Изд-во «Тамбовская правда», 1959. – 126 с.
- Кушелева Л. Из глубины веков // Тамбовская жизнь. 21 июля 2001 г. № 140. С. 1.
- Ларин Н.Н. Краткий историко-археологический обзор Борисоглебского уезда // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1918а. – Вып. 58. – С. 263-268.
- Ларин Н.Н. Археологические находки в окрестностях с. Ростошей Борисоглебского уезда за последнее время // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губ. отд. управления при Губисполкоме, 1918б. – Вып. 58. – С. 269-271.
- Моисеев Н.Б. Палеонтологическая коллекция мамонтовой фауны в Тамбовском краеведческом музее // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2017. – Вып. 8. – С. 217-228.
- Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. – Тамбов: Типолитография Губернского правления, 1903. – С. 78-110.
- Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1905. – Вып. 50. – С. 59-100.
- Носорог у Вороны // Комсомольское знамя. 13 ноября 1977 г. № 136.
- О выставке произведений Тамбовской губернии. 3 июля 1837 года. – Б.м. Б.г. – 15; 9 с.
- О курганах в Тамбовской губернии // Тамбовские губернские ведомости. – Тамбов, 1873. – № 42. – С. 282-283.
- Опись делам, отобранным для хранения в историческом архиве членом комиссии А.А. Курбатовым // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1897. – Вып. XLI. – С. 32-86.
- Опись делам, отобранным для хранения в историческом архиве членом комиссии П.И. Пискаревым // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1893. – Вып. XXXVI. – С. 31-101.
- От высочайше учрежденной Тамбовской губернской ученой архивной комиссии // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1886. – Вып. XI. – С. 11-12.
- Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1910 г. // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. – Вып. 54. Часть II. – С. 29-39.
- Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1911 год // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электро-тип. губернского правления, 1915а. – Вып. 56. Часть III. – С. 1-10.
- Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1915 год // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электрическая типо-лит. губернского правления, 1915б. – Вып. 57. Часть II. – С. 46-65.
- Отчет о состоянии Тамбовской ученой архивной комиссии в 1902 году // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1903. – Вып. XLVIII. – С. 1-7.
- Петручук Р.А. Находке 90 тысяч лет // Комсомольское знамя. 17 февраля 1978 г. № 21. С. 3.
- Проскурников А.В. Розанов М.Г. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1890. – Вып. XXVI. – С. 34-55.
- Протокол заседания общего собрания членов Тамбовской ученой архивной комиссии 21 апреля 1889 г. // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1889а. – Вып. XXIII. – С. 72-73.

- Протокол общего собрания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 8 марта 1889 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1889б. – Вып. XXIII. – С. 1-7.
- Протокол 162 заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 11 ноября 1909 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911а. – Вып. 54. Часть II. – С. 71-74.
- Протокол 168-го заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 15 сентября 1910 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911б. – Вып. 54. Часть II. – С. 86-91.
- Протокол 172 заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 12 января 1911 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911в. – Вып. 54. Часть II. – С. 97-101.
- Протокол 174 заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 10 февраля 1911 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911г. – Вып. 54. Часть II. – С. 104-106.
- Протокол 177 заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 27 мая 1911 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911д. – Вып. 54. Часть II. – С. 110-112.
- Протокол 188-го заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 12 июня 1912 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электро-тип. губернского правления, 1915. – Вып. 56. Часть III. – С. 51-58.
- Протокол 199-го заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 12 июня 1913 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электрическая типо-лит. губернского правления, 1917а. – Вып. 57. Часть II. – С. 81-85.
- Протокол 228-го заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 21 мая 1915 г. // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электрическая типо-лит. губернского правления, 1917б. – Вып. 57. Часть II. – С. 168-178.
- Протокол 231 заседания Тамбовской ученой архивной комиссии 11 ноября 1915 г. // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Электрическая типо-лит. губернского правления, 1917в. – Вып. 57. Часть II. – С. 186-189.
- Самоцветов А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1916. – 62 с.
- Сафронов. Выставка произведений Тамбовской губернии, 3-го июля 1837 года // Сын отечества. – СПб: Типография А. Смирдина, 1838. Т. 4. – С. 148-179.
- Соловский В.В. Памятная книжка редакции неофициального отдела «Тамбовских Губернских Ведомостей» по поводу их пятидесятилетия (1838-1888 гг.). – Тамбов. 1888. – 346 с.
- Сообщение члена комиссии Р.П. Ситовского // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1885. – Вып. VII. – С. 60-63.
- Тамбовские губернские ведомости. № 47. – Тамбов, 4.05.1889.
- Тарасов П.Г. Новооткрытое доисторическое поселение // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1906. – Вып. 52. – С. 1-36.
- Толмачева У.В. Тамбовском краеведческом музее можно увидеть кости мамонта. – Тамбов, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://vtambove.ru/news/society/62120/> (Дата обращения: 20.06.2021).
- Черменский П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губернии // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. № 1. – Тамбов, 1925а. – С. 5-12.
- Черменский П.Н. Новая находка костей мамонта // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. № 1. – Тамбов, 1925б. – С. 24.
- Черменский П.Н. Состояние и перспективы изучения культурной истории и современной культуры Тамбовского края // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. № 3. – Тамбов, 1928. – С. 81-84.

А.М. Родионов*, **Н.Е. Белоусова****, **А.Ю. Федорченко****

* – Музей-заповедник «Дивногорье», Воронеж, РФ

** – Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА БИФАСОВ В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ И РУССКОЙ РАВНИНЫ, СЫРЬЕВОЙ АСПЕКТ¹

В данной статье представлены результаты исследования технологии производства бифасиальных форм ранних стадий позднего палеолита стоянок, которые по умолчанию не могут быть отнесены к единому культурному пространству. Кроме того, сырьевые стратегии и каменное сырье, используемое обитателями этих мест, принципиально отличались друг от друга. Проведенные изыскания позволили рассмотреть некоторые аспекты технологического анализа верхнепалеолитических каменных индустрий с бифасами, а также сделать ряд выводов о принципиальных возможностях методов производства тонких бифасиальных наконечников в условиях различных сырьевых баз.

В качестве предмета исследования выступили индустрии ранних этапов верхнего палеолита Русской равнины и Южной Сибири, имеющие в своем инвентаре бифасиальные изделия. С одной стороны, это материалы стрелецкой культуры, период бытования которой приходится на промежуток между 45 тыс. кал. л.н. (для культурного слоя V Костенки-1) и 34 тыс. кал. л.н. (для комплексов стоянок Сунгирь, Выси и Гарчи) [Sinitsyn, Bessudnov, 2019]. С другой стороны, были проанализированы индустрии кара-бомовской традиции Алтая, входящей в культурную общность начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии. Бифасы и отходы их производства были выявлены на территории Алтая на стоянках Усть-Каракол-1, Ануй-3, Кара-Бом, Тюмечин-4, Денисова пещера [Проблемы..., 1998; Деревянко, Шуньков, 2004; Белоусова и др., 2019; Михиенко, Белоусова, Козликин, 2021]. Хронология комплексов, привлекаемых к анализу, укладывается в широкий

¹ Работа выполнена при поддержке фонда РФФ, проект №20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоения человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

диапазон от 48 тыс. кал. л.н. до 34 тыс. кал. л.н.; в тоже время, можно говорить уверенно о присутствии бифасов только в материалах начального верхнего палеолита региона. Каменные индустрии кара-бомовской традиции базировались на пластинчатом и мелкопластинчатом расщеплении, листовидные бифасиальные формы рассматриваются в качестве наконечников. Операционные последовательности изготовления отдельных изделий были изучены достаточно детально, что отражено в научной литературе [Белоусова, Рыбин, Федорченко, 2019].

Индустрия стрелецкой культуры основывается, главным образом, на использовании в качестве сырья кремня, как цветного, так и мелового, в редких случаях – кварцита. Бифасы кара-бомовской традиции изготавливались из отдельных тонкораскристаллизованных кислых афировых эффузивов, порфировых эффузивов, алевролитов и алевролитопесчаников, роговиков, кремнистых осадочных пород аргиллит-алевролитового ряда, в т.ч. яшмовидных (определения к.г.-м.н. Кулик Н.А., ИАЭТ СО РАН). Обозначенные культурные явления имеют схожий возраст и стадийную принадлежность, что делает сопоставление технологий изготовления бифасиальных форм и особенностей «поведения» сырья разных регионов весьма перспективным направлением работы, в результате которой может быть сформирована методическая основа для более широких корреляций. Данное исследование не ставит задачу «прочитать» каждый наконечник с каждой упомянутой стоянки, а скорее выявить и определить основные закономерности расщепления разного типа сырья при изготовлении технологически похожих артефактов.

В основу сравнительных исследований легли наблюдения о технологии производства стрелецких треугольных наконечников, подробно изложенные в работе Е.Ю. Гири и соавторов [Аникович, Гиря, Бредли, 1998]. Наиболее значимым аспектом этой технологии является вторичное утончение, требующее специальной подготовки площадок для эффективной реализации скола. Здесь ключевая роль отводится абразивной обработке, изолированию ударной площадки, снятию фаски и управлению углом скальвания посредством ретуширования зоны расщепления. Указанные приемы помогали мастеру достичь определенной цели – произвести удлиненный скол утончения, пересекающий центральную ось изделия (рис. 1, 1). Данный подход, а также специфика формы орудия, приводили к формированию сечения с двояким расширением, отличного от правильного линзовидного (рис. 2, 6–7). При этом наиболее подходящим инструментом для снятия таких сколов выступал мягкий отбойник, соотносимый с рогом [Там же. С. 49].

В основу исследования листовидных бифасов стоянок Южной Сибири было положено экспериментальное моделирование, основанное на анализе археологического материала, а также результаты геолого-минералогических изысканий. Согласно полученным данным, сырьевые стратегии верхнепалео-

литических обитателей Алтая отчетливо демонстрируют дифференциацию сырья для изготовления бифасиальных форм в соответствии с его петрофизическими и качественными характеристиками. Основная часть известных изделий ($n = 25$) выполнена из высококачественных тонкораскристаллизованных эффузивов и кремнистых осадочных пород, в т.ч. редких и уникальных разновидностей. Осадочные породы типа алевролитов, алевролитопесчаников и песчаников наиболее широко представленные в индустриях и зачастую служившие, например, для производства пластинчатых сколов, использовались в единичных случаях (0,5%). Определялся ли такой выбор сырья для изготовления двусторонне обработанных орудий их итоговыми потребительскими свойствами (например, аэродинамическими или физическими) или предрасположенностью той или иной отдельности к утончению, может быть установлено только в рамках экспериментальных и сравнительных исследований. Основной заготовкой для бифасов служили массивные отщепы, отбравшиеся как ситуативно, так и целенаправленно, исходя из удачной продолговатой формы и свойств сырья.

Для моделирования технологии производства бифасиальных изделий Алтая каменное сырье отбиралось из вторичных русловых источников в непосредственной близости от изучаемых памятников – в долинах рр. Урсул и Ануй. Экспериментальному расщеплению подвергался широкий спектр пород – эффузивные, осадочные и метаморфические, как более низкого качества, так и более высокого качества, по визуальному восприятию близкое к кремню. Реализация первичной стадии оббивки и формирования ребра в рамках экспериментов производилась классическим способом – при помощи жесткого минерального отбойника, без дополнительных манипуляций с зоной расщепления. Сложность реализации этапов утончения бифасиальных форм на местном сырье заключалась в поиске оптимальных способов формирования условий для снятия более прямых в профиль сколов и как следствие – более длинных, а также в подборе подходящего инструментария. В результате исследований был выявлен ряд технологических особенностей, влиявших на процесс расщепления и морфологию конечного продукта:

1. Согласно нашим наблюдениям, с точки зрения потребительских свойств сырья алтайских стоянок имеет сравнительно низкую эластичность (по сравнению с кремнем), вследствие чего снижается возможность производить длинные тонкие сколы с изогнутым профилем, ныряющие сколы. При этом степень эластичности существенно варьирует в зависимости от типа сырья – она ожидаемо максимальна для группы высококачественных кремнистых осадочных и эффузивных пород (рис. 2, 1, 2).

2. Невыгодные условия для реализации тонких длинных сколов заставили в рамках экспериментов адаптировать классический способ утончения (рис.

1, 1) и подстроиться под снятие более массивных сколов, достигающих только центральной оси изделия и, в редких случаях, ее пересекающих. Данный подход привел к необходимости одинаково интенсивной обработки обеих сторон орудий, а также к реализации сколов утончения в четырех плоскостях, или трех – если в качестве заготовки выступал отщеп (рис. 1, 2). Сложившаяся ситуация соответствует археологическим реалиям (рис. 1, 4). При этом, технологический анализ листовидного наконечника со стоянки Кара-Бом [Белоусова и др., 2019] продемонстрировал, что смена обрабатываемых плоскостей происходила накрест в сечении (А1–Б2–Б3–Б4) (рис. 1, 4); в то время как при изготовлении стрелецких бифасов плоскости оформлялись поочередно (А1–А4–Б2–Б3). На верхнепалеолитических бифасах Алтая достаточно отчетливо прослеживается наличие сравнительно большой лишней массы в центральной части (рис. 2, 5), на отдельных орудиях из осадочных пород это проявляется в присутствии своеобразного ребра вдоль длинной оси. Таким образом, специфика алтайского сырья, задавала определенный вектор операционной последовательности и определяла морфологию готового орудия.

3. При бифасиальной обработке алтайского сырья зона расщепления требовала минимальной подготовки – посредством снятия карниза и частичного изолирования точки удара. Пришлифовка ударной площадки как таковая не являлась эффективной, а в случае ее реализации вероятность удачного начала скальвающей существенно снижалась. Уплотнение точки в рамках экспериментов приводило к крайне невыгодному развитию скальвающей – коническая трещина, возникающая при ударе, разворачивается вглубь формы и образует залом.

4. Достаточно затруднительным является преодоление неудачных сколов с петлевидным окончанием и формирование повторного скола, снимающего залом. Исправление ситуации приводит к значительной потере ширины изделия, снятие залома длинным встречным сколом в данной ситуации практически невозможно.

5. Адаптация классического метода утончения кремневых наконечников также заключалась в изменении угла приложения удара по отношению к форме – на больший по направлению от формы.

6. Если в древности при расщеплении кремня ударные площадки подготавливались точно, а ребро бифаса преднамеренно заваливалось ретушью для получения нависающей площадки и, соответственно, реализации длинных сколов утончения, то в случае с сырьем долин рр. Тюмечин и Ануй этот подход являлся не эффективным. В последнем случае при снятии сколов утончения вместе с зоной точки удара всегда отщепляется прилегающая к площадке часть – на вентральной поверхности остается большая «губа» (рис. 1, 3). Формирование нависающей площадки в рамках экспериментов приводило к тому же результату, что и пришлифовка площадки.

7. Овальное снование листовидных бифасиальных наконечников алтайских стоянок являлось одним из условий, которое позволяло древним мастерам получить дополнительную площадку для утончения орудий. Оно формировалась на финальной стадии уплощения.

Из основной массы двусторонне обработанных листовидных изделий на памятниках Алтая выделяются несколько наконечников. Один из них со стоянки Кара-Бом [Белоусова и др., 2019], второй – со стоянки Ануй-3 [Деревянко, Шуньков, 2004. С. 31] (рис. 2, 4–5); эти артефакты наиболее изящны, имеют правильные пропорции, а качество вторичной отделки сравнимо с наконечниками стрелецкого типа (рис. 2, 6–7). Доведение формы алтайских бифасов уплощающей ретушью является интересным технологическим аспектом. Аналогичный прием оформления дистальной части наконечников был прослежен на стрелецких треугольных формах [Аникович, Гирия, Бредли, 1998].

В результате исследования удалось установить, что необходимым условием реализации сколов утончения являлась высокая скорость первоначального импульса, приложенного к форме. Увеличение длины отбойника положительно сказывается на динамике, и эта закономерность практически сразу отбрасывают идею об изготовлении тонких бифасиальных изделий Алтая жестким минеральным отбойником. Первые опыты экспериментального моделирования это наглядно подтвердили, дальнейшие исследования позволят верифицировать этот вывод. Также было сделано следующее любопытное заключение – адаптация опытного мастера к особенностям ранее незнакомого сырья происходила за несколько удачных сколов, а сам же факт подобной адаптации на дебитаже проследить практически невозможно.

На первый взгляд создается впечатление, что технология производства верхнепалеолитических бифасов алтайских памятников сама по себе не несет выраженной специфики в сравнении с материалами Русской равнины, однако она определенно сильно варьирует в соответствии с «поведением» сырья и его петрофизическими особенностями, возможно именно в этом заключается ее уникальность. В абсолютном большинстве случаев конечный вид бифасиальных орудий зависел от сторонних факторов: первичной формы, свойств сырья, инструментария, количества сделанных ошибок во время скалывания, и, вероятно, будущей функции орудия.

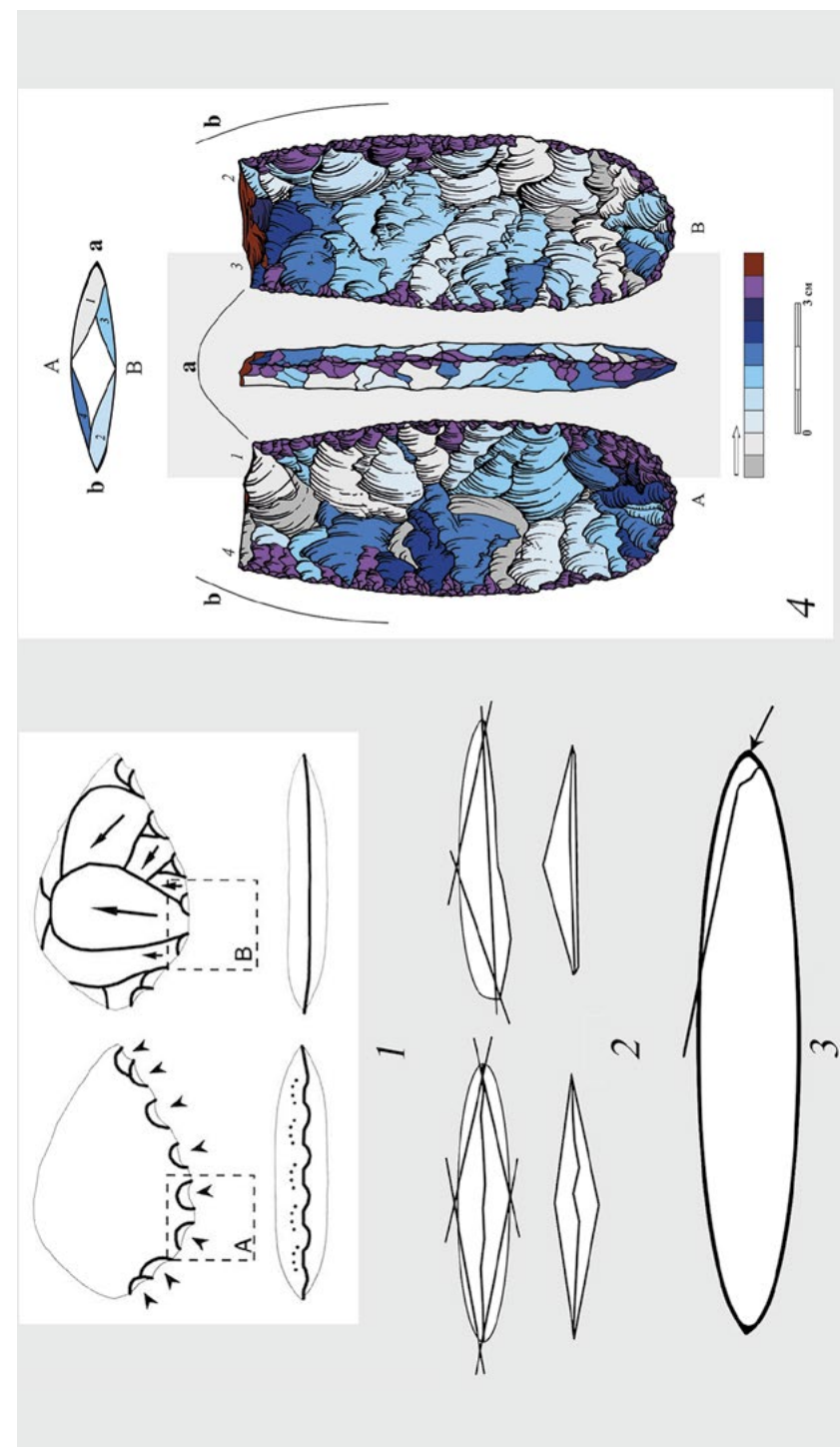

Рис. 1. 1 – схема подготовки и утончения бифаса, по [Аникович, Гирия, Бредли, 1998, С. 46]; 2 – схема расположения плоскостей расщепления бифасиальных форм на желваке и опущене; 3 – схема реализации сколов утончения с забором части площадки; 4 – реконструкция последовательности оформления и фрагментации листовидного бифаса со стоянки Кара-Бом [Белоусова и др., 2019].

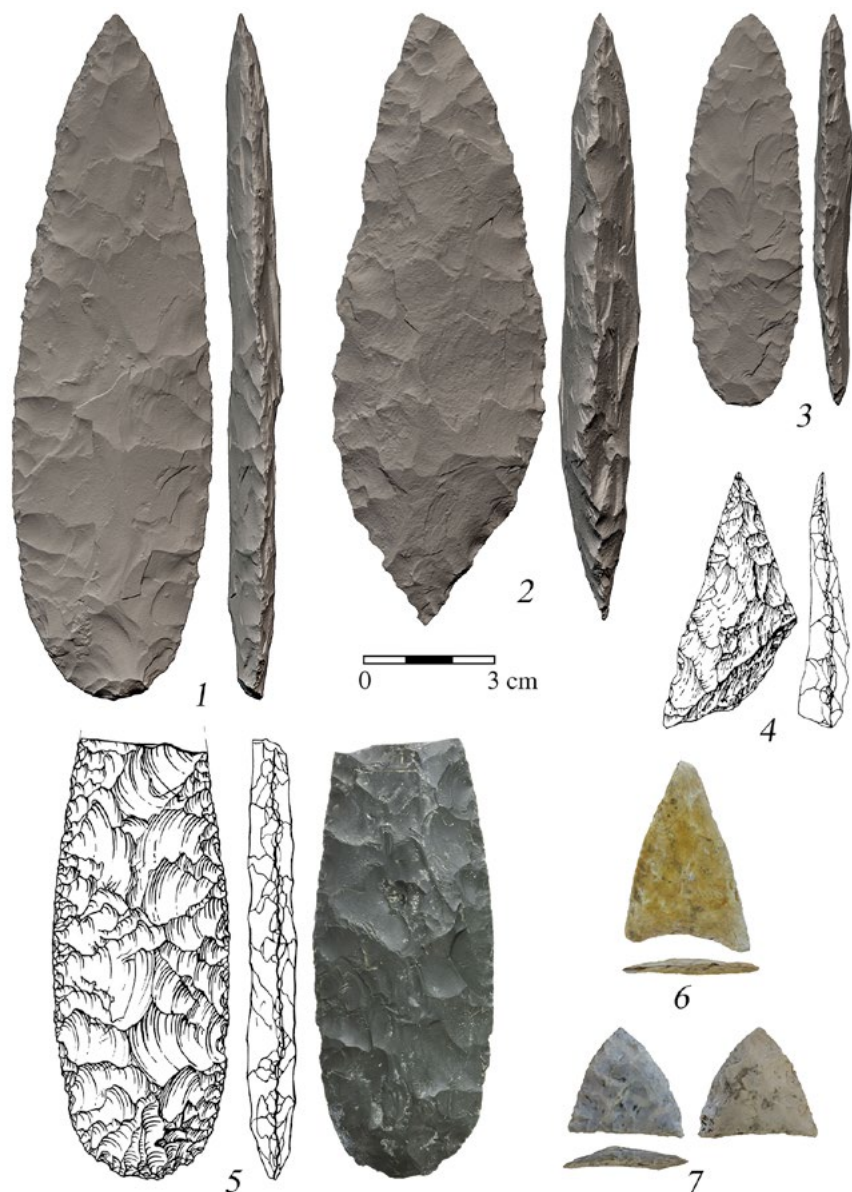

Рис. 2. 1–3 – листовидные бифасы, полученные в результате экспериментов (1, 3 – кислый эффузив слабоороговикованный, 2 – алевролит от средне- до мелкозернистого с переходами в аргиллит); 4 – листовидный бифас из афирового эффузива, стоянка Ануй-3, по: [Дервянко и др., 2002]; 5 – листовидный бифас из тонкозернистого слабометоморфизованного алевролита, стоянка Кара-Бом, по: [Белоусова и др., 2019]; 6–7 – стрелецкие наконечники, опубликованные в сети интернет: <http://earlymodernhumaneurope.com/artefacts/Kostenki-12-Streletskian-point/>.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // Археологические вести. – 1998. – №5. – С. 42–54.
- Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю. Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2019. – №1. – С. 225–250.
- Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 36–43.
- Дервянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – №1(9). – С. 16–41.
- Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Козликин М.Б. Бифасиальные изделия верхнего палеолита из Денисовой пещеры // Новые материалы и методы археологического исследования: матер. VI конф. мол. ученых. – М.: ИА РАН, 2021. – С. 33–35.
- Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Дервянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, М.В. Шуньков и др. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.
- Sinitsyn A.A., Bessudnov A.A. New reflections on the EUP and AMH dispersal in Eastern Europe // Proceedings of the ESHE. – Vol. 8. Liege: European Society for the study of Human Evolution, 2019. – P. 178.

А.Ю. Федорченко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ УКРАШЕНИЙ И КОСТЯНОГО ИНВЕНТАРЯ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ¹

Формальные костяные орудия и персональные украшения рассматриваются в качестве важнейших элементов культурной идентичности и хронологических маркеров первых верхнепалеолитических сообществ в Северной и Центральной Азии [Rybin, 2014; Shunkov et al., 2020]. Древнейшие изделия подобного рода происходят с территории Алтая, преимущественно из карстовых пещер, микроклимат которых способствует превосходной сохранности органических материалов. В результате недавних исследований коллекция костяного инструментария и предметов личной орнаментации с алтайских памятников ощутимо выросла как в количественном, так и в качественном отношении [Федорченко, Козликин, Шуньков, 2017; Krivoshepkin et al., 2018; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2019]. Определенные достижения в изучении данных категорий артефактов связаны с реконструкцией способов их производства [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008; Федорченко и др., 2020; Belousova et al., 2020; Shunkov et al., 2020]. На этом фоне, вопросы культурно-хронологической атрибуции верхнепалеолитических украшений и костяных орудий региона остаются не раскрытыми в силу специфики источников, их контекстов и состояния изученности памятников.

Содержание ранних этапов верхнего палеолита Алтая характеризуется появлением на исторической арене и дальнейшим развитием двух культурных генераций – кара-бомовской и усть-каракольской [Деревянко и др., 1998; Деревянко, Шуньков, 2004]. В хронологическом отношении эти традиции представляли собой разновременные эпизоды обитания человека на территории региона [Белоусова, 2018]. Древнейшие комплексы кара-бомовской традиции появляются на Алтае около 46–43 тыс. некал. л.н. и напрямую связаны с распространением

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ, проект №20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоения человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

в Евразии культурной общности начального верхнего палеолита (НВП). Эти индустрии характеризует производство крупных пластин и мелких пластинчатых сколов, орудий на пластинах и бифасов, единичных изделий из кости [Деревянко, Рыбин, 2003; Белоусова, Рыбин, Федорченко, 2019]. Памятники усть-каракольской традиции раннего верхнего палеолита (РВП) маркируют более поздний эпизод заселения Алтайского региона – в пределах 35–30 тыс. некал. л.н. Их комплексы базировались, преимущественно, на мелкопластинчатом объемном и радиальном отщеповом расщеплении, в орудийных наборах представлен мелкий инструментарий, изделия высокой формы и массивные орудия [Белоусова, 2018]. Большинство ранних находок украшений и инструментов из органических материалов, известных в этом регионе, связывалось с носителями именно этой культурной традиции [Деревянко, 2011. С. 21–29].

В настоящий момент на территории Алтая известно восемь стратифицированных комплексов НВП и РВП с находками костяных орудий и предметов личного декора. В данной работе предпринята попытка проследить взаимосвязи обсуждаемых изделий с известными в регионе культурными явлениями. Для этого были систематизированы доступные данные о культурно-хронологических контекстах, технологии и типологии костяного инструментария и предметов персонального декора из верхнепалеолитических памятников Северо-Западного (пещеры Денисова и Страшная, стоянки Усть-Каракол-1 и Ануй-2) и Центрального Алтая (Кара-Бом, пещеры Усть-Канская и Малояломанская), в также алтайский отрогов Горной Шории (Ушлеп-6).

В процессе исследования нами учитывались данные по всем основным разновидностям формальных орудий из органических материалов, известных на стоянках начала верхнего палеолита Алтая: наконечникам, иглам с ушком, шилья, проколки, игольники, лоцила, лопаточки [Деревянко, Шуньков, 2004; Кунгуров, 2005; Боманн и др., 2018; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2019; Belousova et al., 2020; Федорченко, Белоусова, 2021]. Эти артефакты изготавливались из стенки трубчатой кости или целой кости, бивня мамонта или рога благородного оленя. При решении задач исследования нами рассматривались следующие категории украшений: бусины, простые и орнаментированные пронизки, подвески с перфорацией или кольцевой нарезкой, бляшки с двумя или тремя отверстиями, кольца и браслеты, диадемы и орнаментированные изделия [Деревянко, Рыбин, 2003; Федорченко, Козликин, Шуньков, 2017; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2018; 2019; Деревянко и др., 2018; Krivoshepkin et al., 2018; Shunkov et al., 2020]. Для производства указанных предметов применялась кость и зубы млекопитающих, бивень мамонта, поделочный камень (тальк, агальматолит, серпентин, мрамор, хлоритолит, хризотил), раковины пресноводных моллюсков и скорлупа яиц страусов.

Общая численность опубликованных предметов персональной орнаментации со стоянок начала верхнего палеолита Алтая, согласно нашим подсчетам,

составляет порядка 200 изделий, формальных костяных орудий – свыше 40 (табл. 1). Основной массив артефактов обсуждаемых типов происходит из комплексов Денисовой пещеры – относительно итогового числа предметов личного декора и костяного инструментария, известных в регионе, их доля составляет не менее 95% и 80% соответственно. Из контекстов других пещерных памятников и стоянок открытого типа этой территории получены, как правило, лишь единичные находки, в отдельных случаях – небольшие серии предметов. Наибольшая типологическая вариабельность обсуждаемых категорий артефактов прослеживается в материалах слоя 11 южной галереи и центрального зала Денисовой пещеры. В совокупности две эти коллекции демонстрируют максимально полный набор типов, представленных в НВП и РВП Алтая. Предполагается, что в археологическом отношении индустрии Денисовой пещеры сочетают в себе элементы двух культурных традиций – кара-бомовской и усть-каракольской [Белоусова, 2018]. Их специфические технокомплексы отчетливо фиксируются на ближайших к пещере многослойных памятниках Ануйской долины – Усть-Каракол-1, Ануй-1 и -3. Широкий разброс возрастных определений вкуче с невыявленной археологической стратификацией пока не позволяют с полным основанием рассматривать верхнепалеолитические ансамбли Денисовой пещеры в качестве опорных для решения проблемы культурно-хронологической атрибуции формальных костяных орудий и украшений Алтая. Важную роль в подобной ситуации приобретают находки из стратифицированных монокультурных комплексов этого региона и сопредельных территорий.

В большинстве случаев, возраст древнейших костяных индустрий Алтая определяется на основании результатов абсолютного датирования материалов и культуросодержащих отложений памятников (табл. 2); исключение составляет серия прямых определений, полученная по артефактам из кости. В настоящий момент по материалам верхнепалеолитических комплексов региона получено свыше 100 радиоуглеродных дат. Наиболее крупные серии, устанавливающие хронологический контекст костяных орудий и украшений, получены по образцам угля и кости из позднеплейстоценовых отложений Денисовой пещеры, стоянок Кара-Бом (43 тыс. некал. л.н.), Усть-Каракол-1 (33,4–29,7 тыс. некал. л.н.) и Ануй-2 (28–27 тыс. некал. л.н.) [Деревянко и др., 1998; Природная среда..., 2003; Douka et al., 2019]. Возраст интересующих нас находок, происходящих из других алтайских местонахождений, определяется по единичным датам (стоянка Уш-леп и пещера Малояломанская), дискусионен (пещера Страшная) или доподлинно не установлен (пещера Усть-Канская). Позитивной тенденцией в исследованиях последних лет стало прямое датирование костяных артефактов (табл. 3) [Douka et al., 2019; Velousova et al., 2020]. На сегодня получено девять дат (табл. 3), большинство из которых определяет возраст изделий из Денисовой пещеры; результаты датирования артефактов распределяются на три хронологические группы: 42 900–39 300, 35 400–30 100, 28 300–27 800 некал. л.н. Возраст наконеч-

ника со стоянки Кара-Бом маркирует верхнюю хронологическую границу культурного горизонта ВП1, характеризующего, по всей видимости, поздний эпизод существования кара-бомовской традиции.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что наиболее ранние находки формальных костяных орудий и украшений верхнего палеолита Алтая имеют различный возраст и связаны с несколькими культурными генерациями. Анализ хронологии, распространения и типологической вариабельности подобных изделий позволяет связать с индустриями кара-бомовской традиции древнейшие для региона беспазовые наконечники и шилья, а также подвески со сверленными отверстиями из кости и зубов копытных млекопитающих. Схожий набор предметов персональной орнаментации и инструментов из твердых органических материалов, достаточно ограниченный в типологическом отношении, фигурирует и в материалах других памятников НВП Евразии – от Центральной Европы до Забайкалья [Rybin, 2014; Zwyns, Lbova, 2019; Hublin et al., 2020]. Согласно имеющимся данным, аналогичные типы артефактов в целом характерны и для более поздних комплексов усть-каракольской традиции, что позволяет рассматривать эти изделия как универсальные, нейтральные в культурном отношении.

В настоящий момент с большим основанием мы можем судить о присутствии специфичных форм и технологий, характерных для усть-каракольских индустрий. Судя по материалам памятников Усть-Каракол-1 и Ануй-2, в качестве надежных культурных и хронологических маркеров этой традиции могут рассматриваться подвески из поделочных пород камня и раковин моллюсков. Фиксируемые предпочтения в выборе экзотического материала вполне соответствует сырьевой парадигме носителей усть-каракольской традиции [Федорченко и др., 2020]. Данные о хронологии и пространственном контексте игл с ушком и орнаментированных костяных изделий Денисовой пещеры также позволяют предполагать их принадлежность к данной культурной общности [Федорченко, Белоусова, 2021]. Корреляция материалов этого памятника с палеолитическими ансамблями прилегающих территорий дает основание связывать с индустриями РВП Алтая и коллекцию артефактов из бивня, включая и такие специфические формы украшений как диадемы, кольца и браслеты [Shunkov et al., 2020]. Технологии обработки кости и производства предметов личного орнамента продолжают развиваться в регионе в финале каргинского и первой половине сартанского времени, на что указывают немногочисленные находки из слоя 5 предвходовой площадки и слоя 9 центрального зала Денисовой пещеры, слоя 31а пещеры Страшной: иглы, наконечники, пазовые орудия, перфорированные подвески из зубов животных, бляшки из бивня, бусины из скорлупы и ископаемых раковин моллюсков [Природная среда..., 2003; Krivoshekin et al., 2018]. В культурном отношении эти комплексы, по всей видимости, наследуют усть-каракольской традиции.

В целом, определение возраста и культурная атрибуция основных категорий костяного инструментария и личных украшений алтайских памятников по-прежнему осложняется отсутствием значимого количества прямых AMS-дат и спецификой стратиграфического контекста отдельных находок, не дающего однозначных указаний на их возраст. Продолжение исследований в данном направлении позволит конкретизировать сложившуюся картину и, в конечном итоге, будет способствовать лучшему пониманию динамики культурного развития в верхнем палеолите Алтая.

Табл. 1.

Типологическая вариабельность формальных костяных орудий и украшений в комплексах начала верхнего палеолита Алтая

	Денисова пещера, вост. галерея, сл. 11.1–11.2	Денисова пещера, центр. зал, сл. 11	Денисова пещера, юж. галерея, сл. 11	Денисова пещера, предвход. площ., сл. 7–6	Кара-Бом, культ. гор. ВП2	Кара-Бом, культ. гор. ВП1	Пещера Малоляманская, сл. 3	Пещера Усть-Канская	Пещера Страшная, сл. 3 ₃ и 3 _б	Усть-Каракол-1, сл. 9	Ануй-2, сл. 13.2	Ушлеп-6, культ. сл. 8
Наконечники из кости		+	+						+			
Наконечники из бивня		+	+									+
Наконечники из рога				+		+						
Иглы из кости	+	+	+	+					+			
Иглы из бивня		+										
Игольники		+										
Шилья из кости		+	+									
Проколки из кости		+	+									
Лоцила из кости			+									
Лопаточки из кости			+									
Лопаточки из бивня												+
Бусины из кости	+	+	+									
Бусины из бивня	+	+	+	+								
Бусины из камня	+	+	+									

Бусины из скорлупы	+	+	+	+								
Пронизки из кости	+	+	+									
Орнамент. пронизки из кости	+	+	+									
Подвески из зубов с отверстием	+	+	+	+	+				+		+	
Подвески из зубов с нарезкой			+	+								
Подвески из кости				+	+	+						
Подвески из бивня			+	+							+	
Подвески из камня	+	+	+									+
Подвески из раковин			+	+								+
Бляшки из бивня	+	+									+	
Кольца из бивня	+			+	+							
Кольца из камня	+			+								
Браслеты из камня	+			+								
Браслеты из бивня				+								
Диадемы из бивня			+	+								
Изделия с орнаментом	+	+	+									

Табл. 2.

Хронологическая и культурная атрибуция комплексов начала верхнего палеолита Алтая с находками формальных костяных орудий и украшений

№	Памятник, слой	Хронологическая атрибуция	Культурная атрибуция	Источник
1	Денисова пещера, лит. слои 11.1–11.2 вост. галереи / сл. 11 центр. зала и южной галереи / сл. 7–6 предвход. площ.	НВП / РВП, 50–27,8 тыс. некал. л.н.	Кара-бомовская / усть-каракольская традиции	Douka et al., 2019
2	Кара-Бом, культ. гор. ВП2	НВП, 43 тыс. некал. л.н.	Ранний этап кара-бомовской традиции	Деревянко, Рыбин, 2003
3	Кара-Бом, культ. горизонт ВП1	НВП, 34,1–29,1 тыс. некал. л.н.	Поздний этап кара-бомовской традиции?	Belousova et al., 2020

№	Памятник, слой	Хронологическая атрибуция	Культурная атрибуция	Источник
4	Пещера Малоюломанская, лит. слои 3 и 4	НВП, старше 33,3 тыс. некал. л.н.	Кара-бомовская традиция	Деревянко, Рыбин, 2003
5	Пещера Усть-Канская	НВП / РВП	Кара-бомовская? / усть-каракольская традиция?	Деревянко, Рыбин, 2003
6	Пещера Страшная, лит. слои 3 ₃ и 3 _{1b}	НВП, 43,5–44 / 35 тыс. некал. л.н.	Кара-бомовская? / усть-каракольская традиция?	Krivoshapkin et al., 2018
7	Усть-Каракол-1, лит. слой 9	РВП, 33,4–29,7 тыс. некал. л.н.	Ранний этап усть-каракольской традиции	Природная среда..., 2003
8	Ануй-2, лит. слой. 13.2	РВП, 26–27 тыс. некал. л.н.	Поздний этап усть-каракольской традиции?	Природная среда..., 2003
9	Ушлеп-6, культ. слой 8	РВП?, 39,8 тыс. некал. л.н.	Усть-каракольская традиция?	Кунгуров, 2005

Табл. 3.

Результаты прямого AMS датирования формальных костяных орудий и украшений начала верхнего палеолита Алтая

№	Памятник, слой	Тип изделия	¹⁴ C дата, л.н.	Сигма (±)	Лаб. номер	Источник
1	Денисова пещера, центр. зал, слой 11.4	Шило из кости <i>Bison sp.</i>	42 900	2 000	ОxA-29872	Douka et al., 2019
2			41 200	1 400	ОxA-30271	Douka et al., 2019
3	Денисова пещера, вост. галерея, слой 11.2	Подвеска из зуба <i>Alces alces</i>	41 300	2 400	ОxA-30963	Douka et al., 2019
4	Денисова пещера, центр. зал, слой 11.4	Наконечник из кости <i>Equus sp.</i>	39 300	1 200	ОxA-34877	Douka et al., 2019

№	Памятник, слой	Тип изделия	¹⁴ C дата, л.н.	Сигма (±)	Лаб. номер	Источник
5	Денисова пещера, вост. галерея, слой 11.2	Подвеска из зуба <i>Cervus sp.</i>	35 400	900	ОxA-30005	Douka et al., 2019
6	Денисова пещера, вост. галерея, слой 11.1	Кость с орнаментом	30 100	210	ОxA-V-2359-20	Reich et al., 2010
7	Кара-Бом, культ. гор. ВП1	Наконечник из рога <i>Cervus elaphus</i>	29 110	320	ОxA-36907	Belousova et al., 2020
8	Денисова пещера, центр. зал, зачистка	Подвеска из зуба <i>Alces alces</i>	28 390	330	ОxA-34729	Douka et al., 2019
9	Денисова пещера, вост. галерея, слой 11.1	Подвеска из зуба <i>Cervus sp.</i>	27 820	340	ОxA-30006	Reich et al., 2010

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Белюсова Н.Е. Каменные индустрии начала верхнего палеолита Горного Алтая. – Автореф. дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2018. – 25 с.
- Белюсова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю. Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* – 2019. – №1. – С. 225–250.
- Боманн М., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – Т. XXIV. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 32–36.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Палеолитическая диадема из Денисовой пещеры // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 87–90.
- Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2003. – №3. – С. 27–50.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2004. – №3 (19). – С. 12–40.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2008. – №2 (34). – С. 13–25.

- Кунгуров А.Л. Костяные изделия палеолитического времени из стоянок и местонахождений северных предгорий Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2005. – №1. – С. 60–69.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.
- Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. – 2021. – №1. – С. 217–257.
- Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Кулик Н.А., Шуньков М.В. Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – №1 (48). – С. 3–15.
- Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXIII. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 259–262.
- Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 306–312.
- Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из Южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 198–204.
- Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Rybin E.P. et al. The Early Upper Palaeolithic bone industry of the Central Altai, Russia: new evidence from the Kara-Bom site // *Antiquity*. – 2020. – Vol. 94 (377). – e26.
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., et al. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. – 2019. – Vol. 565. – P. 640–644.
- Hublin J.-J., Sirakov N., Aldeias V. et al. Initial Upper Palaeolithic *Homo sapiens* from Bacho Kiro Cave, Bulgaria // *Nature*. – 2020. – Vol. 581. – P. 299–302.
- Krivoshapkin A., Shalagina A., Baumann M. et al. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains // *Antiquity*. – 2018. – Vol. 92 (365). – e1.
- Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and central Asia // *Quaternary International*. – 2014. – Vol. 347. – P. 39–52.
- Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic Ornaments and Formal Bone Tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // *Quaternary International*. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.
- Zwinyas N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology // *Archaeological Research in Asia*. – 2019. – Vol. 17. – P. 24–49.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Борщевская курганная группа. 2018 год.
Фото С. Чешихина

Н.Е. Арсенова

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА «МИХАЙЛОВСКИЙ КОРДОН» НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ Г. ВОРОНЕЖА¹

Городище «Михайловский кордон» расположено на большом мысу правого берега р. Воронеж (Воронежское водохранилище). Занимаемый городищем мыс имеет трапециевидную форму размерами 300x360 м. Высота мыса над уровнем реки составляет от 35 до 55 м с четко выраженным понижением площадки к юго-востоку. Наибольшую высоту и крутизну имеют северный и восточный склоны мыса, а южный склон - более пологий, общая площадь городища 8,9 га. Городище имеет две линии укреплений, внешнюю, представленную валом и рвом, она проходит вдоль всей западной стороны городища. Высота вала достигает 1-1,5 м при ширине основания в 6-7 м. Ров, идущий перед валом, заплыл, его глубина до 1 м при ширине 5-6 м [Пряхин и др., 1997].

Памятник был выявлен в конце XIX в., первые раскопки на нем осуществлены в 1928 г. под руководством П.П. Ефименко [Ефименко, Третьяков, 1948], продолжены в послевоенное время воронежскими археологами А.Н. Москаленко [Москаленко, 1948; 1981] и А.З. Винниковым [Винников, 1995; Винников, Цыбин, 2017].

Весной 2021 года экспедицией Археологического музея Воронежского университета во главе с Арсеновой Н.Е. проводились археологические исследования на городище «Михайловский кордон».

Задачами археологического исследования на городище являлось получение новых данных о планировке городища, характере домостроительства, жизнеобеспечения, хозяйства, бытового обихода с привлечением смежных дисциплин (палеопочвоведения и геофизики).

Раскоп 4 (раскопы 1-3 были заложены А.З. Винниковым в 1986 и 1989 гг.) [Пряхин и др., 1997. С. 31] находился на территории городища в его северо-западной части в пределах площади, укрепленной внутренней оборонительной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Воронежской области в рамках научного проекта №19-49-363003.

линией, на территории относительно свободной от лесной растительности, общая площадь раскопа 64 кв.м. Исследуемая территория включала в себя западину размерами 4x4 м, которая хорошо фиксировалась на уровне современной дневной поверхности. Выявленный культурный слой толщиной до 0,6 м представлял из себя темно-серую гумусированную плотную супесь с включениями желтой плотной супеси. Материк – желто-бурый суглинок. Находки из слоя представлены фрагментами керамической посуды боршевской культуры восточных славян VIII-X вв. и привозного импорта (салтово-маяцкого и византийского происхождения), а также серией костей животных.

На месте западины в площади раскопа выявлен объект № 1, который фиксировался на уровне материка в виде темного гумусированного пятна подквадратной формы. Котлован глубиной в материковом основании до 0,85 м длинной осью вытянут по линии северо-запад – юго-восток, его площадь около 22,5 кв. м. (Рис. 1). Внутри площади котлована расчищено 14 ям различных диаметров (от 0,25 м до 0,65 м), которые имеют непосредственное отношение к домостроительной конструкции данного объекта. В остатках жилища, в его северо-западной части (кв. 6) на уровне материковой поверхности были обнаружены остатки отопительного сооружения (печь?) размерами 0,9x0,7 м (углублена в материковое основание на 0,25 м). Напротив отопительного сооружения в юго-восточной части постройки находился предполагаемый вход со ступеньками (ямы 2, 3, 4). Стены котлована почти отвесные. Пол постройки материковый, достаточно плотный, по всей площади котлована хорошо фиксировался «натопт» (пол времени бытования постройки) на уровне -175 от условного «0» (толщина - до 0,06 м). В квадрате 10 на уровне «натопта» был обнаружен развал боршевского сосуда с защипами по краю венчика. Основные находки из объекта 1 представлены фрагментами славянских и импортных керамических сосудов, костями животных, а также серией индивидуальных находок (фрагмент ножа, пряслице из стенки сосуда, фрагмент подвески). Можно предположить, что постройка носила жилой характер.

Еще одно отопительное сооружение было зафиксировано в площади раскопа в северо-западном углу квадрата 1 (объект 3) на уровне -33 от условного «0», которое также может быть отнесено к объекту 1. Оно представляло из себя пятно прокала и угля размерами 0,75x0,8 м мощностью до 0,2 м.

В кв. 13, 14 располагался объект 2. Он представлял собой яму округлой формы, глубиной до 0,75 м и диаметром 1,5 м. В объекте были обнаружены фрагмент стенки и фрагмент дна лепного сосуда. Можно предположить, что данный объект имел хозяйственное назначение.

Подводя предварительные итоги, следует отметить, что новые исследования городища с применением естественнонаучных методов вместе с археологическими позволяют снять некоторые вопросы домостроительства и бытования данного памятника.

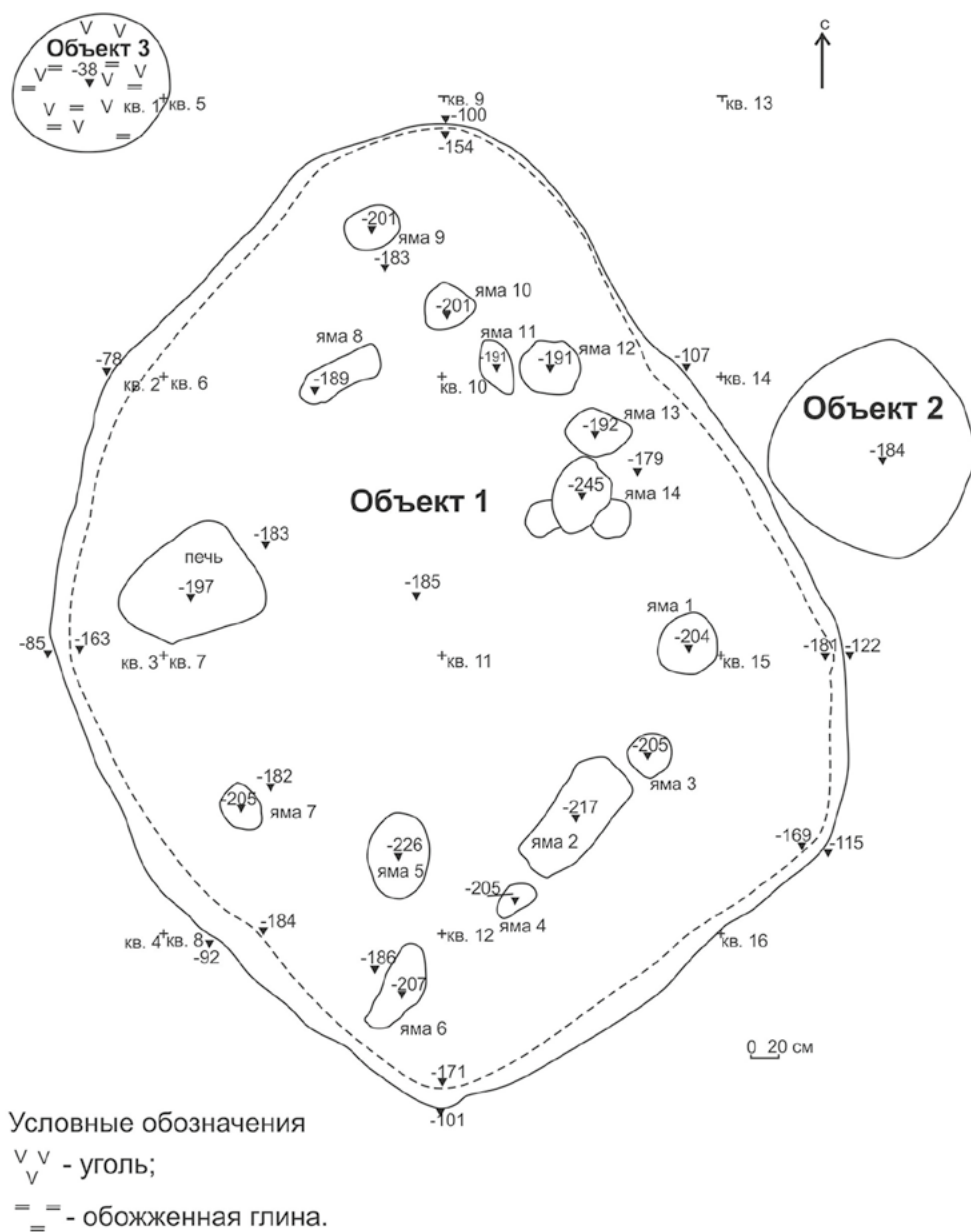

Рис. 1. Городище «Михайловский кордон», 2021 г. Раскоп 4. План раскопа с объектами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI в.). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. 168 с.

Винников А.З., Цыбин М.В. Славянское городище у «Михайловского кордона» на р. Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк: изд-во ЛГПУ, 2017. С. 81-93.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8. М. - Л., 1948. 121 с.

Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей в 1962 году // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2474. 103 л.

Москаленко А.Н. Славяне на Дону (боршевская культура). Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1981. 160 с.

Пряхин А.Д., Беседин В.А., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Выпуск 1. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. 43 с.

В.Н. Гурьянов

Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

СЛЕДЫ ЖИЛИЩ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ КУРОВО 6

Роменская культура, которую исследователи единодушно связывают с летописным племенем «сѣверь», изучается больше века [Куза, 1981; Григорьев, 2000]. В 2006 г. экспедиция Брянского университета провела раскопки в микро-регионе Курово (Погарский район Брянской обл.), в зоне строительства авто-страды и моста через р. Судость – правый приток Десны [Шинаков и др., 2014]. Свет на роменскую проблематику проливают материалы поселения Курово 6 (I надпойменная терраса правобережья Судости), где вскрыто 1216 м², исследовано 287 объектов, в т.ч. 7 построек [Гурьянов, Чубур, 2014]. Последним и посвящено данное сообщение.

Постройка № 1 (яма 45) (Рис.1: 1) – остатки жилого сооружения столбовой конструкции полуземляночного типа, ориентированного углами по сторонам света. Котлован 4,4 x 4 м, глубина от уровня материка 0,21-0,56 м. Дно слабо покато с запада на восток (перепад до 0,13 м). Исключение – северный угол котлована с выраженным поднятием дна от средней части северо-западной (СЗ) и северо-восточной (СВ) стенок к северному (С) углу. В первом случае перепад глубин составил 0,2 м на 1 м, во втором 0,28 м на 1,54 м. Стенки отвесные. В котлована встречен ряд ям. Ямы 46-48, 56, 155 не связаны с жилищем. К конструктивным элементам относятся, прежде всего, 7 столбовых ям округло-овальной формы (размер от 0,26 x 0,34 до 0,4 x 0,6 м, глубина от дна котлована 0,26-0,6 м). Три (61, 156, 158) – округлые угловые. Вероятно, имелся столб и в восточном (В) углу, но там котлован прорезает древнюю я.48, в заполнении которой следы опоры не читаются. Три овальных столбовых ямы расположены в средней части стен: 66, 69, 160 – эти столбы или плахи служили для прижимания деревянной обшивки к земляным стенкам котлована. Еще одна я.139 для столба, вкопанного наклонно, верхней частью внутрь котлована, находилась у входа, у СЗ стенки. Возможно, на столб навешивалась дверь. От северного углового столба 61 столб 139 располагался в 2,4 м, что делало обязательным и промежуточный столб, прижимавший обшивку. С ремонтом столба 66 связана пере-крывающая я.65.

В восточном левом дальнем от входа углу котлована в 0,4 м от стен зафиксированы остатки печи, частично вырезанной в материковом останце, а частично устроенной на подсыпке поверх ранней хозяйственной я.48. Овальная печь 0,7 x 0,8 м, устьем повернута к западу (З), к переднему углу, что соответствует типу II жилищ [Раппопорт, 1975, С.119]. Толщина стен в сохранившейся на высоту до 0,39 м от дна постройки части материкового останца составила 0,3-0,1 м. Под печью зафиксирована подпечная яма 64. Верхняя часть печи могла быть сооружена из керамических блоков, фрагментов которых много в заполнении котлована, но нет в остатках печи. Вероятно, после прекращения жизни в постройке, печь разобрали.

Вход находился на СЗ стене котлована вплотную к З углу. Он оформлен в виде прямоугольного приямка 1,6 x 1,1 м, глубина от уровня материка 0,53 м, со скругленными углами, прирезанного к котловану снаружи (я.149). Объект примыкал к котловану южным (Ю) краем под углом 45°.

К конструктивным элементам относились столбовые ямки 157 (д. 0,24 м), 159 (0,3 x 0,2 м), 147 и 161 (0,26 x 0,16 м). Столбики эти могли быть креплением лавки напротив устья печи. Возможно, связана с конструкцией жилища я.63 (д. 0,4 м): она удалена от середины постройки, и связать ее с опорой кровли нельзя. Скорее это опора лавки, шедшей вдоль боковой стенки печки и крепившейся вторым концом на обшивке СВ стены или на плахе я.69. Наверное, для лавки использовали и опорный столб в я.57 (д. 0,3 и гл. 0,15 м) и поддерживающий столбик в я.67 (д. 0,16 и гл. 0,19 м). В таком случае лавка шла вдоль СВ стены от печки до СЗ стены. Существование широкой лавки над полом косвенно подтверждает подъем дна котлована. Еще 4 ямы у С угла котлована существовали до ремонта жилища, следы которого читались в профиле заполнения котлована в виде прослоек подмазки бело-желтым материковым суглинком дна постройки поверх культурного слоя. Ямы забиты серой супесью, насыщенной мелким древесным углем и кусками печины, в чем видится следствие нивелировки и укрепления дна во время ремонта печи или постройки в целом. Ямы 58 и я.62 (0,6 x 0,5 и гл. 0,39 м; 0,6 x 0,48 и гл. 0,31 м) – столбовые. Яма-хранилище 60 1,3 x 0,7 м при глубине до 0,5 м, стенки вертикальные, дно ровное. В СЗ стенку врезана ступенька (я.59, 0,6 x 0,3 м, глубина от дна котлована 0,41 м, высота от дна я.60 – 0,14 м). Из ее заполнения (серая супесь с вкраплениями материкового суглинка, насыщенного мелкими кусочками древесного угля и печины) происходят 123 фрагмента лепной керамики, фрагмент раннекругового сосуда, 167 кусков печных керамических блоков, 32 – печины, 6 – железного шлака, 150 фрагментов костей животных (молодых свиней, старой и молодых особей КРС, взрослой лошади, часть – обгоревшие, кости рыб и много рыбьей чешуи). Яма засыпана при ремонте бытовыми отходами и строительным мусором.

В заполнении котлована найдено 455 фрагментов лепной керамики, 145 кусков печины и 11 железного шлака, 113 костей животных (КРС, единично лошадь, МРС), среди которых есть обгоревшие. Отсюда происходят пластин-

чатое загнутоконечное бронзовое височное кольцо, железный рыболовный крючок и фрагмент уплощенно-округлобокого пряслица из мела [Гурьянов, Миненко, 2014].

Постройка 2 (я.19) (Рис.1: 2) – остатки полуземляночного жилища столбовой конструкции, ориентированного стенками по сторонам света. Котлован 4,8 x 5,2 м, глубина от уровня материка 0,4 м. Дно слабо понижается к центру, стенки отвесные. По углам отмечены столбовые ямки. В СВ углу овальная я.39 (0,36 x 0,26 м, гл. 0,25 м), в остальных – я.32, 116, 123 диам. 0,2-0,38 м и глубиной 0,14-0,33 м. В средней части стенок овальные столбовые ямки 111, 117, 120, 129 (0,4 x 0,26 - 0,6 x 0,34 м при гл. от дна котлована 0,18-0,43 м). В средней части котлована прослежена я.119 диаметром 0,4 м и гл. 0,19 м от дна котлована. Столб, стоявший в ней, служил опорой кровли. Еще одна круглая столбовая я.121 располагалась с отступом на 10 см внутрь постройки от я.120. Возможно, это конструкция входа: здесь в 3 стену врезана полукруглая я.105 со смещением к ЮЗ – видимо приямок входа. Она, вытянута вдоль стенки постройки на 1,6 м, ширина 0,7 м. Глубина от уровня материка 0,36 м, стенки вертикальные. В ЮЗ стенке котлована отмечена я.118. Открытая сверху овальная ниша (низ оконного проема?) врезана стенку (1,26 x 0,22 м, гл. 0,14 м от уровня материка). В СВ углу вдоль восточной стены лежит прямоугольная хозяйственная я.92 поперечником 1,2 м и глубиной 0,29 м от пола. Стенки вертикальные, дно ровное.

Остатки овальной 1,7 x 1,4 м печи зафиксированы в правом дальнем от входа ЮВ углу котлована в 0,3-0,5 м от стен. Печь вырезана в материковом останце, устьем повернута к западу, к входу, что соответствует III типу жилищ [Раппопорт, 1975, С.137]. Под печи выше уровня пола жилища на 8 см. Толщина стен достигала 0,4 м, сохранилась до высоты 0,32 м. Возможно, верхняя часть сооружалась из керамических блоков, фрагменты которых встречены в заполнении постройки. Однако в остатках печи блоков не было.

Из постройки происходят 109 фрагментов лепной керамики и 2 раннекруговой посуды, 11 кусков печных блоков и 102 кости животных (в основном молодых особей КРС и свиньи, зуб лошади и челюсть судака), 2 железных ножа и 3 их фрагмента [Гурьянов, Миненко, 2014].

Постройка 3 (я.96) (Рис.1:3) – остатки жилища столбовой конструкции полуземляночного типа, ориентированной стенами по осям географических координат с отклонением к западу. Котлован 4,2 x 4,2 м, глубина от материка 0,32-0,52 м. Дно ровное, плоское, стенки отвесные. В котловане оказался ряд объектов, не связанных с жилищем (я.86, 109, 192, 248, 250, 252, 254). К элементам конструкции относятся ямы по углам котлована и в середине стен: 7 столбовых (106, 107, 163, 194, 195, 251, 255) овальной формы, размером от 0,18 x 0,16 до 0,38 x 0,36 м и глубиной от 0,12 до 0,51 м. Угловой СЗ столб 191 (0,34 x 0,28, гл. 0,28 м) стоял на материковом останце, в котором вырезана нижняя часть печи.

Остатки печи зафиксированы в переднем левом от входа СЗ углу. Она вырезана в материковом останце, имела диаметр около 1 м, устьем обращена на

В – к противоположной от входа стене, что соответствует IV типу жилищ [Раппопорт, 1975, С. 137]. Сохранилась на высоту 0,45 м. При сооружении стенок печи применялись яйцевидные и веретенообразные блоки, обмазанные глиной. Обнаружено 82 фрагмента блоков и печины. Рядом с печью в дне котлована имелась овальная я.193 с сегментовидным профилем, вытянутая вдоль южной стенки печи (1,15 x 0,34 м при глубине до 0,34 м). Заполнение насыщено печиной. Это либо припечная яма, либо отсюда брали суглинок при ремонта печи, после чего яму засыпали старой печиной. Еще один объект, связанный с постройкой, представлял собой закрытую сверху нишу в стенке останца, в котором вырезана печь: я.209: полукруглая, 0,32 x 0,18 м. Дно находилось в 2 см от уровня дна котлована, высота – 20 см. Ниша играла роль полки: в ней найден оселок из мелкозернистого песчаника.

Вход располагался в ЮЗ углу. Его след – подпрямоугольное углубление с вертикальными стенками (я.247, 1,6 x 1,3 м) прирезанное к западной стенке котлована жилища. Длинная южная стенка – продолжение южной стены котлована. Дно в месте примыкания к котловану – продолжение его дна. Вторая часть ямы шириной до 0,6 м вырезана в виде ступени высотой 21 см над дном ямы и гл. до 0,33 м от поверхности материка. С наземной частью жилища конструктивно связаны 11 столбовых ям, опоясывавших постройку по периметру с северной, западной и южной сторон (я.168-169, 200, 201, 231-237). Это позволяет говорить о каркасно-столбовой конструкции наземной части постройки [Гурьянов, 2012. С. 116-117], встречающейся на ранних роменских памятниках [Чубур, 2008]. Можно утверждать, что часть столбовых ям уничтожена при сооружении более поздней постройки 5.

В заполнении найдено 230 фрагментов лепной керамики, фрагмент раннекруговой, 45 костей животных (в т.ч. молодой свиньи), часть их обожжена, 10 кусков болотной руды. Обнаружены фрагменты железных пряжки, ножа, шила, проволоки, костяная проколка, бронзовая пластинчатая трапециевидная подвеска [Гурьянов, Миненко, 2014] и керамическая зооморфная фигурка [Трутченкова, 2014].

Постройка 4 (я.196) (Рис.1: 4) – остатки жилища полуземляночного типа, ориентированного углами по сторонам света с легким отклонением к В. Котлован 3,7 x 3 м, глубина от поверхности материка – 0,11-0,3 м, стенки отвесные. Дно ровное, с малым уклоном от ЮВ стенки к СЗ, за исключением восточного угла, где есть выраженный подъем дна. Перепад глубин от северного угла к восточному составлял 0,16 м, а от столбовой я.198 вдоль южной стенки до восточного угла 0,1 м. Вблизи средней части СЗ и ЮВ стен со смещением к СВ стенке отмечены столбовые я.197 и 198, расположенные друг против друга. Первая диаметром 0,2 и глубиной 0,1 м, вторая 0,27 x 0,24 м при глубине 0,33 м. Видимо, столбы служили опорой кровли постройки. В таком случае конек крыши располагался параллельно линии топки печи и вход был с ЮВ стороны. Остатки печи зафиксированы в северном углу котлована. Нижняя часть была частично вырезана

в материковом останце, а частично сформована из утрамбованного суглинка, верхняя часть стенок и свод были сложены из глиняных блоков. В плане печь прямоугольная, 0,7 x 0,85 м, устьем была повернута к ЮВ стенке котлована. С учетом положения входа жилище отнесено к II типу [Раппопорт, 1975. С. 137]. Толщина стенок печи доходила до 0,25 м. Они сохранилась на высоту до 0,32 м. Под понижался к центру. Учитывая отсутствие угловых столбовых ям, можно предположить, что наземная постройка имела срубный характер. Из заполнения котлована происходили 28 фрагментов лепных сосудов, 21 крупный фрагмент печных керамических блоков и кость КРС, а также фрагмент усечено-конического керамического ткацкого грузика [Гурьянов, Миненко, 2014].

Постройка 5 (я.190) – остатки хозяйственного сооружения полуземляночного типа без отопления. Котлован ориентирован стенками по сторонам света, в плане имел форму близкую к трапеции (В стенка выпуклая наружу) ок. 1,9-1,8 x 1,9-1,6 м, глубина от уровня материка 0,43-0,36 м. Дно с незначительным понижением с запада на восток. Стенки вертикальные.

Постройка была сооружена на месте более ранней зерновой ямы 190, которая почти полностью оказалась в котловане. Следов конструкции стен не зафиксировано, но в верхней части середины северной стенки выявлена открытая сверху ниша, имевшая в плане округло-прямоугольную форму размером до 0,17 x 0,13 м. Своей северной стороной она была ориентирована перпендикулярно северному краю данной ямы. Дно ниши находилось на глубине до 0,11 м от уровня материка и на высоте до 0,3 м от дна котлована. Стенки ниши были вертикальны, книзу закругляясь. Дно в профиль имело вид сегмента, прогибаясь к средней линии ямы и слабо понижаясь в сторону котлована. Эту нишу можно связать с конструкцией лестницы, которая могла представлять собой обрубок бревна с вырезанными на нем ступенями.

В заполнении котлована найдено 47 фрагментов лепной керамики, фрагмент позднекругового сосуда, 5 фрагментов костей животных (в т.ч. зубы овцы и старой свиньи), а также крупный кусок глиняной обмазки. Там же обнаружен обломок сточенного черешкового одноступенного железного ножа [Гурьянов, Миненко, 2014].

Постройка 6 (я.219) – остатки жилого сооружения полуземляночного типа. Прямоугольный котлован 2,8 x 2,6 м. ориентирован стенками по сторонам, глубина от уровня материка 0,1-0,27 м, дно ровное, понижающееся от западного угла к восточному, стенки отвесные. В центре С, Ю и З стенок я.258, 261, 260 размером от 0,22 x 0,18 до 0,4 x 0,3 м и гл. от дна котлована 0,19–0,27 м., связанные со столбами, крепившими деревянную обшивку. Наземная часть, вероятно, имела срубную конструкцию. Место входа определить трудно. В СВ углу прослежена прямоугольная хозяйственная я.246 1,2 x 0,5 м. Стенки вертикальные, восточная – с подбоем под стенку котлована. В заполнении встречены 28 фрагментов лепной керамики, обломок бедренной кости КРС и 115 фрагментов печных керамических блоков и кусков глиняной обмазки (последние располагались у дна, поверх

слоя древесного угля толщиной до 5 см: вероятно, слой образовался после ремонта печи). То, что поверхность заполнения представлена однородной темно-серой супесью, позволяет предположить, что печину и фрагменты блоков использовали как дренажный слой в продолжавшей функционировать хозяйственной яме. В С углу врезана открытая сверху ступенька полукруглая в плане, длиной 35 см вдоль З стенки ямы и шириной до 20 см. Стенки ее вертикальны, дно ровное, глубина от дна котлована постройки 0,27 м.

В ЮВ углу котлована жилища зафиксированы остатки печи. Ее нижняя часть вырезана в материковом останце. Она имела овальную форму 0,8 x 0,7 м, устьем к лежащему по диагонали СЗ углу котлована жилища. Толщина стенок в нижней части достигала 0,3 м, в верхней 8-10 см. При сооружении верха применялись глиняные яйцевидные блоки. Стенки сохранились на высоту до 0,45 м. С конструкцией печи связана круглая столбовая я.259 (диаметр 0,28 и гл. 0,38 м) перед устьем. Столб в ней мог быть опорным при строительстве пода печи. В таком случае можно предположить наличие подпечной ямы, углубленной в дно жилища до 4 см. В котловане найдено 53 фрагмента лепной керамики, фрагмент кругового сосуда, 43 фрагмента печных блоков и крупных кусков обмазки, а также железный черешковый нож с двумя уступами [Гурьянов, Миненко, 2014].

Постройка 7 (я.213) – остатки жилища полуземляночного типа. Котлован ориентирован углами по сторонам света. Он имел прямоугольную в плане форму размером 3,4 x 3,2 м. Глубина дна от поверхности материка - 0,38-0,51 м. Дно плоское, стенки отвесные. К СВ стенке у С угла к котловану прирезана я.215 - вход-ступенька в углубленную часть постройки. Она прямоугольная в плане 1 x 0,8 м с длинной стороной перпендикулярно СВ стенке. Глубина от материка не более 0,15 м, высота от дна котлована 0,33 м. Внутри котлована зафиксирована я.249 – конструктивный элемент жилища. Она располагалась в З углу, выходя половиной за линию СЗ стенки котлована, вписана в его контуры, заполнение идентично заполнению котлована. Яма овальная 1,4 x 1,2 м, глубина от пола 0,1 м. У внутренних противоположных краев по линии СЗ-ЮВ отмечены 2 столбовые ямки (271 с ЮВ – 0,3 x 0,2 гл. 0,18 м; 272 с СЗ, д. 0,13 и гл. 0,1 м). Этот комплекс мог быть остатками хозяйственной ямы в углубленной части жилища. Наличие столбовых ямок на противоположных краях, позволяет предположить, что конструкция имела вид ларя с крышкой или загородки с перекрытием. Трудно предположить, что в жилой постройке яма могла выходить за пределы наземной части жилища, которая, вероятно, имела срубную конструкцию, а значит, я.249 находилась внутри периметра стен. В таком случае материковая площадка на краю котлована постройки от этой ямы до С угла котлована бесспорно была внутри жилища. По мнению О.Н. Енуковой, исследовавшей домостроительство на основной территории северян, жилища роменской культуры были преимущественно срубные с отступом стен от края котлована [Енукова, 2007]. Вблизи середины ЮЗ стенки обнаружена врезанная в нее я.238 – открытая сверху прямоугольная ниша, длиной стороной (0,4 м)

ориентированная перпендикулярно ЮЗ краю. Стенки вертикальные, закругляются у горизонтального дна. Глубина ямы от уровня материка 0,23 м, ее дно возвышалось над дном котлована на 0,24 м. Назначение неясно.

В котловане 8 столбовых ям (от 0,18 x 0,12 м до 0,36 x 0,22 м с гл. 0,1-0,36 м). Столбики 266 у ЮВ стенки, 265 и 273 у ЮЗ стенки, 267 и 268 у СЗ стенки служили для крепления деревянной обшивки углубленной части жилища. На столбиках 269 и 270, могла крепиться перегородка, отделявшая сени [Раппопорт, 1975, С. 142] со стороны входа (я.215): поэтому нет столбовых ям у СВ стены: сени не обшивались. Я.264 напротив я.238, в 0,2 м от ЮЗ стенки котлована – видимо опорный столб скамьи.

Остатки печи зафиксированы в переднем левом от входа В углу котлована. Нижняя часть вырезана в материковом останце и имела овальную форму 0,9 x 0,8 м. Под врублен в дно на 14 см. Залегавшие у дна печи слои обожженного материкового суглинка толщиной до 4 см с тонкой прослойкой мелкого древесного угля, серой супеси толщиной до 10 см, вновь перекрытые слоем обожженного материкового суглинка толщиной до 8 см, поверх которого лежала тонкая (до 2 см) прослойка серой супеси, вновь перекрытая обожженным материковым суглинком (до 10 см), позволяют говорить о неоднократной подмазке пода печи в процессе функционирования. Толщина стен печи 8-10 см они сохранилась на высоту 0,6 м от дна постройки. В верхней части использовались глиняные блоки. Устьем печь повернута к противоположной входу ЮЗ стенке, что позволяет отнести жилище к IV типу [Раппопорт, 1975, С. 137].

В заполнении котлована обнаружено 123 фрагмента лепной керамики, кусок железного шлака и 6 фрагментов костей животных, среди которых определить удалось челюсть молодой особи КРС. Вокруг печи найдено 17 обломков керамических блоков и 15 кусков обмазки, железный ременной наконечник, фрагмент грушевидного керамического пряслица и оселок из песчаника для тонкой правки [Гурьянов, Миненко, 2014].

Итак, лишь одно сооружение было построено по каркасно-столбовому принципу, остальные, скорее всего, имели наземный сруб. Положение печи внутри постройки лежит в основе типологии жилищ П.А. Раппопорта [1975 с. 137]. В Курово представлены все типы кроме I, но преобладают II и IV – с печью устьем к входу у задней стены и, напротив, с печью у входа, устьем к противоположной стене. Принцип расположения и конструкции печей, взят за основу типохронологии роменских жилищ А.В. Григорьевым [Григорьев, 2000. С. 48-50, 80-100]. Четыре печи из шести стояли в ЮВ углах построек. В 4 жилищах они устроены в материковых останцах, а в 2 постройках частично в останце, а частично на подсыпке. Печи в материковых останцах А.В. Куза и А.В. Григорьев относят к раннему этапу роменской культуры [Куза, 1981. С. 26-27]. Таким образом, жилища Курово 6 связаны с ее ранним этапом в Среднем Подесенье (VIII-IX вв.) [Гурьянов, 2012]. Печи в основном овальные, лишь одна прямоугольной формы. Своды были сложены из керамических яйцевидных и веретенообразных кону-

сов и сфероконусов – искусственных камней, заменявших традиционную каменную кладку. Интересно, что на расположенном в 8 км выше по течению Судости селище Посудичи печь, исследованная в роменской постройке, была «сложена из плотной сырой глины, старой печины и мелких камней» [Заверняев, 1960. С. 192]. В Курово 6 камни в сооружении печей уже не применялись.

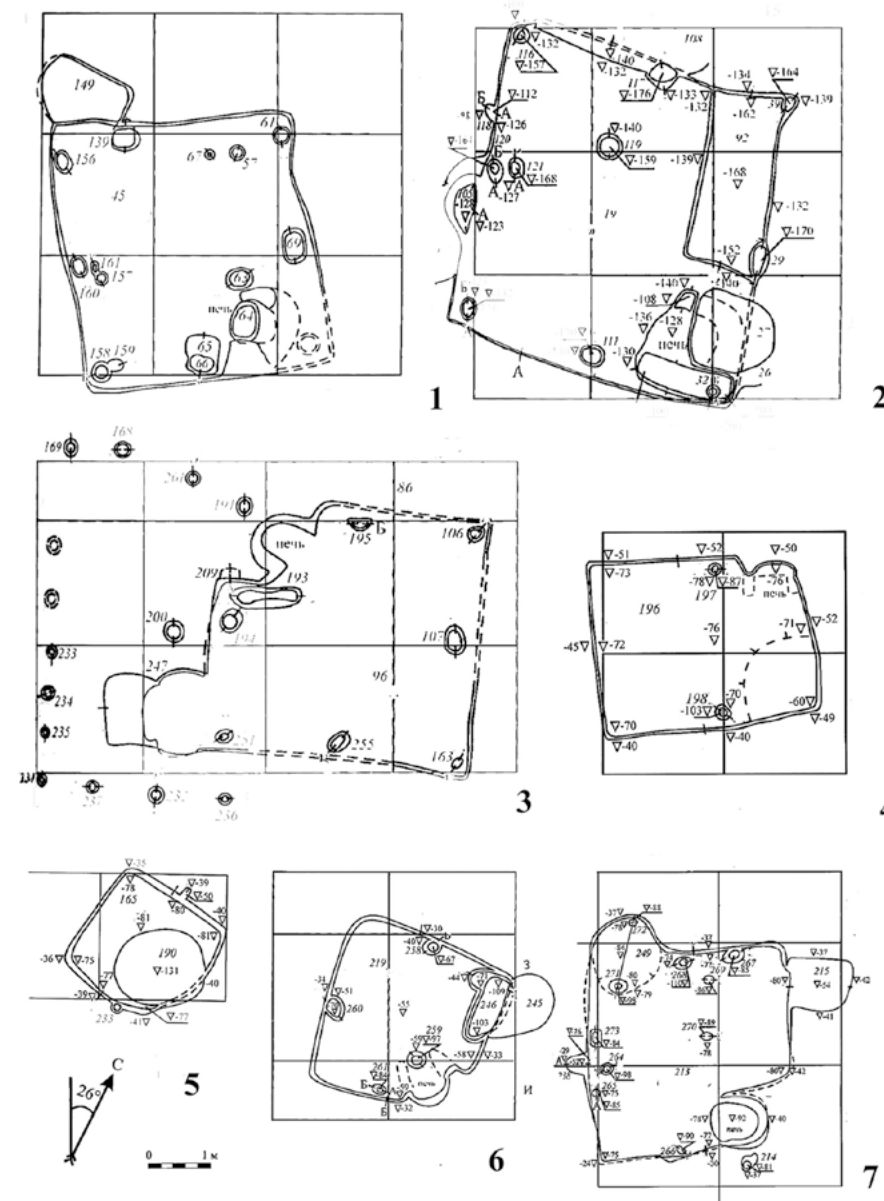

Рис.1. Планы роменских построек с поселения Курово 6.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. – Тула, 2000.
- Гурьянов В.Н. Раннероменский горизонт поселения Курово-6 // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства : Научная конференция, посв. 110-й годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина: сб. материалов, Санкт-Петербург, 03–05 декабря 2012 г. / Ред. Щеглова О.А.. – СПб: СОЛО, 2012. С. 116-120.
- Гурьянов, В.Н., Миненко В.В. Вещевой и керамический комплекс находок роменского времени из построек на селище Курово-6 // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, 20–25 октября 2014 г. – Казань: Отечество, 2014. С. 26-29.
- Енукова О.А. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX-XIII вв. - Курск: КГУ, 2007. – 219 с.
- Заверняев Ф.М. Селища бассейна р. Судости // Советская археология. 1960. № 3. С. 180-194.
- Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города / Отв. ред. В. В. Седов. - М.: Наука, 1981. – С. 6-39.
- Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. – Л.: Наука. 1975. – 179 с. (Свод археологических источников / Под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова; Вып. Е1-32).
- Трутченкова (Султанова) О. Зооморфная пластика с многослойного поселения Курово 6 // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Матеріали XIII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернівці: ЧНПУ, 2014. С. 120-121
- Чубур А.А. Роменское селище Большая Долженкова 2 (к своду памятников Курской области) // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья : материалы конф., посв. 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола / Науч. ред. В.В. Енуков. – Курск, 2008. С. 186-188.
- Чубур А.А., Гурьянов В.Н. История археологического изучения Куровского микрорегиона на нижней Судости // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : Материалы Международной научной конференции в 2-х ч., Новозыбков, 23–24 октября 2014 г. – Новозыбков, 2014. С. 421-426.
- Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А., Миненко В.В., Картов Д.А. Охранные раскопки у села Курово на Судости // Археологические открытия. 2009. Т. 2006. С. 322-326.

Т.В. Жданова

МБОУ гимназия № 7 им. Воронцова В.М., Воронеж, РФ

ВОРОНОЖСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ БАТЫЕВА НАШЕСТВИЯ: К ВОПРОСУ ЗАСЕЛЕНИЯ ДИКОГО ПОЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – XIV ВЕКАХ

Дискуссия о том, где находились Вороножские леса, упоминаемые в ряде летописей в связи с событиями в Курской земле в конце XIII в. не утихают и по сей день. После конфликта с баскаком Ахматом курские князья Олег Рыльский и Святослав Липовецкий (Липовичский) были вынуждены бежать, не без оснований опасаясь расправы от покровителя Ахмата всемогущего правителя Ису-Нога. Олег Рыльский бежал к хану Тула-Бука (Телебуге), а вот Святослав предпочел переждать угрозу в Вороножских лесах: «Избывъ в Вороножских лесех» [ПСРЛ. Т.I Л.170 об.].

На сегодняшний день существуют три версии локализации Вороножских лесов:

1) Вороножские леса следует искать в бассейне реки Воронеж, эта территория в XIII в. считалась окраиной Рязанской земли. Родоначальником этой версии является автор статьи Никоновской летописи, который сделал уточнение: «Святославъ Липечский побежа въ Рязань въ лесы Вороножския» [ПСРЛ. Т.Х. С.163]; ориентируясь на Никоновскую летопись, Вороножские леса называли Воронежскими Н.М. Карамзин и Н.С. Арцебашев, этой локализации придерживался и В.П. Загорский, из современных исследователей П.А. Попов;

2) Вороножские леса располагались в районе Глухова в бассейне р. Осота в Черниговской губернии, сторонниками этой локализации являются – Р.В. Зотов, А.М. Лазаревский, П.В. Голубовский, И.С. Абрамов; наиболее проработана эта версия в трудах А.К. Зайцева, разделяют ее В.Л. Егоров и В.А. Кучкин; эта версия основывается на предположении – автор Никоновской летописи знал только Воронежские леса Рязанской земли, поэтому сделал уточнение на Рязань; бассейн реки Воронеж слишком удален от места событий (ок. 300 км); и, наконец, наличие в непосредственной близости от древнего Рыльска поселка Воронеж в Сумской области, топонима близкого по звучанию к Вороножским лесам;

3) Вороножские леса – это современная пойма реки Вороновка с деревнями Верхний и Нижний Воронок в Курской области, севернее Рыльска, это версия

выдвинута брянским исследователем А.А. Чубуром: «... леса могли называться не Вороножскими, а Воронокскими, по реке Воронок в Хомутовском и Рыльском районах современной Курской области... При этом привязка названия леса к гидрониму представляется более надежной, чем привязка к сельскому населенному пункту, нигде более не упоминаемому» [Чубур, 2013. С.42].

Подробно о слабых и сильных сторонах каждой из гипотез мною рассказано в статье: «Где скрывался князь Святослав Липовецкий (Липовичский) от войск Ногая? К дискуссии о локализации Вороножских лесов в XIII в.» [Жданова, 2020], в данной же работе хотелось остановиться лишь на отдельном аспекте дискуссии.

Одним из аргументов противников определения Вороножских лесов в бассейне рек Дон и Воронеж является безлюдность этого региона к кон. XIII в. Напомним, что по данным Симеоновской летописи побег происходит в декабре 1283 года, по Никоновской в 1284 г., а В.Н. Кучкин относит событие к 1289 г. В любом случае – это начало зимы. Святослав убегает, на пятки ему наступает татарская конница, это значит, что он, скорее всего, не смог взять с собой много припасов (не успел собрать, да и нагруженные волокуши сильно замедляли бы побег). Попав на левый берег Дона, в безлюдную местность, среди непроходимых лесов, при отсутствии жилья и снабжения, Святослав не смог бы протянуть суровую зиму.

А действительно ли территория от Дона и Воронежа до Хопра и Вороны была безлюдна? И если там все же проживало население, могло ли оно экономически содержать пришлое войско в течении двух – трех месяцев? Попробуем разобраться в этом вопросе. Обратившись как к письменным источникам, так и к археологическим данным.

Сравним источники XIV века. В 1389 г. митрополит Пимен отправился из Москвы к Константинополю речным путем, в его свиту входил дьякон Игнатий Смольнянин, который оставил описания Среднего Подонья: «Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво: бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ни что же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зело видением, места точию, пустожь все и ненаселенно; ни где бо видети человека, точию пустыни велия и зверей множество... и бяше вся пустыни великия. Во второй ж день речнаго плавания минухом две реце Мечу и Сосну; в третий ж день проидохом острую луку, в четвертый же день проидохом Кривый бор, в шестый ж день приспехом до усть Воронежа реки. На утрие ж в неделю, на память святаго чудотворца Николы, прииде к нам князь Юрий Елецкий с бояры своими и со многими людьми, посла бо к нему вестника князь великий Олег Иванович Рязанский; он же сотвори повеленное, и воздаде нам честь, и радость и утешение велие. Оттудаж приплыхом к Тихой Сосне... Таж минухом и Черлениый Яр реку, и Битюк реку и Похор (Хопер) реку» [ПСРЛ. Т. XI, 1897. С. 95–96]. Как видим к концу XIV века дьякон Игнатий Смольнянин рисует нам абсолютно безжизненное пространство.

А теперь обратимся к более ранним источникам, это «Грамота Митрополита Феогноста на Червлениый Яр (1334-1353 гг.)» и «Грамота Митрополита Алексия на Червлениый Яр (около 1360 г.)». В грамотах рассматривается спор между Сарайской и Рязанской епархиями, о том, в чьем ведении находятся приходы Червленого яра. И Митрополит Феогонст, и митрополит Алеский принимают решение в пользу рязанского епископа.

Для нас интересны следующие факты. Во-первых, перечисляется население Червленого яра: «к детям моим, к баскаком и сотником, и к игуменом, и к попом, и ко всем христианом Черленого Яру и ко всем городом» [Акты социально-экономической истории, 1964. С. 341], – говорится в грамоте Феогноста, а в грамоте Алексия упоминаются так же и бояре [Акты социально-экономической истории, 1964. С. 342]. То есть, население имеет разнообразный социальный состав – это и рязанская аристократия, и татарская администрация, и духовенство, и служилые люди. Обращаем внимание на наличие городов и «караулов», то есть сторожевых застав.

Во-вторых, четко очерчена локализация спорной территории: «...в пределе Черленого Яру и покараулом возле Хопор, до Дону... Отом же пределе, по Великую Ворону, возле Хопор, по Дону по караулом». Игнатий Смольнянин Червлениый Яром называет одну из рек. Вопрос о расположении Червленого яра, упоминаемого в источниках с XII века, тоже активно рассматривается исследователями. Согласно митрополичьим грамотам, это некая территория от реки Воронеж до Битюга, и от Дона на западе до рек Ворона и Хопер на востоке, то есть южная оконечность большого лесного массива.

Если бы это была малозаселенная местность, не приносящая существенного дохода, то за нее не вели бы ожесточенный спор два владыки, все время апеллируя к сменяющим друг друга митрополитам, в надежде, что новый решит дело в их пользу. Получается, что в 1360 годах это еще населенная территория, представляющая экономический интерес, а к 1389 году – «бяше бо пустыня зело всюду». Можно предположить, что Игнатий Смольнянин проплыл по окраинам Червленого яра, и не смог разглядеть «города», расположенные возможно не на Донской магистрали, а восточнее маршрута митрополита, но «караулы» по Дону, упоминаемые в грамоте Алексия он же должен был увидеть? Да и появление митрополита – это целое событие, слух, что по Дону плывет сам митрополит Владимирский должен был распространиться по округе, заставляя местных людей выйти ему навстречу (или пуститься вдогонку), елецкая же делегация добралась, чтобы поприветствовать владыку. Но ничего этого мы не наблюдаем, в 1389 г. край пуст. Согласно карте М.В. Цыбина мы можем видеть скопление поселений XIV века по реке Битюг и по Дону в месте впадения в него Битюга [Цыбин, 2008. С. 101-107], даже при достаточно большой скорости каравана митрополита по течению Дона, выйти (приплыть) к нему навстречу местные жители Червленого яра вполне могли (тем более митрополит делал остановку, чтобы пообщаться с елецким князем).

Принято ассоциировать упоминаемые Игнатием Смольнянином «древле грады красны» с поселениями домонгольского периода XI-XII веков («Через девять лет после Куликовской битвы... Игнатий Смольнянин... описал полное запустение этих земель, где полтора столетия назад процветали города... память о некогда хорошо известных местах продолжала сохраняться» [Дмитриев, 2014], это было ведомо и Игнатию, и он погрузил о безвозвратно ушедшем. Но давайте порассуждаем, мог ли действительно московский дьяк в конце XIV века знать, что в далеком XII веке на границе Рязанской земли были многочисленные города, если единственное упоминание о Вороножских градах под 1277 г. есть только в Никоновской летописи XVI века, а в более ранних летописях просто упоминается, что Ярополк беже в Воронож? Сохранившиеся до наших дней летописи вообще скупы на сведения о Воронежской земле, а предположить, что до Игнатия за двести лет могли дойти какие-то предания, очень смело.

Логичней думать, что Игнатий Смольнянин скорее горюет о градах, упоминаемых в грамотах митрополитов Феогноста и Алексия, которые были уничтожены во временном промежутке с 1860 по 1880-е годы. Двадцать – тридцать лет – это вполне приемлемый срок, чтобы от сожженных деревянных поселений остались только поросшие травой холмы, о чем и грустил Игнатий Смольнянин. А то, что грады названы «древними», может свидетельствовать об их существовании достаточно продолжительный временной отрезок (уходить в глубь времени, не просматриваемого памятью). Косвенным подтверждением этого являются отсылки в грамотах митрополитов Феогноста и Алексия к предыдущим грамотам по спорной территории – митрополита Петра (1308–1326) и митрополита Максима (1283–1305). То есть в кон. XIII века спор о принадлежности населения Червленого яра епархиям уже велся, раз сохранились митрополичьи грамоты.

Было бы уместно предположить, что и уникальная вставка в Никоновской летописи под 1277 г. о многочисленных «градах» Вороножских могла быть добавлена из воспоминаний скорее о городах и селах XIV века, более близких по времени существования к создателям Никоновской летописи.

Н.А. Тропинин в работе «Сельские поселения XIII-XV веков южных территорий Рязанской земли», изучив всю совокупность археологических памятников времен Золотой Орды в Верхнем Дону и в бассейне реки Воронеж пришел к парадоксальному выводу – из 121 обнаруженных в настоящий момент селищ только 41 % относятся к домонгольскому времени, остальные появились в золотоордынский период. Тропинин отмечает, что «Монголо-татарское нашествие середины XIII века не оказало катастрофического воздействия на изучаемый регион. Из известных по раскопкам памятников жизнь прекратилась лишь на немногих поселениях. Более того во второй половине XIII – первой половине XIV в. наблюдается заметное увеличение количества памятников. В два раза возрастает число крупных поселений, среди которых выделяются «селища-гиганты» площадью в 10-20 га» [Тропинин, 2014. С.167].

Есть основания, считать, что Семилукское городище, довольно крупное

поселение на берегах Дона, продолжало существовать какое-то время и после Батыева нашествия, так В.В. Скинкайтис в работе «Гончарное производство Семилукского городища» обращает внимание: «...в материалах Семилукского городища фиксируется зарождение новых приемов конструирования верхних частей сосудов... получивших широкое распространение во 2-й пол. XIII - XV вв.» [Скинкайтис, 2016].

Таким образом мятежному князю Святославу Липовецкому в 1289 году определенно было куда бежать, количество населенных пунктов и их размеры вполне позволяли прокормить небольшую дружину.

В чем причина относительного экономического роста территорий Червленого яра во второй половине XIII – в первой половине XIV в.? Как ни странно, но надо вспомнить историю конфликта курских князей с баскаком Ахматом. Баскак Ахмат получил от Ногая курские земли на откуп, однако обремененные двойными поборами – и в степь, и своим князьям, местные жители физически не могли обеспечить откупщику безбедное существование. Тогда Ахмат пошел на хитрость, он создал слободы (укрепленные поселения), в которые стал заманивать (или загонять, доподлинно это установить не удалось) курян, обещая избавить их от княжеской дани. Потеряв налоговую базу, курские князья и начали борьбу за разорение слобод и вывода под свою юрисдикцию оттуда людей, закончившуюся трагедией – опустошительным набегом войск Ногая. А теперь давайте проведем параллель: в грамотах обоих митрополитов упоминаются баскаки, а вот бояре, люди князя, появляются только в поздней грамоте митрополита Алексия, т.е. к 60-м годам XIV в. Добавить сюда, что епископу рязанскому буквально каждому новому митрополиту приходилось доказывать, что это земли рязанские, почему? Да потому, что власть рязанских князей над Червленным яром не был очевидным фактом, прямого княжеского управления здесь не было, кроме «караулов» (да и их принадлежность рязанцам можно оспорить). Можем предположить, что эти земли напрямую управлялись откупщиками-баскаками по аналогии с курскими слободами, и платили дань, кроме церковной пошлины, только в Сарай (это и давало право сарайскому епископу вновь и вновь проявлять настойчивость). В русских княжествах институт баскачества к тому времени себя изжил. Перспектива льготного налогообложения и привлекала в Червленный Яр население.

Во-вторых, при карательных экспедициях на русские земли, местных не трогали, так как это была территория Орды, а это тоже немало важный факт (население росло, а не убывало).

Анализируя географическое положение славянских поселений X – XII вв. и втор. пол. XIII – пер. пол. XIV в. мы видим, что произошло смещение: наибольшая концентрация поселений борщевского типа мы наблюдаем по Дону и Воронежу, тогда как к Ордынскому времени большая часть поселений концентрируются по Битюгу, Хопру и Вороне. То есть смещается от Донского бассейна восточнее. Причина – изменение торгово-экономических ориентиров. Домон-

гольское время – это торговый путь к Азовскому морю в Тьмутаракань и византийским колониям в Крыму (о чем говорят, например, византийские находки на Семилуцком городище), и сухопутный караванный путь в сторону Чернигова. Теперь населенные пункты располагаются по обе стороны ордынского кочевого пути в Северо-Восточную Русь. На территории поселений находят большое количество татарских монет, ордынских артефактов, кочевнические могильники в непосредственной близости от славянских поселений. Транзитная торговля и налоговые льготы и составляли основу процветания Червленого Яра. А.А. Шенников в работе «Червленный Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV – XVI вв.» называет причину влиятельности Червленого Яра в спорах епархий, напрямую не связанную с экономическим процветанием края: «Группа православно-христианского населения, находившаяся на прямой дороге между Москвой и Сараем, но ближе к Сараяу, чем к Москве, на окраине центральной части Золотоордынского государства, была очень удобной базой как для русской военной разведки, так и для православно-христианской миссионерской деятельности. Хотя для этих же целей использовалась... и сарайская епископская кафедра, но она находилась в ханской столице под полным контролем ханов и могла действовать только сугубо легальными средствами, в то время как более деликатные мероприятия было удобнее проводить через Червленный Яр, подчиненный по церковной линии Москве прямо через Переславль-Рязанский, минуя Сарай» [Шенников, 2014].

А что же случилось потом? В Орде началась замятня, внутриполитические потрясения, одновременно усиливается борьба за освобождение в русских землях, начинаются стычки в пограничных регионах, увеличивается количество набегов. Торговые пути превращаются в военные тропы. Мирное сосуществование татар и славян заканчивается, местное население разбегается, жить в полосе постоянных военных действий невозможно. Стабильная инфраструктура рухнула в течении двадцати лет, большая часть поселений прекратило свое существование. Именно в XV веке Воронежские земли наиболее соответствуют термину Дикое Поле. Основным населением становятся промысловики-находники (бортники, охотники, рыболовы), а также русская сторожевая служба. Стоянки носят сезонный временный характер. Но исследователи обнаруживают и отдельные постоянные поселения. Вспомним недавние раскопки на поселении «Ромашка-1» на территории Воронежского лесничества в Рамонском районе. Памятник был обнаружен в 2011 г. В августе 2020 года сотрудники археологического музея Воронежского государственного университета проводили его исследование. Татарский нумизматический материал позволил датировать поселение серединой XIV – началом XV века [Снегова, 2020].

Исходя из вышеописанного, мы можем сделать вывод, что временной отрезок от вторжения войск Батыев в пределы Рязанской земли до строительства крепости Воронеж нельзя рассматривать как сосредоточие единообразных политико-экономических реалий. Можно четко выделить несколько периодов в

существовании Червленого Яра после Батыева нашествия: 1) с 1237 г. по 1270 гг. – упадок еще сохранившихся после половецких набегов XII в. старых поселений по Дону и Воронежу, убыль населения; 2) 1280 – 1360 гг. – новая волна колонизации, рост населенных пунктов на татарских тропах, 3) с 1270-х до пер. пол. XVI века – промысловая зона рязанской земли, усиление государственной колонизации края московским правительством, формирование военно-сторожевой инфраструктуры.

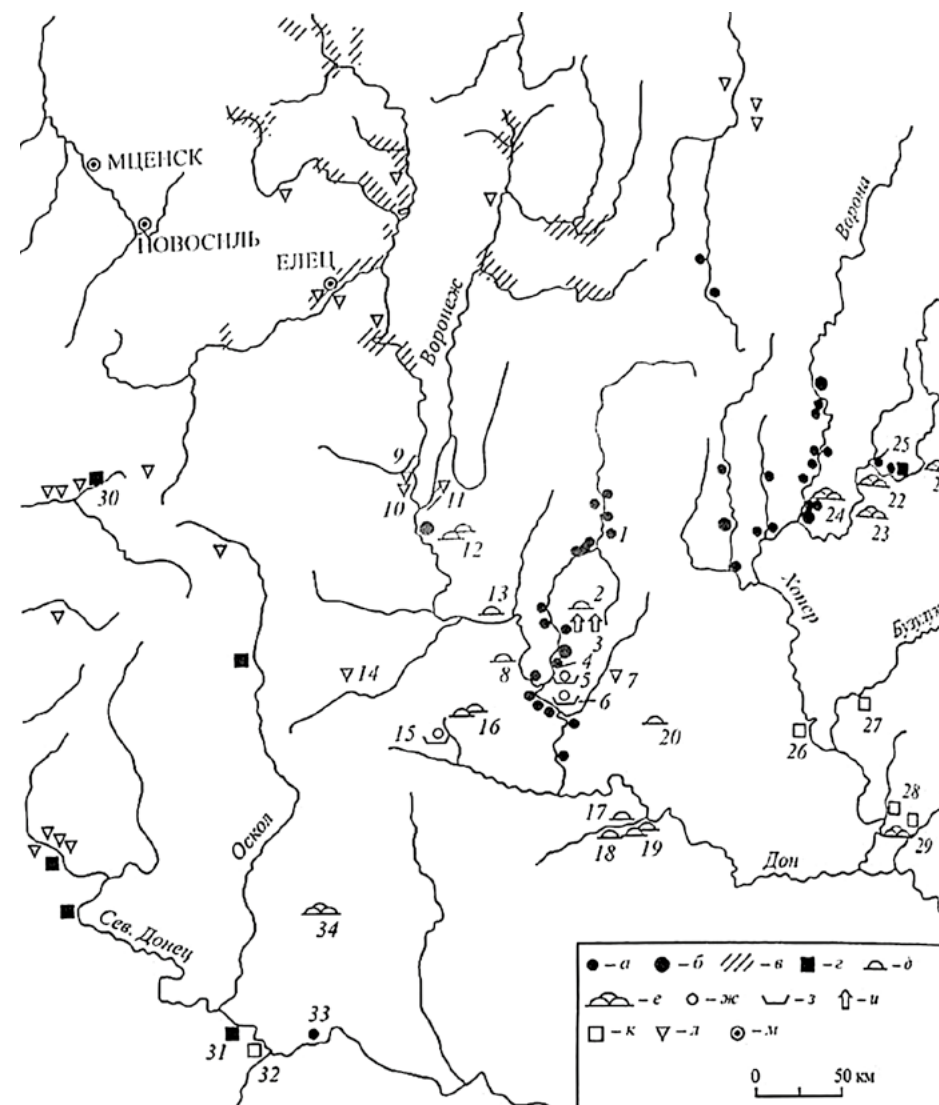

Рис. 1. Расположение археологических памятников на периферии Золотой Орды в Подонье:

а - селище с русской керамикой (в ряде случаев - и с золотоордынской); б - группа селищ с древнерусской керамикой; в - участки концентрации древнерусских селищ в Верхнем Подонье (по работам М.И. Гоняного, Н.А. Тропина, результатам исследований экспедиции Воронежского госуниверситета); г - поселение с древнерусской керамикой (керамикой «древнерусского облика») и с золотоордынской керамикой на городищах предшествующего времени; д - подкурганное кочевническое погребение; е - курганный кочевнический могильник; ж - поселение золотоордынского круга; з - грунтовой могильник золотоордынского круга; и - золотоордынский мавзолей; к - золотоордынское поселение с постройками из кирпича; л - клад золотоордынских монет, м - летописные города XIV в.; 1 - Дрониха; 2 - Новый Буравль (Сафоновка); 3 - Красный; 4 - Антиповка; 5 - Таганский; 6 - Затон I; 7 - Воронцовка; 8 - Марки; 9 - с. Семилуки; 10 - Девица; 11 - г. Воронеж; Отрожки; 12 - Олень-Колодезь; 13 - Лиски; 14 - Нижнепокровское; 15 - Новохарьковка; 16 - Караяшник; 17 - Вerveковка (III Богучарский могильник); 18 - Лофицкое; 19 - Дьяченково (Высокая гора); 20 - Новомеловатка; 21 - Ключи; 22 - Лесное (Свинуха); 23 - Третьяки; 24 - Власовский; 25 - Инясево; 26 - Тишанское; 27 - Дурновское; 28 - Кумылженское; 29 - Глазуновская; 30 - Бесединское (Ратское), 31 - Царино; 32 - Казачья Пристань (Райгородок); 33 - Зливки; 34 - Нижняя Дуванка [Цыбин, 2008].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1964. Т. 3. — 689 с.
- Дмитриев В.Н. Воронежский край в XIII -XIV веках // [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2015/03/12/2014> (дата обращения: 03.12.2014)
- Жданова Т.В. Где скрывался князь Святослав Липовецкий (Липовичский) от войск Ногая? К дискуссии о локализации Вороножских лесов в XIII в. // [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/gde-skryvalsya-knyaz-svyatoslav-lipoveckij-lipovichskij-ot-vojsk-nogaya-k-diskussii-o-lokalizacii-voronozhskih-lesov-v-xiii-v-4496469.html> (дата обращения: 17.10.2020)
- ПСРА. Т. I. СПб., 1846.
- ПСРА. Т. X. СПб., 1885.
- ПСРА. Т. XI. СПб., 1897
- Скинчайтис В.В. Гончарное производство Семилукского городища // Археология и вопросы истории Древней Руси // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/goncharnoe-proizvodstvo-semilukskogo-gorodischa> (дата обращения: 20.06.2016)
- Снегова Д.В. Воронежском лесничестве нашли следы древнего поселения // Риа-Воронеж // [Электронный ресурс]. URL: <https://riavn.ru/districts/ramonsky/v-voronezhskom-lesnichestve-nashli-sledy-drevnego-poseleniya/> (дата обращения: 21.08.2020)
- Тропинин Н.А. Сельские поселения XII-XV веков южных территорий Рязанской земли / Н.А. Тропин. — Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004 (ИПФ Воронеж) — 263 с.
- Цыбин М.В. Русские поселения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье // Сельская Русь в IX—XVI веках. — Москва: Наука, 2008.— 417 с.
- Чубур А.А. Леса Вороножские, Гусин брод и слободы Ахматовы. Об исторической географии Курского Посемья и его окрестности в XIII — XV вв. // История в подробностях. № 8. 2013. — С. 38-43.
- Шенников А.А. Червлёный Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV — XVI вв. — 77 с. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cossackdom.com/doc/shinikov_chryar.pdf (дата обращения: 10.11.2014)

Г.Н. Мокшин

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ ЛЕТОПИСНОГО ВОРОНЕЖА XII В.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Летописный Воронеж — одна из главных тайн истории нашего края до основания в 1585/6 г. города Воронежа. Как известно, слово «Воронеж» («Воронаж, «Воронож») впервые упоминается в летописях под 1177 г. в связи с княжеской междоусобицей в Северо-Восточной Руси. Так назвалась река и прилегающая к ней местность, куда после поражения в битве при Колокше бежал князь Ярополк. Собственно загадка заключается в том, существовал ли в то время еще и город с названием «Воронеж» как центр одноименной волости на южной окраине Рязанского княжества. Современные исследователи такой возможности не исключают. Ведь согласно сообщению Никоновской летописи, в «Воронеже» Ярополк переходил «из града во град».

Споры о времени основания Воронежа начались еще на излете XVIII в. Мы имеем в виду попытку Е.А. Болховитинова опровергнуть утверждение Н.М. Карамзина о том, что Воронеж был построен Святославом Тмутараканским или его племянником Ярославом в первой половине XI в. По мнению первого воронежского краеведа, наш город основали хазары не ранее 1117 г., когда стали подданными рязанских князей и поселились на берегах реки Воронеж. На это, в частности, указывали сохранившееся в окрестностях Воронежа «хазарские» топонимы, включая так называемое старое «Козарское городище» [Болховитинов, 1800. С. 35–37].

В 1846 г. из публикации И. Беляева стало известно, что современный Воронеж был основан в 1586 г. Однако споры о существовании летописного города Воронежа, якобы уничтоженного монголо-татарами в 1237 г., не прекратились. Более того. На рубеже XIX–XX вв. они вылились в интереснейшую научную дискуссию между С.Е. Зверевым и С.Н. Введенским. Опираясь на «Сказание родословия» XVII века, Зверев пытался доказать существование удельного Воронежского княжества, а следовательно и города с таким названием. Но ему это не удалось. В итоге, краевед пришел к выводу, что спор о летописном Воронеже могут разрешить только специальные археологические исследования [Зверев, 1904. С. LXXIV].

С начала XX в. прошло уже более ста лет. За это время археологи обследовали не только окрестности современного Воронежа, но и все течение реки. Причем неоднократно. Открыто несколько славянских городищ XII–XIII в., которые могли быть теми самыми «градами» из Никоновской летописи. А некоторые из них разными исследователями идентифицируются как летописный Воронеж.

В данной статье мы попытаемся установить, достаточно ли имеющихся на сегодняшний день археологических данных, чтобы поставить в спорах о летописном Воронеже жирную точку. К сожалению, в современной литературе на этот счет по-прежнему существуют диаметрально противоположные точки зрения [Березуцкий, 2018. С. 110–123].

Прежде всего, следует уточнить, кто и почему начинает археологические поиски древнего Воронежа. Собственно кто – всем хорошо известно. Это Л.В. Вейнберг и Е.Л. Марков. В 1889–1890 гг. они обследуют правый берег р. Воронеж от Лысой горы до Чертовицкого, уделив самое пристальное внимание Козарскому городищу, которое, по словам Вейнберга, «легко могло быть тем самым городом Воронежем» из древних летописей [Вейнберг, 1891. Стб. 38]. На вопрос что их на это подвигло ответить сложнее. Современная исследовательница Е.Ю. Захарова обратила внимание на то, что «археологическим экскурсиям» Вейнберга предшествовало возобновление в конце 1888 г. полемики о летописном Воронеже по инициативе С.Е. Зверева, который чуть ли не первым указал на важность привлечения археологических данных для разрешения этого вопроса [Захарова, 2015. С. 92]. На самом деле вплоть до 1902 г. Зверев надеялся доказать существование Воронежа в XII веке опираясь на письменные источники. Его статьи 1888 г. действительно могли подтолкнуть Вейнберга к активным действиям. Однако мысль о том, что древний Воронеж нужно искать среди «хозарских городков» в нижнем течении р. Воронеж он высказал еще в 1885 г. [Вейнберг, 1885. С. 24]

В 1904–1906 гг. археологические поиски летописного Воронежа в окрестностях города были продолжены уже самим Зверевым под патронажем Воронежской ученой архивной комиссии. Но без особого успеха. Если не считать таковым установленный А. Мартиновичем факт принадлежности «казарских» городищ и могильников не хазарам, как полагали Болховитинов и его последователи, а древним славянам [Мартинович, 1908. С. 66].

Начиная с 1920-х гг. раскопками древних поселений в районе дома отдыха им. М. Горького занимались экспедиции под руководством П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, Н.В. Валукинского и др. Вскоре выяснилось, что «Казарское» (Кузнецовское) городище – первый претендент на право считаться летописным Воронежем – было оставлено славянами в начале XI в. Впрочем, в 1940 г. археолог Валукинский в книге «По следам древних предков» отметил наличие

в районе Воронежа остатков еще нераскопанных поселений, современных летописному городу [Валукинский, 1940. С. 53].

Надежды на обнаружение подходящего городища в нижнем течении р. Воронеж сохранялись до середины 1960-х гг. Но экспедиция Института археологии АН СССР и ВГУ, обследовав эту территорию перед ее затоплением Воронежским водохранилищем, расставила все точки над «i». Остатков летописного Воронежа выявлено не было, т.е. если город и существовал, то только выше по течению реки – ближе к Рязани. В 1966 г. к такому выводу приходит проф. ВГУ В.П. Загоровский – будущий автор концепции трех Воронежей [Загоровский, 1966. С. 24].

В ходе работы над книгой «О древнем Воронеже и слове Воронеж» Загоровский обосновывает гипотезу о том, что летописный Воронеж мог находиться на Романовом городище у села Ленино под Липецком [Загоровский, 1971. С. 67]. Для ее проверки в 1973 г. была отправлена специальная экспедиция ВГУ, которая подтвердила существование на этом месте древнерусского поселения XII–XIII в. [Загоровский, 1975. С. 67–69] Правда, материалы этого времени, по признанию одного из руководителей экспедиции – А.З. Винникова – оказались «маловыразительными», а масштабные раскопки были невозможны, т.к. вся территория городища занята сельским кладбищем [Винников, Синюк, 1990. С. 274].

На сегодняшний день Романово городище – это кандидат на летописный Воронеж № 1. Данный факт зафиксирован в современной справочно-энциклопедической литературе [Глазев, 2008]. Тем не менее, многие ученые с этим не согласны, предлагая свои варианты. Это Семилукское городище на Дону (по версии А.Д. Пряхина и М.В. Цыбина, раскопавших памятник в 1980-е гг. [Пряхин, 1988. С. 121]), Животинное под Рамонью (раскопами в 1980-е гг. руководил А.З. Винников, а версию в 2010 г. предложил краевед А.В. Кожемякин [Кожемякин, 2010]), Ратчино и Урляпово в Липецкой области (А.О. Амеликин [Амеликин, 1995. С. 82]), Старое городище в районе главного корпуса ВГУ (А.М. Аббасов [Аббасов, Остапенко, 1992. С. 74]) и др. Три последние версии основаны на данных письменных источников.

Большинство из перечисленных выше вариантов появилось в 1980–1990-е гг., когда проблема летописного Воронежа переживала своеобразный ренессанс. В 1986 г. воронежцы отметили 400-летний юбилей родного города, породивший настоящую «битву за древность» Воронежа и раскол в местном краеведческом движении. Но к концу XX в. страсти улеглись и пришло время разобраться со сложившейся ситуацией.

Наиболее объективный анализ археологических доказательств существования летописного Воронежа, на наш взгляд, принадлежит проф. ВГУ А.З. Винникову. Долгое время он поддерживал гипотезу Загоровского о местоположении предшественника современного Воронежа. Но, в конце концов, и этот

ученый был вынужден признать, что связь древнего Воронежа с Романовым городищем «неубедительна» [Винников, Синюк, 1990. С. 274]. И не только с ним. В 1998 г. в статье «Еще раз о летописном Воронеже» тот же Винников напишет, что в настоящее время «мы не можем... идентифицировать какой-либо археологический памятник с летописным Воронежем» и «летописец, вероятно, и не имел в виду город, а подразумевал определенный или район, или реку, или какую-то административную единицу, входящую в состав Рязанской земли» [Винников, 1998. С. 9].

Позиция Винникова оказала существенное влияние на восприятие проблемы древнего Воронежа современными исследователями. Так, в 2016 г. П.А. Попов опубликует на эту тему еще одну монографию, где попытается доказать, что летописный Воронеж – это не отдельный город, а природно-историческая область [Попов, 2016. С. 288, 292]. В.Д. Березуцкий пойдет еще дальше, поставив под сомнение сам факт переход князя Ярополка «из града во град», т.к. их «единицы» [Березуцкий, 2018. С. 122]. На карте «Южные территории Рязанского княжества», составленной археологом Н.А. Тропиным, всего три: Семилукское, Животинное и Романово (Рис. 1) [Тропин, 2005. С. 245]. Неслучайно, Винников и Попов склоняются к тому, что под воронежскими градами XIII в. составитель Никоновской летописи мог понимать большие селища по берегам р. Воронеж, которых здесь было в избытке.

Итак, надежды С.Е. Зверева на то, что его спор с С.Н. Введенским о существовании летописного Воронежа в XII в. разрешат данные археологии пока не оправдались. Все известные нам славянские городища того времени на центр рязанской области «Воронеж» не тянут (либо по местоположению, либо по слабому присутствию там древнерусских материалов). А найти подходящее городище на территории современного города Воронежа или в его окрестностях уже маловероятно. Правда, некоторые археологи считают, что берега реки Воронеж между Животинным и Романовым городищами (а это 70 км) обследованы недостаточно и там еще можно поискать удачу [Винников, Синюк, 1990. С. 276]. Но нарастание среди современных исследователей скепсиса по поводу достоверности сообщения Никоновской летописи о «воронежских» градах ставит под сомнение необходимость продолжения таких исследований.

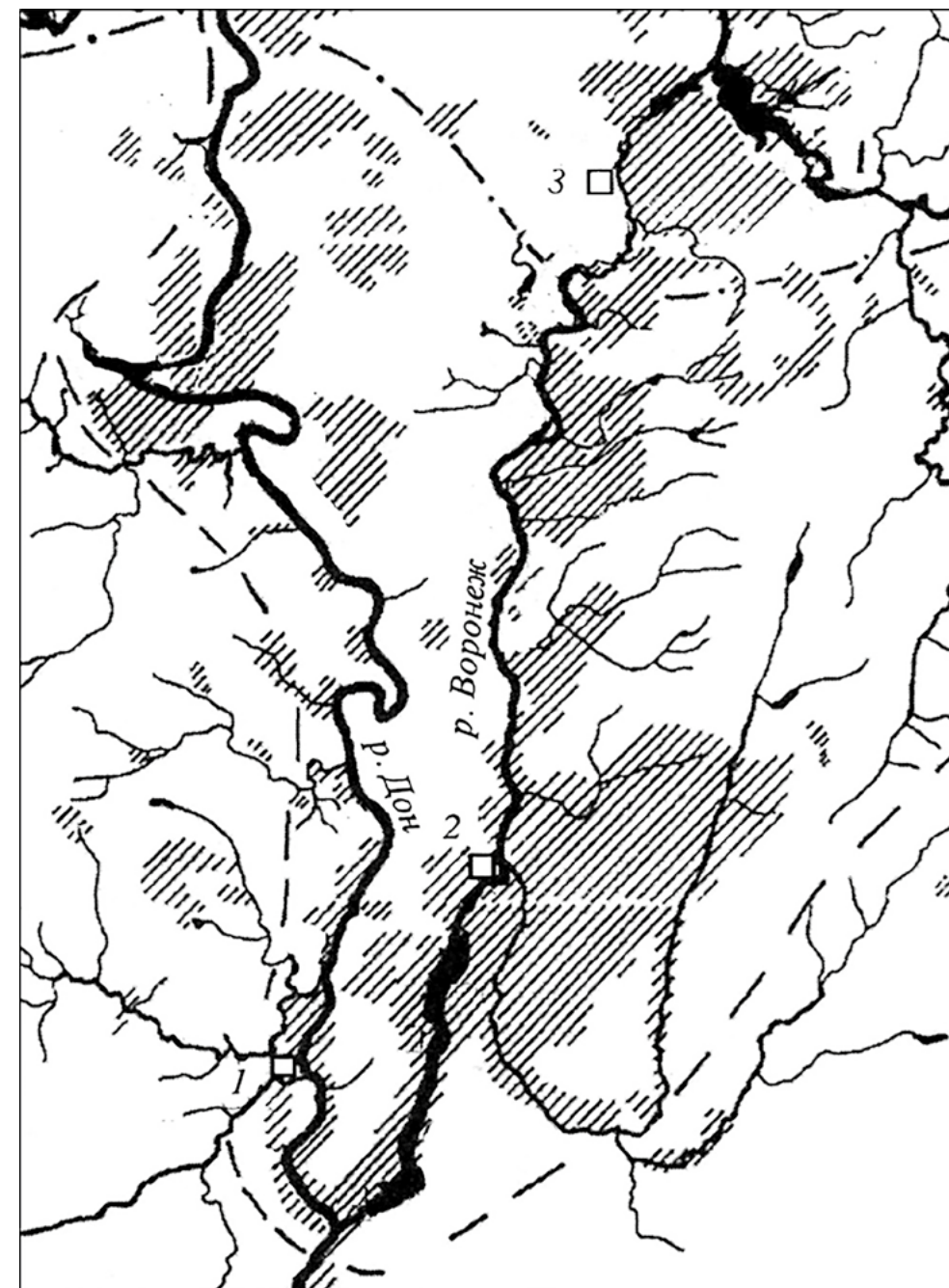

Рис. 1. Южные территории Рязанского княжества
(выкопировка из карты Н.А. Тропина)

1 – Семилукское городище 2 – Животинное городище 3 – Романово городище

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аббасов А.М., Остапенко В.С. Загадки и тайны Воронежского края. – Воронеж: ЦЧКИ, 1992. – 160 с.
- Амелькин А.О. О местонахождении летописного Воронежа // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого обл. краеведческого музея М.П. Трунову. – Липецк, 1995. – С. 80–82.
- Березуцкий В.Д. Воронежские фальсификации и исторические исследования. – Воронеж: ВГПУ, 2018. – 188 с.
- Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: Тип. Губ. правления, 1800. – 228 с.
- Валукинский Н.В. По следам древних предков. – Воронеж: Воронеж. обл. книгоизд-во, 1940. – 56 с.
- Вейнберг Л.Б. Воронежский край. Исторический очерк. Вып. 1-й. – Воронеж: Типо-лит. губ. правления, 1885. – 122 с.
- Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – Воронеж: Типо-лит. губ. правления, 1891. – 98 стб.
- Винников А.З. Еще раз о летописном Воронеже // Из истории воронежского края : сб. статей. Вып. 7. – Воронеж, 1998. – С. 5–12.
- Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. – Воронеж: ЦЧКИ, 1990. – 318 с.
- Глазьев В.Н. Летописный Воронеж // Воронежская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А–М. – Воронеж: ЦДВЧК, 2008. – С. 446.
- Загоровский В.П. Из истории городов на Белгородской черте // Из истории Воронежского края : [сб. ст.]. – Воронеж: ВГУ, 1966. – [Вып. 2]. – С. 3–33.
- Загоровский В.П. К вопросу о месте летописного города Воронежа в XII веке // Из истории воронежского края : сб. статей. Вып. 5. – Воронеж: ВГУ, 1975. – С. 67–69.
- Загоровский В.П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». – Воронеж: ВГУ, 1971. – 100 с.
- Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Воронеж, 2015. – 534 с.
- Зверев С.Е. К вопросу о древнем Воронеже (По поводу реферата С.Н. Введенского) // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. LXVIII–LXXIV.
- Кожмякин А. Где был летописный Воронеж? // Воронежский курьер. – 2010. – 5 июня.
- Мартинювич А. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. 4. – С. 63–66.
- Попов П.А. Воронеж: древнее слово и древние города. Воронеж: Кварта, 2016. – 608 с.
- Пряхин А.Д. Археология... Наследие. Воронеж: ЦЧКИ, 1988. – 182 с.
- Тропин Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв. : формирование и развитие региона // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 244–252.

Г.Ю. Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии, Курск, РФ

КИСТЕНИ ГОЧЕВСКОГО
КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Гочевский курганный могильник входит в состав археологического комплекса, находящегося в 0,5 км к северо-западу от с. Гочево Беловского района Курской области на правобережной террасе р. Псел [Кашкин, 1998. С. 135–139] (рис.1).

В начале XX столетия в состав курганного могильника входило более трех с половиной тысяч насыпей. Первые его исследования были произведены в 1909 г. Д.Я. Самоквасовым. Им предшествовали разведывательные работы, проведенные членом Курской губернской ученой архивной комиссии К.П. Соновским. В ходе раскопок изучено 278 насыпей основного курганного массива, а также 5 курганов Загородья и 4 распахиваемых насыпи около д. Бушмено [Самоквасов, 1915а; Самоквасов, 1915б]. В 1912–1915 гг. эти работы были продолжены членами Санкт-Петербургского и Московского археологических обществ П.С. Рыковым, В.Н. Глазовым, В.С. Львовичем. В общей сложности ими раскопаны 351 курган основной группы, расположенных в залесенной части могильника [Рыков, 1912; Рыков, 1923. С. 39–53; Львович, 1913; Глазов, 1913; Глазов, 1915].

Во второй половине XX в. рядом исследователей проводились разведочные работы отдельных памятников Гочевского археологического комплекса, однако систематическое изучение курганного могильника было возобновлено лишь в 1990-х годах. В 1994 – 2000, 2002, 2016, 2019 гг. экспедицией Курского государственного областного музея археологии исследовались насыпи курганного могильника (как основного массива, так и «Загородья») [Стародубцев, 2006. С. 162–169; Стародубцев, Зорин, 2017. С. 96–97; Стародубцев, Зорин, 2019. С. 562–574; Симоненков, 2020. С. 145–146]. Было раскопано 28 курганов первой половины XI – XII вв.

Среди погребального инвентаря могильника в ходе исследований было обнаружено два кистеня, изготовленных из лосиного рога. Один из них был найден в ходе раскопок Д.Я. Самоквасова в 1909 г., второй — экспедицией Г.Ю. Стародубцева в 1994 г.

Первый кистень найден в распаханном кургане LI. «На поверхности распаханной насыпи найдены обломки черепа и серебряный наголовник (1)¹, без загиба (отломанного). На подошве – костяк без черепа (выпаханного); у правой руки – два железных ножа (2); у левой ступни – костяной яйцеобразный предмет длиной 1 ½ вершка и диаметром $\frac{3}{4}$ вершка, с просверленной по длине сквозной дырой (3), а рядом с ним – 2 железные массивные кольца. (4)» [Самоквасов, 1915а. Табл. XXVI; Самоквасов, 1915б. С. 19].

Обнаруженный «костяной яйцеобразный предмет» представляет собой кистень, имеющий яйцевидную форму с продольным отверстием по оси. Если судить по описанию в «Дневнике раскопок» его длина составляла 66,7 мм при наибольшем диаметре 33,3 мм. Однако при замерах рисунка кистеня в «Атласе Гочевских древностей»² мы получаем длину 63 мм при наибольшем диаметре 33 мм и диаметре отверстия 10 мм (рис. 2, 1).

Второй кистень зафиксирован в кургане 30, большая часть погребения которого была разрушена в результате грабительских раскопок. От погребения сохранились только кости ног и ступней. Судя по остаткам, скелет женщины лежал на спине, головой на запад-юго-запад. В том месте, где ранее находилась голова покойной, были найдены железный согнутый костыль и обломок другого железного костыля. Еще два железных костыля были обнаружены в ногах погребенной. Очевидно, этими костылями был сколочен гроб, т.к. на них сохранились остатки древесного тлена. Помимо этого у ног были обнаружены: проволочное кольцо белого металла диаметром 20 мм, пластинчатый перстень белого металла с заходящими концами диаметром 21 мм и костяной кистень [Стародубцев, 1994. Л. 5. Рис. 60].

Кистень из кургана 30 имеет яйцевидную форму с продольным отверстием по оси, куда был вставлен железный стержень с петлей для подвешивания на одном конце и заклепкой на другом. Общая длина кистеня составляет 85,5 мм, при наибольшем диаметре 41 мм. Длина костяной части – 56 мм. Стержень в сечении имеет 10 мм. Внутренний диаметр ушка 7 x 9 мм, внешний диаметр – 15 x 15 мм (рис. 2, 2).

Оба кистеня относятся к категории заимствованных у хазар «кавалерийских». По классификации А.Н. Кирпичникова они относятся к типу I, которые включают в себя костяные гири яйцевидной и шаровидной формы, с отсутствующим или имеющим железный стержень [Кирпичников, 1966. Табл. XXX, 1-9]. Подобные кистени бытовали на Руси с X в. по XIII в. включительно [Кирпичников, 1966. С. 59].

¹ «Серебряным наголовником» в «Дневнике раскопок» называется головной венчик, представляющий собой перекрученную по всей длине тонкую серебряную проволоку, имеющую форму обруча с заходящими концами, один из которых недалеко от края расплюсчен и скатан в трубочку.

² Рисунки в «Атласе Гочевских древностей» были выполнены в масштабе 1:1, поэтому, на наш взгляд, именно эти данные можно считать более точными, чем описание в «Дневнике».

Говоря о расположении кистеней в захоронениях, необходимо отметить, что они оба зафиксированы около ступней ног (в кургане LI около левой, в кургане 30 около правой). Также интересным фактом является то, что они были встречены в курганах, содержащих женские погребения.

Несомненно, важной является датировка Гочевских курганных насыпей с захоронениями, в которых обнаружены кистени. В состав погребального инвентаря кургана LI помимо кистеня входили серебряный головной венчик, два железных ножа и два железных массивных кольца размерами 50 x 43 мм и 45 x 40 мм при сечении 6-7 мм. Наличие среди инвентаря головного венчика, по мнению А.Г. Шпилева, позволяет датировать подобные погребения со второй четверти XI в. вплоть до начала XII в. [Шпилев, 2009. С. 350-351]. Однако, на наш взгляд, курган LI более верно будет датировать серединой XI – началом XII вв. Датировку же кургана 30, исходя из особенностей погребального ритуала (захоронение в гробу, сбитом железными костылями; наличие в ногах следов пепла ритуального костра) следует отнести ко второй половине XI – началу XII вв.

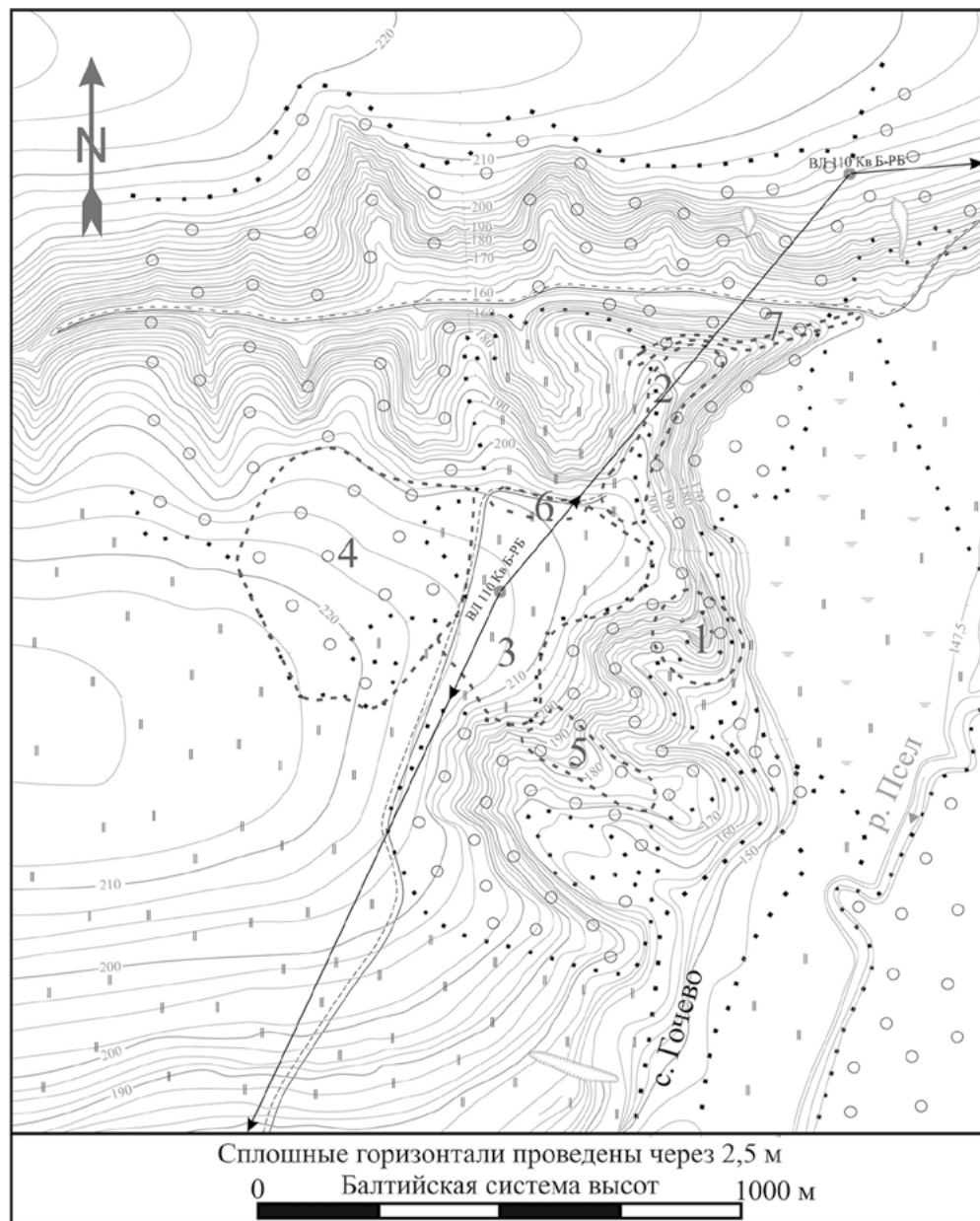

Рис. 1. Гочевский археологический комплекс. Топографический план:
1 – городище 2 «Царский Дворец»; 2 – городище 1 «Крутой Курган»; 3 – поселение;
4 – курганный могильник 1; 5 – курганный могильник 2 («Загородье»);
6 – грунтовый могильник; 7 – средневековая дорога.

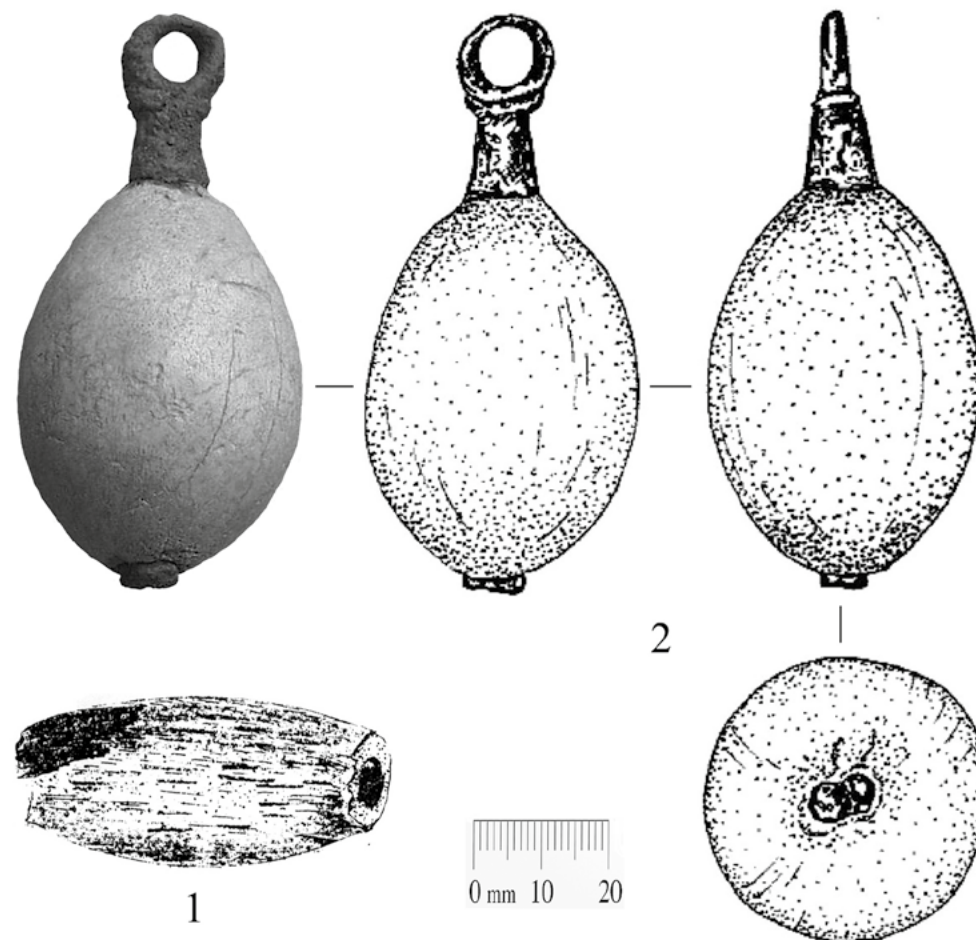

Рис. 2. Кистени Гочевского курганного могильника:
1 – кургана LI (1909 г.); 2 – кургана 30 (1994 г.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Глазов В.Н. Отчет о раскопках по поручению РАО в Обоянском уезде // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 123/1913.
- Глазов В.Н. Отчет о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 93/1915.
- Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. – М.: Наука, 1998. – Ч. 1. – 304 с.
- Киртичников А.Н. Древнерусское оружие. САИ Е1-36. – М. - Л: Наука, 1966. – Вып. 2. – 216 с.
- Львович В.С. Дневник раскопок курганов у с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 330/1913.
- Рыков П.С. Дневник раскопок Гочевского могильника в июле 1912 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 386/1912.
- Рыков П.С. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочево Обоянского у. Курской губ.) // Ученые записки Саратовского университета. – Саратов, 1923. – Т. I. – Вып. 3. – С. 39-53.
- Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а. – 108 с.
- Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б. – 40 с.
- Симоненков А.В. Раскопки на территории Гочевского курганного могильника 1 // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2019. – Липецк, Воронеж, 2020. – С. 145-146.
- Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках курганного могильника около села Гочево Беловского района Курской области в 1994 г. // НА КГОМА. Д. I-51.
- Стародубцев Г.Ю. Приложение к Отчету об охранных раскопках курганного могильника около села Гочево Беловского района Курской области в 1994 г. // НА КГОМА. Д. I-52.
- Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994-2005 гг. // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). – Брянск: Изд-во БГУ, 2006. – Вып. 2-3. – С. 162-169.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Исследования Гочевского курганного могильника в 1994-2016 гг. // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2019. – Вып. 11. – С. 562-574.
- Шнилев А.Г. Об одном типе погребальных головных уборов у южных северян в конце X-XI вв. // Stratium plus. Археология и культурная антропология. – Санкт-Петербург - Кишинев - Одесса - Бухарест, 2009. – № 5. – С. 338-351.

М.В. Цыбин

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА В IX-XVII ВВ. (НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ)

В контексте обозначенной темы речь идет прежде всего о Верхнем и Среднем Подонье и прилегающих районах. Для конца XVI-первой половины XVII вв. зримым и устойчивым порубежьем славянского мира являлась линия Белгородской оборонительной черты. История ее возведения давно и плодотворно изучается в отечественной исторической науке. Интерес к изучению Белгородской черты в историческом и археологическом контекстах возрастает и в последние годы [Папков, Петрухинцев, Хитров, 2020].

При сооружении Белгородской оборонительной черты учитывались ландшафтные условия местности, лесные массивы, водные преграды, пути нападения кочевников на русские земли. Исследователями было обращено внимание и на возможность использования древнерусских городищ XII-первой половины XIII вв. в системе укреплений Белгородской черты. Древнерусские городища за редким исключением (например, Хотмыжское городище) строителями укреплений черты непосредственно не использовались [Папков, 2007. С. 187-188]. Однако обращает на себя внимание общий контур юго-восточной границы Руси накануне монгольского нашествия в сопоставлении с контуром Белгородской черты (а также Изюмской и Тамбовской) (рис. 1). Как известно, эта граница маркировалась городищами «донецкой оборонительной линии» (Донецкое, Хорошево, Мохнач (?), Гайдары (Украина), Крапивенское, Холки (Белгородская область)). Наиболее изученными являются городища Донецкое и Холки. На Дону (территория Воронежской области) информативным памятником на юго-востоке Руси является Семилукское городище. На р. Воронеж изучались Животинное городище (Воронежская область), Романово городище (Липецкая область), в верховьях Цны – Никольское городище (Тамбовская область) [Цыбин, 2000].

Ряд древнерусских городищ вписываются в общий контур Белгородской черты. Перечислим их: два городища (Большой Балкан и Малый Балкан) на

р. Ворсклица у с. Ницаха Тростянецкого района Сумской области Украины; Хотмыжское городище на р. Ворскла у с. Хотмыжск Борисовского района Белгородской области; Крапивенское городище на р. Корень у с. Крапивное Шебекинского района Белгородской области; городище Холки на р. Оскол у с. Холки Чернянского района Белгородской области; Семилукское городище на р. Дон в г. Семилуки Воронежской области; Животинное городище на р. Воронеж у с. Староживотинное Рамонского района Воронежской области; Романово городище на р. Воронеж у с. Ленино Липецкого района Липецкой области. Территориально к Тамбовской черте тяготеет Никольское городище на р. Цна у с. Никольское Знаменского района Тамбовской области.

В районе прохождения Изюмской черты находятся городища Донецкое (р. Уды, г. Харьков), Хорошево (р. Уды, у пос. Хорошево Харьковского района Харьковской области Украины), Мохнач (?) (р. Северский Донец, у с. Мохнач Змиевского района Харьковской области), Гайдары (р. Северский Донец, у с. Гайдары Змиевского района Харьковской области).

Таким образом, можно констатировать, что общий контур юго-восточной границы Руси накануне монгольского нашествия территориально сопоставим с контуром Белгородской, а также Изюмской и Тамбовской оборонительных черт XVII в.

Если для XVII в. мы не имеем археологических данных о кочевниках в рассматриваемом районе, то для XII-первой половины XIII вв. зоны половецких кочевий археологически фиксируются по данным картографирования каменных изваяний и погребальных памятников (рис. 2). Эти данные отражены в литературе [Цыбин, 2011], поэтому отметим лишь следующее. При определении границ Половецкой земли используются данные картографирования каменных изваяний, являвшихся важнейшей составляющей половецких святилищ. Последние появлялись там, где находились маршруты кочевий, летники и зимники. Однако сведения о месторасположении отдельных изваяний нуждаются в проверке, особенно если речь идет о периферийных половецких территориях. Хорошо известно, что каменные изваяния снимались с мест первоначальной установки и перевозились на значительные расстояния (оказывались в помещичьих имениях, использовались как межевые камни, закладывались в фундаменты). На рис. 2 статуи, зафиксированные в месте их первоначальной установки, выделены.

Исходя из данных картографирования, районом локализации статуй является правобережье Северского Донца. Есть статуи и в левобережье. Некоторые из них, скорее всего, зафиксированы в местах их первоначальной установки. В конце XII в. в бассейне среднего течения Северского Донца находился центр объединения донских половцев. Есть статуи и в Поосколье (до среднего течения реки). Распространение статуй вплоть до среднего течения

Оскола согласуется с известием Ипатьевской летописи о походе Ольговичей на Оскол зимой 1191 г. Упоминание половецких веж свидетельствует о зимовке половцев в этом районе. В правобережье Дона выше Тихой Сосны, по которой прошла Белгородская черта XVII в., половецкие изваяния нам не известны.

В левобережье Среднего Дона половецкие статуи единичны. Несколько изваяний маркируют степной коридор, выходящий в междуречье Воронежа и Цны (направление Ногайской дороги XVI-XVII вв.). Около середины XII в. половецкие становища появляются в бассейне Хопра. За пределами зоны распространения каменных изваяний уже в пределах русских земель по письменным источникам известны районы, называвшиеся «поле». Временное пребывание половцев в таких районах вероятно, но в археологических материалах отражения не нашло.

В Половецкой земле известны отдельные поселения с древнерусскими материалами на Дону, Тихой Сосне и Битюге. Их традиционно связывают с «бродниками», своего рода предшественниками казачества.

Обратимся к результатам картографирования памятников VIII-XI вв. в рассматриваемом регионе (рис. 3). Карты памятников славянской боршевской и салтово-маяцкой культур публиковались в ряде работ [Винников, 1995. Рис. 2; Пряхин и др., 1997а, 1997б; Афанасьев, 1987. Рис. 2-7, 82; Свистун, 2014. Рис. 1].

Низовья р. Воронеж и семилукский участок течения Дона были освоены славянами в конце VIII-X вв. Примечательно, что крепость Воронеж конца XVI в. появилась в районе концентрации памятников боршевской культуры. Они располагались как севернее Воронежа, так и южнее. В частности в воронежской нагорной дубраве на участке длиной 7 км располагались четыре городища: Кузнецовское, Михайловский кордона, II Белогорское, I Белогорское. Расстояние между городища от 2 до 3 км. Стоит отметить, что Кузнецовское городище, расположенное в 8 км севернее крепости Воронеж, было известно в XVII веке под названием «Казарское городище».

Развитие этой агломерации прервалось в конце X-начале XI в. Материалы первой половины XI в. выявлены на Животинном городище расположенном примерно в 11 км выше по течению реки от I Белогорского городища [Винников, 2014].

Южнее крепости Воронеж также известны славянские поселения боршевской культуры. В качестве примера назовем поселение Чижевское-5, расположенное в 4 км южнее места крепости Воронеж. Материалы боршевской культуры известны и на семилукском участке течения р. Дон (Семилукское городище, городище Чернышева гора).

Южнее по правому берегу Дона располагался ряд славянских городищ: Большое и Малое Боршевские городища, Архангельское городище, городище

Титчиха. Рядом с Большим Боршевским городищем находится Боршевский курганный могильник. Эти памятники находятся на участке по течению Дона, протяженностью около 30 км. По прямой линии от Большого Боршевского городища до городища Титчиха около 22 км.

Система городищ славянской боршевской культуры увязывалась с высокими правыми берегами рек Дон и Воронеж. По этой линии проходит и граница между двумя географическими зонами – Среднерусской возвышенностью и Окско-Донской равниной. На левобережье Среднего Дона известны отдельные небольшие поселения боршевской культуры (поселение Дрониха на р. Битюг у с. Старая Тишанка Таловского района Воронежской области).

Необходимо иметь в виду и движение славянского населения на юг по течению Дона. Славянское поселение возникло в Саркела, на Нижнем Дону и его притоках изучались и другие славянские поселения.

На Среднем Дону южнее славянского городища Титчиха расположены памятники салтово-маяцкой культуры. По реке Тихая Сосна расположены городища: Маяцкое, Павловское, Верхне-Ольшанское, Мухоудеровка, Колтуновское, Алексеевское, Красное. От славянского городища Титчиха до Маяцкого городища по прямой линии около 25 км. Тихая Сосна определяла славяно-хазарское пограничье. Примечательно, что по этой реке прошла и линия укреплений Белгородской черты. Верхне-Ольшанское городище салтово-маяцкой культуры территориально связано с крепостью Ольшанск. В первой половине – середине XVII в. до сооружения Изюмской черты Тихая Сосна река определяла порубежье русского мира.

Стоит отметить, что для славянского населения боршевской культуры и населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры характерен один хозяйственно-культурный тип, основу которого составляло пашенное земледелие и оседлое животноводство. В этом плане интересен и процесс проникновения носителей салтово-маяцкой культуры в район поселков славянского населения Среднего Дона и низовой реки Воронеж. Об этом свидетельствуют находки керамики и вещей салтовского круга на славянских памятниках. Необходимо упомянуть, что зоной активных контактов славян и населения салтовской культуры являлся и район Северского Донца [Колода, 2010].

На Левобережье Дона (в доно-хоперском междуречье) известны лишь отдельные памятники салтово-маяцкого круга. В этом районе, как уже отмечалось выше, известны и немногочисленные славянские памятники. Очевидно, что Окско-Донская равнина и Калачская возвышенность в пределах Среднего Подонья в VIII-X вв. не являлись зонами активного освоения славянами и носителями салтово-маяцкой культуры. Но необходимо отметить первые шаги по освоению славянами Побитюжья и Прихоперья, где хозяйственная деятельность русского населения активизируется в XVII в.

Что касается кочевого населения конца I тыс. н.э., то его памятники в рассматриваемом районе малочисленны. Они выявлены в левобережье Среднего Подонья. Это погребения, которые исследователи интерпретируют как печенежско-огузские (Букановская, Никольевка, Свинуха). В бассейне р. Оскол яркое печенежское погребение находилось у хут. Гаевка (Волоконовский район Белгородской области).

Менее отчетливо территориальное размежевание славянского и степного миров в Среднем и Верхнем Подонье прослеживается в период Золотой Орды (рис. 4). Это связано прежде всего с включением Черниговской и Рязанской земель в административную систему Улуса Джучи. Рассматриваемый район стал частью этого государства.

При рассмотрении историко-географической ситуации этого периода обращает на себя внимание тот факт, что низовье реки Воронеж представляло собой район, севернее которого памятники кочевого населения, памятники ордынской городской культуры неизвестны. Верхнее Подонье в период Золотой Орды в этнокультурном плане – зона русского расселения. Южнее устья р. Воронеж выявлены разноэтничные памятники: русские поселения, погребения кочевников, мусульманские мавзолеи и ордынские поселки, поселения и грунтовые могильники потомков аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Причем эти группы населения сосуществовали в пределах отдельных микрорегионов, среди которых особенно показательно Побитюжье [Цыбин, 2007].

Русское население фиксируется по Дону, в Побитюжье, Прихоперье. Но после бурных событий Куликовской битвы, с распадом Орды фиксируемая археологически система сосуществования разноэтничных групп населения в Среднем Подонье в начале XV в. рушится, начинается процесс территориального размежевания славянского и степного миров, приведший к их жесткой конфронтации и необходимости создания Белгородской оборонительной черты.

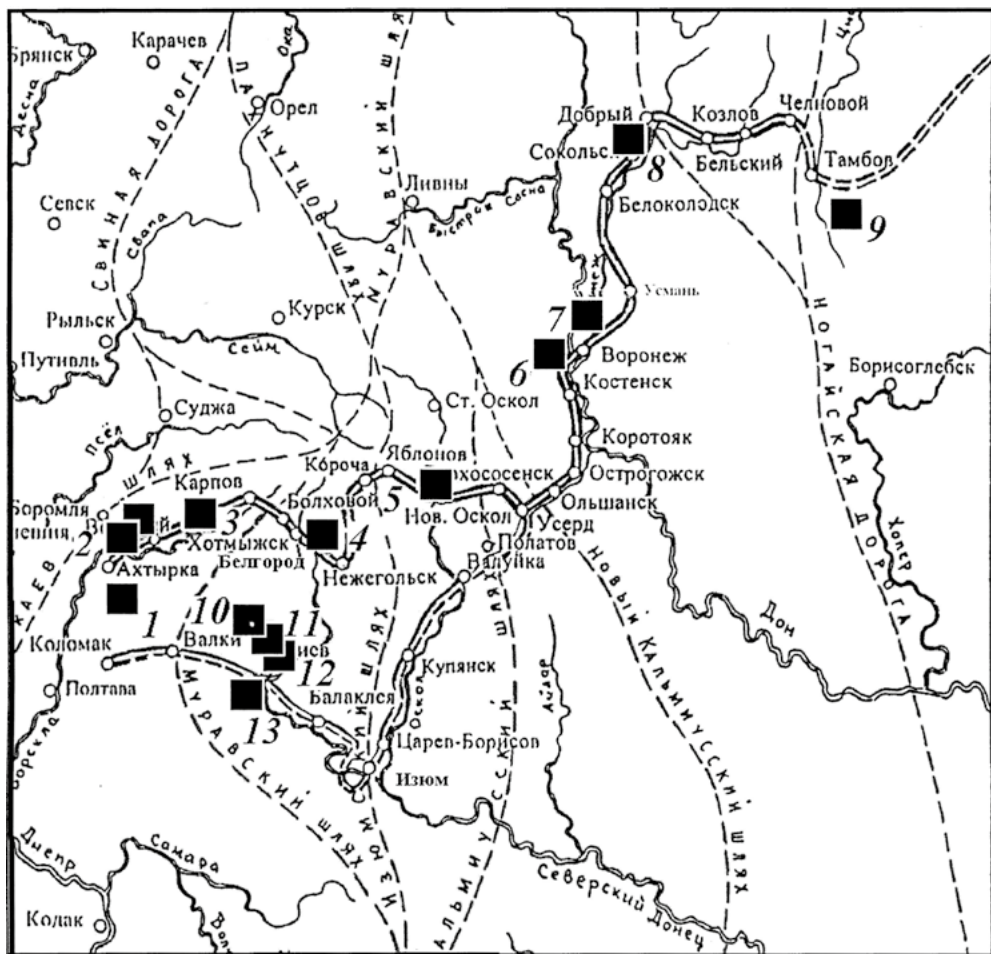

Рис. 1. Территориальное соотношение Белгородской, Тамбовской, Изюмской оборонительных линий XVII в. и древнерусских городищ XII-первой половины XIII вв.

- 1 – Городное, 2 – Ницаха (городища «Большой Балкан», «Малый Балкан»),
- 3 – Хотмыжское, 4 – Крапивенское, 5 – Холки, 6 – Семилукское,
- 7 – Животинное, 8 – Романово, 9 – Никольское, 10 – Донецкое,
- 11 – Хорошево, 12 – Мохнач, 13 – Гайдары

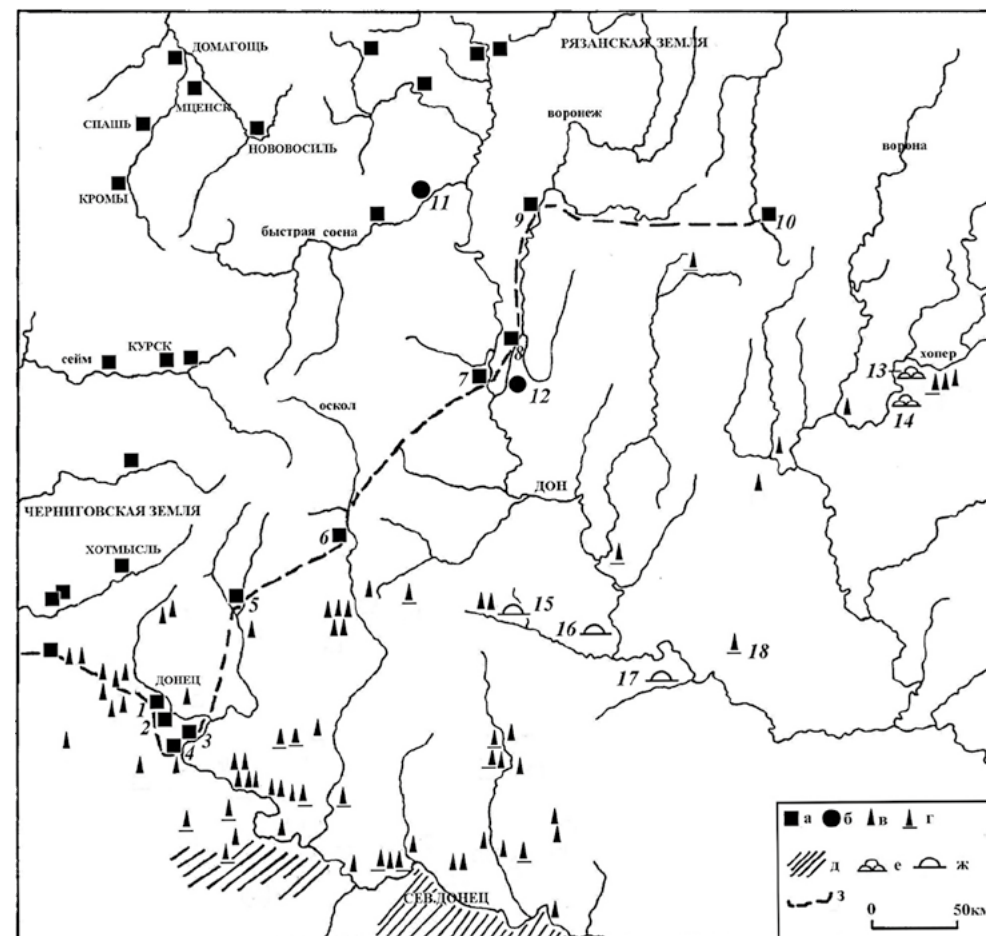

Рис. 2. Юго-восточное порубежье Руси во второй половине XII–первой трети XIII вв.

- а – древнерусское городище; б – древнерусское селище; в – половецкое каменное изваяние; г – изваяние, зафиксированное в месте первоначальной установки; д – район концентрации половецких каменных изваяний; е – кочевнический могильник; ж – кочевническое погребение; з – граница Руси

- 1 – Донецкое, 2 – Хорошево, 3 – Мохнач, 4 – Гайдары, 5 – Крапивенское, 6 – Холки,
- 7 – Семилукское, 8 – Животинное, 9 – Романово, 10 – Никольское, 11 – Лавское,
- 12 – Шиловское, 13 – Лесное, 14 – Третьяки, 15 – Ольховатка,
- 16 – Старая Калитва, 17 – Вerveковка, 18 – Старая Криуша

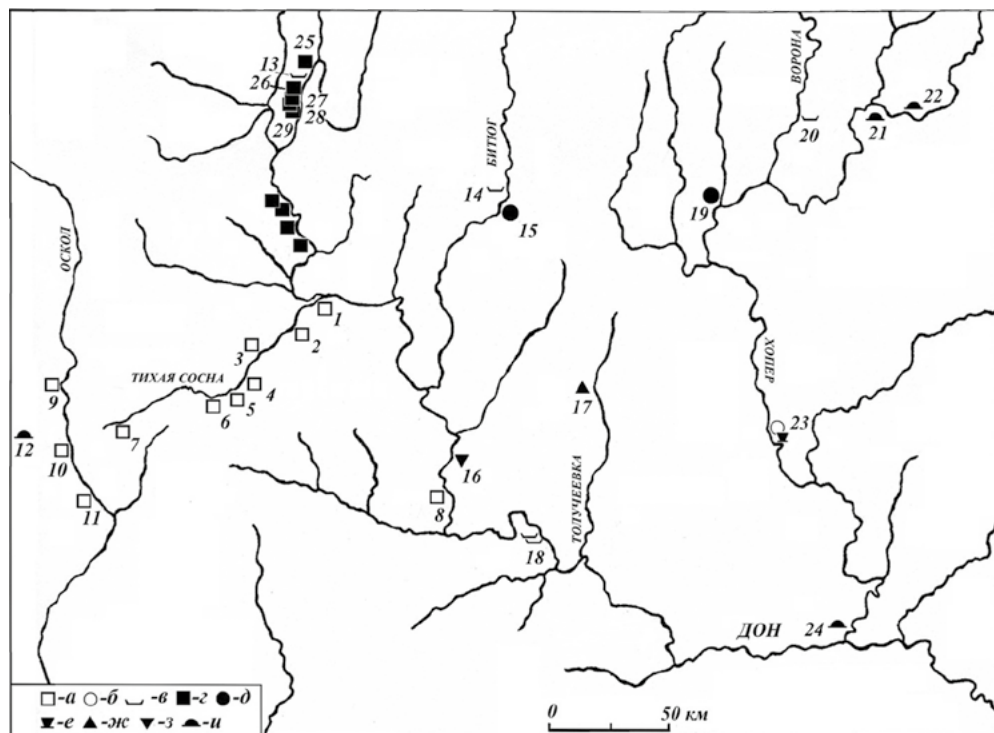

Рис. 3. Карта памятников VIII–XI вв. в Среднем Подонье

а – городище салтово-маяцкой культуры; б – селище салтово-маяцкой культуры; в – ямное погребение салтово-маяцкой культуры; г – городище славянской боршевской культуры; д – селище славянской боршевской культуры; е – славянское трупосожжение; ж – Воробьевское погребение «мадьярского круга»; з – случайная находка вещей «мадьярского круга»; и – печенежско-огузское погребение

1 – Маяцкое, 2 – Павловское, 3 – Верхне-Ольшанское, 4 – Мухоудеровское, 5 – Колтуновское, 6 – Алексеевское, 7 – Красное, 8 – Карабут, 9 – Ютановское, 10 – Поминово, 11 – Яблоновское, 12 – Гаевка, 13 – погребение на III Чертовицком городище, 14 – с. Старая Тойда, урочище Монастырка, 15 – поселение «Дрониha», 16 – с. Русская Буйловка, 17 – Воробьевское погребение, 18 – хут. Тихий Дон, 19 – с. Васильевка, 20 – с. Власовка, 21 – с. Лесное (Свинуха), 22 – д. Никольевка, 23 – хут. Ендовский, 24 – ст. Букановская, 25 – Животинное, 26 – I Белогорское, 27 – II Белогорское, 28 – Михайловский кордон, 29 – Кузнецовское

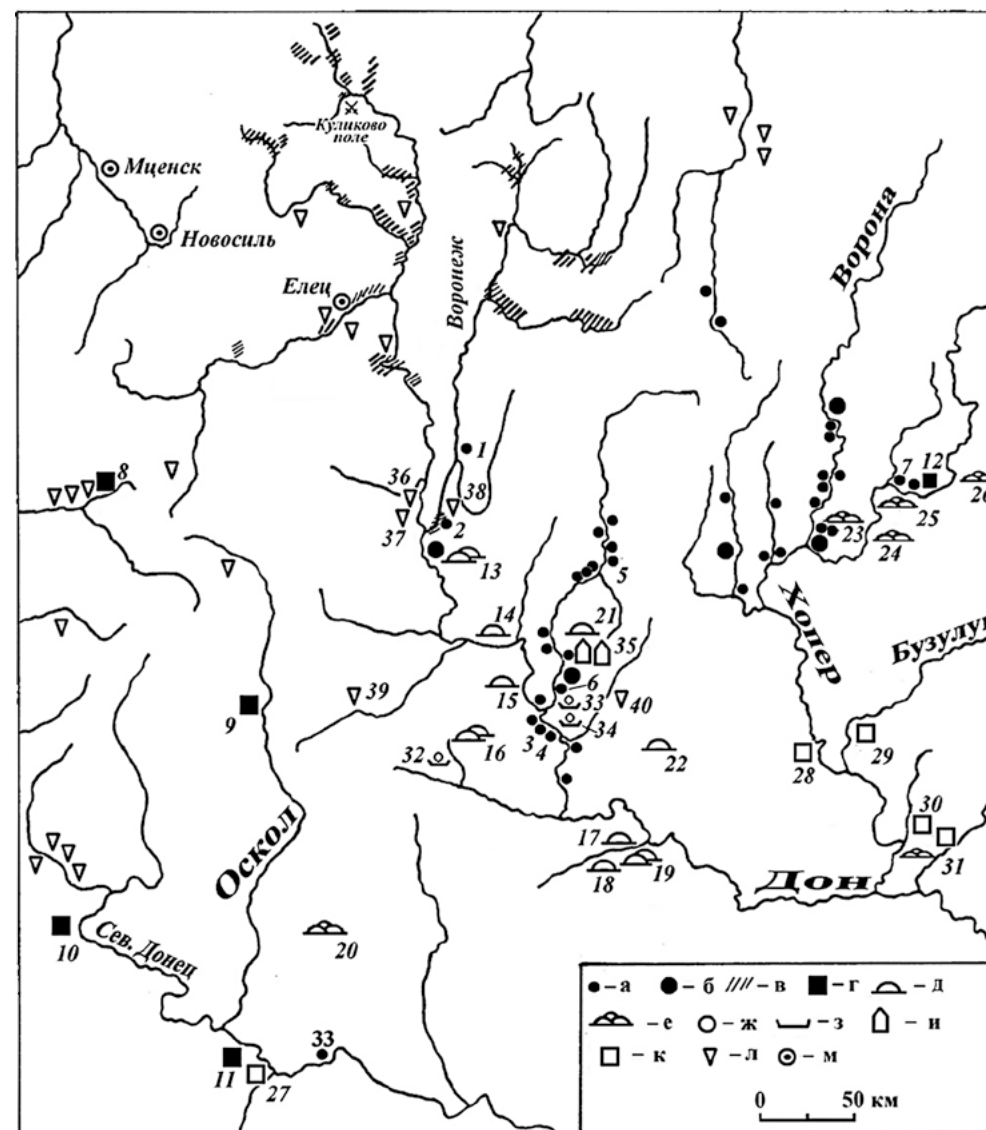

Рис. 4. Русско-золотоордынское пограничье в Среднем и Верхнем Подонье

а – селище с русской керамикой; б – группа селищ с русской керамикой; в – участки концентрации русских селищ в Верхнем Подонье (по работам М.И. Гоняного, Н.А. Тропина, результатам исследований экспедиции Воронежского государственного университета); г – поселение с русской и ордынской керамикой на городищах (комплексах) предшествующего времени; д – подкурганное кочевническое погребение; е – курганный кочевнический могильник; ж – поселение «золотоордынского круга»;

з – грунтовой могильник «золотоордынского круга»;
и – золотоордынский мавзолей; к – золотоордынское поселение с постройками из кирпича; л – клад золотоордынских монет; м – летописные города XIV в.

1 – Ромашки 1, 2 – Шиловское, 3 – Верхнекарбутовское-2, 4 – Верхнекарбутовское-1, 5 – Дроница, 6 – Антиповка, 7 – Инясево, 8 – Ратский комплекс, 9 – Холки, 10 – Донецкое, 11 – Царино, 12 – Никольевка, 13 – Олень-Колодезь, 14 – Лиски, 15 – Марки, 16 – Караяшник, 17 – Вервекровка (II Богучарский могильник), 18 – Лофицкое, 19 – Дьяченково (Высокая Гора), 20 – Нижняя Дуванка, 21 – Новый Буравль (Сафоновка), 22 – Новомеловатка, 23 – Власовский, 24 – Третьяки, 25 – Лесное (Свинуха), 26 – Ключи, 27 – Казачья Пристань (Райгородок), 28 – Тишанское, 29 – Дурновское, 30 – Кумылженское, 31 – Глазуновская, 32 – Новохарьковка, 33 – Таганский, 34 – Затон 1, 35 – Красный, 36 – с. Семилуки, 37 – Девица, 38 – г. Воронеж, Отрожки, 39 – Нижнепокровское, 40 – Воронцовка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.– М.: Наука, 1987.–198 с.
- Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII–начало XI века).– Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995.–164 с.
- Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII - нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж).– Воронеж : Кварта, 2014.– 396 с.
- Колода В.В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности.–Харьков, 2010.– Вып. 9.–С. 178-197.
- Папков А.И. Значение городищ древнерусского времени при сооружении Белгородской черты в XVII в.// Верхнее Подонье: природа, археология, история/ под ред. А.Н. Наумова.- Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2007.– Вып. 2.–Т. 2.– С. 183-188.
- Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А. Белгородская черта: история, фортификация, люди.– Рыбинск: Медиарост, 2020. – 264 с.
- Пряхин А.Д., Бсседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г.Воронежа.– Воронеж, 1997а.– Вып.1.– 42 с.
- Пряхин А.Д., Бсседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г.Воронежа.– Воронеж, 1997б.– Вып. 2.– 44 с.
- Свистун Г.Е. Типология салтово-маяцких городищ на современном этапе // Степи Европы в эпоху средневековья /под ред. А.В. Евглевского.–Донецк: Донецкий национальный университет, 2014. – Т. 12. – С. 51-102.
- Цыбин М.В. Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (история развития идеи) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья/ под ред. А.Д. Пряхина.– Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000.– С. 130-137.– (Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 14).
- Цыбин М.В. Периферия Золотой Орды в Подонье // КСИА.– 2007.– Вып. 221.–С. 166-175.
- Цыбин М.В. К изучению северной границы Половецкой земли в Подонье // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.).– Казань, 2011.– С. 125-127.

Е.А. Шинаков, А.А. Чубур

Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

О ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ СЕВЕРЯНСКО – ВЯТИЧСКО – РАДИМИЧСКОГО ПРЕДГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X В.

Еще три десятилетия назад Е.А. Шинаковым и А.В. Григорьевым была высказана гипотеза, что помимо Руси в Восточной Европе возникает альтернативное «восточнославянское государство» на основе позднего этапа роменско-боршевской археологической культуры начала X в., включавшее «племенные» княжества северян и, частично, вятичей и радимичей [Шинаков, Григорьев, 1990]. Предположение об этом базировалось на надплеменном характере роменской культуры. Получило подтверждение высказанное тогда же и основанное на обрезанных в кружок дирхемах весом 1,5-1,7 г. (норма обрезки, как выяснилось, менялась со временем) и «варварских» им подражаниях [Зайцев, 1991; 1992; Шинаков, Зайцев, 1993] предположение А.В. Кузы о формировании в надплеменном образовании денежно-весовой системы, что могло свидетельствовать о наличии некоей государственности на территории распространения таких артефактов. В настоящее время число кладов и находок обрезанных в кружок саманидских дирхемов приближается к 30 [Грачев, Лебедев, 2015. С. 69].

К концу XX в. к средневековому восточноевропейскому материалу стали применять политико-антропологический подход и терминологию. В отношении вольтинцево-роменского объединения с центром в Битице, где наряду с местной властью находились и хазарские представители - тудуны, В.В. Приймак еще в 1994 г. использовал термин «сложное вождество» [Приймак, 1994. С. 26]. Е.А. Шинаков охарактеризовал позднероменскую государственность как «протогосударство» типа «конфедерации вождеств» с военно-ранговой иерархией – скорее территориально-политического, нежели этнокультурного характера [Шинаков, 2002, С. 129, 132]. В состав протогосударства входили общности меньшего уровня, (союзы племен, этнопотестарные племена, княжества-вождества – такие как, например Посемье [Енуков, 2002]), среди кото-

рых формировались предгородские центры, связанные с административными, культовыми, оборонительными и внешнеторговыми функциями (например, агломерация «Вантит») [Шинаков, 2002. С. 141, 143]. Планомерные археологические раскопки нескольких последних десятилетий [Куза, 1981; Узанов, 1991; Приймак, 1997; Зорин, 2003;] и усилившийся в начале XXI в. поток находок «престижных» украшений правящей иерархии, однотипных для всех частей возглавляемой ею общности, а также монетных кладов местной системы с обрезанными в кружок саманидскими дирхедами и «варварскими» подражаниями (местная денежно-весовая система) позволяют уточнить границы, структуру и этнокультурный состав потестарно-политического объединения.

Границы альтернативного Руси протогосударства в период его расцвета (середина X в.) целиком охватывали ареал северян, южную половину ареала вятичей и восточную часть ареала радимичей. Это свидетельствует о том, что граница имела не столько природный или этнокультурный, сколько все же потестарно-политический характер. Его основная часть – юго-восток и центр ареала роменско-боршевской культуры: от правобережья Десны на отрезке Новгород-Северский – Пеклино (впадение в Десну Ветьмы и Белизны), до участка Дона в районе Титчихи – Боршево и верхних притоков Северского Донца. Общий поперечник этой обширной территории – 500-600 км. Западную границу (с Русью) «роменского протогосударства» можно четко проследить почти на всем протяжении по широкому набору признаков [Шинаков, Чубур, 2021]. К этим признакам относятся клады и монетные находки, находки лучевых височных колец, находки предметов вооружения и военно-археологические признаки, особенности погребального обряда, физико-географические и топонимические маркеры.

В данном сообщении мы остановимся на особенностях юго-восточного пограничья и работающих там его признаках.

Во-первых, на юге и востоке границы общности совпадают со славянским расселением, включая остатки салтовского алано-болгарского населения прилегающих степей, что фиксируется распространением поздних роменско-боршевских памятников. Во-вторых, четкой границы со степью, естественно, нет – население и крепости располагаются в лесных «островках», у переправ через реки. Да, крепости здесь были, причем именно в середине X в. в некоторых из них усиливаются укрепления, иногда даже каменными конструкциями (Горналь, Ницаха, Каменное, Донец). Но укрепления эти были направлены в первую очередь не на централизованную «оборону границ», а, скорее, на самостоятельную защиту от печенегов и от русов, проходивших на Восток донским путем. Нужно учитывать, что городища могут располагаться не обязательно на внешних границах протогосударства с Русью или Степью, но и в глубине его территории. Но таких памятников не будет с внешней стороны границы, что и может являться ее маркером. К сожалению, точная хронология существования

любого укрепленного поселения и определение времени и причин его гибели невозможны без стационарных раскопок, а они проводились далеко не на всех городищах.

С «внутренней» стороны границы ее маркером служат уже упомянутые монеты «местной» денежно-весовой системы, с обрезанными в кружок дирхедами и подражаниями хазарской и болгарской, а затем и местной славянской чеканки. К таким маркирующим находкам относится клад юго-восточной денежно-весовой системы у с. Безлюдово и Донецкого городища, за которыми, собственно, начинаются степи. В Безлюдовском кладе младшая оригинальная монета датируется 936 г., но кроме того, он содержит много не имеющих даты чеканки подражаний [Колода, Лебедев, Енуков, 2014]. «Роменско-Боршевское протогосударство» имело свои каналы связи с Хазарским Каганатом и Волжской Булгарией, но элита не рисковала пользоваться ими открыто, дабы задержать и накопить серебро (возможно, готовясь выпустить его в обращение одновременно и по «своим» номиналам). Потому вполне закономерно, что клад с самым «старым» дирхемом, обрезанным в кружок, обнаружен в регионе «Вантит» на Дону, связанном напрямую с Хазарией и Волжской Булгарией. Это Боршевский клад с младшей монетой 930 [Лебедев и др., 2018. С. 7], 928 [Колода и др., 2014. С. 26] или даже 923 гг. [Зайцев, 1991. С. 110]. Наряду с Безлюдовским и Боршевским кладами, юго-восточное пограничье «славянского роменского протогосударства» маркирует Шебекинский клад куфических монет, также датированный 923 г. по младшей монете [Гоглов, Лебедев, 2018. С. 45]. Аналогичные «депозиты» почти одновременно были сделаны и на западных рубежах Посеймского региона северян. Время пустить их в оборот наступило, видимо, в 940-х гг., в период кризиса и частичного распада Руси и временного восстановления хазарского (или установления болгарского?) протектората, зафиксированного в «Документе Шехтера» и письме кагана Иосифа. В крупных кладах сохранилась часть монет, которая в обращение так и не попала: то ли составляла «банковский резерв», то ли волей обстоятельств не достигла места применения, «выпав» по дороге. К кладам, возможно маркирующим юго-восточное пограничье, но уже на момент окончательного уничтожения зарождавшейся роменской славянской государственности киевскими дружинами Владимира (около 1000 г., младшая монета клада 990 г.), можно причислить и Беловский клад на р. Псел [Лебедев, Рисплинг, 2017].

Контаминировано со «славянским протогосударством» появление уже в XI в. северянских и постсеверянских древностей – лучевых колец групп IV и V [Шинаков, 1980a] за пределами территории северян. В числе таких пунктов ряд русских пограничных со степью крепостей на среднем Днепре и нижней Суле. В материалах поселения Лепляво на Днепре лучевые кольца встречены даже вместе с обрезанными в кружок дирхедами. Однако тут, скорее всего, нужно вести речь уже о чисто этнокультурном, а не о статусно-потестарном их стату-

се. Кольца группы V встречены и на так называемых «Восточных территориях» (притоки Северского Донца, Ворскла, Псел) [Шинаков, 1980б. С. 18-70; 1991], где четко маркируют этнокультурные границы северян с зоной преобладания общерусской христианской культуры либо со степью. При этом важно заметить, что юго-восточные границы маркируются еще и областью распространения спиралевидных височных колец, представленных в Посеймье и Подесенье в меньшей степени [Шинаков, 1991, с. 91, рис. 3].

Через территорию протогосударства проходило несколько вариантов пути с Дона в районе «Вангита» [Винников, 2014. С. 196-201; Пряхин и др., 1997] и Северского Донца на Сейм и Псел, далее – на Десну. Функционировал и транзитный путь Киев – Булгар, проходивший по водораздельному «коридору» меж Сеймом и Пслем на тот же «Вангит» [Моця, Халиков, 1997; Енуков, Щавелев, 1996]. Все эти пути поставляли избыточный продукт и предметы престижного потребления, необходимые для функционирования правящей верхушки. Из сказанного ясно, что границы, как правило, не проходили по рекам: два берега – один хозяин. Задача рек не разделять, а напротив, соединять – в качестве пути сообщения – разные регионы. Однако для крепостей, располагавшихся на границе со Степью (а это юго-восточное пограничье протогосударства) это правило работает далеко не всегда.

После чернового определения границ путем комплексного анализа разных видов вышеприведенных источников при соблюдении принципа их непротиворечивости, окончательная «демаркация» рубежей может быть осуществлена на базе данных физической географии. Для Днепровского Левобережья проведена работа по контаминации физико-географических ландшафтов со средневековым археологическим материалом [Шинаков, 1996]. Юго-восточная граница «протогосударства», с учетом контаминации исторических источников и данных о природной среде, могла проходить несколько северней современной естественной границы степной и лесостепной природных зон. Дон этот природный рубеж «рассекает» в районе устья Черной Калитвы, продолжаясь по ее нижнему течению, и далее по участку нижнего течения Оскола, выходя к верхнему течению Северского Донца [Парашутина, 2012]. При этом далее в Левобережно-Днепровской физико-географической провинции лесостепи [Маринич, Шищенко, 2005 С. 328-346] южная граница протогосударства, вероятно, сворачивала к северу от южного рубежа лесостепи, проходя примерно по северному краю области лугостепных низменно-равнинных ландшафтов, относимых географами к лесостепи, но являющихся открытой остепненной местностью. Линия ведет приблизительно от Харькова через Полтаву к устью р. Удай. Лежащая к северу от область возвышенных в сочетании с низменными лугостепными ландшафтов (Ворскла, Средний Псел, притоки Северского Донца, относимые историками к «восточным территориям») обеспечивали заселение лишь локальными гнездами [Шинаков, 1991; 2005]. Более плотно была

заселена область лесостепных возвышенных расчлененных ландшафтов (Верхний Псел, Посеймье), но и тут густонаселенные участки, связанные с лесными массивами, чередовались с незаселенными или слабозаселенными остепненными территориями [Шинаков, 1996].

Таким образом, можно, в отличие от границ с «русской землей» на юго-западе, говорить о высокой степени природной и этнокультурной обусловленности и вторичности военно-политического фактора для юго-восточных границ роменско-боршевского протогосударства. Именно по этой причине данное пограничье оказывается достаточно размытым.

Кратко охарактеризуем это образование в целом. Оно было «открытым», то есть без четких границ на юге, востоке и севере. Такие этнокультурные группы, как радимичи и вятичи, входили в него лишь фрагментарно. Протогосударство являло собой социокультурную общность, перенявшую ряд особенностей политической культуры у соседей-кочевников: болгар, алан и бывшего сюзерена – Хазарского каганата. Общность связывали культурно-политические, идеологические, а возможно и династические контакты элит внутренних этнопотестарных образований, формировавшаяся единая денежно-весовая система на «куфической» (саманидской или болгарской, но не хазарской) основе, вплоть до попыток чеканки своих монет-подражаний. В функции правившей элиты, занимавшейся войной и торговлей, входило и поддержание этой системы. Генезис этого образования носит окказиональный характер – по воле стечения обстоятельств, а именно временное ослабление Руси, затем Хазарии и их противоборство в середине – начале второй половины X в. [НПЛ, 1950. Л. 30; Древняя Русь, 2009. С. 182-183]. Ранний этап формирования этой потестарной системы фиксируется появлением первых обрезанных в кружок дирхемов новой системы в 920-х гг. Процесс уничтожения «протогосударства» зафиксирован письменными и археологическими источниками: это пожары на городищах, датирующие их клады местной монетной системы, скандинавские предметы вооружения на склонах и в слое городищ, дружинные захоронения, поля сражений с оставленным на них оружием [Шинаков, 1994; 1995; Григорьев, 2000]. Конец независимости наступил при консолидации Руси в финале правления Ярополка и отмечается захватом русью крепостей на верхнем Псле, на пути Киев – Булгар.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII - начале XIII вв. – Воронеж: Кварта, 2014.
- Гоглов С.А., Лебедев В.П. Клад монет X века с окраины города Шебекино Белгородской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып.7. – М., 2018. С.38-51.
- Грачев С.Ю., Лебедев В.П. Гордеевский клад куфических дирхемов X в. из Брянской области // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Памяти Н.А. Фроловой. – М: ГИМ, 2015. С. 65-72.

- Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. – Тула, 2000.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. – М.: ИВИ РАН, 2009.
- Енуков В.В., Щавелев С.П. Основные направления торговых связей Курской земли в X-XIII вв. // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. – Курск, 1996. С. 12-34.
- Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки Феодальной России. Вып. 6. – М.: Едиторика УРСС, 2002.
- Зайцев В.В. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности. Тезисы науч. конф. Под ред. А.В. Бессуднова. – Елец, 1991. С. 110-112.
- Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // Итоги научно-исследовательской хранилельской деятельности за 1991 год. Тезисы научной конференции. – СПб.: Эрмитаж, 1992. С. 27- 8.
- Зорин А.В. Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X - начале XI вв. (по материалам городища Капыстичи) // Куликово поле. Исторический ландшафт, природа, археология, история. – Тула, 2003. С. 371-379.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. – М.: Восточная литература, 1962.
- Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад X в. и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. К 125-летию со дня рождения Р.Р. Фасмера (Археология евразийских степей. Вып. 18). Гл. ред. П.Н. Петров. – Казань, 2014. С. 6-160.
- Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города / ред. В.В. Седов. – М.: Наука, 1981. С. 6-40.
- Лебедев В.П., Голлов С.А., Никитин А.П., Яблоков А.Г. Боршевский клад обрезанных дирхемов и подражаний из Воронежской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. – М. ИВИ РАН, 2018. С.6-37.
- Лебедев Г.В., Рисплинг Г. Беловский клад куфических дирхемов первой четверти X в. Из Курской области // Археология евразийских степей, 2017. № 6. С. 51-64.
- Маринич О.М., Шищенко П.Г. Фізична географія України. – Київ: Знання, 2005. – 511 с.
- Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар - Киев. Пути - связи - судьбы. Отв. ред. П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1997.
- НПЛ - Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л.: АН СССР, 1950.
- Паращутина Л.П. О южной границе лесостепи в пределах Воронежской области // Известия Самарского научного центра Российской академии наук (биологические науки). 2012. Т.14. № 1 (6). С. 1634-1637.
- Приймак В.В. Територіальна структура Межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII - поч. IX ст. – Суми: Археологічний центр Лівобережжя, 1994.
- Приймак В.В. Роменська культура в Межиріччі Десни і Ворсклі. Дискусійні питання, нові матеріали. – Полтава-Суми, 1997.
- 22.Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 1997.
- Узянов А.А. Специфика урбанизационного процесса в условиях пограничных зон в раннем средневековье (к проблеме дифференцированного подхода к уровням и формам процесса) // Методические подходы исследований процесса урбанизации в древности. – М.: Наука, 1991. С. 141-171.
- Фомин А.В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX-X веков (по материалам Восточной Европы) // Автореф. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – М. 1982.

- Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология, 1980а. № 3. С. 110-127.
- Шинаков Е.А. Демография и этнография населения междуречья Десны и Ворсклы в конце X - первой половине XIII в. // Ден. в ИНИОН АН СССР № 6673. М., 1980б.
- Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X - начале XIII веков (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. – Воронеж. 1991. С. 82-93.
- Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье (русские X-XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і Середньовіччя. Тези доповідей міжнарод. наукової конф. у м. Славутичі. – Київ, 1994. С. 41-47.
- Шинаков Е.А. От пращи до скрамасака: на пути к державе Рюриковичей. – Брянск - СПб., 1995.
- Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 8. Под ред. А.А. Метельского. – Мінск, 1996. С. 236-255.
- Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. – Брянск: БГУ, 2002.
- Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси: опыт социологической реконструкции по материалам археологии // Юбилейный сборник статей профессоров БГУ к 75-летию Брянского государственного университета. – Брянск: РИО БГУ, 2005. С. 59-64.
- Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в. // Вивчення історичної культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи / Від ред. В.Б. Звагельський. – Суми-Ромни, 1990. С. 66-68.
- Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Межплеменные пограничья в Брянском Подесенье: современное состояние вопроса // Stratum Plus. Культурная антропология и археология. 2009. № 5. Русское время. С. 576-589.
- Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Под ред. А.З. Винникова. – Воронеж: ВГУ, 1993. С. 64-68.
- Шинаков Е.А., Чубур А.А. О характере границ Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования с Русью в середине – второй половине X в. // История. 2021. (в печати).

А.Г. Яблоков*, Е.О. Тимошинова**

* – Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

** – ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж, РФ

ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКОЙ СЕРИИ ИЗ РАСКОПОК 2020 ГОДА ДРЕВНЕРУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ РОМАШКИ 1 НА Р. ВОРОНЕЖ

Поселение Ромашки 1 открыто сотрудниками Археологического музея Воронежского государственного университета во время проведения разведки по левому берегу р. Воронеж между с. Ступино и с. Нелжа в 2012 году [Яблоков, Скинкайтис, 2014. С. 151]. За год до этого в Археологический музей передали клад железных изделий, найденный на левом берегу р. Воронеж на северной окраине дачного поселка Ромашки в Рамонском районе Воронежской области, а также ряд фотографий монет дангов, относящихся к золотоордынскому времени, найденных вблизи клада. Сотрудники музея при предварительном осмотре клада датировали его XIII-XV вв., а осмотр места находки показал, что все вещи обнаружены на территории неизвестного ранее древнерусского поселения [Такмаков, Ковалевский, Яблоков, 2014. С. 614].

Для выявления памятника археологии на месте находки клада и постановки его на учет и охрану в 2012 году, на указанной выше территории были произведены разведочные работы под руководством нынешнего заведующего (тогда – главного хранителя) Археологического музея ВГУ В.И. Такмакова, при участии к.и.н. тогдашнего заведующего музеем В.Н. Ковалевского, а также ряда студентов и сотрудников исторического факультета ВГУ.

Археологические исследования на территории поселения также проводились в 2013 и 2014 гг.

В 2020 г. под руководством В.И. Такмакова археологами ВГУ изучение памятника было продолжено. Для раскопок выбран свободный от лесной растительности участок у юго-западной окраины поселения. Исследованная в 2020 г. площадь составила 128 кв. м.

В результате проведенных на территории памятника работ в 2020 году были исследована подпольная часть наземного жилища и была получена информативная коллекция находок, включая обширную керамическую серию.

Ее обработка производилась по методике, разработанной В.Ю. Ковалем. При исследовании использовалась расширенная система фиксации керамики эпохи русского средневековья [Коваль, 2016. С. 19]. Она предполагает соблюдение определенного алгоритма проведения операций по описанию керамики. По итогам работ были составлены статистические таблицы, которые наглядно представляют полученную информацию.

Работа с керамическим материалом происходила следующим образом. Вымытые и высушенные полевых условиях фрагменты распределены по пакетам с бирками, обозначающими полевой шифр. Затем, на стадии камеральной обработки, тот же шифр нанесен на каждый фрагмент. По методическим разработкам Ковалья, на первом этапе фиксации осуществлено разделение массива керамики на лепную и круговую посуду [Коваль, 2016. С. 19]. Фрагментов лепной керамики в ходе осмотра выявлено всего несколько штук, в тех редких случаях, когда они встречались, отмечалось их наличие и сопутствующие им признаки. По всей видимости, найденные на поселении фрагменты лепной керамики относятся к более ранним эпохам.

Стоит отметить, что при разделении керамики на лепную и круговую, Коваль предлагает исследователям попытаться определить, к какому этапу развития функций гончарного круга относится каждый фрагмент. В монографии «Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения» А.А. Бобринский прослеживает семь этапов развития функций гончарного круга (РФК-1, РФК-2 и т.д.). С учетом того, что по фрагментарному материалу определить принадлежность керамики к конкретному этапу РФК сложно, данный пункт был исключен из алгоритма действий.

Следующий шаг подразумевал фиксацию по признакам наличия или отсутствия дополнительной обработки поверхности (ДОП) [Коваль, 2016. С. 19-26]. Соответственно, керамический массив делился на 2 группы: керамика без ДОП и керамика с ДОП (у 99% процентов обломков дополнительная обработка поверхности отсутствовала, их учет происходил также, как и в случае с лепной керамикой – отдельно фиксировались признаки).

Отдельным этапом производилась фиксация по признакам состава примесей формовочной массы – деление на типы в зависимости от рецептуры теста. После производилась фиксация по признакам примененного исходного глиняного сырья и обжига: режим обжига, его качество, степень ожелезненности глин [Коваль, 2016. С. 32-47, 49-49].

По результатам выявления признаков заполнены статистические таблицы, фиксирующие полученную информацию. За основу составления указанных таблиц взяты видоизмененные шаблоны, предложенные Ковалем. Их видоизменение обусловлено необходимостью соответствия задачам исследования. Таблица индивидуальна для каждого пласта, а также обнаруженных в ходе раскопок объектов.

Обработка материала показала следующее:

1. Керамика, происходящая из культурного слоя памятника (не следует забывать, что памятник – однослойный), представлена в основном фрагментами разных частей гончарных сосудов.

2. Общее число фрагментов – 1835, из них – 226 венчиков, 1308 стенок и 301 донце.

3. Для изготовления сосудов использовалось разнообразное сырье – глины с разной степенью железненности. Фиксируется большое количество керамики без примесей. Одна из наиболее часто встречающихся примесей – песок (в основном мелкий). Реже фиксируется наличие в тесте шамота, дресвы, как по-отдельности, так в сочетании в разных вариациях друг с другом или с песком (рис. 6). В процентном и численном соотношении по рецептуре формовочных масс фрагменты распределяются следующим образом:

Табл. 1.

Учет керамических фрагментов поселения Ромашки 1 по признаку рецептуры формовочных масс

Рецептура ФМ	Ромашки 1, 1 пласт	Ромашки 1, 2 пласт	Ромашки 1, бровки	Ромашки 1, объекты	Итого
Без примесей	123	126	50	168	467
ФМ: глина+песок	395	241	82	296	1014
ФМ: глина+шамот	24	13	14	64	115
ФМ: глина+дресва	3	1	–	4	8
ФМ: глина+песок +шамот	80	31	24	82	217
ФМ: глина+песок +дресва	3	4	–	7	14

Значительное превалирование одной рецептуры формовочной массы над прочими предположительно может свидетельствовать о том, что на данном поселении существовало свое гончарное производство с устоявшимися техническими традициями (например, добавление мелкого или крупного песка в сырье). Можно предполагать, что широкое развитие гончарного производства свидетельствует о развитой торговле на поселении, где одна из позиций на продажу – глиняная посуда. Напротив, редкие рецептуры (с шамотом и с дресвой) теста могут свидетельствовать о том, что данная керамика – не местного происхождения.

Отдельно статистической обработке подвергнуты венчики – анализ проводился по специально разработанной для расширенной системы классификации венчиков [Коваль, 2016. С. 100-109]. Исходя из конструкции (устье, устье +

вертикальная шейка, устье + шейка изогнутая и т.д.) и способа формовки (т.е. моделирования чернового края – срезанный, с заворотом внутрь или наружу и т.д.), венчики поделены на классы (всего в расширенной системе их выделяется 45). Далее производится разделение внутри каждого класса на типы, а затем – внутри каждого типа на варианты в случае необходимости.

Анализ показал, что найденные венчики разнообразны по технике изготовления и обработке чернового края. Однако преобладающим является заворот чернового края вовнутрь. Представлены и другие техники – формовка венчика без заворота чернового края, заворот чернового края наружу, разделение чернового края и заворот в обе стороны. Наиболее многочисленными являются венчики класса 23 – изогнутые венчики схемы V с черновым краем, завернутым внутрь. Данный класс венчиков хронологически укладывается в рамки XIII–XV вв., Коваль также утверждает, что это один из самых распространенных видов венчиков этого времени в разных районах Руси [Коваль, 2016. С. 106].

Этот вывод соответствует уже установленной по другим материалам датировке памятника. При раскопках 2020 г. найдены монеты ханов Джанибека и Бердибека, отчеканенные в 40-50-х гг. XIV в. Для определения верхней границы существования поселка важна находка данга хана Шадибека чекана 1404/1405 г. [Федоров-Давыдов, С. 48-54].

Указанная датировка памятника также полностью согласуется с данными по хронологии цилиндрических замков, входящих в состав кузнечного клада. Согласно классификации Б. А. Колчина, в составе клада содержались замки типов Б (цилиндрический замок с поперечной ключевой щелью, расположенной в нижней части цилиндра корпуса) и В (цилиндрический замок с единственной ключевой щелью на донце большого цилиндра). Время их бытования – вторая половина XII – начало XV вв. [Колчин, 1982. С. 160].

На данном этапе исследования могут быть сделаны некоторые выводы. Ромашки – в прошлом, скорее всего, являлись неким крупным поселенческим образованием с серьезно развитым ремесленным производством (это подтверждает и упоминаемый нами железный клад, и обширная керамическая коллекция). В пользу этого мнения также говорит и расположение памятника – поселение находится достаточно далеко от синхронных ему иных памятников. Поэтому, можно предположить, что жители поселения Ромашки были вынуждены сами себя обеспечивать разного рода продукцией. С другой стороны, поселение Ромашки могло быть и торговым пунктом: во-первых, поселение находится недалеко от реки, т.е. пути сообщения; во-вторых, об этом свидетельствует и достаточно большое количество монет с памятника.

Таким образом, изучение керамики с памятника Ромашки 1 дает возможность получить эталонную выборку керамической серии для второй половины XIV века. Однослойное поселение Ромашки 1 является хорошо датированным и эталонным памятником середины XIV века.

Сами исследования поселения Ромашки 1 добавляют еще один памятник к нескольким уже известным памятникам XIV века, расположенных на нижнем течении реки Воронеж, Верхнего и Среднего Дона. Необходимым является дальнейшее изучение данной местности на предмет выявления похожих памятников синхронного времени.

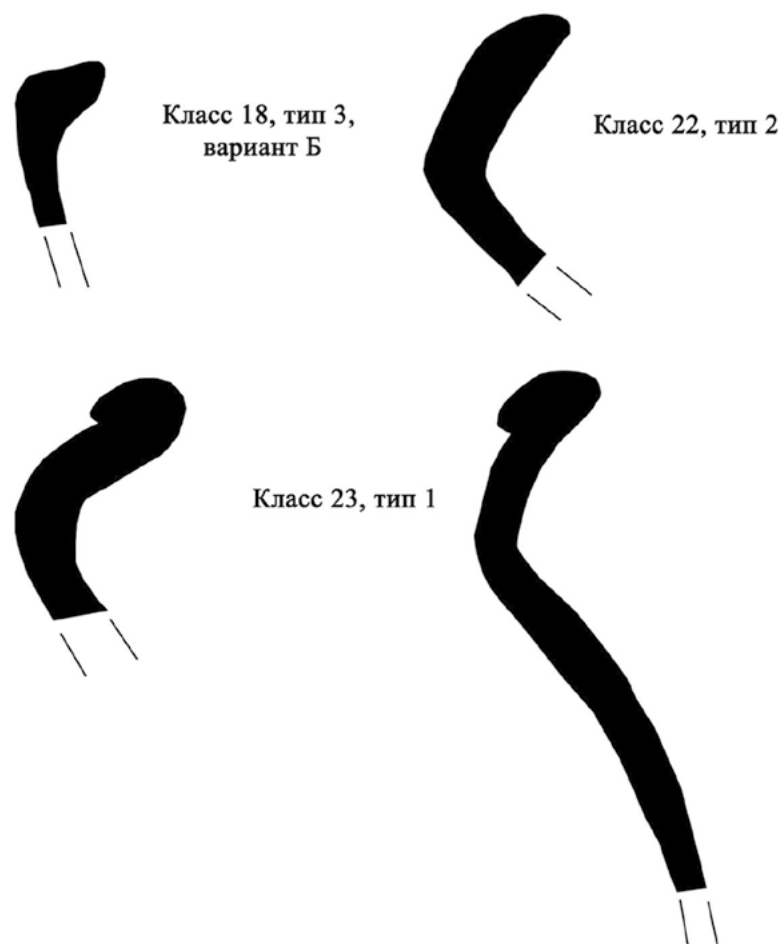

Рис. 1. Классификация венчиков для расширенной системы статистической фиксации В.Ю. Коваля (по керамическому материалу поселения Ромашки 1, 2020 г.)

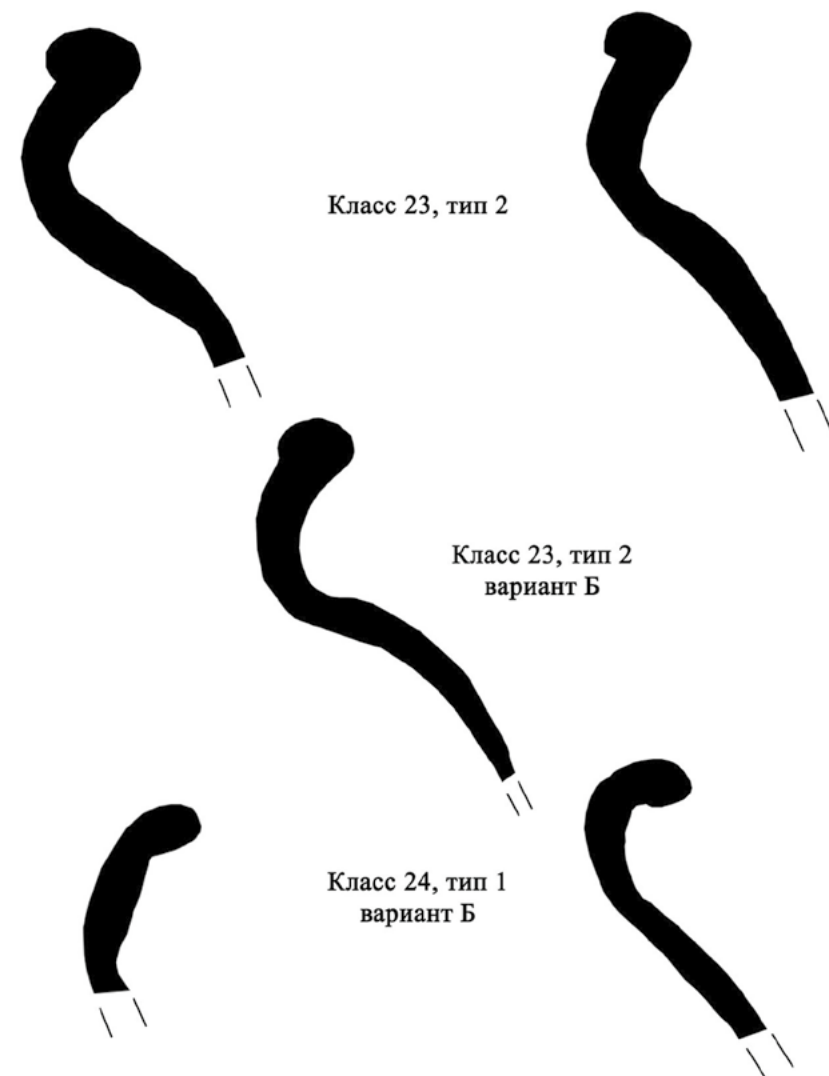

Рис. 2. Классификация венчиков для расширенной системы статистической фиксации В.Ю. Коваля (по керамическому материалу поселения Ромашки 1, 2020 г.)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы) / В. Ю. Коваль // Москва: ИА РАН, 2016
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей / Б.А. Колчин // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. – Москва: Наука, 1982. – 335 с.
- Такмаков В.И. Отчет об археологической разведке в бассейне реки Воронеж в границах Рамонского района Воронежской области в 2012 г. / НА АМВУ. – №261. – 102 с.
- Такмаков В.И. Отчет о результатах раскопок поселения «Ромашки 1» в Рамонском районе Воронежской области в 2014 г. / НА АМВУ. – №286. – 91 с.
- Такмаков В.И., Ковалевский В.Н., Яблоков А.Г. Клад кузнечных изделий со средневекового поселения Ромашки Рамонского района Воронежской области / В.И. Такмаков, В.Н. Ковалевский, А.Г. Яблоков // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6: материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20-22 декабря 2013 года. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. – С. 614-622.
- Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов // Москва: Палеограф, 2003. – 344 с.
- Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности / А.С. Хорошев // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. – Москва: Наука, 1997. – С. 13-17.
- Яблоков А.Г., Скинкайтис В.В. Средневековое поселение Ромашки I / А.Г. Яблоков, В.В. Скинкайтис // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали XIII Міжнародної студентської наукової конференції (Чернівці, 11-14 квітня 2014 р.) / Інститут археології НАН України, Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Центр археології та стародавньої історії Північного Лівобережжя імені Д.Я. Самоквасова. – Чернівці: Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, 2014. – С. 151-153.

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

Изображение Костенка на «Чертеже земель по Дону
возле устья Воронежа» (кон. XVII века)

И.А. Мишуков

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОЛЬШАНСКА, СОКОЛЬСКА, ДОБРОГО И ИХ УЕЗДОВ В КОНЦЕ 70-Х – 80-Х ГГ. XVII В. (ПО ДАННЫМ ГОДОВЫХ СМЕТ)

До наших дней сохранился весьма информативный вид источников, позволяющий реконструировать многие составляющие жизни городов-крепостей Белгородской черты в последней трети XVII в. – годовые сметные книги городов Белгородского полка. Они представляют собой «сборники» ежегодных отчетов южнорусских воевод и приказных людей о состоянии их городов и уездов, входивших в состав данного полка. Первоначально они посылались в Белгород – административный центр полка, а затем отправлялись в Москву, в Разрядный приказ. Эти отчеты назывались годовыми сметами или годовыми сметными книгами, как и сами сборники. Каждый отчет создавался к началу каждого нового календарного года (в XVII в. в России начало года отсчитывали с 1-го сентября и летоисчисление велось от сотворения мира) [Скобелкин, 2019-б. С. 129; Скобелкин, 2020. С. 136]. Таким образом, в смете, например, 7185 (1676/77) г. содержатся сведения, актуальные для весны-лета 1676 г. Каждая смета состоит из двух частей: в первой, подразделенной на разделы, содержатся данные об основных сторонах жизни городов и их уездов; вторая повторяет ту же самую информацию в виде общих числовых итогов по каждому разделу первой части [Более подробную характеристику сметных книг см.: Скобелкин, 2019-а. С. 31–32]. Один из таких разделов включает в себя достаточно подробные сведения о служилом населении того или иного южнорусского города и его уезда.

Исследование посвящено выявлению и сравнению состава и численности служилого населения трех городов Белгородской черты и их уездов – Ольшанска, Сокольска и Доброга и основывается на ольшанских, сокольских и добренских годовых сметах за 1676 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 829–864, 1201–1247, 1248–1322 об.], 1684 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 635–662 об., 1708–1743, 1744–1802 об.] и 1689 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 155. Л. 32–64, 703–778 об., 779–841 об., 842 об.–942 об.] гг. Выбор смет именно этих лет обусловлен тем, что они входят в состав тех сметных книг, которые содержат информацию о большинстве городов Белгородского полка, в отличие от некоторых других

книг [Скобелкин, 2019-а. С. 31; Скобелкин, 2019-б. С. 129]. Следовательно, именно данные сметные книги позволят наметить широкие перспективы исследований в дальнейшем.

Прежде чем перейти к характеристике состава и численности служилого населения Ольшанска, Сокольска, Доброга и их уездов, необходимо отметить ряд особенностей источников. Во-первых, только в сметах 1689 г. содержатся данные по обеим категориям служилых людей, т. е., по служилым людям городской службы и полковой службы. В сметах же 1676 и 1684 гг. зафиксирована информация только о служилых людях городской службы. Поэтому проследить динамику изменений возможно только для этой категории служилых людей.

Во-вторых, в сокольской и добренской сметах 1676 г., а также в ольшанских сметах всех рассматриваемых лет зафиксированы отставные служилые люди полковой службы. Они отмечены не отдельно, а в подразделе, посвященном служилым людям городской службы, перед детьми боярскими. Отсюда можно предположить, что, скорее всего, служилые люди, отставленные от полковой службы, верстались в детей боярских городской службы. Поэтому в настоящей статье отставные служилые люди полковой службы рассматриваются как часть детей боярских.

В-третьих, в сокольской смете 1689 г. оборотная сторона 732-го листа дефектна, а в добренской смете этого же года отсутствует 842-й лист, в силу чего невозможно в полной мере достоверно восстановить численность сокольских и добренских служилых людей полковой службы.

Информация о составе и численности ольшанского служилого населения городской службы в 1676–1689 гг. представлена в Таблице 1.

Табл. 1.

Состав и численность служилых людей городской службы
Ольшанска и Ольшанского уезда в 1676–1689 гг.*

Чин / Год	Дети боярские	Стрельцы	Казачи	Станичники	Черкасы	Пушкарри	Казенный(е) кузнец(ы)	Итого
1676	244+12** (51,3%)	94 (18,8%)	75 (15%)	32 (6,4%)	30 (6%)	11 (2,2%)	1 (0,2%)	499
1684	238+5 (50,6%)	95 (19,8%)	91 (19%)	39 (8,1%)	–***	11 (2,3%)	1 (0,2%)	480
1689	218+2 (49,9%)	91 (20,6%)	77 (17,5%)	40 (9%)	–	11 (2,5%)	2 (0,45%)	441

* РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 861–861 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 659–659 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 155. Л. 61–62.

** Во всех таблицах второе число в графе «дети боярские» – численность отставных от полковой службы служилых людей.

*** Во всех таблицах – чин в городе и уезде отсутствовал.

В 1676 г. состав служилых людей городской службы Ольшанска и его уезда включал 7 чинов: дети боярские, стрельцы, казаки, станичники, черкасы, пушкари и казенный кузнец. В последующие рассматриваемые годы он претерпел только одно изменение – к 1684 г. «выбыли» черкасы.

Общая численность служилого населения городской службы Ольшанска и его уезда постепенно уменьшалась и в 1689 г. составила 88% от таковой в 1676 г. Несмотря на изменение с течением времени численности чинов ольшанских служилых людей городской службы (за исключением пушкарей), соотношение между ними оставалось одним и тем же. Наибольшая численность всегда была у детей боярских: они составляли половину всех ольшанских служилых людей городской службы. Другую половину составляли остальные 6 или 5 чинов. В порядке убывания численности они выстраиваются в следующую последовательность: стрельцы, казаки, станичники, черкасы (только в 1676 г.), пушкари и казенный(е) кузнец(ы).

Информация о составе и численности сокольского служилого населения городской службы в 1676–1689 гг. представлена в Таблице 2.

Табл. 2.

Состав и численность служилых людей городской службы Сокольска и Сокольского уезда в 1676–1689 гг.*

Чин / Год	Дети боярские	Драгуны	Пушкари	Воротник	Дворовый	Итого
1676	705+43 (89,3%)	68 (8,1%)	21 (2,5%)	1 (0,1%)	–	838
1684	447 (75,8%)	123 (20,8%)	20 (3,4%)	–	–	590
1689	457 (85,9%)	60 (11,3%)	14 (2,6%)	–	1 (0,2%)	532

* РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1245 об.–1246; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1440–1440 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 155. Л. 765–770, 772.

В 1676 г. состав служилых людей городской службы Сокольска и его уезда включал 4 чина: дети боярские, драгуны, пушкари и воротник. К 1684 г. из него «выбыл» воротник, а к 1689 г. добавился дворовый.

Общая численность служилого населения городской службы Сокольска и его уезда также, как и в Ольшанске и Ольшанском уезде, постепенно уменьшалась и в 1689 г. составила 63,5% от таковой в 1676 г. Несмотря на постоянное изменение численности чинов сокольских служилых людей городской службы, соотношение между ними, как и у ольшанцев, оставалось прежним. Наибольшая численность всегда была у детей боярских: они составляли более 3/4 от всех сокольских служилых людей городской службы. Затем в порядке

убывания шли драгуны, после – пушкари, а в 1676 и 1689 гг. ряд еще замыкали воротник и дворовый соответственно.

Информация о составе и численности добренского служилого населения городской службы в 1676–1689 гг. представлена в Таблице 3.

Табл. 3.

Состав и численность служилых людей городской службы Доброго и Добренского уезда в 1676–1689 гг.*

Чин / Год	Драгуны	Дети боярские	Пушкари	Итого
1676	747 (73,4%)	211+33 (24%)	26 (2,6%)	1017
1684	796 (63,8%)	430 (34,5%)	21 (1,7%)	1247
1689	59 (6,6%)	806 (90,8%)	23 (2,6%)	888

* РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1319 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1800 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 155. Л. 793–942 об.

Состав служилых людей городской службы Доброго и его уезда единственный среди всех изучаемых не изменялся. Он включал 3 чина: драгуны, дети боярские и пушкари.

Общая численность служилого населения городской службы Доброго и его уезда к 1684 г. увеличилась на 18%, но к 1689 г. уменьшилась на 29% и в итоге составила 87% от таковой в 1676 г. Постоянное изменение численности чинов добренских служилых людей городской службы привело к одному изменению в соотношении между ними. Если в 1676 и 1684 гг. наибольшая численность была у драгун (в эти годы они составляли около 2/3 от всех добренских служилых людей городской службы), то в 1689 г. их место заняли дети боярские (в этот год они составляли более 4/5 от всех добренских служилых людей городской службы). При этом наименьшая численность всегда была у пушкарей.

Сравнив состав и численность служилого населения городской службы Ольшанска, Сокольска, Доброго и их уездов в 1676–1689 гг., можно сделать следующие выводы.

1. Самыми распространенными чинами были дети боярские и пушкари (встречались во всех 3-х городах и уездах), на втором месте – драгуны (встречались в 2-х городах и уездах), на третьем – все остальные чины (встречались в 1-м городе и уезде). При этом состав сокольников и добренцев был, в целом, одинаков; в то же время состав ольшанцев отличался и был более разнообразным.

2. Отмечается уменьшение общей численности служилых людей городской службы во всех изучаемых городах и уездах к началу 90-х гг. XVII в. по сравнению с концом 70-х гг. В Ольшанске, Добром и их уездах уменьшение было

незначительным (всего на 12-13%), а в Сокольске и его уезде – «ощутимым» (на 36,5%). При этом во все рассматриваемые годы наибольшая численность служилого населения городской службы была в Добром и Добренском уезде, а наименьшая – в Ольшанске и Ольшанском уезде.

Такова была ситуация со служилыми людьми городской службы в Ольшанске, Сокольске, Добром и их уездах в конце 70-х – 80-х гг. XVII в. В завершение статьи приведем данные о служилых людях полковой службы, которые отмечены во всех рассматриваемых городах и уездах в 1689 г. Картина выглядела следующим образом: в Ольшанске, Сокольске, Добром и их уездах зафиксирован только один чин служилых людей полковой службы – солдаты. Численность ольшанских солдат составляла 290 человек, сокольских – более 433 человек, добренских – более 1072 человек [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 155. Л. 61, 704 об.–732, 793–879 об.]. Таким образом, с учетом численности ольшанских, сокольских и добренских служилых людей городской службы в этот год (табл. 1–3), можно точно для Ольшанска и его уезда и приблизительно для Сокольска, Доброго и их уездов установить численность всего служилого населения в 1689 г.: 731 человек, более 965 человек и более 1960 человек соответственно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 155.
- Скобелкин О.В. Годовые сметные книги 2-й половины XVII в. как источник для изучения южного фронта России // Общество и власть: история и современность: мат. Тринадцатой региональной научной конференции. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019. – С. 30–32 (в сносках – Скобелкин, 2019-а).
- Скобелкин О.В. Учет артиллерии и боеприпасов в городах Белгородской черты в 1676 г. // Тульский кремль и южные рубежи России (Материалы Всероссийской научной конференции) / [отв. ред. В. Н. Захаров]. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2020. – С. 136–148.
- Скобелкин О.В. Что хранилось на государственных складах в городах Воронежского края в 17185-м году // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3.: Материалы междунар. конф. «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» / под. общ. ред. Р. С. Берестнева. – Воронеж, 2019. – С. 128–131 (в сносках – Скобелкин, 2019-б).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИГИ	– Абхазский институт гуманитарных исследований
АИЧПЕ	– Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АН БССР	– Академия наук Белорусской Советской Социалистической Республики
АН СССР	– Академия наук СССР
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВДЭ	– Верхнедеснинская экспедиция
ВОХМ	– Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирский отдел Императорского Российского географического общества
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГБПОУ	– Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
ГБУК БГКМ	– Государственное бюджетное учреждение культуры Брянский государственный краеведческий музей
ГБУК РМЭ	– Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМИИ им. А.С. Пушкина	– Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
ЗабГГПУ	– Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГАН СССР	– Институт географии Академии наук СССР
ИИДО	– Института истории доклассового общества

ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КБАЭ	– Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция
КБР	– Костенковско-Борщевский район
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГПУ	– Липецкий государственный педагогический университет
ЛИЛИ	– Ленинградский институт литературы и истории
ЛИФЛИ	– Ленинградский историко-филолософско-лингвистический институт
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИМК	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МБОУ	– Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
МГУ	– Московский государственный университет университет им. М.В. Ломоносова
НАН РБ	– Национальная академия наук Республики Беларусь
ОБУК	– Областное бюджетное учреждение культуры
МЦАИ	– Межрегиональный центр археологических исследований
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГО	– Русское географическое общество
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
ФГБУК	– Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
ЦАМО	– Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсенова Наталья Евгеньевна, главный хранитель, Археологический музей Воронежского университета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: arsyu1@yandex.ru

Ахметгалеева Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Курчатовский краеведческий музей – филиал ОБУК «Курчатовский областной краеведческий музей», г. Курчатов; e-mail: achmetga@mail.ru

Байбородина Мария Анатольевна, научный сотрудник, Иркутский областной краеведческий музей, г. Иркутск; e-mail: korxa@inbox.ru

Бакина Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, искусствовед, ученый секретарь, Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского, г. Воронеж; e-mail: N5845057@yandex.ru

Белоусова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; e-mail: consacrer@yandex.ru

Бессуднов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: bessudnov_a22@mail.ru

Гурьянов Валерий Николаевич, начальник отдела организации научных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск; e-mail: gurian032@yandex.ru

Данильченко Алексей Юрьевич, генеральный директор, археолог, ООО «Ростовское Археологическое Научно-Исследовательское Общество», г. Ростов-на-Дону; e-mail: adanil4enko@yandex.ru

Диннис Роберт, Ph. D., преподаватель, Университет Абердина, King's College, Aberdeen; e-mail: rdinnis@yahoo.co.uk

Ермаков Артем Валерьевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Иркутский областной краеведческий музей, г. Иркутск; e-mail: iokm-nauka@yandex.ru

Жданова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, учитель, МБОУ гимназия № 7 им. Воронцова В.М., г. Воронеж; e-mail: jdanova.nikolskoe@rambler.ru

Желтова Мария Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: mpraslova@mail.ru

Захарова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: ez@hist.vsu.ru

Иванов Ярослав Дмитриевич, студент 3 курса бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург; e-mail: yadivanov66@gmail.com

Котлярова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник отдела экскурсионной, выставочной и научно-просветительской деятельности, ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», г. Воронеж; e-mail: ivk20000@mail.ru

Кузьминова Юлия Владимировна, бакалавр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва; e-mail: juliakuzminovamos@gmail.com

Курпяинова Мария Дмитриевна, студент 3 курса бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург; e-mail: st072078@studet.spbu.ru

Курлович Полина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: nominusster@gmail.com

Ле Вьет Ха, преподаватель Туристического факультета, Ханойский культурный университет, Ханой, Вьетнам; e-mail: vietha1979dulich@gmail.com

Лада Антон Русланович, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: an7onlada@gmail.com

Лисицын Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: serglis@rambler.ru

Мамац-ипа Рамзет Урусканович, аспирант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: enatix@gmail.com

Михиенко Валерия Алексеевна, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; e-mail: volnavvv@mail.ru

Мишуков Иван Александрович, магистрант 1 курса, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: ivan.mishukov.99@mail.ru

Моисеев Николай Борисович, ведущий научный сотрудник, ООО «Межрегиональный центр археологических исследований», г. Тамбов; e-mail: 564705nikolai@mail.ru

Мокшин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: mok410@mail.ru

Палий Анна Александровна, магистрант филологии, Воронежский государственный университет, специалист по связям с общественностью, Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского; г. Воронеж; e-mail: annapalii17@mail.ru

Пахомов Роман Викторович, магистр, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: RomanPachomov77@yandex.ru

Платонова Надежда Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: niplaton@gmail.com

Ревина Елена Игоревна, научный сотрудник, археолог, ООО «Ростовское Археологическое Научно-Исследовательское Общество», г. Ростов-на-Дону; e-mail: elena.revina@bk.ru

Родионов Антон Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий отделом обеспечения сохранности ОКН, Музей-заповедник «Дивногорье», г. Воронеж; e-mail: rodionanton@yandex.ru

Сарапулкина Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, заместитель директора по полевым исследованиям, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», доцент, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь; e-mail: sarapulkina@mail.ru

Синицын Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: andrei.sinitsyn@gmail.com

Смородинов Никита Викторович, член ВТО «Творческий Союз художников России», лаборант ГБПОУ «Воронежское художественное училище (техникум)», г. Воронеж; e-mail: smorodinov1992@yandex.ru

Стародубцев Геннадий Юрьевич, кандидат исторических наук, директор, Курский государственный областной музей археологии, г. Курск; e-mail: arch1962@mail.ru

Степанова Ксения Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, доцент кафедры археологии Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург; e-mail: ksstepan@gmail.com, k.n.stepanova@spbu.ru

Сухопарова Елена Николаевна, научный сотрудник, Историко-археологический музей в с. Юдиново – филиал ГБУК «Брянский государственный краеведческий музей», Брянская область, Погарский район, с. Юдиново; e-mail: esuhoparova@mail.ru.

Такмаков Виктор Иванович, заведующий Археологическим музеем Воронежского университета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж;

Тимошинова Елизавета Олеговна, научный сотрудник, ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», г. Воронеж; e-mail: tiimosha@gmail.com

Федорченко Александр Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; e-mail: winteralex2008@gmail.com

Цыбин Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: mvcibin@yandex.ru

Чан Нгуен Вьет Ань, преподаватель Туристического факультета, Ханойский культурный университет, Ханой, Вьетнам; vietanhvhd1@gmail.com

Чекменев Юрий Александрович, заместитель директора ГБПОУ «Воронежское художественное училище (техникум)», г. Воронеж; e-mail: vhu-chekmenev@yandex.ru

Чубур Артур Артурович, кандидат исторических наук, профессор Российской академии естественных наук, ведущий сотрудник отдела организации научных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск; e-mail: fennecfox66@gmail.com

Шалахов Евгений Геннадьевич, экскурсовод, ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Республика Марий Эл, пгт. Юрино; e-mail: shalahof@yandex.ru

Шершень Инга Владимировна, кандидат экономических наук, директор, ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», г. Воронеж; e-mail: inga_shershen@mail.ru

Шинаков Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск; e-mail: shinakov@mail.ru

Щавелев Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук; профессор, заведующий кафедрой философии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск; e-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru

Яблоков Антон Глебович, преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж; e-mail: yablokov6606@yandex.ru

Научное издание

РОГАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
музей, археология, история

Выпуск 1

Материалы международной
научно-практической конференции,
приуроченной к 30-летию музея-заповедника «Костенки»

Издано в авторской редакции

Дизайн и верстка – А.В. Горбань

Подписано в печать 16.08.2021. Формат 70х100/16.

Усл. печ. л. 24,05. Тираж 150 экз. Заказ 194.

Отпечатано в Полиграфическом центре «Пресс-Бургер»
394053, г. Воронеж, ул. Генерала Лизюкова, 17а, оф. 2/5/2

Тел.: +7 (473) 300-30-10

<https://pechat.pressburger.ru>; e-mail: mail@press-burger.ru